

Организация Объединенных Наций

**Доклад
Комитета по правам человека**

Том II

**Генеральная Ассамблея
Официальные отчеты • Пятьдесят пятая сессия
Дополнение № 40 (A/55/40)**

Организация Объединенных Наций

Доклад
Комитета по правам человека

Том II

Генеральная Ассамблея
Официальные отчеты • Пятьдесят пятая сессия
Дополнение № 40 (A/55/40)

Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2000 год

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

В настоящем документе содержатся приложения IX, X и XI к докладу Комитета по правам человека. Главы I-VI и приложения I-VIII и XII содержатся в томе I.

СОДЕРЖАНИЕ

Том I

Глава

I. ЮРИСДИКЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- A. Государства — участники Международного пакта о гражданских и политических правах
- B. Сессии Комитета
- C. Выборы, членский состав и участие
- D. Торжественное заявление
- E. Выборы должностных лиц
- F. Специальные докладчики
- G. Пересмотренные руководящие принципы, касающиеся докладов государств-участников
- H. Рабочие группы
- I. Прочие виды деятельности Организации Объединенных Наций в области прав человека
- J. Отступления в соответствии со статьей 4 Пакта
- K. Замечания общего порядка в соответствии с пунктом 4 статьи 40 Пакта
- L. Кадровые ресурсы
- M. Освещение работы Комитета
- N. Документы и публикации, касающиеся работы Комитета
- O. Последующие заседания Комитета
- P. Утверждение доклада

II. МЕТОДЫ РАБОТЫ КОМИТЕТА В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 40 ПАКТА:

НОВЫЕ СОБЫТИЯ

- A. Последние решения по процедурам
- B. Заключительные замечания
- C. Связи с другими договорами и договорными органами по правам человека
- D. Сотрудничество с другими органами Организации Объединенных Наций

III. ДОКЛАДЫ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЕ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ
В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 40 ПАКТА

- A. Доклады, представленные Генеральному секретарю за период с августа 1999 года по июль 2000 года
- B. Просроченные доклады и невыполнение государствами-участниками своих обязательств по статье 40

IV. РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В
СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 40 ПАКТА

- A. Норвегия
- B. Марокко
- C. Республика Корея
- D. Португалия (Макао)
- E. Камерун
- F. Особый административный район Гонконг
- G. Конго
- H. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии — владения Короны (Джерси, Гернси и остров Мэн)
- I. Монголия
- J. Гайана

- K. Кыргызстан
- L. Ирландия
- M. Кувейт
- N. Австралия

V. РАССМОТРЕНИЕ СООБЩЕНИЙ В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ

- A. Ход работы
- B. Увеличение объема работы Комитета в связи с Факультативным протоколом
- C. Подходы к рассмотрению сообщений в соответствии с Факультативным протоколом
- D. Индивидуальные мнения
- E. Вопросы, рассмотренные Комитетом
- F. Средства правовой защиты, о которых говорится в соображениях Комитета

VI. ПОСЛЕДУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ

Приложения

I. ГОСУДАРСТВА - УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ И ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ПРОТОКОЛОВ И ГОСУДАРСТВА, СДЕЛАВШИЕ ЗАЯВЛЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 41 ПАКТА, ПО СОСТОЯНИЮ НА 28 ИЮЛЯ 2000 ГОДА

- A. Государства – участники Международного пакта о гражданских и политических правах
- B. Государства - участники Факультативного протокола
- C. Государства - участники второго Факультативного протокола, направленного на отмену смертной казни
- D. Государства, сделавшие заявление в соответствии со статьей 41 Пакта

II. ЧЛЕНСКИЙ СОСТАВ И ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, 1999-2000 ГОДЫ

- A. Членский состав Комитета по правам человека
- B. Должностные лица

III. СВОДНЫЕ РУКОВОДЯЩИЕ ПРИНЦИПЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ДОКЛАДОВ ГОСУДАРСТВ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПАКТОМ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

IV. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКЛАДОВ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 40 ПАКТА

V. О СОСТОЯНИИ ДОКЛАДОВ, РАССМОТРЕННЫХ ЗА ОТЧЕТНЫЙ ПЕРИОД, И ДОКЛАДОВ, КОТОРЫЕ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ РАССМОТРЕТЬ КОМИТЕТУ

VI. ЗАМЕЧАНИЯ ОБЩЕГО ПОРЯДКА В СООТВЕТСТВИИ С ПУНКТОМ 4 СТАТЬИ 40 МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

- A. Замечание общего порядка № 27, касающееся статьи 12 (свобода передвижения)
- B. Замечание общего порядка № 28, касающееся статьи 3 (равенство прав мужчин и женщин)

VII. СПИСОК ДЕЛЕГАЦИЙ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В РАССМОТРЕНИИ ИХ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ДОКЛАДОВ КОМИТЕТОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ЕГО ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ, ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ И ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЙ СЕССИЯХ

VIII. ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ВЫПУЩЕННЫХ ЗА ОТЧЕТНЫЙ ПЕРИОД

СОДЕРЖАНИЕ

Том II

Приложение IX

	<u>Стр.</u>
СООБРАЖЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА СОГЛАСНО ПУНКТУ 4 СТАТЬИ 5 ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ	
A. Сообщение № 625/1995, <u>Фримэнтл против Ямайки</u> (соображения приняты 24 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	7
Добавление	21
B. Сообщение № 631/1996, <u>Спакмо против Норвегии</u> (соображения приняты 5 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	22
Добавление	30
C. Сообщение № 666/1995, <u>Фуэн против Франции</u> (соображения приняты 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	32
Добавление	45
D. Сообщение № 682/1996, <u>Уэстерман против Нидерландов</u> (соображения приняты 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	48
Добавление	58
E. Сообщение № 688/1996, <u>Арредондо против Перу</u> (соображения приняты 27 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	61
F. Сообщение № 689/1996, <u>Май против Франции</u> (соображения приняты 10 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	77
Добавление	94
G. Сообщение № 690/691/1996, <u>Венье и Николя против Франции</u> (соображения приняты 10 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	95
Добавление	109

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Стр.</u>
Н. Сообщение № 694/1996, <u>Вальдман против Канады</u> (соображения приняты 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	110
Добавление	129
I. Сообщение № 701/1996, <u>Гомес против Испании</u> (соображения приняты 20 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	132
J. Сообщение № 711/1996, <u>Диаш против Анголы</u> (соображения приняты 20 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	144
K. Сообщение № 731/1996, <u>Робинсон против Ямайки</u> (соображения приняты 29 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	150
Добавление	173
L. Сообщение № 759/1997, <u>Осбурн против Ямайки</u> (соображения приняты 15 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	174
M. Сообщение № 760/1997, <u>Я. Г.А. Дирхардт и другие против Намибии</u> (соображения приняты 25 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	183
Добавление	195
N. Сообщение № 767/1997, <u>Бен Саид против Норвегии</u> (соображения приняты 29 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	211
Добавление	
O. Сообщение № 770/1997, <u>Гридин против России</u> (соображения приняты 20 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	227
P. Сообщение № 780/1997, <u>Лапцевич против Белоруссии</u> (соображения приняты 20 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	235
Q. Сообщение № 789/1997, <u>Брюн против Норвегии</u> (соображения приняты 29 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	242

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

Приложение X

Стр.

РЕШЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, ОБЪЯВЛЯЮЩИЕ
СООБЩЕНИЯ НЕПРИЕМЛЕМЫМИ В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ
ПРОТОКОЛОМ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ И
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

A.	Сообщение № 748/1997, <u>Гомес Силва против Швеции</u> (решение принято 18 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	249
B.	Сообщение № 756/1997, <u>Дукуре против Франции</u> (решение принято 29 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	257
C.	Сообщение № 772/1997, <u>И. против Австралии</u> (решение принято 17 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	264
D.	Сообщение № 777/1997, <u>Санчес Лопес против Испании</u> (решение принято 18 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	271
E.	Сообщение № 785/1997, <u>Вюйтс против Нидерландов</u> (решение принято 17 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	279
F.	Сообщение № 807/1998, <u>Кутни против Чешской Республики</u> (решение принято 20 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	287
G.	Сообщение № 816/1998, <u>Тэдман и др. против Канады</u> (решение принято 29 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	291
	Добавление	301
H.	Сообщение № 824/1998, <u>Николов против Болгарии</u> (решение принято 24 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	302
I.	Сообщение № 861/1999, <u>Летурно против Франции</u> (решение принято 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	311
J.	Сообщение № 871/1999, <u>Тиммерман против Нидерландов</u> (решение принято 29 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	314
K.	Сообщение № 873/1999, <u>Хюлен против Нидерландов</u> (решение принято 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	318
L.	Сообщение № 882/1999, <u>Бек против Норвегии</u> (решение принято 15 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	321

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Стр.</u>
М. Сообщение № 883/1999, <u>Мансур против Нидерландов</u> (решение принято 5 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	325
Н. Сообщение № 891/1999, <u>Тэмхир против Новой Зеландии</u> (решение принято 15 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)	329
О. Сообщение № 934/2000, <u>Г. против Канады</u> (решение принято 17 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия).....	333
Р. Сообщение № 936/2000, <u>Джиллан против Канады</u> (решение принято 17 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)	338

Приложение XI

РЕШЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, ОБЪЯВЛЯЮЩИЕ
СООБЩЕНИЯ ПРИЕМЛЕМЫМИ В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ
ПРОТОКОЛОМ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ И
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

А. Сообщение № 845/1999, <u>Роле Кеннеди против Тринидада и Тобаго</u> (решение принято 2 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)	341
Добавление	355

Приложение XII

Резюме заявления Верховного комиссара	361
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

СООБРАЖЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА СОГЛАСНО
ПУНКТУ 4 СТАТЬИ 5 ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА
К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ И
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

- A. Сообщение № 625/1995, Майкл Фримэнтл против Ямайки*
(сообщения приняты 24 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)

Представлено: Майклом Фримэнтлом (представлен г-ном Саулом Лерфрендом из Лондонской юридической фирмы "Саймонз, Мьюирхэд и Бертон")

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Ямайка

Дата сообщения: 16 февраля 1995 года (первоначальное сообщение)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 24 марта 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 625/1995, представленного Комитету по правам человека г-ном Майклом Фримэнтлом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдаллах Захия. К настоящему документу прилагается текст особого мнения члена Комитета г-на Экарта Кляйна.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения является Майкл Фримэнтл, который на момент представления своего сообщения ожидал исполнения смертного приговора в окружной тюрьме Св. Екатерины на Ямайке. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой статей 7, 9 (пункты 2-4), 10 (пункт 1) и 14 (пункты 1 и 2) Международного пакта о гражданских и политических правах. Автора представляет г-н Саул Лерфренд из лондонской юридической фирмы "Саймонз, Мьюирхэд и Бертон". В 1995 году (конкретная дата не указывается) вынесенный автору смертный приговор был заменен на пожизненное заключение. Предыдущее сообщение, представленное г-ном Фримэнтлом в Комитет по правам человека, было объявлено неприемлемым 17 июля 1992 года по той причине, что автор не исчерпал доступные ему внутренние средства правовой защиты, поскольку он не обращался с ходатайством в Судебный комитет Тайного совета о предоставлении ему специального разрешения на подачу апелляции.

Факты в изложении автора

2.1 1 сентября 1985 года автор был арестован и заключен под стражу; через четыре дня после этого ему было предъявлено обвинение в убийстве некоей Виржинии Рамдас. В первый раз автор был осужден в 1986 году вместе с соответчиком Э.М.; жюри присяжных не сумело вынести единогласный вердикт, вследствие чего было принято решение о проведении повторного судебного разбирательства. 19 января 1987 года кларендонский окружной суд признал автора виновным во вменяемом ему преступлении и приговорил его к смертной казни; 21 января 1987 года он направил апелляцию в апелляционный суд, который отклонил эту апелляцию 4 декабря 1987 года. 27 июня 1994 года Судебный комитет Тайного совета отклонил ходатайство автора о предоставлении ему специального разрешения на подачу апелляции. Согласно Закону 1992 года о преступлениях против личности (с внесенными в него поправками), преступление, за которое был осужден автор, квалифицируется как преступление, влекущее за собой смертную казнь.

2.2 Сторона обвинения утверждала, что 29 августа 1985 года примерно в 11 часов вечера автор произвел несколько выстрелов по толпе людей, собравшейся для просмотра кинофильма, в Реймондсе, округ Кларендон, в результате чего несколько человек получили ранения, в том числе В. Рамдас, которая скончалась на следующий день от огнестрельных ран. Обвинение полагалось в основном на показания двух свидетелей, А.К. и У.К., которые находились в кинотеатре во время этого инцидента, а также на показания К.К., по дому которого были произведены выстрелы примерно через 15 минут после произошедшего в кинотеатре инцидента.

2.3 Во время первоначального судебного разбирательства А.К. опознал автора в качестве стрелявшего лица; кроме того, он опознал Э.М. и некоего К.Ф. в качестве соучастников. Вместе с тем в ходе повторного судебного разбирательства он заявил, что опознал г-на Фримэнтла как вооруженного преступника вследствие оказанного на него давления со стороны общины Реймондса (большинство жителей которой являются сторонниками ННП), поскольку было известно, что автор выступает за ЛПЯ. Суть его показаний в ходе повторного судебного разбирательства заключалась в том, что в тот вечер он видел, что несколько человек, включая "человека, похожего на Фримэнтла", Э.М. и К.Ф. направлялись в сторону кинотеатра; человек, похожий "на Фримэнтла", держал в руке нечто похожее на большой пистолет; этот человек приблизился к пролому в стене; раздался похожий на взрыв звук; человек забрался на дерево и перепрыгнул через стену на газон. Следует отметить, что А.К. предположительно знал автора в течение 18 лет. В протоколах судебных заседаний отмечается, что при даче показаний в ходе повторного судебного разбирательства А.К. сам находился под стражей по обвинению в незаконном хранении огнестрельного оружия и преднамеренной стрельбе. Он признался, что в ходе содержания под стражей виделся с автором и обсуждал с ним его дело; он признал также тот факт, что его политические взгляды не совпадают с политическими взглядами автора.

2.4 У.К. показал, что знал автора в течение 15 лет и что он видел, как автор перепрыгнул через стену после взрыва, произвел два выстрела и затем вновь перелез через стену. Он наблюдал за автором примерно одну минуту и сумел опознать его при ярком лунном свете. К.К. показал, что в тот вечер в 23 час. 50 мин. он находился у себя дома, расположенного в полумиле от кинотеатра, когда услышал, что в его дом бросают камни. Выглянув в окно, он увидел Э.М., с которым он был знаком. Затем он увидел, что автор, которого он знал в течение 8-10 лет, направил пистолет на одно из окон и выстрелил. По словам К.К., он наблюдал за автором около двух минут. У.К. и К.К. отмечали в свидетельских показаниях, что политика их не интересует.

2.5 Производивший арест сотрудник полиции детектив-капрал Дэвис показал, что 30 августа 1985 года ему было поручено доставить в полицию автора и Э.М. Поскольку ему не удалось разыскать вышеозначенных лиц, был выдан ордер на их арест. 2 сентября 1985 года он встретил автора в полицейском участке Мей-Пена и задержал его. После того, как автору было сделано обязательное при аресте предупреждение, он сообщил, что собирался встретиться со своим адвокатом. Другой полицейский показал, что заключил автора под стражу 1 сентября 1985 года.

2.6 В своем не подкрепленном клятвой заявлении со скамьи подсудимых автор отмечал, что в тот момент, когда произошел инцидент, он находился в Минерал-Хайтс, где смотрел телевизор вместе с Э.М. и рядом других лиц. Он находился там безотлучно, пока не пошел спать в 0 час. 30 мин. - 1 час. 00 мин. утра. 1 сентября 1985 года он был уведомлен

сотрудником полиции о том, что подозревается в совершении убийства, после чего его доставили в полицейский участок Мей-Пена. На следующий день он увидел там детектива-капрала Дэвиса и спросил его, почему его держат под стражей.

Проигнорировав его вопрос, г-н Дэвис предъявил Э.М. обвинение в уничтожении имущества. По словам автора, он был официально арестован и обвинен в убийстве лишь к вечеру 4 сентября 1985 года; он утверждает, что был доставлен к следственному судье 6 сентября 1985 года. Э.М., также находившийся под стражей во время проведения повторного судебного разбирательства, дал в качестве свидетеля защиты показания под присягой, в которых он подтверждал алиби автора. В ходе перекрестного допроса он признал, что разговаривал с автором во время содержания под стражей, однако отрицал, что обсуждал с ним судебное дело, хотя оба они были арестованы и обвинены в связи с применением огнестрельного оружия в Реймондсе. Он подтвердил, что в ходе содержания под стражей он встречался со свидетелем обвинения А.К. и добавил, что перед инцидентом жители Реймондса избили двоюродного брата некоего Лауреля Мюррея.

2.7 В своем напутственном слове председательствующий судья предупредил жюри присяжных, чтобы они оставили в стороне свои политические пристрастия и призвал их не полагаться на А.К. в части опознания автора. Кроме того, он указал на то, что остальные свидетели обвинения заявили, что они не участвуют в политической деятельности или не интересуются политикой, что косвенным образом существенно повышает достоверность их свидетельских показаний по делу.

2.8 При подаче апелляции адвокат автора утверждал, что: а) вердикт был необоснованным и не подкреплялся соответствующими доказательствами и б) что напутствие по вопросу об опознании было неадекватным и не предполагало уделения надлежащего внимания сопряженным с этим опасностям и возможностям ошибок. В связи с основанием б) апелляционный суд заключил, что, "невзирая на отсутствие формального предостережения, нормы правосудия нарушены не были". Даже если бы присяжные получили надлежащее наставление в форме надлежащего предостережения, они все равно пришли бы к тому же самому выводу. Что касается Судебного комитета, то в качестве основного вопроса там рассматривался вопрос об опознании.

2.9 В контексте претензий по статье 14 адвокат ссылается на письменное заявление А.К., которое тот передал сотруднику отдела уголовных расследований, посетившему автора в тюрьме 25 апреля 1988 года. В своих письменных показаниях А.К. отмечает, что он и автор были друзьями, однако придерживались разных политических взглядов. Кроме того он сообщает следующее: "Я не видел, кто произвел выстрелы. Ранее в тот же день местные жители избили Лауреля Мюррея [...]. Этот человек является двоюродным братом Майкла Фримэнтла. Он сказал им, что это я избил его. Полиция знала, что я здесь

ни при чем [...]. 1 сентября 1985 года меня [...] доставили к детективу-капралу Дэвису [...]. [Он] сказал мне, что знает о том, что я не избивал Лауреля Мюррея [...]. Он сказал, что, поскольку меня оговаривают, я должен дать показания, обличающие Фримэнтла в качестве человека, который произвел выстрелы... Он сказал, что У.К. также даст показания, подтверждающие мои слова. Я был арестован... за нанесение телесных повреждений Лаурелю Мюррею. Когда меня доставили в суд, я увидел там Фримэнтла. Он сказал мне, что посоветует Лаурелю Мюррею упечь меня в тюрьму. После проведения судебного разбирательства дело в отношении меня было закрыто [...]. Затем я зашел в кабинет Дэвиса, где он составил заявление [...]. Я прочитал это заявление и подписал его, удостоверив его подлинность и правильность [...]. В этом заявлении я подтверждал, что видел, как Фримэнтл производил выстрелы. Я дал эти свидетельские показания на первом судебном разбирательстве по делу Фримэнтла [...]. В 1986 году я был арестован и обвинен детективом-капралом Дэвисом в преднамеренном применении огнестрельного оружия. В январе 1987 года я сказал [Фримэнтлу], что дал ложные показания в ходе первого судебного разбирательства и что на повторном суде скажу правду. Дэвис сказал мне, что, если я изменю свои показания, то он надавит на свидетелей и они дадут изобличающие меня показания. В ходе повторного судебного разбирательства я давал показания под влиянием этих угроз, при этом я изменил значительную часть своих показаний, с тем чтобы облегчить участь Фримэнтла [...]. Показания, которые я давал в ходе обоих судебных разбирательств, были ложными. Я давал эти показания вследствие запугивания и угроз со стороны детектива-капрала Дэвиса".

2.10 В тот же день автор сделал заявление. В этом заявлении он отмечал, что в его родной общине его знали как сторонника ЛПЯ и что сторонники ЛПЯ и ННП постоянно конфликтовали. Он заявил о своей невинности и утверждал, что в ночь на 29-30 августа 1985 года не ночевал у себя дома, поскольку находился в Минерал-Хайтс. Значительная часть показаний автора совпадает с показаниями, содержащимися в письменном заявлении А.К.

2.11 14 июня 1988 года государственный прокурор препроводил генерал-губернатору все материалы, собранные в ходе полицейского расследования по заявлениям А.К. По словам адвоката, генерал-губернатор не предпринял никаких действий по представлению прокурора. 29 августа 1990 года Ямайский совет по правам человека связался с одним ямайским адвокатом от имени автора; этот адвокат посоветовал направить ходатайство генерал-губернатору в целях повторного направления дела в апелляционный суд Ямайки; кроме того, он сообщил, что, хотя правовая помощь предоставляться не будет, он готов взяться за это дело.

2.12 В контексте требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты в сообщении отмечается, что автор практически лишен возможности возбудить

конституционное ходатайство, поскольку он не располагает для этого средствами, а правовая помощь в этих случаях не предусматривается. В этой связи адвокат обращает внимание на трудности, связанные с поисками на Ямайке адвоката для целей представления лиц, возбуждающих конституционные ходатайства. Адвокат заявляет, что нежелание государства-участника оказывать правовую помощь для целей подачи таких ходатайств освобождает г-на Фримэнтла от использования конституционных средств правовой защиты.

Жалоба

3.1 В сообщении отмечается, что по делу автора не было проведено справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 14, поскольку следователь, который оказывал давление на А.К., с тем чтобы тот давал изобличающие автора ложные показания, мог оказывать аналогичное воздействие и на других главных свидетелей обвинения – У.К. и К.К. Адвокат ссылается на сформулированное Комитетом замечание общего порядка № 13, в котором Комитет отмечает, что все государственные власти должны воздерживаться от предопределения судебного процесса¹. Он утверждает, что детектив-капрал Дэвис предопределил исход судебного разбирательства по делу автора в нарушение пункта 2 статьи 14.

3.2 Адвокат ссылается еще на одно письменное заявление под присягой, подписанное автором 27 октября 1994 года, в котором он отмечает, что был арестован и доставлен в полицейский участок Мэй-Пен 1 сентября 1985 года и что ему предъявили обвинение в убийстве спустя четыре дня с момента помещения под стражу. В течение этого времени он не имел доступа к адвокату. Адвокат утверждает, что четырехдневная задержка с предъявлением автору обвинений после заключения под стражу является неоправданной. Ссылаясь на сформулированное Комитетом замечание общего порядка № 8² и предыдущие решения Комитета³, адвокат заявляет, что предварительное задержание автора до суда вступает в противоречие с требованиями пунктов 2, 3 и 4 статьи 9.

¹ Замечание общего порядка № 13 [21] (статья 14), пункт 7.

² Замечание общего порядка № 8 [16] (статья 9); ССРР/С/21/Rev.1, стр. 7; см. пункты 2 и 3, в которых Комитет отмечает, что задержки в соответствии с пунктом 3 статьи 9 не должны превышать нескольких дней.

³ Сообщения № 257/1987 (Келли против Ямайки), 277/1988 (Хихон против Эквадора) и 336/1988 (Андре Фильястре против Боливии).

3.3 Касаясь предполагаемых нарушений статей 7 и 10, автор отмечает, что 28 мая 1990 года он и другие заключенные вырвались за пределы своих камер, поскольку им не разрешали заниматься физическими упражнениями и совершать прогулки. Беспорядки распространились на другие тюремные блоки. Заключенным было предложено вернуться в камеры и подчиниться правилам, однако некоторое время спустя тюремные надзиратели выволокли автора из его камеры, сорвали с него одежду, обыскали и начали избивать каким-то металлическим предметом. Вследствие избиения, которое продолжалось около пяти минут, ему были причинены повреждения в области головы, коленного сустава, живота и глаз. Затем его вновь отволокли в камеру, где он находился без какой-либо медицинской помощи до полуночи, когда его наконец доставили в больницу; там ему наложили на голову швы и отправили обратно. Автор утверждает, что даже после этого случая и проведения расследований в отношении действий ряда тюремных надзирателей он по-прежнему постоянно подвергался словесным угрозам и оскорблениям. 16 июня 1990 года Ямайский совет по правам человека сообщил лондонскому адвокату о том, что автора "жестоко избили вследствие беспорядков, имевших место в тюрьме в конце прошлого месяца", и представил ямайским властям жалобу от имени автора.

3.4 В сообщении утверждается, что обращение, которому подвергся автор 28 мая 1990 года, и неадекватное медицинское обслуживание, которое он впоследствии получил, а также непрекращающиеся угрозы и репрессии со стороны тюремных надзирателей представляют собой нарушение статей 7 и 10 Пакта. Кроме того, в сообщении утверждается, что вышеозначенные действия являются нарушением статей 21, 30 и 32 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными Организации Объединенных Наций.

3.5 Адвокат заявляет о нарушении статей 7 и 10 по причине продолжительного содержания автора в камере смертников в крайне тяжелых условиях, отмечая, что автор находился в камере смертников свыше восьми лет. Ссылаясь на решение Судебного комитета по делу Пратт и Морган против Генерального атторнея Ямайки, адвокат заявляет, что переживания, обусловленные столь продолжительным ожиданием смертной казни в камере смертников, представляют собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Касаясь условий содержания в камере смертников, адвокат ссылается на доклады двух неправительственных организаций по данной теме. Сам автор находился в крошечной камере в течение 22 часов ежедневно; большую часть времени с момента подъема до отбоя он проводил в изоляции от других заключенных, и ему было нечем себя занять. Большую часть суток его камера была преднамеренно погружена во мрак. По мнению адвоката приведенных факторов достаточно для подтверждения факта нарушения статей 7 и 10.

3.6 Адвокат утверждает, что автор предпринял достаточные усилия для того, чтобы задействовать внутренние средства правовой защиты в связи с обращением, которому он подвергался в камере смертников. В декабре 1993 года государственная прокуратура представила сообщение, в котором не подтверждался факт продолжения расследования в связи с обвинениями в отношении тюремных надзирателей, несущих ответственность за избивание и смерть трех заключенных в мае 1990 года. По мнению адвоката, предусмотренная внутренним законодательством система рассмотрения жалоб является полностью неадекватной.

Решение Комитета о приемлемости

4.1 На своей шестьдесят второй сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения.

4.2 Как того требует пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

4.3 Настоящее сообщение было препровождено государству-участнику в марте 1995 года с просьбой представить информацию и замечания по вопросу о приемлемости претензий автора. Несмотря на письменное напоминание, направленное государству-участнику в октябре 1997 года, никакой информации от него не поступило. Комитет сожалеет об отсутствии сотрудничества со стороны государства-участника. С учетом данных обстоятельств надлежащее значение придается утверждениям автора в той мере, в какой они являются достаточно обоснованными для целей приемлемости.

4.4 Что касается утверждений по смыслу статьи 14 Пакта, то Комитет отмечает, что они касаются оценки фактов и доказательств по делу председательствующим судьей и жюри присяжных. Комитет напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному делу относится к сфере компетенции апелляционных судов государств-участников Пакта, а не Комитета, за исключением тех случаев, когда может быть установлено, что оценка доказательств и наставление жюри присяжных были явно произвольными или равносильными отказу в правосудии. Комитет отмечает, что утверждение автора в связи с этой его претензией не свидетельствует о том, что судебное разбирательство было явно произвольным или равносильным отказу в отправлении правосудия. С учетом вышеизложенного Комитет заключает, что автор не сумел обосновать свои претензии для целей приемлемости, вследствие чего данная часть сообщения является неприемлемой по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

4.5 По мнению Комитета, автор достаточно обосновал остальные претензии, касающиеся условий его содержания под стражей до суда (пункты 2-4 статьи 9), избиений и угроз, которым он якобы подвергался во время содержания под стражей в камере смертников, и условий его содержания в камере смертников. Ввиду непредставления государством-участником какой-либо информации о доступности и эффективности средств правовой защиты, которыми мог бы еще воспользоваться автор в связи со своими претензиями, Комитет пришел к выводу, что эти претензии заслуживают их рассмотрения по существу.

Замечания государства-участника по существу и комментарии адвоката

5.1 В представлении от 3 июня 1998 года государство-участник отмечает, что утверждение автора, затрагивающее статьи 7 и 10, складывается из двух частей: в первой его части утверждается, что во время беспорядков 28 мая 1990 года автор был жестоко избит тюремными надзирателями, после чего в течение нескольких часов ему не оказывали никакой медицинской помощи. В этом контексте государство-участник сообщило Комитету о том, что "в связи со смертью трех заключенных, погибших во время беспорядков, имевших место в 1990 году, было проведено коронерское расследование и что в ходе этого расследования автор давал показания. Отчет о результатах коронерского исследования будет запрошен и направлен в Комитет".

5.2 Касаясь второй части утверждения о нарушении статей 7 и 10 по причине чрезмерно продолжительного содержания автора в камере смертников, государство-участник отрицает факт нарушения Пакта и ссылается на решение Комитета по делу Пратт и Морган⁴. Таким образом, указанный период содержания под стражей в камере смертников не является нарушением Пакта. Замена вынесенного автору смертного приговора была произведена в соответствии с требованиями национального законодательства.

5.3 Что касается предполагаемого нарушения пунктов 2, 3 и 4 статьи 9 по той причине, что автору были предъявлены обвинения только через четыре дня после того, как он был заключен под стражу, то государство-участник отклоняет эту претензию, заявляя, что, согласно проведенному им расследованию, на момент ареста автору был известен характер предъявляемых ему обвинений. Хотя официальное обвинение в убийстве,

⁴ См. сообщение № 210/1986 и сообщение № 225/1987, в пункте 13.6 которого говорится, что "... в принципе, продолжительное судебное разбирательство как таковое не является жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением, даже если оно и может серьезно сказаться на психике осужденных".

возможно, было предъявлено ему на более позднем этапе, это никоим образом не затрудняло осуществление автором своих прав и не являлось их нарушением.

5.4 В дополнительном представлении от 24 августа 1999 года государство-участник, касаясь предполагаемого случая избияния автора тюремными надзирателями 28 мая 1990 года, сообщает Комитету о том, что во время беседы автора с представителями министерства он не мог вспомнить имена тюремных надзирателей, причастных к инциденту с избиянием. Автор сказал, что помнит только то, что одного из надзирателей звали "Большая шестерка". В ходе расследования было установлено, что надзиратель по прозвищу "Большая шестерка" в этой тюрьме уже не работает. Кроме того, вышел в отставку и человек, занимавший в то время (9 лет тому назад) пост тюремного суперинтенданта. По причине отсутствия информации об именах вовлеченных лиц министерству не удалось провести результативное расследование по данному делу.

5.5 В том же представлении государство-участник утверждает, что в ходе той же беседы с представителями министерства автор признал, что он являлся главным зачинщиком беспорядков, которые имели место в 1990 году, и что если бы тюремные надзиратели не применили силу для усмирения заключенных, то, по его мнению, последствия беспорядков были бы гораздо более плачевными.

5.6 Кроме того, государство-участник оспаривает отстаиваемый автором в своем ходатайстве факт, что в 1990 году ему было отказано в медицинской помощи. По словам государства-участника, автор несколько раз осматривался тюремным врачом и получал медицинскую помощь в больнице и поликлинике Спэниш-Тауна. В силу этого государство-участник отрицает факт каких-либо нарушений статей 7 и 10 в связи с правом на медицинскую помощь.

5.7 Касаясь утверждений о нарушении Пакта по причине условий содержания под стражей в камере смертников, включая утверждение адвоката о том, что автор вынужден был проводить ежедневно 22 часа в темноте и т.д. (см. пункт 3.5 выше), государство-участник отрицает факт какого-либо нарушения Пакта, ссылаясь в этой связи на одно из предыдущих решений Комитета⁵.

6.1 В представлении от 4 ноября 1998 года адвокат заявляет, что государство-участник никоим образом не опровергло утверждение автора о том, что он подвергся жестокому обращению 28 мая 1990 года, что после этого он был лишен возможности получить

⁵ См. сообщение № 619/1995 (Ф. Дидрик против Ямайки).

адекватную медицинскую помощь и что тюремные надзиратели постоянно грозили ему репрессиями. Адвокат утверждает, что государство-участник не представило никаких доказательств, которые опровергали бы утверждения автора, содержащиеся в сообщении от 15 февраля 1995 года, и в силу этого констатирует факт нарушения статей 7 и 10 Пакта.

6.2 Касаясь утверждения о нарушении статей 7 и 10 Пакта по той причине, что автор содержался в камере смертников более восьми лет, адвокат утверждает, что государство-участник неправомерно ссылается на предыдущие решения Комитета, заявляя о том, что период содержания под стражей в камере смертников в конкретном случае не является нарушением Пакта. Он утверждает, что нахождение в камере смертников более восьми лет можно квалифицировать как нарушение статей 7 и 10 (пункт 1) Пакта, если автор сумеет указать на дополнительные непреодолимые обстоятельства, на которые имеется ссылка в пункте 8.1 сообщения № 588/1994. Адвокат обращает внимание членов Комитета на то, что во время содержания автора в камере смертников он в течение 22 часов ежедневно находился в крошечной камере и большую часть времени с момента подъема до отбоя был изолирован от других заключенных и не знал, чем себя занять. В дополнение к униженному состоянию и оскорблению человеческого достоинства автора большую часть суток его камера была преднамеренно погружена во мрак. Адвокат утверждает, что государство-участник не отрицает постоянного наличия этих факторов во время содержания автора в камере смертников и всего лишь заявляет, что продолжительное судебное разбирательство само по себе не является жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением.

6.3 Касаясь оспоренного государством-участником факта нарушения пунктов 2, 3 и 4 статьи 9 по той причине, что автор не был своевременно проинформирован о предъявляемых ему обвинениях, адвокат вновь повторяет, что в момент ареста автору не было известно содержание выдвигаемых против него обвинений. Адвокат утверждает, что государство-участник не представило никаких конкретных данных о характере проведенных расследований и не сообщило Комитету или автору о результатах таких расследований. Адвокат заявляет, что до того, как автору было предъявлено обвинение в убийстве, он в течение четырех дней содержался под стражей в режиме строгой изоляции. Он отмечает, что государство-участник, не отрицая этих утверждений, ограничивается ссылкой на то, что все это не нанесло никакого ущерба автору, поскольку в момент ареста автор знал о характере предъявляемых ему обвинений. Адвокат далее утверждает, что в ходе судебного разбирательства не приводилось никаких неопровержимых доказательств и что впоследствии государство-участник не представило никаких объяснений в обоснование четырехдневной задержки с момента ареста автора до его доставки на допрос к следователю. Адвокат вновь повторяет, что такая задержка представляет собой нарушение Пакта.

Рассмотрение вопроса по существу

7.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации, как это предусматривается пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 В связи с жалобами автора на жестокое обращение во время содержания под стражей в окружной тюрьме Св. Екатерины Комитет отмечает, что автор сформулировал весьма конкретные утверждения относительно инцидента об избиении (пункт 3.3 выше). Комитет принял к сведению представленную государством-участником информацию о том, что по факту имевших место в 1990 году беспорядков, в ходе которых погибло трое заключенных, было проведено расследование и что автор давал показания в ходе этого расследования. Кроме того, Комитет принимает к сведению информацию, содержащуюся в дополнительном представлении, в котором государство-участник утверждает, что в ходе беседы автора с представителями министерства он не смог привести достаточную информацию об именах лиц, которые избивали его, притом, что лица, имена которых он назвал, либо уже не работают в тюрьме, либо уже вышли в отставку. В этой связи государство-участник посчитало невозможным проведение эффективного расследования. Комитет полагает, что то обстоятельство, что правонарушители уже не работают в тюрьме, никоим образом не освобождает государство-участник от его обязательства обеспечивать соблюдение закрепленных в Пакте прав. Комитет отмечает, что государство-участник не проводило в 1990 году расследования после того, как Ямайский совет по правам человека представил властям жалобу от имени автора. За отсутствием какого бы то ни было опровержения со стороны государства-участника представляется целесообразным исходить из необходимости надлежащего учета утверждений автора. С учетом указанных обстоятельств Комитет отмечает, что в нарушение статей 7 и 10 (пункт 1) не было обеспечено соблюдение права автора не подвергаться унижающему достоинство обращению и права на гуманное обращение и уважение присущего человеку достоинства.

7.3 Касаясь условий содержания под стражей в камере смертников в окружной тюрьме Св. Екатерины, Комитет отмечает, что автор сформулировал конкретные утверждения относительно крайне неблагоприятных условий его содержания под стражей. Он утверждает, что в течение 22 часов ежедневно он находился в камере площадью в 2 кв. м и большую часть суток содержался в изоляции от других заключенных. Большую часть времени с момента подъема до отбоя его камера была преднамеренно погружена во мрак, и ему нечем было себя занять. Ему не разрешали работать и заниматься самообразованием. Государство-участник не опровергло эти конкретные утверждения. С учетом указанных обстоятельств Комитет констатирует, что содержание автора в таких условиях представляет собой нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта.

7.4 Автор высказывал претензии по поводу нарушения пункта 3 статьи 9 Пакта по причине четырехдневной задержки с момента его ареста до момента его доставки в суд. Комитет отмечает, что государство-участник не рассмотрело детально этот вопрос, а ограничилось лишь общим замечанием о том, что автор знал о причинах своего ареста. Комитет вновь заявляет, что задержка с момента ареста обвиняемого до момента его доставки в суд не должна превышать нескольких дней. Ввиду отсутствия мотивов, оправдывающих четырехдневную задержку с доставкой автора в суд, Комитет заключает, что такая задержка является нарушением пункта 3 статьи 9 Пакта.

7.5 Кроме того, автор высказывал претензии по поводу нарушения пунктов 2 и 4 статьи 9 по той причине, что при аресте он не был в срочном порядке уведомлен о предъявляемых ему обвинениях. Согласно пункту 2 статьи 9 Пакта, каждый арестованный имеет право знать причины своего ареста и быть в срочном порядке уведомленным о предъявляемых ему обвинениях. Адвокат утверждает, что автору было сообщено о предъявляемых ему обвинениях лишь через четыре дня после его ареста. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автору были известны в общей форме причины его ареста, даже если исходить из того, что официальное обвинение в убийстве было ему предъявлено лишь через четыре дня после ареста. Кроме того, Комитет принимает к сведению представленную адвокатом информацию о подписанном автором 4 мая 1988 года письменном заявлении, в котором автор отмечает, что он был арестован и обвинен в убийстве 1 сентября 1985 года. Кроме того, Комитет отмечает, что этот вопрос не поднимался в судах Ямайки. На основе всей представленной информации Комитет заключает, что автору были известны причины его ареста, и в силу этого констатирует отсутствие в этой связи каких-либо нарушений Пакта. Комитет не обнаружил никаких фактов, которые подтверждали бы нарушение пункта 4 статьи 9.

8. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что факты, которыми он располагает, указывают на нарушение статей 7, 10 (пункт 1) и 9 (пункт 3) Пакта.

9. Согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта, государство-участник обязано предоставить г-ну Фримэнтлу адекватное и эффективное средство правовой защиты. Государство-участник обязано не допускать повторения аналогичных нарушений в будущем.

10. Присоединившись к Факультативному протоколу в качестве государства-участника, Ямайка признала компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта. Настоящее дело было передано для рассмотрения до

вступления в силу 23 января 1998 года решения Ямайки о денонсировании Факультативного протокола; в соответствии с пунктом 2 статьи 12 Факультативного протокола к настоящему сообщению по-прежнему применяются положения Факультативного протокола. Согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и гарантировать эффективное и подкрепленное надлежащими процедурами средство правовой защиты в случае установления факта нарушения. Комитет рекомендует государству-участнику направить ему в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом сообщений. Кроме того, государству-участнику рекомендуется опубликовать сообщения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках как часть ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблеи.]

Добавление

Особое мнение члена Комитета г-на Экарта Кляйна

Я полагаю, что Комитету следует четко оговорить, что в дополнение к другим возможным адекватным средствам правовой защиты автор имеет право на компенсацию в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта. Лицо, которое, подобно автору, было арестовано и не было в срочном порядке доставлено к судье, как того требует пункт 3 статьи 9 Пакта (см. пункт 7.4 настоящих соображений), является жертвой незаконного задержания. В этой связи его право на компенсацию является следствием нарушения его права, предусмотренного в статье 9.

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках как часть ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

В. Сообщение № 631/1995, Спакмо против Норвегии
(Соображения приняты 5 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Оге Спакмо (первоначально был представлен г-ном Густавом Хогтуном)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Норвегия

Дата сообщения: 28 ноября 1994 года (первоначальное сообщение)

Дата решения о приемлемости: 20 марта 1997 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 5 ноября 1999 года,

завершив рассмотрение сообщения № 631/1995, представленного Комитету по
правам человека г-ном Оге Спакмо в соответствии с Факультативным протоколом к
Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором
сообщения, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Экарт Кляйн, г-н Д'вид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Макссуэлл Ялден. К настоящему документу прилагается текст особого мнения, подписанного шестью членами Комитета.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения от 28 ноября 1994 года является Оге Спакмо, гражданин Норвегии, родившийся 25 октября 1921 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Норвегией статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах**.

2. На своей пятьдесят девятой сессии Комитет по правам человека рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения и пришел к заключению, что все внутренние средства правовой защиты в данном случае исчерпаны и что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Он счел, что для целей признания приемлемости автор сообщения достаточно убедительно доказал, что он подвергся произвольному задержанию. В этой связи 20 марта 1997 года Комитет постановил признать это сообщение приемлемым.

Факты

2.1 В июле 1984 года домовладелец, некий Финн Гримсгорд, заключил с автором сообщения договор о проведении ремонтных работ в одном из зданий, по условиям которого предусматривались, в частности, снос и замена трех балконов. Работы начались 23 июля 1984 года. Двое квартиросъемщиков обратились в суд по жилищным спорам с ходатайством о запрете на проведение работ до того, как владелец гарантирует восстановление балконов до их первоначального состояния; решение о запрете было вынесено 25 июля 1984 года. Как утверждает автор сообщения, после этого он связался с судьей судебного органа по жилищным спорам с целью уточнить, как ему поступить в данном случае, ему было сообщено, что либо владелец может обратиться с ходатайством о проведении переговоров в суде, либо муниципальные органы, занимающиеся вопросами жилищного хозяйства, могут дать разрешение на снос балконов. Утром в пятницу, 27 июля 1984 года, муниципальный инспектор Пер М. Берглье (впоследствии скончавшийся) произвел осмотр здания вместе с автором сообщения. Автор утверждает, что строительный инспектор дал устное распоряжение о продолжении работ по сносу балконов.

** До июня 1999 года г-на Спакмо представлял г-н Густав Хогтун.

2.2 Позднее в тот же день, 27 июля 1984 года, автор сообщения возобновил работу. После поступления жалобы от одного из квартиросъемщиков в 22 час. 30 мин. на место прибыла полиция. Сотрудники полиции сочли, что проведение работ нарушает спокойствие в этом жилом районе, и в устной форме потребовали от автора сообщения прекратить работу. Автор отказался сделать это и заявил, что он работает на законных основаниях. Вследствие настойчивого отказа автора выполнить требование о прекращении работ дежурный офицер полиции отдал приказ об аресте автора. Он был арестован примерно в 23 час. 00 мин. и через час выпущен на свободу.

2.3 На следующий день автор сообщения продолжил работу по сносу балконов. Сотрудники полиции вновь потребовали, чтобы он прекратил работу, но автор сообщения отказался сделать это. Примерно в 14 час. 25 мин. он был арестован и доставлен в полицейский участок, откуда вышел на свободу через восемь часов. Во вторник 31 июля 1984 года жилищно-строительное управление дало письменное распоряжение о сносе балконов.

2.4 23 сентября 1986 года автор сообщения обратился в городской суд Осло (Осло Биретт) с иском о возмещении убытков и выплате компенсации за нематериальный ущерб на основании того, что его арест 27 и 28 июля 1984 года носил незаконный характер. 1 сентября 1989 года были проведены слушания; 4 октября 1989 года суд отклонил требования автора. 15 декабря 1989 года автор сообщения подал апелляцию в Высокий суд (Эйдсиватинг). Слушание дела по апелляции было проведено 7 октября 1992 года, а судебное решение было вынесено 20 октября 1992 года. 23 декабря 1992 года автор сообщения подал апелляцию в Верховный суд. 14 января 1993 года комитет Верховного суда, занимающийся предварительным рассмотрением дел, принял решение отклонить апелляцию по причине ее бесперспективности. 22 июня 1994 года автор сообщения обратился в Верховный суд с ходатайством возобновить рассмотрение его дела. Ходатайство было отклонено 2 сентября 1994 года.

Жалоба

3. Автор утверждает, что является жертвой нарушения пункта 1 статьи 9 Пакта в связи с его произвольным арестом, поскольку основания для его ареста и примененные при этом процедуры не соответствовали закону. В этой связи адвокат автора утверждает, что полиция превысила свои полномочия, действуя в порядке исполнения временного постановления суда по гражданскому делу между двумя сторонами на основе информации, полученной высокопоставленным должностным лицом полиции от друга, являвшегося одной из сторон в этом гражданском споре. Автор сообщения не был стороной в этом споре и, следовательно, мог быть задержан только по постановлению

судебного органа. По норвежскому законодательству обеспечением исполнения решений по гражданским спорам занимается специальный орган (намсменн, руководителем которого в Осло является бюфогд); полиция может осуществлять вмешательство только по просьбе упомянутого органа. Адвокат утверждает, что полиция, а затем и правительство переложило бремя доказывания на автора сообщения, потребовав, чтобы он в письменном виде доказал наличие у него разрешения на выполнение работ на момент его ареста. Это, по утверждению адвоката, противоречит норвежскому законодательству, поскольку именно полиция должна была доказать, что она имела законное право поступить с автором сообщения так, как она поступила, т.е. ограничить его свободу. Кроме того, его арест был произведен на основаниях и в соответствии с процедурами, которые не предусмотрены законом, поскольку это было сделано на основе решения суда по жилищным спорам, которое касалось двух квартиросъемщиков и домовладельца; адвокат утверждает, что это решение не применимо к третьим сторонам.

Замечания государства-участника

4.1 Государство-участник ссылается на материалы дела, рассмотренного местными судами, которые пришли к выводу о том, что не существовало никаких доказательств наличия устного разрешения на продолжение работ по сносу балконов, данного автору жилищно-строительными органами. Следовательно, на тот момент действовал временный запрет на продолжение работ по сносу балконов, вынесенный судом по жилищным спорам. Согласно статье 343 Уголовного кодекса, нарушение установленного в законном порядке запрета или соучастие в такого рода действиях является уголовным преступлением. Таким образом, автор должен был соблюдать временный запрет, и несоблюдение им этого запрета квалифицируется как уголовное преступление. Кроме того, из материалов полиции явствует, что от автора требовали прекращения работ по сносу балконов несколько раз. Он отказался подчиниться и поэтому был арестован. Как свидетельствуют материалы дела, связанного с его арестом, автор был арестован за нарушение статьи 3 регламента полиции в соответствии с пунктом 2 статьи 339 уголовного кодекса⁶.

⁶ Статья 3 регламента полиции Осло гласит: "Все лица обязаны немедленно подчиняться любому приказу, знаку или сигналу, подаваемому сотрудником полиции в интересах поддержания общественного порядка, регулирования движения или обеспечения безопасности и в иных целях в порядке обеспечения выполнения настоящего регламента". Статья 39 регламента гласит: "Любое нарушение настоящего регламента или распоряжения, отдаваемого в соответствии с ним, является наказуемым согласно пункту 2 статьи 339 Уголовного кодекса, если законом не предусмотрено более жестких мер пресечения". Пункт 2 статьи 339 Уголовного кодекса гласит: "Штрафом наказуются действия любого лица, которые... 2) противоречат любым распоряжениям государственного органа, даваемым в соответствии с законом, и за которые предусмотрено наказание".

4.2 В связи с утверждением адвоката о том, что полиция не обладала полномочиями на арест автора, поскольку речь шла о гражданском споре, государство-участник объясняет, что сотрудники полиции действовали в соответствии с Уголовно-процессуальным законом⁷, поскольку автор не подчинился приказу прекратить противоправные действия. Таким образом, закон об обеспечении исполнения решений по гражданским спорам в данном случае был неприменим. Что касается утверждения адвоката о том, что автор сообщения был арестован потому, что высокопоставленное должностное лицо органов полиции действовало на основании информации, поступившей от его друга, который являлся стороной в этом гражданском споре, то государство-участник ссылается на материалы судебного слушания, из которых явствует, что этот сотрудник полиции не знаком ни с одной стороной в этом гражданском споре, но он действительно помнит о том, что информация поступила от одной из сторон. Он не помнит, действовал ли он на основе поступившей информации, но не исключает такой возможности. По мнению государства-участника, если полиция действует на основании информации, поступившей от населения, то в этом нет ничего предвзятого или противозаконного. Государство-участник делает вывод о том, что арест автора сообщения был произведен в соответствии с норвежским законодательством. Оно отмечает, что, обращаясь в суды при оспаривании законности своего задержания, автор не приводил никаких иных аргументов, кроме довода о том, что он получил устное разрешение на продолжение работ. Все судебные органы признали законность действий полиции.

4.3 По мнению государства-участника, задержание автора сообщения было также продиктовано необходимостью. Оно отмечает, что в первый раз он был задержан в течение одного часа, а во второй – в течение восьми часов, и утверждает, что это не может быть признано несоразмерной мерой пресечения. В этой связи государство-участник ссылается на обстоятельства ареста автора сообщения, из которых явствует, что автор отказался подчиниться сотрудникам полиции и продолжал работу по сносу балконов даже после того, как ему неоднократно было приказано прекратить ее.

⁷ Раздел 229 Уголовно-процессуального закона гласит: "Вне зависимости от суровости наказания любое лицо, которое обоснованно подозревается в совершении любого правонарушения, может быть подвергнуто аресту, если оно: 1) застигнуто в момент совершения правонарушения и отказывается прекратить совершение наказуемого деяния. 2) ...В соответствующих обстоятельствах действуют положения пункта 2 статьи 228". Пункт 2 статьи 228 гласит: "Арест не производится в том случае, если с учетом характера дела и иных обстоятельств он будет представлять собой несоразмерную меру пресечения".

4.4 Государство-участник приходит к выводу о том, что никаких нарушений статьи 9 допущено не было.

Замечания адвоката

5.1 В своих замечаниях по ответу, представленному государством-участником, адвокат напоминает о том, что распоряжение суда, вынесенное в пользу квартиросъемщиков, было отменено во вторник, на следующий день после ареста автора. В этих обстоятельствах автор сообщения, утверждающий, что он получил от жилищно-строительных органов устное разрешение на продолжение работ, не должен был подвергаться аресту. В этой связи адвокат заявляет, что представитель суда по жилищным спорам уведомил автора о том, что распоряжение жилищно-строительных органов будет иметь преимущественную силу над временным запретом суда. В пятницу утром автор сообщения связался с одной сотрудницей полиции и сообщил ей, что инспектор жилищно-строительного управления в устной форме разрешил ему продолжать работу по сносу балконов. Полиция не проверила эту информацию и вместо этого произвела арест автора. Адвокат утверждает, что действия полиции являются нарушением норм, регулирующих действия органов полиции, поскольку работа автора не представляла собой серьезного нарушения общественного порядка и не создавала серьезную угрозу для населения. По мнению адвоката, действия автора диктовались общественным и моральным долгом и он стремился избежать создания какой-либо опасности для окружающих. Его арест нельзя считать необходимым.

5.2 Кроме того, адвокат повторяет, что полиция не имеет права вмешиваться в гражданский спор, если ей не поручают этого соответствующие органы, чего в данном случае не было. Он предполагает, что одна из причин, по которой полиция незамедлительно отреагировала на телефонный звонок одного из квартиросъемщиков, заключалась в том, что у автора сообщения были проблемы с полицией в прошлом. Далее адвокат заявляет, что по статье 343 уголовного кодекса обвиняемый должен иметь умысел, и утверждает, что у автора сообщения не было никакого намерения совершить уголовное преступление. Он отмечает, что полиция не возбудила против автора дела по факту нарушения статьи 343, т.е. она отдавала себе отчет в том, что он невиновен.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 Комитет по правам человека рассмотрел это сообщение с учетом всех письменных данных, представленных ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

6.2 Вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в определении того, был ли арест автора нарушением статьи 9 Пакта. Автор утверждал, что для его ареста не было никаких юридических оснований и что полиция превысила свои полномочия, задержав его. Комитет принял к сведению разъяснения государства-участника по этому вопросу и изучил решения судов. Исходя из имеющейся у него информации, Комитет приходит к заключению, что автор был арестован в соответствии с норвежским законодательством и тем самым его арест не является незаконным.

6.3 Комитет напоминает, что для признания ареста соответствующим требованиям пункта 1 статьи 9 он должен быть не только законным, но и разумным, а также необходимым в любых обстоятельствах⁸. В данном случае никто не оспаривает, что в пятницу, 27 июля 1984 года, сотрудники полиции несколько раз требовали от автора сообщения прекратить работу по сносу балконов, что дело происходило в 23 час. 30 мин. и что автор отказался подчиниться. В этих обстоятельствах Комитет считает, что арест автора, произведенный в пятницу, 27 июля 1984 года, был разумным и необходимым для прекращения работы по сносу балконов, которую полиция считала незаконной и нарушающей спокойствие в этом жилом районе. Арест автора на следующий день также явился следствием его отказа подчиниться приказам сотрудников полиции. Признавая, что арест автора сообщения сотрудниками полиции в субботу также мог быть разумным и необходимым шагом, Комитет считает, что государство-участник не представило доказательств необходимости задержания автора в течение восьми часов с целью заставить его прекратить работу. В этих обстоятельствах Комитет приходит к выводу о том, что задержание автора в течение восьми часов было неразумным и представляет собой нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта.

7. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, постановляет, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

8. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Спакмо эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию. Государство-участник обязано принять меры для предупреждения аналогичных нарушений в будущем.

⁸ См. соображения Комитета в отношении сообщения № 305/1988 (Ван Альфен против Нидерландов), принятые 23 июля 1990 года.

9. Учитывая, что, став государством - участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признанные в Пакте, и обеспечить эффективное и гарантированное средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы в течение 90 дней получить от государства-участника информацию о мерах, принятых в связи с соображениями Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать соображения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках как часть ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

Добавление

Особое (несогласное) мнение, подписанное членами Комитета А. Амором, Н. Андо, лордом Колвиллом, Э. Кляйном, Р. Верушевским и М. Ялденом

Мы не можем согласиться с выводом Комитета о том, что задержание автора в течение восьми часов в данном случае было неразумным и представляет собой нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта (пункт 6.3).

Из информации, имеющейся у Комитета, следует, что автор возобновил работу по сносу балконов здания вечером в пятницу, 27 июля 1984 года; что в полицию поступила жалоба от одного из квартиросъемщиков в этом доме; что сотрудники полиции прибыли на место в 22 час. 30 мин. и потребовали, чтобы автор прекратил работу; и что после отказа автора подчиниться этому указанию сотрудники полиции арестовали его и задержали его на один час (пункт 2.2). Из этой информации явствует также, что на следующий день, в субботу, автор сообщения продолжил работу по сносу балконов; что полиция вновь потребовала от него прекратить работу; и что после его отказа сотрудники полиции арестовали его примерно в 14 час. 25 мин. и освободили его через "восемь часов" (пункт 4.2).

Впоследствии автор сообщения обращался в суды с исками, утверждая, что его аресты были незаконными, и дошел при этом до Верховного суда, но норвежские суды признали действия полиции законными (пункты 2.4 и 4.2). По сообщению государства-участника, автор в ходе этих разбирательств никогда не оспаривал законности задержания. Государство-участник утверждает также, что с учетом обстоятельств дела его задержание в течение восьми часов "не может считаться несоразмерной мерой пресечения" (пункты 4.2 и 4.3).

Мы хотели бы подчеркнуть, что роль Комитета по правам человека заключается в применении положений Пакта в конкретных случаях и что он не является некоей четвертой инстанцией судебной системы. В соответствии с юридическими принципами работы Комитета оценкой фактов и свидетельств должен заниматься не Комитет, а национальные суды. На деле Комитет редко отвергал заключения национальных судов, а также толкование или применение ими внутреннего права, если оно в принципе соответствует Пакту, за исключением тех случаев, когда такое толкование или применение является явно неразумным либо неадекватным или представляет собой отказ в правосудии.

По нашему мнению, решения норвежских судов в данном случае не вскрывают ни одного такого дефекта. Напротив, вынося свои решения, суды приняли во внимание все

соответствующие факторы. После ареста в пятницу вечером автор был освобожден через час, примерно в полночь. После ареста в субботу днем он был выпущен на свободу через восемь часов, также примерно в полночь. Вполне возможно, что в субботу у органов полиции не было иного выбора, кроме удержания автора в полицейском участке до наступления ночи (с учетом большой продолжительности дня в Норвегии в июле и поведения автора до этого); таким образом, вероятно, что они тем самым предотвратили еще одно нарушение спокойствия в этом жилом районе.

По вышеизложенным причинам мы не можем согласиться с выводом Комитета в данном случае.

А. Амор ()

Н. Андо ()

Лорд Колвилл ()

Э. Кляйн ()

Р. Верушевский ()

М. Ялден ()

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

С. Сообщения № 666/1995, Фуэн против Франции
(Соображения, принятые 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Фредериком Фуэном
(представлен во Франции адвокатом Франсуа Ру)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Франция

Дата сообщения: 20 июля 1995 года (первоначальное сообщение)

Дата решения о приемлемости: 11 июля 1997 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 3 ноября 1999 года,

завершив рассмотрение сообщения № 666/1995, представленного Комитету по
правам человека г-ном Фредериком Фуэном в соответствии с Факультативным
протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему авторами
сообщения, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджусумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Максвелл Ялден. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-жа Кристина Шане не принимала участия в рассмотрении настоящего сообщения. К настоящему документу прилагается текст особого мнения, подписанного тремя членами Комитета.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения является Фредерик Фуэн, французский гражданин, родившийся в сентябре 1966 года и проживающей в Валансе, Франция. Он утверждает, что является жертвой нарушения Францией статей 18, 19 и 26 в совокупности со статьей 8 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автора представляет г-н Франсуа Ру из адвокатской конторы "Ру, Лан-Шеймоль, Канизар" в Монпелье.

Факты в изложении автора

2.1 Автор, являющийся убежденным противником военной службы по соображениям совести, в декабре 1988 года был направлен для прохождения гражданской службы в национальный природный заповедник в Камарге. 23 декабря 1989 года, т.е. ровно через год, он покинул место своей службы, сославшись на якобы дискриминационный характер пункта 6 статьи 116 Кодекса национальной службы (Code du service national), согласно которому убежденные противники военной службы по соображениям совести должны в течение двух лет проходить национальную гражданскую службу, тогда как продолжительность военной службы не превышает одного года.

2.2 В результате совершенных им действий г-н Фуэн был обвинен уголовным судом (Tribunal Correctionnel) Марселя на основании статей 398 и 399 Кодекса военной юстиции в дезертирстве в мирное время. В заочном решении, принятом 12 октября 1990 года, были поставлены под сомнение убеждения автора, что послужило основанием для проведения 20 марта 1992 года нового слушания в суде, который приговорил его к восьми месяцам тюремного заключения условно и распорядился лишить его статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести (статья 116 (4) Кодекса национальной службы). Суд отклонил доводы автора, основанные, в частности, на положениях статей 4 (3) b), 9, 10 и 14 Европейской конвенции о правах человека.

2.3 Данное решение суда было обжаловано как государственным прокурором (Procureur de la République), так и автором. На основании решения от 18 декабря 1992 года апелляционный суд Экс-ан-Прованса отменил решение от 20 марта 1992 года в связи с процессуальными нарушениями. Вместе с тем исходя из конкретных обстоятельств дела апелляционный суд признал г-на Фуэна виновным в дезертирстве в мирное время и приговорил его к шестимесячному тюремному заключению условно.

2.4 14 декабря 1994 года кассационный суд отклонил повторную апелляцию автора. Суд постановил, что соответствующие положения Европейской конвенции о правах человека и Международного пакта о гражданских и политических правах не запрещают принятия мер, требующих от лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям

совести, прохождения более длительного срока национальной службы по сравнению с лицами, проходящими военную службу, при условии, что это не затрагивает соблюдения или осуществления их основных прав и свобод.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что статья 116 (6) Кодекса национальной службы (в редакции от июля 1983 года, которой предписывается 24-месячный срок гражданской службы) нарушает статьи 18, 19 и 26 в совокупности со статьей 8 Пакта в том плане, что она удваивает срок альтернативной гражданской службы по сравнению со сроком военной службы.

3.2 Признавая соображения Комитета относительно сообщения № 295/1988⁹, когда применительно к аналогичному случаю было вынесено определение, что продление срока альтернативной службы по сравнению с военной службой не является необоснованным и не носит карательного характера и когда не было выявлено никакого нарушения Пакта, автор все же ссылается на прилагаемые к этим соображениям особые мнения трех членов Комитета, которые пришли к заключению, что в основе оспариваемого законодательства не лежат обоснованные или объективные критерии, такие, как более тяжелые условия службы или необходимость специальной подготовки, обуславливающие бóльшую продолжительность службы. Автор разделяет выводы, содержащиеся в этих особых мнениях.

3.3 Автор отмечает, что, согласно статьям L.116 (2) - L.116 (4) Кодекса национальной службы, каждое ходатайство о признании лица в качестве отказавшегося от военной службы по соображениям совести подлежит утверждению министром обороны. Если он отклоняет ходатайство, то имеется возможность подать апелляцию в административный трибунал на основании статьи L.116 (3). В подобных обстоятельствах, по утверждению автора, нельзя предположить, что продолжительность гражданской службы устанавливается по соображениям административной надобности, поскольку, если человек соглашается на прохождение гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной службы, он должен рассматриваться как имеющий глубокие убеждения. Скорее нужно исходить из того, что продление срока гражданской службы включает в себе карательный элемент, не подкрепляемый каким-либо обоснованным или объективным критерием.

⁹ Ярвинен против Финляндии, соображения, принятые 25 июля 1990 года, пункты 6.4-6.6.

3.4 В обоснование своего утверждения автор ссылается на решение итальянского Конституционного суда от июля 1989 года, согласно которому гражданская служба, продолжительность которой на восемь месяцев превышает срок военной службы, несовместима с итальянской Конституцией. Он далее указывает на резолюцию, принятую Европейским парламентом в 1967 году, в которой парламент на основании статьи 9 Европейской конвенции о правах человека рекомендует, чтобы продолжительность альтернативной службы не превышала продолжительность военной службы. Кроме того, Комитет министров Совета Европы заявил, что альтернативная служба не должна носить карательного характера и что ее продолжительность по сравнению с военной службой должна оставаться в разумных пределах (рекомендация № R(87) 8 от 9 апреля 1987 года). Наконец, автор отмечает, что в резолюции, принятой 5 марта 1987 года¹⁰, Комиссия Организации Объединенных Наций по правам человека заявила, что отказ от военной службы по соображениям совести представляет собой законный способ осуществления признаваемого Пактом права на свободу мысли, совести и религии.

3.5 В любом случае, согласно утверждениям автора, требование прохождения гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной службы, представляет собой запрещенную дискриминацию по признаку убеждений, а наличие возможности прибегнуть к наказанию в виде лишения свободы за отказ проходить гражданскую службу в течение срока, превышающего срок военной службы, является нарушением пункта 2 статьи 18, пункта 1 статьи 19 и пункта 26 Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и комментарии по ним автора

4.1 Прежде всего государство-участник решительно заявляет, что сообщение несовместимо *ratione materiae* с положениями Пакта, поскольку, с одной стороны, Комитет в своем решении относительно сообщения № 185/1984 (Л.Т.К. против Финляндии)¹¹ признал, что "в Пакте не упоминается право на отказ от несения военной службы по соображениям совести; ни статью 18, ни статью 19 Пакта, особенно принимая во внимание пункт 3 с) ii) статьи 8, нельзя толковать таким образом, что они подразумевают это право" и поскольку, с другой стороны, в силу пункта 3 с) ii) статьи 8 Пакта внутреннее регулирование вопросов национальной службы и, следовательно, статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, для тех

¹⁰ Документ E/CN.4/1987/L.73 от 5 марта 1987 года.

¹¹ Л.Т.К. против Финляндии; 9 июля 1985 года сообщение было объявлено неприемлемым.

государств, которые признают такой статус, не относится к сфере действия Пакта, а остается аспектом, охватываемым внутригосударственным законодательством.

4.2 Далее государство-участник решительно заявляет, что автор не отвечает требованиям, позволяющим признать его жертвой. В связи со статьями 18 и 19 Пакта государство-участник утверждает, что за счет признания статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, и предоставления призывникам альтернативных форм прохождения национальной службы оно дает им возможность свободного выбора той разновидности национальной службы, которая соответствует их убеждениям, тем самым обеспечивая осуществление ими прав по статьям 18 и 19 Пакта. В этой связи государство-участник, со ссылкой на решение по вышеуказанному сообщению № 185/1984, приходит к заключению, что поскольку автор был привлечен к судебной ответственности и осужден не за его убеждения или воззрения как таковые, а за дезертирство с места службы, то, следовательно, он не может претендовать на признание его жертвой нарушения статей 18 и 19 Пакта.

4.3 В отношении предполагаемого нарушения статьи 26 Пакта государство-участник, отмечая, что автор жалуется на нарушение данной статьи, поскольку продолжительность альтернативной гражданской службы в два раза превышает срок военной службы, прежде всего заявляет, что "Пакт, запрещая дискриминацию и гарантируя всем людям равную защиту перед законом, все же не запрещает все различия в обращении", в основе которых должны лежать "разумные и объективные критерии"¹². Государство-участник подчеркивает, что положение призывников, проходящих альтернативную гражданскую службу, отличается от положения лиц, проходящих военную службу, особенно в отношении более жестких ограничений, налагаемых службой в армии. Государство-участник ссылается на соображения Комитета относительно сообщения № 295/1988 (Ярвинен против Финляндии), в которых Комитет счел, что 16-месячный срок альтернативной службы для отказников по соображениям совести – что вдвое превышает 8-месячный срок военной службы – "не является необоснованным и не носит карательного характера". Поэтому государство-участник приходит к заключению, что в основе различия в обращении, на которое жалуется автор, лежит принцип равенства, требующий дифференцированного подхода к различным ситуациям.

4.4 С учетом всех этих причин государство-участник просит Комитет объявить данное сообщение неприемлемым.

¹² См. соображения Комитета в отношении сообщения № 196/1985, Гейе против Франции. Соображения были приняты 3 апреля 1989 года.

5.1 Что касается первого довода государства-участника относительно компетенции *ratione materiae*, то автор ссылается на Замечание общего порядка Комитета по статье 18, в котором говорится, что право на отказ от военной службы по соображениям совести "вытекает из статьи 18, поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом исповедовать религию или убеждение. В тех случаях, когда такое право признано законом или практикой, не должно проводиться никаких различий между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести на основании характера их конкретных убеждений; точно так же не должно быть никакой дискриминации в отношении таких лиц из-за их отказа нести военную службу"¹³. Согласно утверждению автора, из этих замечаний со всей очевидностью следует, что Комитет правомочен определять факт наличия или же отсутствия нарушения права на отказ от военной службы по соображениям совести в рамках статьи 18 Пакта.

5.2 Что касается предполагаемого нарушения статьи 26, то автор утверждает, что требование прохождения альтернативной гражданской службы, продолжительность которой в два раза превышает продолжительность военной службы, представляет собой различие в обращении, которое не основано "на разумных и объективных критериях" и, следовательно, является дискриминацией, запрещаемой Пактом (см. указанное выше сообщение № 196/1985). В порядке подкрепления данного заключения автор утверждает, что для увеличения в два раза срока альтернативной гражданской службы по сравнению с военной службой нет никаких оснований; в сущности, в отличие от дела Ярвинена (см. указанное выше сообщение № 295/1988) установление более длительного срока не обосновывается каким-либо смягчением административных процедур для целей получения статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, поскольку, согласно статьям L.116 (2) и L.116 (4) Кодекса национальной службы, ходатайства о предоставлении такого статуса подлежат утверждению министром обороны. Это не является оправданным и с точки зрения всеобщих интересов. Кроме того, статус лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, не дает никаких выгод или преимуществ в отличие, например, от лиц, призываемых не на военную службу, а назначаемых на работу в системе международного сотрудничества, которые имеют возможность трудиться за рубежом в той сфере профессиональной деятельности, которая соответствует полученной ими в университете специальности, в течение 16 месяцев (т.е. на четыре месяца меньше по сравнению со сроком гражданской службы для отказников по соображениям совести) – и, следовательно, различие в обращении не является оправданным и на этом основании.

¹³ Замечание общего порядка № 22 (48), принятое на сорок восьмой сессии Комитета в июле 1993 года.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей шестидесятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения.

6.2 Комитет принял к сведению доводы государства-участника относительно несовместимости сообщения *ratione materiae* с положениями Пакта. В этом отношении Комитет счел, что вопрос, поднимаемый в сообщении, не связан с нарушением права на отказ от военной службы по соображениям совести, как таковым. Комитет счел, что автор в достаточной мере показал, для целей приемлемости, что сообщение может касаться вопросов, соответствующих положениям Пакта.

7. Таким образом, 11 июля 1997 года Комитет признал данное сообщение приемлемым.

Замечания государства-участника по существу сообщения

8.1 В своем представлении от 8 июня 1998 года государство-участник утверждает, что сообщение должно быть отклонено, поскольку автор не представил достаточных доказательств того, что он является жертвой и поскольку его жалобы являются необоснованными.

8.2 Согласно утверждению государства-участника, статья L.116 Кодекса национальной службы в редакции от июля 1983 года закрепляет подлинное право на отказ от военной службы по соображениям совести в том смысле, что об искренности убеждений свидетельствует сам факт подачи ходатайства, если оно подано с соблюдением предусмотренных законом требований (то есть мотивируется утверждением ходатайствующего лица о том, что у него имеются личные предубеждения против применения оружия). Никакой проверки факта наличия таких предубеждений не проводится. Для принятия ходатайств к рассмотрению они должны быть представлены на 15-й день месяца, предшествующего зачислению на военную службу. Таким образом, ходатайство может быть отклонено только в том случае, если оно является немотивированным или подается с нарушением установленных сроков. Существует право подачи апелляции в административный трибунал.

8.3 Хотя с января 1992 года обычная продолжительность военной службы во Франции составляет 10 месяцев, для некоторых видов национальной службы установлен срок в 12 месяцев (военная служба научных работников) и 16 месяцев (гражданская служба вспомогательного технического персонала). Продолжительность службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, составляет 20 месяцев. Государство-участник отрицает, что такой срок носит карательный или

дискриминационный характер. Утверждается, что это является единственным способом удостовериться в искренности убеждений, поскольку проверка последних в административном порядке больше не проводится. После завершения службы лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, приобретают те же права, что и лица, прошедшие национальную гражданскую службу.

8.4 Государство-участник информирует Комитет о том, что 28 октября 1997 года был принят закон о проведении реформы национальной службы. На основании этого закона все юноши и девушки в возрасте от 16 до 18 лет должны будут проходить однодневные военные сборы. Предусматривается возможность факультативной добровольной службы продолжительностью 12 месяцев, которая может продлеваться на срок до 60 месяцев. Новый закон применяется к мужчинам, родившимся после 31 декабря 1978 года, и женщинам, родившимся после 31 декабря 1982 года.

8.5 Согласно утверждению государства-участника, действующая в нем система отказа от военной службы по соображениям совести, как она применяется к автору, согласуется с требованиями статей 18, 19 и 26 Пакта и с Замечанием общего порядка № 22 Комитета. Государство-участник заявляет, что в рамках установленного им режима применительно к отказу от военной службы по соображениям совести, не проводится какого-либо различия по признаку убеждений и не предусматривается никакого процесса проверки мотивов, излагаемых ходатайствующими лицами, как это происходит во многих соседних странах. В отношении отказников по соображениям совести не существует никакой дискриминации, поскольку их служба является признанной разновидностью национальной службы, приравненной к военной или другим видам гражданской службы. В 1997 году чуть меньше 50% лиц, проходивших гражданскую службу, делали это на основе отказа от военной службы по соображениям совести.

8.6 Государство-участник заявляет, что автор настоящего сообщения не подвергался никакой дискриминации на том основании, что он предпочел проходить национальную службу как лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести. Оно отмечает, что автор был осужден за несоблюдение обязательств, налагаемых на него в рамках гражданской службы, которую он сам свободно избрал, причем до этого он никогда не высказывал возражений против продолжительности службы. Таким образом, он был осужден не в силу его личных убеждений и не по причине выбора им альтернативной гражданской службы, а на основании отказа соблюдать условия, диктуемые такого рода службой. В этой связи государство-участник отмечает, что оно могло предоставить автору возможность выбора другого вида неармейской национальной службы, как, например, вспомогательная техническая служба. На этом основании государство-участник утверждает, что автор не доказал, что он является жертвой какого-либо нарушения со стороны государства-участника.

8.7 Далее, государство-участник утверждает, что заявление автора является необоснованным. Государство-участник напоминает, что, согласно решениям самого Комитета, не все различия в обращении представляют собой дискриминацию, если они основаны на разумных и объективных критериях. В данном контексте государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу № 295/1998 (Ярвинен против Финляндии), в котором речь шла о 16-месячном сроке службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, и о 8-месячном – для остальных призывников, но когда Комитет пришел к выводу, что никакого нарушения Пакта не имеется, поскольку продолжительность службы служит показателем искренности убеждений призывников, ходатайствующих о статусе лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, ибо никакой дальнейшей проверки причин отказа не проводится. Государство-участник заявляет, что в отношении данного дела должны применяться те же доводы.

8.8 В этом контексте государство-участник также отмечает, что условия альтернативной гражданской службы являются менее тяжелыми по сравнению с военной службой. Лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, предоставляется широкий выбор постов. Они могут также предлагать своего собственного работодателя и могут проходить службу по специальности. Они также получают более высокую плату по сравнению с лицами, проходящими службу в рядах вооруженных сил. В этой связи государство-участник отвергает утверждение адвоката, будто лица, работающие в системе международного сотрудничества, находятся в привилегированном положении по сравнению с отказниками от военной службы по соображениям совести, и заявляет, что первым зачастую приходится трудиться в весьма трудных условиях в чужой стране, тогда как последние проходят службу на территории Франции.

8.9 Государство-участник приходит к выводу, что срок службы автора настоящего сообщения не носит дискриминационного характера по сравнению с другими видами гражданской или военной службы. Существующие различия в продолжительности службы являются обоснованными и отражают объективные различия между разными видами службы. Кроме того, государство-участник заявляет, что в большинстве европейских стран срок службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, превышает срок военной службы.

Замечания адвоката

9.1 В своих замечаниях адвокат заявляет, что речь идет об условиях гражданской службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести. Он заявляет, что в два раза больший срок такой службы не обосновывается какими-либо

соображениями общественного порядка и ссылается в этой связи на пункт 3 статьи 18 Пакта, которым предусматривается, что свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Он также ссылается на Замечание общего порядка № 22 Комитета, в котором Комитет заявляет, что ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом.

Он утверждает, что навязывание лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной, представляет собой дискриминационное ограничение, поскольку открытая демонстрация такого убеждения, как отказ брать в руки оружие, сама по себе не затрагивает общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц, ибо законом четко признается право на отказ от военной службы по соображениям совести.

9.2 Адвокат заявляет, что, в отличие от того, что указывается в представлении государства-участника, призывники, ходатайствующие о получении статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, подвергаются административной проверке, и возможности выбора условий службы у них не имеется. В этой связи адвокат ссылается на установленные законом требования, согласно которым ходатайство должно быть представлено до 15 числа месяца, предшествующего зачислению на военную службу, и что оно должно быть мотивированным. Таким образом, министр обороны может отказать в удовлетворении ходатайства, и никакого автоматического права на получение статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, не существует. Отсюда, как утверждает адвокат, со всей очевидностью следует, что мотивы лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, подвергаются проверке.

9.3 Адвокат отвергает довод государства-участника о том, что автор сам осознанно выбрал вид службы для прохождения. Адвокат подчеркивает, что автор сделал свой выбор на основе своих убеждений, а не исходя из продолжительности службы. Что касается условий службы, то у него выбора не было. Адвокат утверждает, что не существует никаких причин, продиктованных интересами общественного порядка, которые обосновывали бы продолжительность гражданской службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, которая в два раза превышает продолжительность военной службы.

9.4 Адвокат считает, что такая продолжительность представляет собой дискриминацию по признаку убеждений. Ссылаясь на соображения Комитета в отношении сообщения № 295/1988 (Ярвинен против Финляндии), адвокат заявляет, что настоящий

случай требует дифференцированного подхода, поскольку в первом случае продление сроков службы являлось, по мнению большинства членов Комитета, обоснованным ввиду отсутствия административных процедур признания статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести.

9.5 Если говорить о других видах гражданской службы, и особенно о лицах, работающих в системе международного сотрудничества, то адвокат отвергает довод государства-участника, что последним зачастую приходится работать в трудных условиях, утверждая, напротив, что такая служба часто связана с работой в другой европейской стране, причем в благоприятных условиях. Кроме того, работающие в такой системе лица накапливают профессиональный опыт. Согласно утверждению адвоката, лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести, не получает от своей службы каких-либо выгод. В отношении довода государства-участника о том, что продление срока службы является своеобразной проверкой искренности убеждений лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, адвокат утверждает, что такого рода проверка сама по себе представляет вопиющую дискриминацию, поскольку искренность тех лиц, которые записываются для прохождения другого вида гражданской службы, не подвергается проверке. Что касается упоминаемых государством-участником преимуществ (как, например, отсутствие необходимости носить форму или подчиняться военной дисциплине), то адвокат отмечает, что теми же преимуществами пользуются и лица, проходящие другие виды гражданской службы, продолжительность которой не превышает, однако, 16 месяцев. В отношении довода государства-участника о том, что лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, получают более высокую плату по сравнению с призывниками, проходящими военную службу, адвокат отмечает, что такие лица работают в рамках структур, где они рассматриваются как лица, работающие по найму, и, следовательно, вполне естественно, получают определенное вознаграждение. Он заявляет, что размер платы является незначительным по сравнению с объемом выполняемой работы и гораздо ниже по сравнению с платой, получаемой обычными рабочими и служащими. Согласно утверждению адвоката, лица, работающие в системе международного сотрудничества, являются более высокооплачиваемыми.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что автор не является жертвой какого-либо нарушения, поскольку он был осужден не за его личные убеждения, а за дезертирство со службы, свободно избранной им самим. Однако Комитет

отмечает, что в ходе судебного разбирательства автор сослался в качестве довода, обосновывающего его дезертирство, на право на равенство в обращении между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести, и обычными призывниками и что данное заявление находит отражение в судебных решениях. Он также принимает к сведению утверждение автора о том, что как лицу, отказавшемуся от военной службы по соображениям совести, ему не было предоставлено свободного выбора вида службы, которую он должен проходить. Поэтому Комитет считает, что автор отвечает требованиям, позволяющим квалифицировать его в качестве жертвы для целей Факультативного протокола.

10.3 Комитету надлежит определить, представляют ли конкретные условия, в которых автор был вынужден проходить альтернативную службу, нарушение Пакта. Комитет отмечает, что по смыслу статьи 8 Пакта государства-участники могут требовать прохождения службы военного характера, а в случае отказа от военной службы по соображениям совести – альтернативной национальной службы, при условии, что такая служба не носит дискриминационного характера. Автор утверждает, что предусмотренное французским законом требование о прохождении 24-месячной национальной альтернативной службы по сравнению с 12-месячной военной службой является дискриминационным и нарушает принцип равенства перед законом и равной защиты закона, закрепленный в статье 26 Пакта. Комитет вновь подтверждает свою позицию, состоящую в том, что статья 26 не запрещает все различия в обращении. Вместе с тем, в основе любого дифференцированного подхода, как об этом неоднократно заявлял Комитет, должны лежать обоснованные и объективные критерии. В этой связи Комитет признает, что по закону и на практике могут устанавливаться различия между военной и национальной альтернативной службой и что такие различия могут в том или ином конкретном случае обосновывать продление срока службы при условии, что в основе такого дифференцированного подхода лежат разумные и объективные критерии, как, например, характер конкретной службы или необходимость специальной подготовки для прохождения такой службы. В данном же случае выдвинутые государством-участником аргументы не связаны с такими критериями и не опираются на критерии общего характера без конкретной увязки с делом автора, а строятся скорее на доводе о том, что увеличение в два раза продолжительности службы является единственным способом проверки искренности убеждений того или иного лица. По мнению Комитета, такой довод не удовлетворяет требованию, предусматривающему, чтобы применительно к данному случаю в основе различия в обращении лежали разумные и объективные критерии. С учетом обстоятельств дела Комитет считает, что в данном случае имело место нарушение статьи 26, поскольку автор подвергся дискриминации по признаку его убеждений.

11. Комитет по правам человека, действуя согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что изложенные перед ним факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. Комитет по правам человека с удовлетворением отмечает, что государство-участник внесло изменения в закон, с тем чтобы подобные нарушения не повторялись больше в будущем. С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что установление факта нарушения обеспечивает автору сообщения надлежащее средство правовой защиты.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущен также на арабском, китайском и русском языках как часть ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

Добавление

Особое (несовпадающее) мнение членов Комитета Нисуке Андо,
Экарта Кляйна и Дэвида Крецмера

1. Мы разделяем подход, согласно которому статья 26 Пакта не запрещает все различия в обращении, однако в основе любого дифференцированного подхода должны лежать обоснованные и объективные критерии. (См. также Замечание общего порядка № 18 Комитета.) Однако мы не можем согласиться с мнением Комитета о том, что в данном случае различие в обращении между автором сообщения и призывниками на военную службу не основывалось на таких критериях.
2. Статьей 8 Пакта, запрещающей принудительный и обязательный труд, предусматривается, что данным запрещением не охватывается "какая бы то ни было служба военного характера, а в тех странах, в которых признается отказ от военной службы по политическим и религиозно-этическим мотивам, - какая бы то ни было служба, предусматриваемая законом для лиц, отказывающихся от военной службы по таким мотивам". Данным положением подразумевается, что государство-участник может устанавливать ограничения в отношении освобождения от обязательной военной службы лиц, отказывающихся от нее по соображениям совести. Оно может отказать в предоставлении такого освобождения лицам всех другим категорий, которые предпочли бы не проходить военную службу, будь то по личным, экономическим или политическим соображениям.
3. Поскольку на освобождение от военной службы лиц, отказывающихся от нее по соображениям совести, могут быть установлены ограничения, представляется также очевидным, что государство-участник может вводить разумные механизмы проведения различия между лицами, желающими избежать военной службы по соображениям совести, и лицами, желающими добиться этого по другим, неприемлемым мотивам. Одним из механизмов такого рода может быть создание соответствующего административного органа, отвечающего за рассмотрение заявлений об освобождении от военной службы и принятие решений относительно того, подкрепляется ли такое ходатайство наличием подлинных убеждений. Однако функционирование таких административных органов видится весьма проблематичным, поскольку это может быть сопряжено с вмешательством в сферу частной жизни и морально-этических убеждений. Поэтому абсолютно разумным представляется установление государством-участником альтернативного механизма, например предъявление требования в виде прохождения лицами, ходатайствующими об освобождении от военной службы, более длительного срока альтернативной службы. (См. соображения Комитета относительно

сообщения № 295/1988, Ярвинен против Финляндии.) Цель такого подхода состоит в уменьшении вероятности того, что призывники будут добиваться своего освобождения от военной службы по соображениям совести, руководствуясь при этом соображениями личной выгоды или удобства. Однако даже при принятии такого подхода продление срока службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, не должно носить карательного характера. Оно не должно приводить к ситуациям, при которых лицо, отказывающееся от военной службы из подлинных убеждений, может быть принуждено отказаться от своих воззрений.

4. В настоящем случае срок военной службы составляет 12 месяцев, тогда как срок службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, - 24 месяца. Поскольку единственный довод, выдвинутый государством-участником в обоснование такого продления срока службы, касается механизма отбора, мы склонны считать, что подобное увеличение продолжительности службы является чрезмерным и может рассматриваться как носящее карательный характер. Однако для оценки того, лежат ли в основе различия в обращении между автором сообщения и лицами, проходящими военную службу, обоснованные и объективные критерии, необходимо учитывать все соответствующие факты. Комитет не потрудился сделать этого.

5. Государство-участник утверждает, что условия альтернативной службы отличаются от условий военной службы (см. пункт 8.8 соображений Комитета). Солдаты назначаются на место прохождения службы без какой-либо возможности выбора, в то время как лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, предоставляется широкий выбор постов. Они могут предлагать своих собственных работодателей и могут проходить службу по своей специальности. Кроме того, они получают более высокое вознаграждение по сравнению с лицами, проходящими службу в рядах вооруженных сил. К этому следует добавить, что военная служба, по определению, сопряжена с тяготами, которые не выпадают на долю лиц, проходящих альтернативную службу, как, например, круглосуточная военная дисциплина и риск быть раненым или даже убитым в ходе военных маневров или военных действий. Автор не опроверг доводов, касающихся различий между военной и альтернативной службой, а просто утверждал, что лица, проходящие другие виды гражданской службы, также находятся на особом положении. Данный довод не имеет отношения к настоящему случаю, поскольку автор проходил службу до того, как была введена система гражданской службы.

6. В свете всех обстоятельств данного дела довод о том, что разница в 12 месяцев между военной службой и службой для лиц, отказывающихся от нее по соображениям совести, равнозначна дискриминации, представляется неубедительным. В основе дифференцированного подхода к лицам, проходящим военную службу, и лицам, отказывающимся от нее по соображениям совести, лежат обоснованные и объективные

критерии, и такой подход неравнозначен дискриминации. Поэтому мы не можем присоединиться к выводу Комитета о наличии в данном случае факта нарушения статьи 26 Пакта.

Н. Андо (подпись)

Э. Кляйн (подпись)

Д. Крецмер (подпись)

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии подлежит переводу также на арабский, китайский и русский языки в качестве части настоящего доклада.]

D. Сообщение № 682/1996, Уэстерман против Нидерландов
(Соображения приняты 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Паулем Уэстерманом (представлен юрисконсультom,
г-ном Е.Т. Хюммельсом)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Нидерланды

Дата сообщения: 22 ноября 1995 года

Дата решения о приемлемости: 16 октября 1997 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 3 ноября 1999 года

завершив рассмотрение сообщения № 682/1996, представленного Комитету по
правам человека от имени Пауля Уэстермана в соответствии с Факультативным
протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему автором
сообщения, его защитником и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторom сообщения является Пауль Уэстерман, гражданин Нидерландов,
родившийся 25 января 1961 года. Автор утверждает, что он является жертвой нарушения
Нидерландами статей 15 и 18 Пакта. Он представлен юрисконсультom
г-ном Е.Т. Хюммельсом.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены
Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати,
г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия
Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман
Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захия. К настоящему документу
прилагается текст двух особых мнений, подписанных шестью членами Комитета.

Представленные факты

2.1 Автор утверждает, что он отказывается от военной службы по соображениям совести, однако его заявление о признании его в качестве лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести в соответствии с Законом о военной службе (отказ от военной службы по соображениям совести) (Wet Gewetensbezwaarden Militaire Dienst), властями Нидерландов было отклонено. Апелляция автора против такого решения была отклонена министром обороны и впоследствии Государственным советом (Raad van State). В результате автор был признан пригодным для несения военной службы.

2.2 В начале военной службы автора, 29 октября 1990 года, офицер приказал ему надеть форму, что тот сделать отказался. Автор утверждал, что он отказывается нести военную службу в любом виде по соображениям совести. Несмотря на то, что офицер напомнил автору, что неподчинение является уголовным преступлением, автор по-прежнему отказывался выполнять любые воинские приказы.

2.3 22 ноября 1990 года это дело рассматривалось военным трибуналом в Арнеме (Arrondissementskrijgsraad) на основании статьи 114 Военно-уголовного кодекса (Wetboek van Militaire Strafrecht), в которой предусматривается, что "отказ от исполнения приказа военным служащим или умышленное неповиновение, либо нарушение такого приказа по собственной инициативе наказывается лишением свободы на срок максимум один год и девять месяцев по обвинению в умышленном неповиновении.

"...максимальный срок наказания увеличивается в два раза, если:

1. нарушитель умышленно продолжает не подчиняться, после того как вышестоящий начальник указал ему на то, что его поведение уголовно наказуемо.

2. ...".

2.4 1 января 1991 года вступило в силу новое законодательство, касающееся военной юстиции. В новой статье 139 Военно-уголовного кодекса предусматривается следующее:

"1. Отказ военным служащего от несения каких-либо воинских обязанностей любого характера либо их умышленное неисполнение наказывается лишением свободы на максимальный срок в два года либо штрафом четвертой категории.

2. ...".

2.5 Автор был вызван прокурором в суд, и затем его дело рассматривалось окружным судом Арнема в соответствии с новым законодательством за отказ нести военную службу в нарушение статьи 139 Военно-уголовного кодекса. 19 марта 1991 года окружной суд Арнема объявил дело против автора недопустимым на том основании, что статья 139 вступила в силу уже после отказа автора нести военную службу и что до этой даты какого-либо эквивалентного правового положения, объявляющего отказ от несения военной службы преступлением по закону, не существовало.

2.6 По апелляции, поданной прокурором, апелляционный суд (Gerechtshof) Арнема в постановлении от 14 августа 1991 года пришел к выводу, что в момент инцидента, произошедшего в октябре 1990 года, полный отказ от несения любой военной службы квалифицировался в качестве уголовного преступления на основании прежней статьи 114 Военно-уголовного кодекса. Апелляционный суд указал, что новая статья 139 Военно-уголовного кодекса была сформулирована по-иному, однако это не означает, что была изменена позиция в отношении преступности данного поведения. Далее апелляционный суд констатировал, что отказ автора от несения военной службы по соображениям совести не является основанием для освобождения от ответственности, и отметил, что возражения автора уже рассматривались в ходе разбирательства по его ходатайству о признании его в качестве лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, и были отклонены. Суд приговорил автора к девяти месяцам тюремного заключения.

2.7 Автор подал кассационную жалобу в Верховный суд (Hoge Raad). 24 ноября 1992 года Верховный суд подтвердил решение апелляционного суда и отклонил кассационную жалобу автора. На этом, как утверждается, все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

3.1 Признание автора виновным, как утверждается, представляет собой нарушение статей 15 и 18 Пакта. В этом контексте защитник заявляет, что пояснительная записка правительства, сопровождавшая представление новой статьи 139 в парламенте, показывает, что основная цель новой статьи заключается в признании преступлением по закону поведения "полного отказника", а не просто факта неисполнения приказа. Защитник поясняет, что до введения (новой) статьи 139 отказ от любой военной службы мог рассматриваться только с точки зрения строгости приговора, однако после принятия (новой) статьи 139 полный отказ от несения военной службы стал элементом состава преступления.

3.2 Далее автор утверждает, что, по его мнению, военная служба по своему характеру противоречит моральному предназначению человека. Отказ судов рассматривать

идейные соображения автора против военной службы в качестве оправдывающего обстоятельства для его отказа нести военную службу и освободить автора от ответственности, как утверждается, представляет собой нарушение статьи 18 Пакта.

Решение Комитета о приемлемости

4. 9 мая 1996 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что оно не имеет никаких возражений в отношении приемлемости данного сообщения.
5. 16 октября 1997 года Комитет отметил, что каких-либо препятствий с точки зрения приемлемости сообщения не существует, и сделал вывод о том, что вопросы, поднятые в этом сообщении, следует рассмотреть по существу.

Замечания государства-участника

6.1 В сообщении от 12 мая 1998 года государство-участник напоминает об обстоятельствах этого дела и цитирует выводы Верховного суда, принятые им в связи с отклонением кассационной жалобы автора:

"Апелляционный суд выразил свое мнение о том, что данное деяние – отказ носить военную форму как выражение общего отказа от военной службы – в момент его совершения являлось правонарушением на основании статьи 114 прежнего Военно-уголовного кодекса, равно как оно квалифицируется правонарушением и в соответствии с действующим законодательством согласно положениям статьи 139 нового Военно-уголовного кодекса. Нельзя утверждать, что, принимая такое решение, апелляционный суд неправильно толковал статью 1 Уголовного кодекса¹⁴ либо что его судебное решение не имело достаточных оснований.

...В изложении оснований для апелляции не учитывается препятствие для аргументации защиты, ссылающейся на освобождение от уголовной ответственности на основании отказа от любой формы военной службы по соображениям совести, а именно игнорируется тот факт, что процедура признания правомерности такого отказа по соображениям совести полностью регулируется Законом о военной службе (отказ от военной службы по соображениям совести)".

¹⁴ Статья 1 Уголовного кодекса запрещает ретроактивное применение уголовного законодательства.

6.2 Государство-участник утверждает, что в случае автора статья 15 не была нарушена. Оно отмечает, что в соответствии с принципом *nulla poena* соответствующее лицо заранее знает, что деяние, которое он собирается совершить, является правонарушением по статутному праву. Автору было известно или могло бы быть известно, что отказ надеть военную форму как выражение отказа нести военную службу является правонарушением на основании Военно-уголовного кодекса.

6.3 Во-вторых, государство-участник указывает, что законодательная поправка, являющаяся предметом спора в данном деле, не была обусловлена изменением позиции в отношении правомерности наказания за данное деяние. Оно напоминает о том, что в статье 114 прежнего Военно-уголовного кодекса отказ исполнять воинские приказы квалифицировался в качестве преступления и что в соответствии со статьей 139 нового кодекса отказ от исполнения воинских обязанностей в целом либо преднамеренное неисполнение воинских обязанностей также квалифицируется в качестве правонарушения. Оно разъясняет, что данная поправка является частью серии законодательных поправок, направленных на проведение четкого различия между уголовным и дисциплинарным военным законодательством. В соответствии с новым законодательством единственными деяниями, определяемыми в качестве уголовных правонарушений, являются деяния, противоречащие основной цели вооруженных сил. Все другие нарушения охватываются нормами дисциплинарного права. Таким образом, уголовное право больше не применяется в отношении простого отказа исполнять служебные обязанности. Однако полный отказ от несения военной службы по-прежнему является уголовным правонарушением и сейчас подпадает под действие статьи 139. Согласно государству-участнику, формулировка новой статьи была изменена по техническим законодательным причинам, поскольку прежнее всеобъемлющее положение потеряло силу, и этой новой статьей не было создано никакого нового правонарушения. Переходный закон позволяет изменять пункты обвинения, выдвинутые на основании прежнего закона, в целях их приведения в соответствие с новым законом. Государство-участник отмечает, что максимальный приговор, предусмотренный в новом положении, является менее суровым по сравнению с прежним положением.

6.4 Что касается утверждения автора относительно статьи 18, то государство-участник ссылается на практику Комитета, подтверждающую, что Пакт не препятствует введению института обязательной военной службы. Согласно Пакту, вопрос о признании государствами-участниками принципа отказа от несения военной службы по соображениям совести в явно выраженной форме оставлен на усмотрение самих государств. Таким образом, по мнению государства-участника, требование нести военную службу не означает, что автор является жертвой нарушения статьи 18.

6.5 В связи с утверждением автора о том, что послужившие причиной для его отказа от военной службы соображения совести не были учтены судами, государство-участник отмечает, что в соответствии с законодательством Нидерландов лица, отказывающиеся от несения военной службы по соображениям совести, могут ходатайствовать о признании обоснованности такого отказа на основании Закона о военной службе (отказ от военной службы по соображениям совести). Согласно этому закону, отказ от военной службы по соображениям совести определен следующим образом: "принципиальные возражения со ссылкой на соображения совести против личного несения военной службы по причине использования насильственных средств, к чему может оказаться причастным данное лицо во время службы в вооруженных силах Нидерландов". Ходатайство автора было отклонено министром обороны в решении от 25 января 1989 года на том основании, что выдвинутое автором возражение относительно того, что он будет не способен принимать самостоятельные решения в вооруженных силах, не является достаточным основанием для признания такого возражения соответствующим закону, поскольку это связано главным образом с иерархической структурой армии и необязательно имеет отношение к применению насилия. Высший административный суд отклонил апелляционную жалобу автора против решения министра. Поскольку оценку возражений автора против несения военной службы дал высший административный суд, который пришел к выводу, что они не являются возражениями против военной службы со ссылкой на соображения совести на основании Закона о военной службе (отказ от военной службы по соображениям совести), они не могут вновь оцениваться уголовными судами. Государство-участник заявляет, что в случае автора статья 18 не была нарушена.

Замечания адвоката

7.1 30 августа 1998 года адвокат проинформировал Комитет о том, что автор был заключен в тюрьму 8 августа 1998 года для исполнения приговора о лишении свободы, который был ему вынесен по судебному решению от 14 августа 1991 года.

7.2 В связи с замечаниями государства-участника адвокат заявляет, что 29 октября 1990 года автор знал о том, что отказ надеть военную форму является правонарушением на основании статьи 114 Военно-уголовного кодекса. Однако эта статья была отменена 1 января 1991 года, а дело автора рассматривалось после 1 января 1991 года. Адвокат вновь отмечает, что целью введения новой статьи 139 является признание уголовно наказуемым поведения полного отказника, что не было уголовно наказуемым ранее. Поэтому он утверждает, что правонарушение, созданное статьей 139, является новым правонарушением, не соответствующим правонарушению, которое раньше квалифицировалось в качестве уголовно наказуемого согласно статье 114.

7.3 Далее адвокат утверждает, что в стране, где существуют нормативные положения, касающиеся отказа от несения военной службы по соображениям совести, статьи Пакта по-прежнему применимы. По мнению адвоката, тот факт, что возражения автора не были признаны в качестве соображений совести по смыслу данного закона, не означает, что его возражения не являются соображениями совести. Поэтому отказ уголовных судов принимать его возражения во внимание и прекратить его дело являются нарушением статьи 18 Пакта, поскольку автор был подвергнут уголовному преследованию на основании его убеждений.

Дополнительное сообщение государства-участника

8. 9 сентября 1998 года государство-участник направило автору копию письма министра юстиции от 7 сентября 1998 года. Из этого письма следует, что 16 мая 1994 года автор не явился по вызову для отбытия своего приговора и что 8 августа 1998 года он был арестован и заключен под стражу. После ареста автор подал ходатайство о помиловании и просил освободить его до принятия решения. В письме министр отклонил его ходатайство о немедленном освобождении, но указал, что он будет временно освобожден из-под стражи через три месяца, если решение о его помиловании еще не будет принято.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет отмечает, что в момент отказа автора подчиниться приказу и продолжения неисполнения им военных приказов эти деяния являлись правонарушением в соответствии с Военно-уголовным кодексом, в связи с чем ему было предъявлено обвинение. Позднее, но еще до вынесения приговора, автору Кодекс был изменен, и измененный Кодекс был применен к делу автора. На основании нового Кодекса отказ автора подчиняться военным приказам по-прежнему квалифицировался в качестве уголовного правонарушения. Комитет принял к сведению довод автора о том, что характер правонарушения в новом Кодексе отличается от характера правонарушения в прежнем, поскольку в новом Кодексе речь идет о полном отказе, - поведении, а не единовременном отказе исполнять приказы. Комитет отмечает, что деяния, являющиеся правонарушением на основании нового Кодекса, сводятся к тому, что автор отказался исполнять *любые* военные обязанности. Эти деяния квалифицировались в качестве правонарушения в момент их совершения в соответствии с прежним Кодексом и в то время подлежали наказанию в виде лишения свободы на срок в 21 месяц (за единовременное деяние) или на срок в 42 месяца (за неоднократные деяния).

Вынесенный автору приговор, предусматривающий 9-месячное тюремное заключение, не был более строгим, чем приговор, который мог бы быть вынесен в момент совершения правонарушения. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что обстоятельства данного дела не свидетельствуют о нарушении статьи 15 Пакта.

9.3 В связи с утверждением автора о том, что признание его виновным является нарушением статьи 18 Пакта, Комитет отмечает, что право на свободу совести само по себе не означает право отказываться от исполнения любых обязательств, налагаемых законом, равно как оно не предусматривает и освобождения от уголовной ответственности в отношении каждого такого отказа. Тем не менее Комитет в своем замечании общего порядка выразил мнение о том, что право отказываться от военной службы по соображениям совести может вытекать из статьи 18 [Замечание общего порядка 22, статья 18, сорок восьмая сессия, 1993 год]. В своем Замечании общего характера по статье 18 Комитет счел, что "обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом исповедовать религию и убеждения". Комитет отмечает, что в соответствии с законодательством Нидерландов существует процедура признания отказа от несения военной службы по соображениям совести на основании принципиального возражения со ссылкой на соображения совести против военной службы по причине использования насильственных средств (пункт 6.5).

9.4 Автор пытался добиться признания его в качестве лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести. Министр обороны счел, что возражения автора, связанные с тем, что он не в состоянии принимать решения за самого себя, не являются основанием для признания его в качестве такого лица в соответствии с законодательством Нидерландов. В своей апелляции в Государственный совет (от 13 февраля 1989 года) против непризнания его в качестве лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, автор утверждал следующее:

"Ни при каких условиях податель апелляции не будет выполнять обязанность по несению военной службы в вооруженных силах Нидерландов, поскольку вооруженные силы в силу своего характера противоречат предназначению человека. В частности, вооруженные силы требуют от военнослужащих отказаться от своего самого основного и неотъемлемого права, которым они наделены как человеческие существа, а именно права действовать в соответствии со своим моральным предназначением или своей сущностью. "Военнослужащий" вынужден отказаться от своего права голоса и стать инструментом в руках других людей - инструментом, который в конечном счете призван убивать своих ближних, когда эти другие люди считают это необходимым.

Такой инструмент (или вооруженные силы) могут четко функционировать только в том случае, когда моральные качества или моральные устои военнослужащих разрушены. Любой человек, способный раскрыться, прислушаться к чувству своего морального долга, согласится с тем, что исключение вооруженных сил из нашего общества имеет крайне важное значение – значение, которое выходит за пределы возможных последствий протеста согласно уголовному законодательству".

12 февраля 1990 года отдел по административным спорам Государственного совета объявил его апелляцию необоснованной.

Как следствие отклонения требований автора о признании его в качестве лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, отказ автора исполнять военные обязанности стал основанием для обвинения его в совершении уголовного правонарушения.

9.5 Комитет должен найти ответ на вопрос, явилось ли в случае автора наложение санкций, предусматривающих возможность принудительного осуществления им воинской обязанности, нарушением его права на свободу совести. Комитет отмечает, что власти государства-участника оценили факты и доводы, выдвинутые автором в поддержку своего требования об освобождении от службы как лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, в свете действующих в государстве правовых положений в отношении отказа от военной службы по соображениям совести и что эти правовые положения совместимы с положениями статьи 18¹⁵. Комитет считает, что автор не смог убедить власти государства-участника в том, что у него имеются "принципиальные возражения со ссылкой на соображения совести против... военной службы по причине использования насильственных средств" (пункт 6.5). Никакие обстоятельства данного дела не требуют от Комитета давать свою собственную оценку данного дела и подменять ею оценку национальных властей.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, делает вывод о том, что находящиеся в его распоряжении факты не свидетельствуют о нарушении какой-либо из статей Международного пакта о гражданских и политических правах.

¹⁵ См. Замечание общего порядка 22 (48), пункт 11, касающийся права на отказ от военной службы по соображениям совести.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущен также на арабском, китайском и русском языках как часть ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

Добавление

Особое (несогласное) мнение членов Комитета П. Бхагвати, Л. Хенкина,
С. Медины Кироги, Ф. Покара и М. Шейнина

По нашему мнению, основания автора для отказа от военной службы по соображениям совести, изложенные в пункте 9.4 соображений Комитета, свидетельствуют о том, что его отказ является законным проявлением его свободы мысли, совести и религии в соответствии со статьей 18 Пакта. Доводы государства-участника, представленные в обоснование отклонения требования автора о признании его статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, и отраженные в пункте 6.4 и 6.5 текста соображений, возможно, достаточны для разъяснения того, почему доводы автора не являются основанием для признания его в качестве лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, в соответствии с внутренним законодательством государства-участника. Однако мы полагаем, что государство-участник не смогло обосновать своего решения оспорить право автора в соответствии со статьей 18 Пакта в форме отказа признать его статус лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, и назначить ему срок тюремного заключения. Как указывалось Комитетом в пункте 11 его замечания общего характера 22 [48], не должно проводиться никаких различий между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести, на основании характера их особых убеждений. Мы полагаем, что автор является жертвой нарушения статьи 18.

(подпись)

П. Бхагвати

(подпись)

Л. Энкин

(подпись)

Ф. Покар

(подпись)

С. Медина Кирога

(подпись)

М. Шейнин

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (несогласное) мнение члена Комитета И. Солари Иригойена

По моему мнению, решение Комитета было бы целесообразно сформулировать следующим образом:

9.2 Комитет отмечает, что с момента своего первого контакта с военными властями страны по поводу военной службы автор настаивал на том, что он отказывается от военной службы по соображениям совести и что соответствующие власти – министр обороны и Государственный совет – отказались предоставить ему такой статус и признали его пригодным к военной службе.

В самом начале своей военной службы, 29 октября 1990 года, автор вновь заявил, что в силу своего положения "полного" отказника по соображениям совести он не может нести военную службу ни в каком виде, и отказался надеть форму, когда ему приказал это сделать один из офицеров. По мнению государства-участника, автор совершил преступления, связанные с неподчинением и отказом нести военную службу в любом виде, что является наказуемым на основании действовавшей в то время статьи 114 Военно-уголовного кодекса. С точки зрения автора, его отказ нести военную службу и подчиниться приказу надеть форму является следствием того факта, что он отказывается от военной службы по соображениям совести. Апелляционный суд Арнема приговорил автора к девяти месяцам тюремного заключения, и такой приговор был подтвержден Верховным судом. В этих судебных решениях был отклонен довод, касающийся отказа от военной службы по соображениям совести, на что неоднократно ссылался автор.

Законодательство государства-участника признает в ограниченной степени право на отказ от военной службы по соображениям совести, когда эти соображения являются принципиальным препятствием для несения военной службы "по причине использования насильственных средств, к чему может оказаться причастным данное лицо во время службы...", как это указано в пункте 6.5. Следовательно, положение "полного отказника", на которое ссылается автор для разьяснения несовместимости своих убеждений с военной службой, ее порядком и военными приказами, не может соизмеряться с ограничениями, предусмотренными законодательством Нидерландов, и будет крайне трудно установить в мирное время, когда "насильственные средства" не используются. Тем не менее даже в мирное время военная служба связана с войной.

В связи с утверждением автора о том, что его случай представляет собой нарушение статьи 15 Пакта, Комитет отмечает, что приговор основан на законодательстве, действовавшем в момент совершения деяний, а не на законодательстве, которое было принято впоследствии. Поэтому Комитет считает, что статья 15 не была нарушена.

9.3 Автор утверждает далее, что вынесенный ему приговор связан с нарушением статьи 18 Пакта. Поэтому Комитет должен определить, была ли нарушена данная статья. Позиции сторон свидетельствуют о конфликте ценностей, в котором до сих пор превалировала позиция государства, если учитывать обязательный, а не добровольный характер военной службы. Отказ от военной службы по соображениям совести основан на плюралистической концепции общества, в котором определяющим фактором является согласие, а не принуждение.

Комитет полагает, что отказ от военной службы по соображениям совести является непосредственным проявлением свободы мысли, совести и религии, которая признается в статье 18 Всеобщей декларации прав человека и закреплена в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, свидетельством чему является растущая тенденция признания этого основного права в законодательствах стран без ущерба для положения, охватывающего ситуации, подобные рассматриваемой, относительно альтернативной службы, концепция которой основана на признании принципа равенства перед законом. Одним из примеров такой тенденции является проект резолюции Комиссии по правам человека E/CN.4/1998/L.93, касающейся отказа от военной службы по соображениям совести, авторами которой являются государство-участник и 11 других европейских государств.

10. Ввиду того факта, что вынесенный автору приговор является прямым следствием непризнания права автора на отказ от военной службы по соображениям совести, на которое он неоднократно ссылался, Комитет считает, что в данном случае имеет место нарушение статьи 18 Пакта.

Вышеизложенное является моим особым мнением.

(подпись)

Иполито Солари Иригойен

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является испанский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Е. Сообщение № 688/1996, Каролина Телье Арредондо против Перу (Соображения приняты 27 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: г-жой Каролиной Телье Арредондо

Предполагаемая жертва: Мария Сибила Арредондо

Государство-участник: Перу

Дата сообщения: 17 ноября 1995 года (первоначальное представление)

Предыдущие решения: Решение Специального докладчика в соответствии с правилом 91, переданное государству-участнику 16 апреля 1996 года (в форме документа не издавалось); ССРР/С/64/D/688/1996 – Решение о приемлемости, принятое 23 октября 1998 года

Дата настоящего решения: 27 июля 2000 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 23 октября 1998 года,

завершив рассмотрение сообщения № 688/1996, представленного Комитету по правам человека г-жой Каролиной Телье Арредондо в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

принимая во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н П.Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджцсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Абдалла Захья.

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является г-жа Каролина Телье Арредондо, дочь Марии Сибилы Арредондо, являющаяся гражданкой Чили, а после вступления в брак – гражданкой Перу, вдовой, в настоящее время содержащейся в женской тюрьме усиленного режима в Чоррильос (Лима, Перу), где она отбывает несколько сроков наказания за террористическую деятельность. Автор представляет сообщение от имени своей матери, которая по причинам технического характера не может сделать это сама. Автор утверждает, что ее мать является жертвой нарушения Перу Международного пакта о гражданских и политических правах, в частности статьи 7, пунктов 3 и 4 статьи 9, пунктов 1 и 3 статьи 10, а также пунктов 1, 2, 3 b), c), d) и e), 6 и 7 статьи 14 Пакта.

Факты в изложении автора

2.1 Г-жа Арредондо в первый раз была арестована в Лиме 29 марта 1985 года (судебное дело № 1). В то время ей было предъявлено обвинение в террористической деятельности, включая хранение и транспортировку взрывчатых веществ. По ее делу состоялось два судебных разбирательства, в соответствии с решениями которых от августа 1986 года и ноября 1987 года она была признана невиновной в предъявленных обвинениях и освобождена.

2.2 На момент ее повторного ареста 1 июня 1990 года (судебное дело № 2) г-жа Сибилла Арредондо работала в Лиме адвокатом по правам человека, специализируясь на защите прав коренного населения¹⁶. Она была арестована в том здании, где она работала, вместе с еще несколькими людьми, связанными с террористической организацией "Сендеро луминосо".

2.3 При аресте г-же Арредондо было предъявлено обвинение в том, что она является членом организации "Сокорро популар", которая якобы является вспомогательным подразделением движения "Сендеро Луминосо", и впоследствии она была приговорена к 12 годам тюремного заключения "трибуналом в составе анонимных судей" (дело № 05-93). В юридическом заключении, подготовленном адвокатом г-жи Арредондо, указывается, что она была осуждена на основании исключительно факта ее присутствия в том же здании, в котором полиция арестовала в это время несколько членов движения

¹⁶ В своем письме от 21 марта 1999 года автор проинформировала Комитет о том, что, хотя ее мать на момент ареста действительно работала адвокатом по правам человека, она в то же время занималась составлением второй части полного собрания работ Хосе Мария Аргедаса.

"Сендеро луминосо". Против нее не имелось ни обвинений, выдвинутых другими обвиняемыми по этому делу, ни свидетельских показаний, ни инкриминирующих заключений экспертизы. Адвокат признает, что в момент ареста у Сибилы Арредондо была найдена поддельная избирательная карточка. В представлении автора содержится юридическое заключение адвоката из Лимы, в котором тот указывает, что "в отношении заявлений, направленных против г-жи Сибилы, следует с сожалением констатировать, что абсолютно ничего не было сделано для того, чтобы оправдать ее или опровергнуть эти заявления. Не было представлено никаких доказательств в ее пользу, и, более того, она отказалась отвечать на вопросы полиции и судьи, как и все другие лица, проходившие по этому делу. В результате создалось впечатление, что все они действовали сообща, поскольку якобы принадлежали к одной и той же организации".

2.4 В мае 1992 года, когда г-жа Арредондо содержалась под стражей, против нее было возбуждено дело (судебное дело № 3) по обвинению в участии в событиях начала мая 1992 года, когда в тюрьме "Мигель Кастро Кастро" потребовалось вмешательство полиции. В соответствии с новым антитеррористическим законодательством Перу обвинение предложило в качестве меры наказания пожизненное заключение. В октябре 1995 года она была признана невиновной – также "трибуналом в составе анонимных судей" (дело № 237-93).

2.5 Судебное дело № 1, которое рассматривалось в 1985 году, было возобновлено в ноябре 1995 года и вынесено на рассмотрение "трибунала в составе анонимных судей", который 21 июля 1997 года приговорил ее к 15 годам тюремного заключения (дело № 98-93).

2.6 По всем трем судебным процессам были поданы апелляции: две – со стороны г-жи Арредондо после вынесения обвинительного приговора и одна – со стороны обвинения. Автор признает, что в отношении уголовного преследования против ее матери все внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны не были, однако автор считает, что судопроизводство было неоправданно затянуто.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что условия содержания в тюрьме ужасные и что заключенным разрешается покидать свои камеры размером 3 x 3 метра только на полчаса в день. Письменные принадлежности без особого разрешения не выдаются. За три прошедших года г-же Арредондо разрешили написать только три письма. Все книги, которые приносят заключенным, проходят строгую цензуру, и нет никакой гарантии, что заключенные их получают. К журналам, газетам, радио и телевидению доступа у них нет вообще. Только заключенным с первого этажа отделения В разрешается работать в

мастерских, а поскольку г-жа Арредондо находится на втором этаже, ей разрешается выполнять только самую примитивную работу. Качество пищи плохое. Все продукты питания и туалетные принадлежности, которые приносят заключенным, должны передаваться администрации тюрьмы в прозрачных пакетах, и никакие продукты в консервных банках и бутылках в тюрьму не допускаются. На любые медицинские препараты, включая витамины и пищевые добавки, необходимо получить разрешение тюремного врача. Многие заключенные имеют психические отклонения или страдают от инфекционных заболеваний, однако при этом все заключенные содержатся вместе, поскольку отдельных изоляторов для больных нет. Когда заключенных перевозят в больницу, на руки и на ноги им надевают кандалы. Заключенным разрешается только одно свидание в месяц с ближайшими родственниками, причем посещения ограничены 20-30 минутами. Утверждается, что в соответствии с законодательством Перу заключенные имеют право на одно посещение в неделю. Кроме того, один раз в три месяца предусматривается непосредственное общение заключенных со своими детьми или внуками. При этом дети проходят внутрь тюрьмы самостоятельно, а сопровождающие их лица должны остаться у входа. Один раз в месяц к г-же Арредондо приходит ее дочь и один раз в три месяца – ее пятилетний внук; вследствие мер полицейского контроля, применяемых к взрослым посетителям, два старших внука (17 и 18 лет) не могут ее посещать, иначе их посещение будет соответствующим образом запротоколировано в полиции.

3.2 Автор утверждает, что судебные процессы (в судах "анонимных судей") против ее матери являются нарушением статьи 14 Пакта. Кроме того, автор выдвигает жалобу в отношении намеренного затягивания судопроизводства.

3.3 Утверждается, что данный вопрос не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

Замечания и комментарии государства-участника о приемлемости

4. В своем представлении от 12 августа 1997 года государство-участник ставит под сомнение приемлемость сообщения на том основании, что не были исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты и что дочь жертвы не имеет юридического права представлять дело от имени своей матери. Кроме того, представить копии двух газетных статей, опубликованных в Чили после посещения г-жи Арредондо несколькими чилийскими парламентариями, государство-участник утверждает, что г-жа Арредондо не желает более благоприятного обращения и намерена дожидаться решения по своему делу.

5.1 В своих замечаниях по представленным государством-участником материалам автор сообщения информирует Комитет о том, что она действует от имени и по поручению своей матери, поскольку действовать самостоятельно ей не позволяют. Автор вновь упоминает об ограничениях, обусловленных тюремным заключением ее матери, в том что касается посещений, контактов с внешним миром, предоставления письменных принадлежностей и т.д.

5.2 В связи с заявлением государства-участника о том, что все внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны не были, автор повторяет, что ее мать была арестована в 1985 году, обвинена в террористической деятельности, привлечена к судебной ответственности и дважды признана невиновной. После повторного ареста в 1990 году судебный процесс 1985 года был возобновлен в 1995 году. В 1997 году она была приговорена к 15 годам тюремного заключения. Апелляция, поданная в Верховный суд, в настоящее время рассматривается. Таким образом, автор просит Комитет признать сообщение приемлемым ввиду необоснованной задержки в предоставлении внутригосударственных средств правовой защиты государством-участником. Кроме того, г-жа Арредондо была приговорена к 12 годам тюремного заключения за принадлежность к организации "Сокорро популар", и в настоящее время она отбывает этот срок наказания. Что же касается обвинения в участии в событиях в тюрьме "Мигель Кастро Кастро" в мае 1992 года, то она была признана невиновной, однако это решение суда было обжаловано государственным обвинителем, и в настоящее время вопрос ожидает рассмотрения.

5.3 Автор вновь заявляет, что обращение, которому подвергается ее мать в тюрьме, является нарушением статей 7 и 10 Пакта. В своем письме от 28 сентября 1998 года, которое было передано государству-участнику 1 октября 1998 года, г-жа Телье повторяет и более подробно описывает обстоятельства ареста своей матери, которая была задержана без судебного предписания в нарушение статьи 9 Пакта, а также указывает, что в ходе судебных разбирательств по ее делам не соблюдались требования и гарантии, изложенные в статье 14 Пакта.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей шестьдесят четвертой сессии в октябре 1998 года Комитет изучил вопрос о приемлемости данного сообщения и установил, как этого требует пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что данный вопрос в настоящее время не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

6.2 В связи с выполнением требования об исчерпании всех внутригосударственных средств правовой защиты Комитет отметил, что государство-участник возражает против признания данного сообщения приемлемым на том основании, что не все

внутригосударственные средства были исчерпаны. Комитет сослался на свои собственные прецедентоустанавливающие решения, в которых он ранее неоднократно указывал на то, что для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола внутригосударственные средства правовой защиты должны быть эффективными и доступными, а их осуществление не должно чрезмерно затягиваться. Учитывая обстоятельства данного дела, Комитет счел, что в данном случае осуществление таких средств необоснованно задерживалось. Г-жа Арредондо была арестована в 1990 году и привлечена к судебной ответственности по обвинению в совершении нескольких правонарушений, одно из которых относится к 1985 году и по которому она уже была дважды признана невиновной. К 28 сентября 1998 года решение по делу так и не было принято. Учитывая все вышеизложенное, Комитет пришел к заключению, что пункт 2 b) статьи 5 не препятствует рассмотрению данной жалобы.

6.3 В отношении утверждений автора о том, что условия содержания ее матери под стражей подпадают под определение бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в нарушение статей 7 и 10 Пакта, Комитет принял решение, что данные утверждения являются достаточно обоснованными для целей приемлемости и должны быть рассмотрены по существу.

6.4 Автор заявила, что аресты ее матери были произведены с нарушением внутригосударственного законодательства и, следовательно, статьи 9 Пакта. Комитет счел, что данное заявление должно быть рассмотрено по существу, поскольку оно может вызвать вопросы, подпадающие под действие статьи 9 Пакта.

6.5 В отношении заявления о том, что мать автора была подвергнута судебному преследованию с нарушением гарантий, изложенных в статье 14 Пакта, Комитет отметил, что рассмотрение ее дела осуществлялось специальным военным судом. Кроме того, он принял к сведению позицию государства-участника, которая заключается в том, что уголовное преследование против нее осуществлялось и осуществляется с соблюдением процессуальных норм, установленных действующим антитеррористическим законодательством Перу. Однако вопрос заключается в том, соответствуют ли эти судебные процедуры статье 14 Пакта. Данный вопрос необходимо рассмотреть по существу.

Замечания государства-участника и комментарии автора

7.1 В своем представлении от 4 августа 1999 года государство-участник обратилось с просьбой о пересмотре вопроса о приемлемости сообщения, поскольку оно считает, что дочь жертвы не имеет права представлять дело от имени своей матери; оно также считает, что жертва могла бы самостоятельно обратиться в Комитет и что это не вызвало бы

никаких затруднений. В качестве альтернативы она могла бы, по мнению государства-участника, предоставить своей дочери ясно выраженные полномочия либо передать такие полномочия через своего адвоката или своего сына, который постоянно проживает в Чили и навещал свою мать в тюрьме. В своем представлении государство-участник утверждает, что сын г-жи Арредондо никогда не заявлял о желании своей матери представить дело на рассмотрение какого-либо международного органа.

7.2 Государство-участник утверждает, что представления автора являются теми же самыми, что и переданные 29 февраля 1996 года Рабочей группе по произвольным задержаниям, и тот факт, что Рабочая группа не вынесла никакого решения, означает, что она не считает задержание произвольным. Поэтому государство-участник приходит к заключению, что никаких произвольных действий не было, и обращается к Комитету с просьбой в соответствии с принципом *non bis in idem* объявить данное сообщение неприемлемым.

7.3 Далее государство-участник заявляет, что, если Комитет, несмотря на представления, переданные с целью объявления сообщения неприемлемым, решит продолжить рассмотрение дела, он может сделать это только в отношении того судебного процесса против г-жи Арредондо, который идет в настоящее время. В ходе данного процесса необходимо вынести решение по ходатайству об отмене приговора и по вопросу о задержке в отправлении правосудия; в этой связи возникает вопрос, была ли такая задержка оправдана. С точки зрения государства-участника основным мотивом в данном случае является стремление получить компенсацию, на что и направлено сообщение № 688/1996, и что главная цель состоит в принятии Комитетом решения, рекомендующего Перу освободить г-жу Арредондо на том основании, что в ходе судебного разбирательства ее дела внутригосударственными судами не были соблюдены гарантии о надлежащих правовых процедурах. В этом отношении государство-участник напоминает, что против г-жи Арредондо было начато три судебных процесса: в первом случае она была признана невиновной судом последней инстанции; во втором случае решение по ходатайству об отмене приговора (тюремном заключении сроком на 15 лет) до сих пор не вынесено; а в третьем случае она была приговорена к 12 годам тюремного заключения и в настоящее время отбывает наказание в специальной женской тюрьме усиленного режима в Чоррильос. Государство-участник считает, что целью настоящего сообщения является получение решения, аннулирующего идущее в настоящее время судебное разбирательство на основании "неоправданной" задержки в отправлении правосудия, а также обеспечение последующего освобождения г-жи Арредондо; таким образом, Перу будет вынуждено либо приостановить идущее судебное разбирательство и начать другие судебные процессы, либо объявить о прекращении ее дела. Государство-участник указывает на тот факт, что даже если события будут развиваться по этому сценарию, то положение г-жи Арредондо не изменится, поскольку, как было указано выше, она в настоящее время

отбывает приговор, предусматривающий 12 лет тюремного заключения. В том случае, если третье судебное решение по делу будет подтверждено, этот приговор будет объединен с тем приговором, который г-жа Арредондо отбывает в настоящее время, т.е. она останется в тюрьме до отбытия 15 лет заключения, т.е. приговора, о котором идет речь во втором судебном процессе.

7.4 Государство-участник заявляет, что судебное разбирательство, в результате которого г-же Арредондо был вынесен приговор, проходило с соблюдением гарантий о надлежащих правовых процедурах и на национальном уровне никаких жалоб, обвинений или апелляций в отношении якобы произошедших процессуальных нарушений предъявлено не было. Кроме того, международный орган не подтвердил факт нарушения гарантий в вопросе отправления правосудия.

7.5 В отношении заявлений, касающихся условий содержания под стражей г-жи Арредондо, государство-участник утверждает, что в соответствии с информацией, представленной Национальным институтом исправительных учреждений (НИИУ), условия, о которых упоминает автор, были определены в момент разгара борьбы с террористической деятельностью в Перу. Теперь, когда ситуация изменилась, было признано целесообразным смягчить режим тюремного заключения для лиц, обвиненных в совершении правонарушений, связанных с терроризмом, поэтому был введен в действие Верховный указ № 005-97-JUS, под который подпадает и дело г-жи Арредондо. С момента поступления в женскую тюрьму усиленного режима Чоррильос в соответствии с решением тюремного совета г-жа Арредондо содержится в условиях строгого режима. В настоящее время она находится в камере для двух заключенных в отделении В.

7.6 Что касается количества свиданий с родственниками, то государство-участник отмечает, что в течение 1998 года и до настоящего времени г-жу Арредондо посещали ее дочь и внук, а также, по отдельной договоренности, ее мать и сын. На Рождество ей было предоставлено свидание с внуками, проживающими в Чили.

7.7 Специальный строгий режим (первый этап), действующий в отделении В, предоставляет заключенным определенные права, предусмотренные вышеупомянутым законом, а именно: прогулка или занятия спортом в течение двух часов, свидание в течение одного часа в помещении для посетителей по субботам для женщин и по воскресеньям для мужчин, физическая работа или занятие каким-либо ремеслом в камерах. Кроме того, государство-участник утверждает, что в соответствии с данным режимом те заключенные, которые с точки зрения реабилитации проявили себя положительно, могут работать в мастерских под наблюдением персонала НИИУ.

7.8 Государство-участник утверждает, что г-жа Арредондо в настоящее время пишет книгу о своем муже, что опровергает утверждение о том, что она лишена письменных принадлежностей. Каждый день сотрудники, отвечающие за безопасность женщин-заключенных, вручают ей ручку и бумагу. Кроме того, государство-участник утверждает, что женщинам-заключенным разрешается смотреть телевизор; один раз в две недели им даже позволено смотреть видеофильмы, а также читать книги и периодические издания, которые проверяются из соображений национальной безопасности на предмет наличия вредных материалов. Что касается отдыха заключенных, то они могут принимать участие в спортивных мероприятиях, танцевальных вечерах и слушать музыку.

7.9 Относительно претензий к качеству пищи женщин-заключенных следует сказать, что она соответствует требованиям, предъявляемым к калорийности и содержанию белка, и приготовлением ее занимаются по очереди сами заключенные, разделенные на группы. Их работа оценивается, и в качестве стимула лучшей группе выдается приз.

7.10 Относительно заявления о том, что заключенным не разрешается принимать медицинские препараты без разрешения тюремного врача, государство-участник заявляет, что данное требование вызвано соображениями безопасности и направлено на то, чтобы предотвратить отравление старыми или неподходящими медикаментами и препаратами, принимаемыми без предписания врача или в избыточных количествах, а также чтобы предупредить прием медикаментов, которые могут каким-либо образом причинить вред здоровью заключенных.

7.11 В части заявления, касающегося лечения заключенных, страдающих психическими заболеваниями, государство-участник утверждает, что оно назначило ответственного специалиста, который постоянно наблюдает за состоянием женщин-заключенных, относящихся к этой категории, и что такие заключенные содержатся в отдельных помещениях в различных частях тюрьмы. Кроме того, они проходят трудовую терапию на открытом воздухе в сельской местности. Относительно утверждений о наличии инфекционных заболеваний государство-участник сообщает, что случаи таких заболеваний весьма редки, а если они имеют место, то принимаются необходимые меры предосторожности. По вопросу о способах перевозки заключенных в больницу и из нее необходимо сказать, что они соответствуют директивам перуанской национальной полиции (ПНП). Данные директивы разрабатываются в зависимости от вида совершенного правонарушения и направлены на то, чтобы воспрепятствовать побегу из лечебного учреждения, который может представлять опасность для других пациентов, поскольку медицинское обслуживание заключенных осуществляется в муниципальных больницах.

7.12 И наконец, в отношении свиданий с детьми государство-участник утверждает, что детям каждую пятницу предоставляется возможность непосредственного контакта со своими родственниками. При входе на территорию тюрьмы их встречают женщины – сотрудники ПНП и проводят к тому месту, где их ожидают родственники. Это делается для того, чтобы никто не мог испугать детей или ошибочно направить их в другие части тюрьмы. Взрослые родственники должны предъявить при входе в тюрьму удостоверение личности: таким образом устанавливается их родство с заключенным.

8.1 В своем сообщении от 4 ноября 1999 года дочь г-жи Арредондо направила Комитету заверенную фотокопию генеральной доверенности и написанное от руки письмо с подписью г-жи Арредондо, в котором та подтверждает свое согласие на то, чтобы дочь подала иск и действовала от ее имени.

8.2 В своем сообщении г-жа Телье утверждает, что, хотя ее матери действительно разрешают свидания с родственниками, эти свидания проходят в помещении для посетителей, где заключенного отделяет от родственников двойная металлическая решетка. В данной ситуации не может идти речи ни о каком личном контакте или возможности передать какие-либо предметы. От заключенных родственники могут получить только возвращаемую упаковку от продуктов питания и ремесленные изделия после обязательного их осмотра сотрудниками охраны. Кроме того, перед тем как покинуть территорию тюрьмы, родственники должны пройти досмотр. Встречи с адвокатами проходят в тех же условиях, что и свидания с родственниками.

8.3 Что касается возможности пересылки корреспонденции за пределы тюрьмы, г-жа Телье объясняет правила используемой в данном случае процедуры. Один раз в неделю женщины-заключенные должны опустить все письма, предназначенные для пересылки за пределы тюрьмы, в почтовый ящик, находящийся в их отделении. После этого письма вынимаются и проверяются сотрудниками тюрьмы. Все письма прочитываются, однако далеко не все они преодолевают этот уровень проверки. В качестве примера г-жа Телье приводит тот факт, что несколькими неделями ранее ее мать сказала ей, что опустила в почтовый ящик конверт, адресованный г-же Телье, с копией ходатайства, касающегося состояния ее здоровья, которое она направила начальнику тюрьмы. Г-жа Телье это письмо так и не получила. После того как письма прошли проверку, они выкладываются в дни посещения в специальный ящик около входа в тюрьму. Посетители забирают адресованные им письма и вполне могут взять и любые другие письма, поскольку никаких мер для обеспечения того, чтобы письмо попало в руки адресата, не принимается.

8.4 Автор сообщения указывает, что жалоба, поданная от имени ее матери, непосредственно касается тяжелых условий тюремного заключения. Она спрашивает,

действительно ли представители государства-участника верят в то, что г-жа Арредондо может писать и отправлять свои сообщения на эту тему с уверенностью, что они дойдут до адресата. Кроме того, она напоминает о том, что как подтверждает и государство-участник, поведение всех лиц, осужденных за совершение правонарушений, связанных с терроризмом, в том числе г-жи Арредондо, регулярно рассматривается тюремным советом, учрежденным администрацией тюрьмы. Этот совет вполне может квалифицировать жалобы как "плохое поведение".

8.5 Относительно второго вопроса, касающегося рассмотрения данного дела более, чем одним международным органом, г-жа Телье утверждает, что, хотя Рабочая группа по произвольным задержаниям, учрежденная Комиссией Организации Объединенных Наций по правам человека, возможно, действительно передала Перу ряд жалоб, в том числе жалобу, касающуюся г-жи Арредондо (вдовы), однако об этом ничего не известно. Что же касается упоминаемого в разделе 12 сообщения государства-участника логического вывода о том, что Рабочая группа "не сочла задержание г-жи Арредондо произвольным", автор считает такое толкование слишком вольным. Она придерживается мнения, что более правильно было бы предположить, что был принят к сведению сам факт "двойного рассмотрения" и в результате все дальнейшие действия были приостановлены.

8.6 В том что касается "конечной цели" сообщения, автор утверждает, что она не обязательно должна заключаться в "принятии решения, аннулирующего идущее в настоящее время судебное разбирательство", т.е. разбирательство, которое началось еще 14 лет назад, в 1985 году, а скорее состоит в том, чтобы Верховный суд вынес какое-либо решение. Она повторяет, что в том случае, если Верховный суд подтвердит приговор, предусматривающий 15 лет тюремного заключения, вынесенный в июле 1997 года (т.е. два года и три месяца тому назад), ее мать сможет воспользоваться правами, предусмотренными для заключенных в соответствии с законодательством того времени. В частности, она сможет освободиться из тюрьмы, поскольку 12 лет тюремного заключения войдут в более длительный срок заключения, предусмотренный другим приговором. Если же решение не будет принято в ближайшем будущем, то может получиться так, что после отбытия 12-летнего срока заключения г-же Арредондо не разрешат покинуть тюрьму, либо она будет арестована сразу же после освобождения, и ей придется еще раз пройти бесконечный процесс судебного разбирательства.

8.7 По вопросу о судебном процессе, в результате которого был вынесен приговор о 12 годах тюремного заключения, автор утверждает, что заявление государства-участника о том, что никаких жалоб, обвинений и апелляций на национальном уровне предъявлено не было, не соответствует действительности. На самом деле в компетентные органы было подано ходатайство об отмене приговора, которое было отклонено, а других аналогичных органов, в которые можно было бы подать апелляцию, не существует. В этой связи автор

напоминает о том, что данный судебный процесс также проводился в соответствии с законодательством 1992 года, в трибунале в составе анонимных судей.

8.8 Что касается условий содержания под стражей, то в Чоррильос они действительно не такие тяжелые, какими они были на военно-морской базе в Кальяо (Янамайо) и Чальяпалька, однако и в этой тюрьме установлен карательный режим. В этой связи она повторяет, что, хотя ей и были разрешены свидания с матерью в течение одного часа один раз в неделю по субботам, эти свидания проходили в помещении, где невозможен какой-либо непосредственный контакт и где они не могли говорить свободно. Когда она идет на свидание с матерью, она берет с собой продукты, чтобы хоть как-то компенсировать плохое питание заключенных, причиной которого является недостаточное финансирование со стороны государства. После назначения нового начальника тюрьмы, который является полковником национальной полиции, вновь были введены ограничения на передачу в тюрьму продуктов питания и опубликован список разрешенных продуктов.

8.9 Что касается заявления государства-участника о том, что в тюрьме было отмечено всего несколько случаев инфекционных заболеваний, автор утверждает, что только в отделении В примерно на 100 заключенных приходится 15 больных туберкулезом, причем трое из них заболели во второй половине 1999 года. В качестве примера трудностей в области медицинского обслуживания автор приводит тот факт, что ее мать уже несколько месяцев дожидается разрешения начальника тюрьмы, для того чтобы сделать в больнице рентгеновский снимок коленного сустава. Этот снимок рекомендовали сделать ортопед тюрьмы и специалист НИИУ (18 июля 1999 года). Впоследствии пришлось провести два заседания медицинских комитетов для того, чтобы разрешить ее матери посещение больницы, однако к 4 ноября 1999 года это посещение так и не состоялось.

8.10 Автор заявляет, что, хотя этот вопрос и не имеет прямого отношения к ее матери, она не может не поставить под сомнение достоверность информации, представленной государством-участником и касающейся условий содержания под стражей женщин-заключенных, страдающих психическими заболеваниями, поскольку они вовсе не изолированы от остальных заключенных. Более того, никакой трудовой терапии в сельской местности они не проходят. Автор сожалеет, что Комитет был неправильно информирован по данному вопросу.

8.11 Заявление о том, что заключенным разрешается смотреть телевизор и один раз в две недели смотреть фильмы, просто не соответствует действительности. Им разрешается смотреть фильмы только тогда, когда это запланировано администрацией тюрьмы. У них нет возможности смотреть новости и другие программы местного телевидения. Более того, им по-прежнему не позволяют слушать радио и читать свежие периодические

издания или журналы. В отношении передачи в тюрьму книг также действуют ограничения. Что касается заявления о том, что это – обычная политика, вызванная соображениями безопасности и направленная на то, чтобы заключенные не могли прочитать вредные для них публикации, то автор хотела бы знать, что может быть опубликовано вредного в официальной газете "Эль-перуано", получать которую ее матери недавно запретили.

8.12 И наконец, что касается посещений отделения В детьми, то такие посещения разрешены в воскресенье утром, но детей при этом далеко не всегда сопровождают женщины-надзиратели. В любом случае дети входят на территорию тюрьмы одни и в одиночку проходят процедуру досмотра. По мнению автора, такая практика может иметь самые непредсказуемые последствия для детей.

Рассмотрение существа дела

9. Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.1 В связи с заявлением государства-участника о том, что дочь г-жи Арредондо не имеет полномочий представлять дело в Комитете по правам человека, Комитет отмечает, что она имеет надлежащее письменное разрешение г-жи Арредондо (см. пункт 8.1) выше, и считает, что этого разрешения вполне достаточно, чтобы дочь могла действовать от имени матери. Комитет также считает, что г-жа Телье предпринимает эти действия после всестороннего обсуждения со своей матерью.

10.2 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о неприемлемости данного сообщения на том основании, что оно рассматривается в рамках процедуры другого международного органа по расследованию или урегулированию, т.е. Рабочей группы по произвольным задержаниям Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека, которая по просьбе г-жи Арредондо занялась этим вопросом. Комитет постановляет не выносить никакого решения о том, подпадает ли данный вопрос под действие пункта 5 статьи 2 Факультативного протокола, поскольку Рабочая группа проинформировала его о том, что ей известно о существовании настоящего сообщения и поэтому она передала это дело на рассмотрение Комитета, не вынеся по нему никакого решения¹⁷.

¹⁷ См. мнение № 4/2000, принятое 16 мая 2000 года.

10.3 Относительно вопроса о том, был ли арест г-жи Арредондо произведен в соответствии с требованиями пунктов 1 и 3 статьи 9 Пакта, т.е., другими словами, был ли арест произведен на основании ордера и была ли она после препровождения в полицейскую часть в срочном порядке доставлена к судье, Комитет с сожалением констатирует, что государство-участник не ответило подробно на сделанное заявление, а лишь в самых общих словах заявило, что задержание и судебное разбирательство по делу г-жи Арредондо проводились в соответствии с законодательством Перу. Комитет считает, что, поскольку государство-участник не ответило на данные заявления, необходимо принять их во внимание и исходить из того, что все произошло именно так, как описывает автор. Учитывая это, Комитет приходит к заключению о том, что имело место нарушение пунктов 1 и 3 статьи 9 Пакта.

10.4 Что касается утверждений автора в отношении условий содержания ее матери под стражей, о которых она говорит в пункте 3.1 и повторяет в пунктах 8.3, 8.4 и 8.8–8.12 выше, Комитет принимает к сведению тот факт, что государство-участник признает правильность описания этих условий, а также тот довод, что они обусловлены тяжестью совершенных заключенными правонарушений и серьезностью проблемы терроризма, с которой сталкивается государство-участник. Далее Комитет принимает к сведению вышеупомянутый Верховный указ № 005-97-JUS. Он считает, что условия тюремного заключения г-жи Арредондо, особенно в первые годы и в меньшей степени после вступления в силу Верховного указа, являются чрезмерно строгими. Комитет признает необходимость введения связанных с обеспечением безопасности ограничений, однако указывает на то, что они в любом случае должны быть оправданными. В настоящем деле государство-участник не представило оснований, доказывающих правомерность условий, указанных в представлении г-жи Телье. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к заключению, что условия содержания под стражей нарушают пункт 1 статьи 10 Пакта.

10.5 Относительно жалобы автора на то, что при проведении судебного разбирательства по делу ее матери были нарушены гарантии, предусмотренные статьей 14 Пакта, поскольку ее дело рассматривал суд в составе анонимных судей, Комитет принял к сведению книгу "Terrorismo: Tratamiento juridico" (Instituto de Defensa legal, Lima, 1995, pp.288-290), на основе которой автор описала процесс судебного разбирательства судами в составе анонимных судей¹⁸, а также заявление государства-участника о том, что три

¹⁸ "Анонимность судей, как указывает Комиссия Гольдмана, лишает обвиняемого основополагающих правовых гарантий: обвиняемый не знает, кто его судит и является ли данное лицо компетентным (например, имеет ли оно необходимую правовую подготовку и опыт); обвиняемый лишен права на рассмотрение его дела беспристрастным судом, поскольку у него нет права на отвод судьи [Report of the International Commission of Jurist on the administration of Justice in Peru. Instituto de Defensa Legal, Lima, 1994, p. 67]."

судебных процесса в отношении г-жи Арредондо проводились в соответствии с национальным законодательством, действовавшим в то время. Комитет подтверждает свою позицию по вопросу о том, что судебные процессы, проводившиеся в Перу судами в составе анонимных судей, представляли собой нарушение статьи 14.1 Пакта, поскольку обвиняемому не обеспечивались гарантии, предусмотриваемые этой статьей¹⁹.

10.6 Относительно затягивания судебного процесса в нарушение пункта 3 с) статьи 14 Комитет принимает к сведению, что государство-участник признает факт задержки, а также то, что, несмотря на указания вынести решение по данному делу, которые, как утверждает государство-участник, были им даны, решение по апелляции в отношении возобновленного дела до сих пор не принято. Учитывая тот факт, что при возобновлении дела обвинением в 1995 году, после повторного признания в 1987 году г-жи Арредондо невиновной, было допущено неприемлемое затягивание судебного разбирательства, Комитет приходит к заключению, что имело место нарушение пункта 3 с) статьи 14 Пакта.

11. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 10 Пакта, в том что касается условий содержания г-жи Арредондо под стражей; статьи 9, в том что касается обстоятельств ее ареста; пункта 1 статьи 14, в том что касается рассмотрения ее дела судом в составе "анонимных судей"; а также пункта 3 с) статьи 14, в том что касается затягивания судебного разбирательства, начатого в 1985 году.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-же Арредондо эффективные средства правовой защиты. Комитет считает, что г-жа Арредондо должна быть освобождена и должна получить адекватную компенсацию. Государство-участник обязано принять меры для того, чтобы не допускать подобных нарушений в будущем.

13. С учетом того, что государство-участник, став участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета устанавливать, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также обеспечивать эффективные и подлежащие

¹⁹ См. пункт 8 (8) сообщений, принятых 6 ноября 1997 года по сообщению № 577/1994, Виктор Полай Кампос против Перу.

принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в целях осуществления его соображений.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

F. Сообщение № 689/1996, Май против Франции
(Соображения приняты 10 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: Г-ном Ришаром Майем (представлен адвокатом Франсуа Ру)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Франция

Дата сообщения: 17 ноября 1995 года

Дата решения о приемлемости: 11 июля 1997 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 10 июля 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения 689/1996, представленного Комитету по правам
человека г-ном Ришаром Майем в соответствии с Факультативным протоколом к
Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором
сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджусумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-жа Кристина Шане не принимала участия в рассмотрении настоящего сообщения. К настоящему документу прилагается текст особого мнения членов Комитета Нисуке Андо, Экарта Кляйна, Дэвида Крецмера и Абдаллы Захья.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения является Ришар Май, французский гражданин, родившийся в декабре 1966 года и проживающий в настоящее время в Мийо, Франция. Он утверждает, что является жертвой нарушения Францией статей 18, 19 и 26 в совокупности со статьей 8 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом Франсуа Ру.

Факты в изложении автора

2.1 С июня 1986 года по июль 1987 года автор, признанный отказником от военной службы по соображениям совести, проходил гражданскую национальную службу. 15 июля 1987 года после приблизительно одного года службы он покинул место своей гражданской службы, сославшись на дискриминационный, по его мнению, характер пункта 6 статьи 116 Кодекса национальной службы (Code du service national), согласно которому отказники от военной службы по соображениям совести должны проходить национальную гражданскую службу в течение двух лет, тогда как лица, призванные на военную службу, служат один год.

2.2 В результате совершенных им действий г-н Май был обвинен в неподчинении в мирное время на основании пункта 1 статьи 397 Кодекса военной юстиции. Решением от 27 января 1992 года исправительный суд (Tribunal Correctionnel) Монпелье признал его виновным в предъявленном ему обвинении и приговорил его к 15 дням тюремного заключения (с отсрочкой исполнения). Так как автор не завершил свою гражданскую службу, 30 июля 1992 года он получил приказ о возобновлении службы; г-н Май решил проигнорировать этот приказ. Тогда исправительный суд Монпелье возобновил слушания по его делу и 21 апреля 1994 года признал его виновным в предъявленном ему обвинении и постановил отменить решение о признании его отказником от военной службы по соображениям совести. 23 января 1995 года апелляционный суд Монпелье подтвердил решение исправительного суда.

2.3 Автор сообщает, что он не стал подавать повторную жалобу в кассационный суд, поскольку, учитывая обстоятельства его дела и установившуюся не в его пользу практику кассационного суда, такая жалоба оказалась бы бесполезной. В этой связи он ссылается на несколько вынесенных кассационным судом 14 декабря 1994 года решений, в которых суд заключил, что пункт 6 статьи 116 не является дискриминационным и не нарушает статей 9, 10 и 14 Европейской конвенции о правах человека²⁰. Автор делает вывод о том,

²⁰ Решения по делам Фуэна и Николя от 14 декабря 1994 года.

что, поскольку он не располагает никаким другим эффективным средством правовой защиты, его случай должен рассматриваться как отвечающий требованиям пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что как пункт 6 статьи 116 Кодекса национальной службы (в редакции от июля 1983 года, в которой предписывается 24-месячный срок гражданской службы для отказников от военной службы по соображениям совести), так и статья L.2 Кодекса национальной службы в редакции от января 1992 года (с поправками, внесенными на основании закона № 92-9 от 4 января 1999 года), устанавливающая 20-месячный срок гражданской службы для отказников от военной службы по соображениям совести, нарушают статьи 18, 19 и 26 в совокупности со статьей 8 Пакта в том плане, что они удваивают срок альтернативной гражданской службы по сравнению со сроком военной службы.

3.2 Автор признает, что в случае сообщения № 295/1988²¹ Комитет вынес определение, согласно которому продление срока альтернативной службы не является необоснованным и не носит карательного характера, и не выявил никакого нарушения Пакта. Однако автор ссылается на прилагаемое к этим соображениям особое мнение трех членов Комитета, которые пришли к заключению, что в основе оспариваемого законодательства не лежат обоснованные или объективные критерии, такие, как более тяжелые условия службы или необходимость специальной подготовки, обуславливающие большую продолжительность службы. Автор полностью разделяет выводы, сделанные этими тремя членами Комитета.

3.3 Автор отмечает, что статьи L.116 (2) - L.116 (4) Кодекса национальной службы предусматривают строгую проверку искренности убеждений призывника, мотивирующего свой отказ от военной службы по соображениям совести. Каждое ходатайство об удовлетворении отказа от военной службы по соображениям совести подлежит утверждению министром обороны. Если министр отклоняет ходатайство, то имеется возможность подать апелляцию в административный трибунал на основании статьи L.116 (3). В таких обстоятельствах, по утверждению автора, нельзя предположить, что продолжительность гражданской службы устанавливается чисто по соображениям административной надобности, поскольку, если человек соглашается на прохождение гражданской службы, срок которой в два (или почти в два) раза превышает срок военной службы, то он должен рассматриваться как имеющий глубокие убеждения. Скорее нужно

²¹ Ярвинен против Финляндии, соображения, принятые 25 июля 1990 года, пункты 6.4 - 6.6.

исходить из того, что продление срока гражданской службы носит карательный характер, не подкрепляемый каким-либо обоснованным или объективным критерием.

3.4 В обоснование своего утверждения автор ссылается на решение итальянского Конституционного суда от июля 1989 года, согласно которому установление срока невоенной службы, который на восемь месяцев превышает срок военной службы, несовместимо с итальянской Конституцией. Автор указывает далее на принятое Европейским парламентом в 1967 году решение, в котором на основании статьи 9 Европейской конвенции о правах человека рекомендуется, чтобы продолжительность альтернативной службы равнялась продолжительности военной службы. Кроме того, Комитет министров Совета Европы заявил, что альтернативная служба не должна носить карательного характера и что ее продолжительность по сравнению с военной службой должна оставаться в разумных пределах (рекомендация № R(87)8 от 9 апреля 1987 года). Наконец, автор отмечает, что в резолюции, принятой 5 марта 1987 года²², Комиссия Организации Объединенных Наций по правам человека заявила, что отказ от военной службы по соображениям совести следует рассматривать как законный способ осуществления признаваемого Пактом права на свободу мысли, совести и религии.

3.5 В этих же обстоятельствах автор утверждает, что требование о прохождении им гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной службы, представляет собой необоснованную и запрещенную дискриминацию по признаку убеждений и что возможность тюремного заключения за отказ проходить гражданскую службу в течение срока, превышающего срок военной службы, является нарушением пункта 2 статьи 18, пункта 1 статьи 19 и статьи 26 Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и комментарии по ним автора

4.1 Государство-участник решительно заявляет, что сообщение несовместимо *ratione materiae* с положениями Пакта, поскольку, с одной стороны, Комитет в своем решении по сообщению № 185/1984 (Л.Т.К. против Финляндии) признал, что "в Пакте не упоминается право на отказ от несения военной службы по соображениям совести; ни статью 18, ни статью 19 Пакта, особенно принимая во внимание пункт 3 с) ii) статьи 8, нельзя толковать таким образом, что они подразумевают это право", и поскольку, с другой стороны, в силу

²² Документ E/CN.4/1987/L.73 от 5 марта 1987 года.

пункта 3 с) ii) статьи 8 Пакта внутреннее регулирование вопросов национальной службы и, следовательно, статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, для тех государств, которые признают такой статус, не относится к сфере действия Пакта, а остается аспектом, охватываемым внутригосударственным законодательством.

4.2 Далее государство-участник решительно заявляет, что автором не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. В этой связи оно заявляет, что автор сообщения не исчерпал имеющихся средств судебной защиты, так как он не обжаловал в кассационном суде решение апелляционного суда Монпелье от 23 января 1995 года. Государство-участник заявляет далее, что автор не исчерпал всех средств административной защиты. В этой связи утверждается, что, оставив место своей службы до получения от военных властей ответа на его ходатайство о сокращении продолжительности его службы, автор нарушил тем самым положения Кодекса национальной службы, став таким образом лицом, несущим уголовную ответственность, и что он не дождался отклонения военными властями своего ходатайства, чтобы подать в административный суд²³.

4.3 Наконец, государство-участник решительно заявляет, что автор не отвечает требованиям для признания его жертвой. В связи со статьями 18 и 19 Пакта государство-участник утверждает, что, признавая право на отказ от военной службы по соображениям совести и предоставляя призывникам альтернативные формы прохождения национальной службы, оно дает им возможность свободного выбора той разновидности национальной службы, которая соответствует их убеждениям, тем самым обеспечивая осуществление ими прав по статьям 18 и 19 Пакта. В этой связи государство-участник, ссылаясь на решение по вышеуказанному сообщению № 185/1984, заключает, что, поскольку автор "был привлечен к судебной ответственности и осужден не за его убеждения или воззрения как таковые, а за отказ от несения военной службы", он, таким образом, не может претендовать на признание его жертвой нарушения статей 18 и 19 Пакта.

4.4 В отношении предполагаемого нарушения статьи 26 Пакта государство-участник, отмечая, что автор жалуется на нарушение данной статьи, поскольку продолжительность альтернативной гражданской службы в два раза превышает срок военной службы, прежде всего заявляет, что "Пакт, запрещая дискриминацию и гарантируя всем людям равную защиту перед законом, все же не запрещает все различия в обращении", в основе которых

²³ Ничто не указывает на то, что автор действительно обращался с ходатайством о сокращении срока службы.

должны лежать "разумные и объективные критерии (см. соображения Комитета по сообщению № 196/1985 Гейе против Франции). В этой связи государство-участник заявляет, что положение призывников, проходящих альтернативную гражданскую службу, отличается от положения лиц, проходящих военную службу, особенно в отношении более жестких ограничений, налагаемых службой в армии, и что более длительный срок альтернативной гражданской службы является проверкой искренности отказников от военной службы по соображениям совести, предназначенной для того, чтобы не дать тем призывникам, которые стремятся к комфорту, легкой жизни и безопасности, претендовать на статус лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести. Государство-участник ссылается на соображения Комитета по сообщению № 295/1988 (Ярвинен против Финляндии), в которых Комитет пришел к выводу о том, что 16-месячный срок альтернативной службы для отказников по соображениям совести, вдвое превышающий восьмимесячный срок военной службы, "не является необоснованным и не носит карательного характера". Поэтому государство-участник приходит к заключению о том, что в основе различия в обращении, на которое жалуется автор, лежит принцип равенства, требующий дифференцированного подхода к различным ситуациям.

4.5 С учетом всех этих причин государство-участник просит Комитет признать сообщение неприемлемым.

5.1 Что касается довода государства-участника относительно компетенции Комитета *ratione materiae*, то автор ссылается на замечание общего порядка Комитета № 22 (48), в котором говорится, что право на отказ от военной службы по соображениям совести "вытекает из статьи 18, поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом исповедывать религию или убеждение. В тех случаях, когда такое право признано законом или практикой, не должно проводиться никаких различий между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести на основании характера и конкретных убеждений; точно так же не должно быть никакой дискриминации в отношении таких лиц из-за их отказа нести военную службу". Согласно утверждению автора, из этих замечаний со всей очевидностью следует, что Комитет правомочен определять факт наличия или же отсутствия нарушения права на отказ от военной службы по соображениям совести в рамках статьи 18 Пакта.

5.2 Автор заявляет, что проблема в данном случае заключается не в возможном нарушении французским законодательством права лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, на свободу своих убеждений, а в условиях осуществления этого права, так как в нарушение пункта 3 статьи 18 Пакта срок альтернативной гражданской службы в два раза превышает продолжительность военной

службы, хотя это никак не обосновано с точки зрения защиты общественного порядка. В этой связи автор ссылается на Замечание общего порядка № 22 (48) Комитета, в котором говорится о том, что "ограничения должны устанавливаться законом и применяться таким образом, чтобы не наносить ущерба правам, гарантированным в статье 18. (...)

Ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом"; при этом делается вывод о том, что требовать от лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, прохождения альтернативной гражданской службы, срок которой в два раза превышает продолжительность военной службы, является дискриминационным ограничением прав, закрепленных в статье 18 Пакта.

5.3 Что касается вопроса об исчерпаниии внутренних средств правовой защиты, то автор заявляет, что жалоба в кассационный суд в связи с решением апелляционного суда от 23 января 1995 года была бы бесполезной, так как не имела бы разумных шансов на успех ввиду установившейся практики кассационного суда в этой области. В этой связи автор ссылается на три решения кассационного суда (решения по делам Поля Николая, Марка Венье и Фредерика Фуэна от 14 декабря 1994 года), в которых суд постановил, что пункт 6 статьи 116 Кодекса национальной службы, устанавливающий продолжительность военной службы и альтернативные формы службы, не является дискриминационным. Поэтому автор заключает, что он исчерпал все эффективные внутренние средства правовой защиты в связи с выдвинутым против него обвинением. Что касается неисчерпания средств административной защиты, то автор уверяет, что он не имел доступа к таким средствам, ибо поскольку его не уведомили о каком бы то ни было административном решении, то он не мог обратиться в административный суд.

5.4 Что касается предполагаемого нарушения статьи 26, то автор утверждает, что требование о прохождении гражданской службы, продолжительность которой в два раза превышает срок военной службы, представляет собой различие в обращении, которое не основано "на разумных и объективных критериях" и, следовательно, является дискриминацией, запрещаемой Пактом (см. указанное выше сообщение № 196/1985). В порядке подкрепления данного заключения автор утверждает, что увеличение в два раза срока гражданской службы по сравнению с военной службой не имеет под собой никаких оснований; в сущности, в отличие от дела Ярвинена (см. указанное выше сообщение № 295/1988) установление более длительного срока не обосновывается каким-либо смягчением административных процедур для целей получения статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, поскольку, согласно статьям L.116 (2) и L.116 (4) Кодекса национальной службы, ходатайства о предоставлении такого статуса подлежат утверждению министром обороны, который может их отклонить по их рассмотрении. Это не является оправданным и с точки зрения всеобщих интересов или в качестве проверки серьезности и искренности убеждений лиц,

отказывающихся от военной службы по соображениям совести. Действительно, уже само то, что для проверки искренности и серьезности убеждений отказников военной службы по соображениям совести принимаются специальные меры, является дискриминацией, основывающейся на признании различия в обращении между призывниками. Кроме того, статус лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, не дает никаких выгод или преимуществ, в отличие, например, от лиц, не призываемых на военную службу, а назначаемых на работу в системе международного сотрудничества, которые имеют возможность трудиться за рубежом в той сфере профессиональной деятельности, которая соответствует полученной ими в университете специальности, в течение 16 месяцев (т.е. на четыре месяца меньше по сравнению со сроком гражданской службы для отказников по соображениям совести) – и, следовательно, различие в обращении не является оправданным и на этом основании.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 На своей шестидесятой сессии Комитет по правам человека рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения.

6.2 Что касается требования об исчерпании имеющихся внутренних средств правовой защиты, то Комитет отметил, что автор не исчерпал всех имевшихся у него средств судебной защиты. Однако Комитет отметил также и то, что жалоба автора в кассационный суд на решение апелляционного суда от 23 января 1995 года была бы, несомненно, отклонена кассационным судом, поскольку он уже отклонил ранее подобные жалобы на якобы дискриминационный характер пункта 6 статьи 116 Кодекса национальной службы. Из этих правовых прецедентов можно было бы сделать вывод о том, что жалоба автора в кассационный суд не имела бы шансов на успех. Поэтому Комитет счел, что автор исчерпал эффективные средства судебной защиты.

6.3 Что касается утверждения государства-участника о том, что автор не исчерпал всех средств административной защиты, то Комитет отметил, что из замечаний государства-участника не явствует, что по отношению к автору принято какое-либо административное решение, и что, следовательно, он не имел возможности непосредственного административного обжалования в момент прекращения своей гражданской службы. Вместе с тем Комитет также отметил, что, не дождавшись ответа военных властей на его решение прервать гражданскую службу после одного года службы и решив покинуть место своей службы после простого уведомления этих властей, автор добровольно не воспользовался средствами административной защиты, хотя, как указало государство-участник, он имел возможность подать административную жалобу, в которой он мог бы оспорить применимость закона, противоречащего международным обязательствам государства-участника в области защиты прав человека. Несмотря на этот

довод, однако, Комитет отметил, что на этой стадии разбирательства у автора не осталось возможности воспользоваться средствами административной защиты. Поэтому Комитет заключил, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует тому, чтобы он занялся рассмотрением этого сообщения.

6.4 Комитет принял к сведению доводы государства-участника относительно несовместимости сообщения *ratione materiae* с положениями Пакта. В этом отношении Комитет счел, что вопрос, поднимаемый в сообщении, не связан с нарушением права на отказ от военной службы по соображениям совести как таковым. Комитет счел, что автор в достаточной мере показал, для целей приемлемости, что сообщение может касаться вопросов, соответствующих положениям Пакта.

7. Таким образом, 11 июля 1997 года Комитет признал сообщение приемлемым.

Замечания государства-участника по существу сообщения

8.1 В своем представлении от 29 июня 1998 года государство-участник излагает свои замечания по существу сообщения и одновременно просит Комитет пересмотреть решение Комитета признать сообщение приемлемым.

8.2 Государство-участник напоминает, что автор оставил место своей службы на следующий день после того, как сообщил властям в направленном им письме о том, что он просит о сокращении срока службы. Он не дождался результатов рассмотрения его просьбы. Государство-участник утверждает, что он должен был это сделать и что в случае отказа или отсутствия какого-либо ответа по истечении четырехмесячного срока он мог бы подать апелляцию в административный трибунал. В этой связи государство-участник напоминает, что в результате решения, принятого Государственным советом по делу Николо (20 октября 1989 года), граждане могут оспаривать применимость закона на основании его несовместимости с международными обязательствами в области прав человека. Государство-участник отмечает, что в своем решении о приемлемости Комитет признал существование этого средства защиты, но заключил, что внутренние средства защиты были тем не менее исчерпаны, так как на данной стадии рассмотрения возможности воспользоваться средством защиты у автора уже не имеется.

8.3 Государство-участник оспаривает решение Комитета в этом отношении и утверждает, что вопрос о наличии и эффективности какого-либо средства защиты должен рассматриваться в момент совершения предполагаемого нарушения, а не *a posteriori*, когда автор представляет свое сообщение. В противном случае было бы достаточно добровольно воздержаться от исчерпания внутренних средств защиты в сроки и в форме,

предписываемые законом, с тем чтобы удовлетворить требования подпункта б) пункта 2 статьи 5, что делало бы это требование устаревшим.

8.4 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты в уголовном деле, возбужденном против автора, то государство-участник напоминает, что необходимости в уголовном разбирательстве дела автора не возникло бы, если бы автор дождался результатов рассмотрения ходатайства, поданного им министру. В этой связи государство-участник подчеркивает, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты предполагает, что должны быть исчерпаны все эффективные средства защиты, т.е. те, которые могут эффективно исправить предполагаемое нарушение. В настоящем случае автор жалуется на сроки службы, установленные для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести. Он мог защитить свое право путем обращения с соответствующим заявлением к военным властям, а затем, если бы возникла необходимость, путем апелляции в административный трибунал. В своем решении о приемлемости Комитет признал, что такая возможность существовала. Не было доказано, что эта процедура оказалась бы неэффективной и неоправданно затянутой. Учитывая вышеизложенное, государство-участник просит Комитет пересмотреть его решение о приемлемости и объявить сообщение неприемлемым ввиду неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

8.5 Что касается существа сообщения, то государство-участник утверждает, что автор не является жертвой нарушения Пакта.

8.6 Согласно утверждению государства-участника, статья L.116 Кодекса национальной службы в редакции от июля 1983 года закрепляет подлинное право на отказ от военной службы по соображениям совести в том смысле, что об искренности убеждений свидетельствует сам факт подачи ходатайства, если оно подано с соблюдением предусмотренных законом требований (то есть мотивируется утверждением ходатайствующего лица о том, что у него имеются личные предубеждения против применения оружия). Никакой проверки факта наличия таких предубеждений не проводится. Для принятия ходатайств к рассмотрению они должны быть представлены на 15-й день месяца, предшествующего зачислению на военную службу. Таким образом, ходатайство может быть отклонено только в том случае, если оно является немотивированным или подается с нарушением установленных сроков. Существует право подачи апелляции в административный трибунал.

8.7 Хотя с января 1992 года обычная продолжительность военной службы во Франции составляет 10 месяцев, для некоторых видов национальной службы установлен срок в 12 месяцев (военная служба научных работников) и 16 месяцев (гражданская служба вспомогательного технического персонала). Продолжительность службы для лиц,

отказывающихся от военной службы по соображениям совести, составляет 20 месяцев. Государство-участник отрицает, что такой срок носит карательный или дискриминационный характер. Утверждается, что это является единственным способом удостовериться в искренности убеждений, поскольку проверка последних в административном порядке больше не проводится. После завершения службы лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, приобретают те же права, что и лица, прошедшие национальную гражданскую службу.

8.8 Государство-участник информирует Комитет о том, что 28 октября 1997 года был принят закон о проведении реформы национальной службы. На основании этого закона все юноши и девушки в возрасте от 16 до 18 лет должны будут проходить однодневные военные сборы. Предусматривается возможность факультативной добровольной службы продолжительностью 12 месяцев, которая может продлеваться на срок до 60 месяцев. Новый закон применяется к мужчинам, родившимся после 31 декабря 1978 года, и женщинам, родившимся после 31 декабря 1982 года.

8.9 Согласно утверждению государства-участника, действующая в нем система отказа от военной службы по соображениям совести, как она применяется к автору, согласуется с требованиями статей 18, 19 и 26 Пакта и с Замечанием общего порядка № 22 Комитета. Государство-участник заявляет, что в рамках установленного им режима применительно к отказу от военной службы по соображениям совести, не проводится какого-либо различия по признаку убеждений и не предусматривается никакого процесса проверки мотивов, излагаемых ходатайствующими лицами, как это обстоит дело во многих соседних странах. В отношении отказников по соображениям совести не существует никакой дискриминации, поскольку их служба является признанной разновидностью национальной службы, приравненной к военной или другим видам гражданской службы. В 1997 году чуть меньше 50% лиц, проходивших гражданскую службу, делали это на основе отказа от военной службы по соображениям совести.

8.10 Государство-участник заявляет, что автор настоящего сообщения не подвергался никакой дискриминации на том основании, что он предпочел проходить национальную службу как лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести. Оно отмечает, что автор был осужден за несоблюдение обязательств, налагаемых на него в рамках гражданской службы, которую он сам свободно избрал. После того как автор самовольно покинул место службы, его несколько раз вызывали на работу, но он так и не явился. Таким образом, он был осужден не в силу его личных убеждений и не по причине выбора им альтернативной гражданской службы, а на основании отказа соблюдать условия, диктуемые такого рода службой. Государство-участник отмечает, что, когда от автора потребовали несения альтернативной военной службы, он не высказывал возражений против продолжительности службы. В этой связи государство-участник

отмечает, что оно могло предоставить автору возможность выбора другого вида неармейской национальной службы, как, например, вспомогательная техническая служба. На этом основании государство-участник утверждает, что автор не доказал, что он является жертвой какого-либо нарушения со стороны государства-участника.

8.11 Далее государство-участник утверждает, что заявление автора является необоснованным. В этой связи государство-участник напоминает, что, согласно решениям самого Комитета, не все различия в обращении представляют собой дискриминацию, если они основаны на разумных и объективных критериях. В данном контексте государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу № 295/1998 (Ярвинен против Финляндии), в котором речь шла о 16-месячном сроке службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, и о 8-месячном – для остальных призывников, но когда Комитет пришел к выводу, что никакого нарушения Пакта не имеется, поскольку продолжительность службы служит показателем искренности убеждений призывников, ходатайствующих о статусе лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, ибо никакой дальнейшей проверки причин отказа не проводится. Государство-участник заявляет, что в отношении данного дела должны применяться те же доводы.

8.12 В этом контексте государство-участник также отмечает, что условия альтернативной гражданской службы являются менее тяжелыми по сравнению с военной службой. Лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, предоставляется широкий выбор постов. Они могут также предлагать своего собственного работодателя и могут проходить службу по специальности. Они также получают более высокую плату по сравнению с лицами, проходящими службу в рядах вооруженных сил. В этой связи государство-участник отвергает утверждение адвоката, будто лица, работающие в системе международного сотрудничества, находятся в привилегированном положении по сравнению с отказниками от военной службы по соображениям совести, и заявляет, что первым зачастую приходится трудиться в весьма трудных условиях в чужой стране, тогда как последние проходят службу на территории Франции. Что касается автора, то он нес свою гражданскую службу в Воклюзе, где отвечал за поддержание в должном состоянии лесных дорог, что соответствует его квалификации как агротехника.

8.13 Государство-участник приходит к выводу, что срок службы автора настоящего сообщения не носит дискриминационного характера по сравнению с другими видами гражданской или военной службы. Существующие различия в продолжительности службы являются обоснованными и отражают объективные различия между разными видами службы. Кроме того, государство-участник заявляет, что в большинстве европейских стран срок службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, превышает срок военной службы.

Замечания адвоката относительно представления государства-участника

9.1 В своих замечаниях от 21 декабря 1998 года адвокат утверждает, что статья 5(2) b) Пакта не требует от отдельного лица исчерпания всех мыслимых средств правовой защиты, которые неэффективны или не имеются в распоряжении. В настоящем случае в отношении автора было возбуждено уголовное дело за неподчинение в мирное время. Адвокат напоминает, что требование в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты не применяется, когда данное внутреннее средство правовой защиты неэффективно и не дает шансов на успех или когда в силу определенных обстоятельств существующее средство правовой защиты стало невозможным или неэффективным. Перед тем как обращаться в Комитет, автор ожидал результатов использования эффективных внутренних средств правовой защиты в связи с его уголовным преследованием. Что касается средств административной защиты, то автору ни разу не сообщили о принятом по отношению к нему каком-либо административном решении, которое он мог бы обжаловать. При отсутствии такого решения исчерпание средств административной защиты является иллюзорным. В этой связи адвокат напоминает, что письмо, посланное автором военным властям, было всего лишь уведомлением и не содержало никакой просьбы, которая требовала бы определенного ответа от военных властей. Адвокат заключает, что на тот момент у автора не имелось средств административной защиты.

9.2 Что касается существа дела, то адвокат заявляет, что речь идет об условиях гражданской службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести. Он заявляет, что в два раза больший срок такой службы не обосновывается какими-либо соображениями общественного порядка и ссылается в этой связи на пункт 3 статьи 18 Пакта, которым предусматривается, что свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Он также ссылается на Замечание общего порядка № 22 Комитета, в котором Комитет заявляет, что ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом. Он утверждает, что навязывание лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной, представляет собой дискриминационное ограничение, поскольку открытая демонстрация такого убеждения, как отказ брать в руки оружие, сама по себе не затрагивает общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц, ибо законом четко признается право на отказ от военной службы по соображениям совести.

9.3 Адвокат заявляет, что, в отличие от того, что указывается в представлении государства-участника, призывники, ходатайствующие о получении статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, подвергаются административной проверке, и возможности выбора условий службы у них не имеется. В этой связи адвокат ссылается на установленные законом требования, согласно которым ходатайство должно быть представлено до 15 числа месяца, предшествующего зачислению на военную службу, и что оно должно быть мотивированным. Таким образом, министр обороны может отказать в удовлетворении ходатайства, и никакого автоматического права на получение статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, не существует. Отсюда, как утверждает адвокат, со всей очевидностью следует, что мотивы лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, подвергаются проверке.

9.4 Адвокат отвергает довод государства-участника о том, что автор сам осознанно выбрал вид службы для прохождения. Адвокат подчеркивает, что автор сделал свой выбор на основе своих убеждений, а не исходя из продолжительности службы. Что касается условий службы, то у него не было выбора. Адвокат утверждает, что не существует никаких причин, продиктованных интересами общественного порядка, которые обосновывали бы продолжительность гражданской службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, которая в два раза превышает продолжительность военной службы.

9.5 Адвокат считает, что такая продолжительность представляет собой дискриминацию по признаку убеждений. Ссылаясь на соображения Комитета в отношении сообщения № 295/1988 (Ярвинен против Финляндии), адвокат заявляет, что настоящий случай требует дифференцированного подхода, поскольку в первом случае продление сроков службы являлось, по мнению большинства членов Комитета, обоснованным ввиду отсутствия административных процедур признания статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести.

9.6 Если говорить о других видах гражданской службы, и особенно о лицах, работающих в системе международного сотрудничества, то адвокат отвергает довод государства-участника, что последним зачастую приходится работать в трудных условиях, утверждая, напротив, что такая служба часто связана с работой в другой европейской стране, причем в благоприятных условиях. Кроме того, работающие в такой системе лица накапливают профессиональный опыт. Согласно утверждению адвоката, лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести, не получает от своей службы каких-либо выгод. В отношении довода государства-участника о том, что продление срока службы является своеобразной проверкой искренности убеждений лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, адвокат утверждает, что

такого рода проверка сама по себе представляет вопиющую дискриминацию, поскольку искренность тех лиц, которые записываются для прохождения другого вида гражданской службы, не подвергается проверке. Что касается упоминаемых государством-участником преимуществ (как, например, отсутствие необходимости носить форму или подчиняться военной дисциплине), то адвокат отмечает, что теми же преимуществами пользуются и лица, проходящие другие виды гражданской службы, продолжительность которой не превышает, однако, 16 месяцев. В отношении довода государства-участника о том, что лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, получают более высокую плату по сравнению с призывниками, проходящими военную службу, адвокат отмечает, что такие лица работают в рамках структур, где они рассматриваются как лица, работающие по найму, и, следовательно, вполне естественно, что они получают определенное вознаграждение. Он заявляет, что размер платы является незначительным по сравнению с объемом выполняемой работы и гораздо ниже по сравнению с получаемой обычными рабочими и служащими. Согласно утверждению адвоката, лица, работающие в системе международного сотрудничества, являются более высокооплачиваемыми.

Рассмотрение дела в Комитете

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принял к сведению просьбу государства-участника пересмотреть решение о приемлемости, принятое Комитетом в отношении данного случая. Комитет пользуется данной возможностью, чтобы внести ясность в принятое им решение о приемлемости и, в частности, ответить на вопросы, вызывающие озабоченность государства-участника. Комитет подчеркивает, что в соответствии с подпунктом b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола данное лицо должно исчерпать имеющиеся внутренние средства правовой защиты в сроки и в форме, требуемые внутригосударственным законодательством. В рассматриваемом случае автор был обвинен в неподчинении и признан виновным. Апелляционный суд Монпелье отклонил его апелляцию, а последующая жалоба в кассационный суд ни к чему бы не привела, так как этот суд в последнее время отклонил жалобы в трех аналогичных случаях. В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник не показало, каким образом административный трибунал мог бы занять позицию, не совпадающую с позицией высшего суда страны, в связи с утверждением автора о том, что продолжительность службы, установленная для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, является нарушением международных обязательств государства. Поэтому нет причин пересматривать решение о приемлемости и Комитет продолжает рассмотрение полученного сообщения по существу.

10.3 Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что автор не является жертвой какого-либо нарушения, поскольку он был осужден не за его личные убеждения, а за дезертирство со службы, свободно избранной им самим. Однако Комитет отмечает, что в ходе судебного разбирательства автор сослался в качестве довода, обосновывающего его дезертирство, на право на равенство в обращении между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести, и призывниками на военную службу и что данное заявление находит отражение в судебных решениях. Он также отмечает утверждение автора о том, что как лицу, отказавшемуся от военной службы по соображениям совести, ему не было предоставлено свободного выбора вида службы, которую он должен был проходить. Поэтому Комитет считает, что автор отвечает требованиям, позволяющим квалифицировать его в качестве жертвы для целей Факультативного протокола.

10.4 Комитету надлежит определить, представляют ли конкретные условия, в которых автор был вынужден проходить альтернативную службу, нарушение Пакта²⁴. Комитет отмечает, что по смыслу статьи 8 Пакта государства-участники могут требовать прохождения службы военного характера, а в случае отказа от военной службы по соображениям совести – альтернативной национальной службы, при условии, что такая служба не носит дискриминационного характера. Автор утверждает, что предусмотренное французским законом требование в виде 24-месячного срока национальной альтернативной службы по сравнению с 12-месячным сроком военной службы является дискриминационным и нарушает принцип равенства перед законом и равной защиты закона, закрепленный в статье 26 Пакта. Комитет вновь подтверждает свою позицию, состоящую в том, что статья 26 не запрещает все различия в обращении. Вместе с тем, в основе любого дифференцированного подхода, как об этом неоднократно заявлял Комитет, должны лежать обоснованные и объективные критерии. В этой связи Комитет признает, что по закону и на практике могут устанавливаться различия между военной и национальной альтернативной службой и что такие различия могут в том или ином конкретном случае обосновывать продление срока службы при условии, что в основе такого дифференцированного подхода лежат разумные и объективные критерии, как, например, характер конкретной службы или необходимость специальной подготовки для прохождения такой службы. В данном же случае выдвинутые государством-

²⁴ См. также соображения Комитета в отношении сообщения № 666/1995, Фуэн против Франции, CCRP/C/67/D/666/1995.

участником аргументы не связаны с такими критериями и не опираются на критерии общего характера без конкретной увязки с делом автора, а строятся скорее на доводе о том, что увеличение в два раза продолжительности службы является единственным способом проверки искренности убеждений того или иного лица. По мнению Комитета, такой довод не удовлетворяет требованию, предусматривающему, чтобы применительно к данному случаю в основе различия в обращении лежали разумные и объективные критерии. С учетом обстоятельств дела Комитет считает, что имело место нарушение статьи 26, поскольку автор подвергся дискриминации по признаку его убеждений.

11. Комитет по правам человека, действуя согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что изложенные перед ним факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. Комитет по правам человека с удовлетворением отмечает, что государство-участник внесло изменения в закон, с тем чтобы подобные нарушения не повторялись больше в будущем. С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что установление факта нарушения обеспечивает автору сообщения надлежащее средство правовой защиты.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Особое мнение членов Комитета Нисуке Андо, Экарта Кляйна,
Дэвида Крецмера и Абдаллы Захьи

Мы не разделяем соображения Комитета по тем же причинам, которые мы изложили в нашем отдельном несовпадающем мнении относительно случая Фуэна (сообщение № 666/1995).

Н. Андо (подпись)

Э. Кляйн (подпись)

Д. Крецмер (подпись)

А. Захья (подпись)

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

G. Сообщения № 690/1996 и 691/1996, Венье и Николя против Франции
(Соображения приняты 10 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлены: Марком Венье и Полем Николя
(представлены адвокатом Франсуа Ру)

Предполагаемая жертва: Авторы сообщений

Государство-участник: Франция

Даты сообщений: 14 и 17 ноября 1995 года

Дата решения относительно приемлемости: 11 июля 1997 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 10 июля 2000 года,

завершив рассмотрение сообщений № 690/1996 и 691/1996, представленных
Комитету по правам человека Марком Венье и Полем Николя в соответствии с
Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических
правах,

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н П.Н. Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-жа Кристина Шане не принимала участия в рассмотрении настоящего сообщения. К настоящему документу прилагается особое мнение членов Комитета Нисуке Андо, Экарта Кляйна, Дэвида Крецмера и Абдаллы Захьи.

приняв во внимание все письменные данные, представленные ему авторами сообщений и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщений от 14 и 17 ноября 1995 года являются Марк Венье и Поль Николя, граждане Франции, родившиеся соответственно в 1967 и 1968 годах и в настоящее время постоянно проживающие соответственно в Оденкуре (Франция) и Габарре (Франция). Они утверждают, что являются жертвами нарушения Францией статей 18, 19 и 26 в совокупности со статьей 8 Международного пакта о гражданских и политических правах. Авторов представляет адвокат Франсуа Ру.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы, являющиеся признанными противниками военной службы по соображениям совести, начали прохождение гражданской службы 23 июня 1988 года (г-н Николя) и 16 ноября 1989 года (г-н Венье). После приблизительно одного года службы авторы уведомили органы власти о том, что они намереваются прекратить прохождение гражданской службы, что они и сделали соответственно 1 июля 1989 года и 1 февраля 1991 года. При этом авторы сослались на якобы дискриминационный характер статьи 116 (6) Кодекса национальной службы (Code du service national), согласно которой противники военной службы по соображениям совести должны в течение 24 месяцев проходить национальную гражданскую службу, тогда как продолжительность военной службы не превышает 12 месяцев.

2.2 Авторы были обвинены соответственно уголовным судом (Tribunal Correctionnel) Парижа и уголовным судом Орлеана на основании статей 398 и 399 Кодекса военной юстиции в дезертирстве в мирное время. 4 июля 1991 года уголовный суд Парижа признал г-на Николя виновным по предъявленному обвинению и приговорил его к одному году тюремного заключения; 17 июня 1992 года уголовный суд Орлеана также признал г-на Венье виновным и приговорил его к 10-месячному заключению, отклонив доводы защиты, основанные на статьях 9, 10 и 14 Европейской конвенции о правах человека и статьях 18 и 19 Пакта.

2.3 После обжалования г-ном Николя решения суда апелляционный суд Парижа подтвердил приговор уголовного суда о признании г-на Николя виновным, но изменил меру наказания на двухмесячное тюремное заключение условно. 8 февраля 1993 года апелляционный суд Орлеана подтвердил решение уголовного суда в отношении

г-на Венье, однако уменьшил меру наказания до восьми месяцев тюремного заключения (из них шесть месяцев – условно). 14 декабря 1994 года кассационный суд отклонил повторные апелляции авторов и постановил, что статья 116 (6) Кодекса национальной службы не является дискриминационной и не нарушает статьи 9, 10 и 14 Европейской конвенции о правах человека. Утверждается, что после вынесения этого последнего решения все доступные средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалобы

3.1 Авторы утверждают, что и статья 116 (6) Кодекса национальной службы (в редакции от июля 1983 года, которой предписывается 24-месячный срок гражданской службы для противников военной службы по соображениям совести), и статья L.2 Кодекса национальной службы в редакции от января 1992 года (с поправками, внесенными Законом № 92-9 от 4 января 1992 года), которая устанавливает продолжительность гражданской службы для противников военной службы по соображениям совести в 20 месяцев, нарушают статьи 18, 19 и 26 в совокупности со статьей 8 Пакта в том плане, что они удваивают срок службы отказывающихся от военной службы по соображениям совести по сравнению со сроком военной службы.

3.2 Авторы признают, что в случае сообщения № 295/1988²⁵ Комитет принял решение, что продление срока альтернативной службы не является необоснованным и не носит карательного характера и что он не выявил никаких нарушений Пакта. Однако они все же ссылаются в том, что касается срока службы, на прилагаемые к соображениям Комитета особые мнения трех его членов, которые пришли к заключению, что в основе оспариваемого законодательства не лежат обоснованные или объективные критерии, такие, как более тяжелые условия службы или необходимость специальной подготовки, обуславливающие большую продолжительность службы. Авторы полностью разделяют выводы, сделанные этими тремя членами Комитета.

3.3 Авторы отмечают, что, согласно статьям L.116 (2) - L.116 (4) Кодекса национальной службы, каждое ходатайство о признании лица в качестве отказавшегося от военной службы по соображениям совести подлежит утверждению министром обороны. Если он отклоняет ходатайство, то имеется возможность подать апелляцию в административный трибунал на основании статьи L.116 (3). В подобных обстоятельствах, по утверждению авторов, нельзя предположить, что продолжительность гражданской службы устанавливается исключительно по соображениям административной надобности,

²⁵ Ярвинен против Финляндии, соображения, принятые 25 июля 1990 года, пункты 6.4-6.6.

поскольку, если человек соглашается на прохождение гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной службы, он должен рассматриваться как имеющий глубокие убеждения. Скорее нужно исходить из того, что продление срока гражданской службы включает в себе карательный элемент, не подкрепляемый какими-либо обоснованными или объективными критериями.

3.4 В обоснование своего утверждения авторы ссылаются на решение итальянского Конституционного суда от июля 1989 года, согласно которому неармейская служба, продолжительность которой на восемь месяцев превышает срок военной службы, не совместима с итальянской Конституцией. Они далее указывают на решение, принятое Европейским парламентом в 1967 году, в котором парламент на основании статьи 9 Европейской конвенции о правах человека рекомендует, чтобы продолжительность альтернативной службы не превышала продолжительности военной службы. Кроме того, Комитет министров Совета Европы заявил, что альтернативная служба не должна носить карательного характера и что ее продолжительность по сравнению с военной службой должна оставаться в разумных пределах (рекомендация № R(87) 8 от 9 апреля 1987 года). Наконец, авторы отмечают, что в резолюции, принятой 5 марта 1987 года²⁶, Комиссия Организации Объединенных Наций по правам человека заявила, что отказ от военной службы по соображениям совести должен рассматриваться как законный способ осуществления признаваемого Пактом права на свободу мысли, совести и религии.

3.5 С учетом вышеизложенного авторы утверждают, что требование прохождения гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной службы, представляет собой незаконную и запрещенную дискриминацию по признаку убеждений, а наличие возможности прибегнуть к наказанию в виде лишения свободы за отказ проходить гражданскую службу в течение срока, превышающего срок военной службы, является нарушением пункта 2 статьи 18, пункта 1 статьи 19 и статьи 26 Пакта.

Замечания государства-участника о приемлемости и комментарии по ним авторов

4.1 Прежде всего государство-участник решительно заявляет, что сообщения не совместимы *ratione materiae* с положениями Пакта, поскольку, с одной стороны, Комитет в своем решении относительно сообщения № 185/1984 (Л.Т.К. против Финляндии) признал, что "в Пакте не упоминается право на отказ от несения военной службы по соображениям совести; ни статью 18, ни статью 19 Пакта, особенно принимая во внимание пункт 3 с) ii) статьи 8, нельзя толковать таким образом, что они подразумевают это право" и поскольку, с другой стороны, в силу пункта 3 с) ii) статьи 8 Пакта внутреннее регулирование вопросов национальной службы и, следовательно,

²⁶ Документ E/CN.4/1987/L.73 от 5 марта 1987 года.

статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, для тех государств, которые признают такой статус, не относится к сфере действия Пакта, а остается аспектом, охватываемым внутригосударственным законодательством.

4.2 Далее государство-участник заявляет, что авторы не исчерпали все внутригосударственные средства правовой защиты. В этой связи оно утверждает, что, хотя авторы сообщений и исчерпали все доступные им средства судебно-правовой защиты, однако они не использовали все административные средства. Доводы, предложенные в данной связи, заключаются в том, что, оставив место службы до того, как авторы получили ответ от военных властей на свои запросы о сокращении срока службы, они нарушили положения Кодекса национальной службы и поэтому подлежат уголовному преследованию. Кроме того, они не дождались ответа от военных властей с отказом на свои запросы, чтобы потом вынести этот вопрос на рассмотрение административного трибунала.

4.3 Третье и последнее: государство-участник решительно заявляет, что авторы не отвечают требованиям для признания их жертвами нарушения пункта 2 статьи 18, пункта 1 статьи 19 и статьи 26 Пакта. В связи со статьями 18 и 19 Пакта государство-участник утверждает, что за счет признания статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, и предоставления призывникам альтернативных форм прохождения национальной службы, оно дает им возможность свободного выбора той разновидности национальной службы, которая соответствует их убеждениям, тем самым обеспечивая осуществление ими своих прав по статьям 18 и 19 Пакта. В этой связи государство-участник, со ссылкой на решение по вышеуказанному сообщению № 185/1984, приходит к заключению, что поскольку авторы были привлечены к судебной ответственности и осуждены не за [их] убеждения или воззрения как таковые, а за отказ проходить военную службу, то, следовательно, они не могут претендовать на признание их жертвами нарушения статей 18 и 19 Пакта.

4.4 В отношении предполагаемого нарушения статьи 26 Пакта государство-участник, отмечая, что авторы жалуются на нарушение данной статьи, поскольку продолжительность альтернативной гражданской службы в два раза превышает срок военной службы, прежде всего заявляет, что "Пакт, запрещая дискриминацию и гарантируя всем людям равную защиту перед законом, все же не запрещает все различия в обращении", в основе которых должны лежать "разумные и объективные критерии" (сообщение № 196/1985, Гейе против Франции). Государство-участник в этой связи утверждает, что положение призывников, проходящих альтернативную гражданскую службу, отличается от положения лиц, проходящих военную службу, особенно в отношении более жестких ограничений, налагаемых службой в армии, и что большая продолжительность альтернативной гражданской службы является проверкой твердости

убеждений лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, и направлена на то, чтобы призывники не претендовали на статус противника военной службы из соображений удобства, легкости и безопасности. Государство-участник также ссылается на соображения Комитета относительно сообщения № 295/1988 (Ярвинен против Финляндии), в которых Комитет счел, что 16-месячный срок альтернативной службы для отказников по соображениям совести – что вдвое превышает восьмимесячный срок военной службы – "не является необоснованным и не носит карательного характера". Поэтому государство-участник приходит к заключению, что в основе различия в обращении, на которое жалуются авторы, лежит принцип равенства, требующий дифференцированного подхода к различным ситуациям.

4.5 С учетом всех этих причин государство-участник просит Комитет объявить сообщения неприемлемыми.

5.1 Что касается первого довода государства-участника относительно компетенции Комитета *ratione materiae*, то авторы ссылаются на Замечание общего порядка Комитета № 22 (48), в котором говорится, что право на отказ от военной службы по соображениям совести "вытекает из статьи 18, поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом исповедовать религию или убеждения. В тех случаях, когда такое право признано законом или практикой, не должно проводиться никаких различий между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести на основании характера их конкретных убеждений; точно так же не должно быть никакой дискриминации в отношении таких лиц из-за их отказа нести военную службу". По утверждению авторов, из этих замечаний со всей очевидностью следует, что Комитет правомочен определять факт наличия или же отсутствия нарушения права на отказ от военной службы по соображениям совести в рамках статьи 18 Пакта.

5.2 Авторы заявляют, что в их случае проблема заключается не в возможном посягательстве на свободу убеждений, гарантированную противникам военной службы французским законодательством, а в условиях осуществления данной свободы, учитывая тот факт, что срок альтернативной гражданской службы в два раза превышает срок военной службы, причем это не оправдано необходимостью поддержания общественного порядка и нарушает пункт 3 статьи 18 Пакта. В данном контексте авторы ссылаются на Замечание общего порядка Комитета № 22 (48), в котором указывается, что "ограничения должны устанавливаться законом и применяться таким образом, чтобы не наносить ущерба правам, гарантированным в статье 18. (...) Ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом", и на основании этого делают вывод, что требование от противников военной службы проходить альтернативную гражданскую службу, срок которой в два раза

превышает срок военной службы, является дискриминационным ограничением прав, предусмотренных статьей 18 Пакта.

5.3 Что касается использования всех внутригосударственных средств правовой защиты, авторы заявляют, что в отношении начатого против них уголовного преследования все внутригосударственные средства были действительно исчерпаны, поскольку кассационный суд отклонил 14 декабря 1994 года их апелляции на решения апелляционного суда. В том, что касается неполного использования административных средств, авторы утверждают, что такие средства были для них недоступны, поскольку, не получив уведомления ни о каком административном решении, они не могли вынести вопрос на рассмотрение административного трибунала.

5.4 Что касается предполагаемого нарушения статьи 26, то авторы утверждают, что требование прохождения гражданской службы, продолжительность которой в два раза превышает продолжительность военной службы, представляет собой различие в обращении, которое не основано "на разумных и объективных критериях" и, следовательно, является дискриминацией, запрещаемой Пактом (см. указанное выше сообщение № 196/1985). В порядке подкрепления данного заключения авторы утверждают, что для увеличения в два раза срока гражданской службы по сравнению с военной службой нет никаких оснований; в сущности, в отличие от дела Ярвинена (см. указанное выше сообщение № 295/1988) установление более длительного срока не обосновывается каким-либо смягчением административных процедур для целей получения статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, поскольку, согласно статьям L.116 (2) и L.116 (4) Кодекса национальной службы, ходатайства о предоставлении такого статуса подлежат утверждению министром обороны после их изучения, в результате которого может быть принято решение об отказе. Это не является оправданным и с точки зрения всеобщих интересов, а также проверки твердости и искренности убеждений лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести. И действительно, сам по себе факт того, что предпринимаются особые меры для проверки искренности и твердости убеждений отказников от военной службы, является дискриминацией на основе признания различия в обращении по отношению к призывникам. Кроме того, статус лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, не дает никаких выгод или преимуществ в отличие, например, от лиц, призываемых не на военную службу, а назначаемых на работу в системе международного сотрудничества, которые имеют возможность трудиться за рубежом в той сфере профессиональной деятельности, которая соответствует полученной ими в университете специальности, в течение 16 месяцев (т.е. на четыре месяца меньше по сравнению со сроком гражданской службы для отказников по соображениям совести) – и, следовательно, различие в обращении не является оправданным и на этом основании.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей 60-й сессии Комитет принял решение объединить рассмотрение сообщений № 690/1996 и 691/1996. Затем он перешел к рассмотрению вопроса о приемлемости данных сообщений.

6.2 В том, что касается требования использовать все доступные внутригосударственные средства правовой защиты, Комитет принял к сведению тот факт, что все имеющиеся в наличии судебные средства авторы исчерпали. Кроме того, Комитет считал, что административные средства были недоступны для авторов сообщений. Исходя из этого, Комитет пришел к выводу, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению данных сообщений.

6.3 Комитет принял к сведению доводы государства-участника относительно несовместимости сообщений *ratione materiae* с положениями Пакта. В этом отношении Комитет считал, что вопрос, поднимаемый в сообщениях, не связан с нарушением права на отказ от военной службы по соображениям совести как таковым. Комитет считал, что авторы привели достаточные основания для своего заявления, для целей приемлемости, что сообщения могут касаться вопросов, соответствующих положениям Пакта.

7. Таким образом, 11 июля 1997 года Комитет признал сообщения приемлемыми.

Замечания государства-участника по существу сообщений

8.1 В своем представлении от 8 июня 1998 года государство-участник утверждает, что сообщения должны быть отклонены, поскольку авторы не являются жертвами нарушения Пакта и поскольку их жалобы необоснованны.

8.2 Согласно утверждению государства-участника, статья L.116 Кодекса национальной службы в редакции от июля 1983 года закрепляет подлинное право на отказ от военной службы по соображениям совести в том смысле, что об искренности убеждений свидетельствует сам факт подачи ходатайства, если оно подано с соблюдением предусмотренных законом требований (то есть мотивируется утверждением ходатайствующего лица о том, что у него имеются личные предубеждения против применения оружия). Никакой проверки факта наличия таких предубеждений не проводится. Для принятия ходатайств к рассмотрению они должны быть представлены на 15-й день месяца, предшествующего зачислению на военную службу. Таким образом, ходатайство может быть отклонено только в том случае, если оно является немотивированным или подается с нарушением установленных сроков. Существует право подачи апелляции в административный трибунал.

8.3 Хотя с января 1992 года обычная продолжительность военной службы во Франции составляет 10 месяцев, для некоторых видов национальной службы установлен срок в 12 месяцев (военная служба научных работников) и 16 месяцев (гражданская служба вспомогательного технического персонала). Продолжительность службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, составляет 20 месяцев. Государство-участник отрицает, что такой срок носит карательный или дискриминационный характер. Утверждается, что это является единственным способом удостовериться в искренности убеждений, поскольку проверка последних в административном порядке больше не проводится. После завершения службы лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, приобретают те же права, что и лица, прошедшие национальную гражданскую службу.

8.4 Государство-участник информирует Комитет о том, что 28 октября 1997 года был принят закон о проведении реформы национальной службы. На основании этого закона все юноши и девушки в возрасте от 16 до 18 лет должны будут проходить однодневные военные сборы в рамках подготовки к обороне. Предусматривается возможность факультативной добровольной службы продолжительностью 12 месяцев, которая может продлеваться на срок до 60 месяцев. Новый закон применяется к мужчинам, родившимся после 31 декабря 1978 года, и женщинам, родившимся после 31 декабря 1982 года.

8.5 Согласно утверждению государства-участника, действующая в нем система отказа от военной службы по соображениям совести согласуется с требованиями статей 18, 19 и 26 Пакта и с Замечанием общего порядка № 22 Комитета. Государство-участник отмечает, что в рамках установленного им режима применительно к отказу от военной службы по соображениям совести не проводится какого-либо различия по признаку убеждений и не предусматривается никакого процесса проверки мотивов, излагаемых ходатайствующими лицами, которые отличались бы от существующих во многих соседних странах. В отношении отказников по соображениям совести не существует никакой дискриминации, поскольку их служба является признанной разновидностью национальной службы, приравненной к военной или другим видам гражданской службы. В 1997 году чуть меньше 50% лиц, проходивших гражданскую службу, делали это на основе отказа от военной службы по соображениям совести.

8.6 Государство-участник заявляет, что авторы настоящих сообщений не являются жертвами дискриминации на том основании, что они предпочли проходить национальную службу как лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести. Оно отмечает, что авторы были осуждены за несоблюдение обязательств, налагаемых на них в рамках гражданской службы, которую они сами свободно избрали. Таким образом, они были осуждены не в силу их личных убеждений и не по причине выбора ими

альтернативной гражданской службы, а на основании отказа соблюдать условия, предусмотренные такого рода службой. Государство-участник отмечает, что в то время, когда авторы заявили о своем желании проходить службу, альтернативную военной службе, они не высказали никаких возражений относительно срока службы. Более того, в случае г-на Венье государство-участник отмечает, что причина, которой он объяснил свой уход с гражданской службы, заключается в "отношении его страны к странам третьего мира", т.е. не связана с якобы дискриминационным характером срока службы для убежденных противников военной службы. В этой связи государство-участник отмечает, что оно могло предоставить авторам возможность выбора неармейской национальной службы, как, например, вспомогательная техническая служба. На этом основании государство-участник утверждает, что авторы не доказали, что они являются жертвами какого-либо нарушения со стороны государства-участника.

8.7 Далее государство-участник утверждает, что заявления авторов являются необоснованными. Государство-участник в этой связи напоминает, что, согласно решениям самого Комитета, не все различия в обращении представляют собой дискриминацию, если они основаны на разумных и объективных критериях. В данном контексте государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу № 295/1988 (Ярвинен против Финляндии), в котором речь шла о 16-месячном сроке службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, и о 8-месячном – для остальных призывников, но когда Комитет пришел к выводу, что никакого нарушения Пакта не имеется, поскольку продолжительность службы служит показателем искренности убеждений призывников, ходатайствующих о статусе лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, учитывая тот факт, что никакой дальнейшей проверки причин отказа не проводится. Государство-участник заявляет, что в отношении данных дел должны применяться те же доводы.

8.8 В этом контексте государство-участник также отмечает, что условия альтернативной гражданской службы являются менее тяжелыми по сравнению с военной службой. Лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, предоставляется широкий выбор постов. Они могут также предлагать своего собственного работодателя и могут проходить службу по специальности. Они также получают более высокую плату по сравнению с лицами, проходящими службу в рядах вооруженных сил. В этой связи государство-участник отвергает утверждение адвоката, будто лица, работающие в системе международного сотрудничества, находятся в привилегированном положении по сравнению с отказниками от военной службы по соображениям совести, и заявляет, что первым зачастую приходится трудиться в весьма тяжелых условиях в чужой стране, тогда как последние проходят службу на территории Франции. Г-н Венье проходил гражданскую службу в секретариате "Движения за ненасильственную альтернативу", а г-н Николя был направлен на международную гражданскую службу в Иль-де-Франс.

8.9 Государство-участник приходит к выводу, что срок службы авторов настоящих сообщений не носит дискриминационного характера по сравнению с другими видами гражданской или военной службы. Существующие различия в продолжительности службы являются обоснованными и отражают объективные различия между разными видами службы. Кроме того, государство-участник заявляет, что в большинстве европейских стран срок службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, превышает срок военной службы.

Замечания адвоката в связи с заявлением государства-участника

9.1 В своих замечаниях от 21 декабря 1998 года адвокат заявляет, что речь идет об условиях гражданской службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести. Он заявляет, что в два раза бóльший срок такой службы не обосновывается какими-либо соображениями общественного порядка и ссылается в этой связи на пункт 3 статьи 18 Пакта, которым предусматривается, что свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Он также ссылается на Замечание общего порядка № 22 Комитета, в котором Комитет заявляет, что ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом. Он утверждает, что навязывание лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной, представляет собой дискриминационное ограничение, поскольку открытая демонстрация такого убеждения, как отказ брать в руки оружие, сама по себе не затрагивает общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц, так как законом четко признается право на отказ от военной службы по соображениям совести.

9.2 Адвокат заявляет, что, в отличие от того, что указывается в представлении государства-участника, призывники, ходатайствующие о получении статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, подвергаются административной проверке, и возможности выбора условий службы у них не имеется. В этой связи адвокат ссылается на установленные законом требования, согласно которым ходатайство должно быть представлено до 15 числа месяца зачисления на военную службу, и что оно должно быть мотивированным. Таким образом, министр обороны может отказать в удовлетворении ходатайства, и никакого автоматического права на получение статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, не существует. Отсюда, как утверждает адвокат, со всей очевидностью следует, что

мотивы лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, подвергаются проверке.

9.3 Адвокат отвергает довод государства-участника о том, что авторы сами осознанно выбрали вид службы. Адвокат подчеркивает, что они сделали свой выбор на основе своих убеждений, а не исходя из продолжительности службы. Что касается условий службы, то у них не было выбора. Адвокат утверждает, что не существует никаких причин, продиктованных интересами общественного порядка, которые обосновывали бы продолжительность гражданской службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, которая в два раза превышает продолжительность военной службы.

9.4 Адвокат считает, что такая продолжительность службы представляет собой дискриминацию по признаку убеждений. Ссылаясь на соображения Комитета в отношении сообщения № 295/1988 (Ярвинен против Финляндии), адвокат заявляет, что настоящий случай требует дифференцированного подхода, поскольку в первом случае продление сроков службы являлось, по мнению большинства членов Комитета, обоснованным ввиду отсутствия административных процедур признания статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести.

9.5 Если говорить о других видах гражданской службы, и особенно о лицах, работающих в системе международного сотрудничества, то адвокат отвергает довод государства-участника, что последним зачастую приходится работать в трудных условиях, утверждая, напротив, что такая служба часто связана с работой в другой европейской стране, причем в благоприятных условиях. Кроме того, работающие в такой системе лица накапливают профессиональный опыт. Согласно утверждению адвоката, лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести, не получает от своей службы каких-либо выгод. В отношении довода государства-участника о том, что продление срока службы является своеобразной проверкой искренности убеждений лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, адвокат утверждает, что такого рода проверка сама по себе представляет вопиющую дискриминацию, поскольку искренность тех лиц, которые записываются для прохождения другого вида гражданской службы, не подвергается проверке. Что касается упоминаемых государством-участником преимуществ (как, например, отсутствие необходимости носить форму или подчиняться военной дисциплине), то адвокат отмечает, что теми же преимуществами пользуются и лица, проходящие другие виды гражданской службы, продолжительность которой не превышает, однако, 16 месяцев. В отношении довода государства-участника о том, что лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, получают более высокую плату по сравнению с лицами, проходящими военную службу, адвокат отмечает, что такие лица работают в рамках структур, где они рассматриваются как лица,

работающие по найму, и, следовательно, вполне естественно, что они получают определенное вознаграждение. Он заявляет, что размер платы является незначительным по сравнению с объемом выполняемой работы и гораздо ниже по сравнению с получаемой обычными рабочими и служащими. Согласно утверждению адвоката, лица, работающие в системе международного сотрудничества, являются более высокооплачиваемыми.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что авторы не являются жертвами какого-либо нарушения, поскольку они были осуждены не за их личные убеждения, а за дезертирство со службы, свободно избранной ими самими. Однако Комитет отмечает, что в ходе судебного разбирательства авторы сослались в качестве довода, обосновывающего их дезертирство, на право на равенство в обращении между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести, и призывниками на военную службу и что данное заявление находит отражение в судебных решениях. Он также отмечает утверждение авторов о том, что как лицам, отказавшимся от военной службы по соображениям совести, им не было предоставлено свободного выбора вида службы, которую они должны были проходить. Поэтому Комитет считает, что авторы отвечают требованиям, позволяющим квалифицировать их в качестве жертв для целей Факультативного протокола.

10.4 Комитету надлежит определить, представляют ли конкретные условия, в которых авторы были вынуждены проходить альтернативную службу, нарушение Пакта²⁷. Комитет отмечает, что по смыслу статьи 8 Пакта государства-участники могут требовать прохождения службы военного характера, а в случае отказа от военной службы по соображениям совести – альтернативной национальной службы, при условии, что такая служба не носит дискриминационного характера. Авторы утверждают, что предусмотренное французским законом требование в виде 24-месячного срока национальной альтернативной службы по сравнению с 12-месячным сроком военной службы является дискриминационным и нарушает принцип равенства перед законом и равной защиты закона, закрепленный в статье 26 Пакта. Комитет вновь подтверждает свою позицию, состоящую в том, что статья 26 не запрещает все различия в обращении.

²⁷ См. также соображения Комитета в отношении сообщения № 666/1995, Фуэн против Франции, документ ССРР/С/67/Д/666/1995.

Вместе с тем в основе любого дифференцированного подхода, как об этом неоднократно заявлял Комитет, должны лежать обоснованные и объективные критерии. В этой связи Комитет признает, что по закону и на практике могут устанавливаться различия между военной и национальной альтернативной службой и что такие различия могут в том или ином конкретном случае обосновывать продление срока службы при условии, что в основе такого дифференцированного подхода лежат разумные и объективные критерии, как, например, характер конкретной службы или необходимость специальной подготовки для прохождения такой службы. В данном же случае выдвинутые государством-участником аргументы не связаны с такими критериями или опираются на критерии общего характера без конкретной увязки с делами авторов и строятся скорее на доводе о том, что увеличение в два раза продолжительности службы является единственным способом проверки искренности убеждений того или иного лица. По мнению Комитета, такой довод не удовлетворяет требованию, предусматривающему, чтобы применительно к данным случаям в основе различия в обращении лежали разумные и объективные критерии. С учетом обстоятельств дела Комитет считает, что имело место нарушение статьи 26, поскольку авторы подверглись дискриминации по признаку их убеждений.

11. Комитет по правам человека, действуя согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что изложенные перед ним факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. Комитет по правам человека с удовлетворением отмечает, что государство-участник внесло изменения в закон, с тем чтобы подобные нарушения не повторялись больше в будущем. С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что установление факта нарушения обеспечивает авторам сообщений надлежащее средство правовой защиты.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущен также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Особое (несовпадающее) мнение Нисуке Андо, Экарта Кляйна, Дэвида Крецмера
и Абдаллы Захьи

Мы не можем согласиться с соображениями Комитета по тем же причинам, которые изложили в нашем особом несовпадающем мнении по делу Фуэна (сообщение № 666/1995).

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Н. Сообщение № 694/1996, Вальдман против Канады
(Соображения, принятые 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Арьей Холлисом Вальдманом (первоначально представлен г-ном Раджем Анандом, сотрудником адвокатской фирмы "Скотт энд Эйлен" из Торонто, провинция Онтарио)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Канада

Дата сообщения: 29 февраля 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 3 ноября 1999 года,

завершив рассмотрение сообщения № 694/1999, представленного Комитету по правам человека от имени Арьи Холлиса Вальдмана в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором сообщения, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1.1 Автором сообщения является г-н Арья Холлис Вальдман, канадский гражданин, проживающий в провинции Онтарио. Он утверждает, что является жертвой нарушения статьи 26, а также пунктов 1 и 4 статьи 18, и статьи 27 в сочетании с пунктом 1 статьи 2**.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджусумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солоари Эригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Абдалла Захья. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-н Максвелл Ялден не принимал участия в рассмотрении данного дела. Текст особого мнения члена Комитета Мартина Шейнина прилагается к настоящему документу.

** До 1998 года автора представлял г-н Радж Ананд, сотрудник адвокатской фирмы "Скотт энд Эйлен" из Торонто, провинция Онтарио.

1.2 Автор, будучи отцом двух детей школьного возраста и приверженцем иудаизма, поместил своих детей в частную еврейскую дневную школу. В провинции Онтарио католические школы являются единственными несветскими школами, получающими непосредственно и в полном объеме государственное финансирование. Другие религиозные школы должны финансироваться из частных источников, в том числе за счет вносимой за обучение платы.

1.3 В 1994 году г-н Вальдман внес 14 050 долларов в качестве платы за обучение его детей в еврейской дневной школе "Бялик" в Торонто (провинция Онтарио). В соответствии с федеральной системой налоговых льгот эта сумма была снижена до 10 810,89 долларов. Плата за обучение была внесена за счет средств из чистого дохода семьи, составлявшего 73 367,26 долларов. Кроме того, автор обязан платить местные поимущественные налоги для финансирования системы государственных школ, которыми он не пользуется.

Факты

2.1 Действующая в провинции Онтарио система государственных школ предлагает бесплатное образование всем жителям Онтарио без какой-либо дискриминации по признаку религии или какому-либо иному признаку. В государственных школах запрещено ведение какой бы то ни было религиозной пропаганды. Индивидуальные лица вправе учреждать частные школы и направлять своих детей в эти, а не государственные школы. Единственное установленное требование для открытия частной школы в Онтарио заключается в представлении "уведомления о намерении создать частную школу". Частные школы в Онтарио не обязаны получать ни соответствующую лицензию, ни какое бы то ни было предварительное согласие властей. По состоянию на 30 сентября 1989 года 494 частные школы в Онтарио посещали 64 699 учащихся. Количество учащихся частных школ составляет 3,3% от всех учащихся дневных школ в Онтарио.

2.2 Действующая в провинции Онтарио система финансирования отдельных школ основана на положениях Конституции Канады 1867 года. В 1867 году католики составляли 17%, протестанты – 82%, а приверженцы всех других религий в совокупности - 0,2% от всего населения Онтарио. При создании Конфедерации выразилось беспокойство в связи с тем, что новую провинцию Онтарио будет контролировать протестантское большинство, которое может распространить свою власть на сферу образования в нарушение прав католического меньшинства. Принятое решение заключалось в обеспечении прав католического меньшинства на религиозное образование и в законодательном закреплении этих прав при создании Конфедерации.

2.3 Поэтому в статью 93 Конституции Канады 1867 года включены четкие гарантии прав религиозных школ. Статья 93 Конституционного акта 1867 года наделяет каждую провинцию Канады исключительной законодательной юрисдикцией в сфере образования при условии уважения установленных в 1867 году прав религиозных школ. В Онтарио положения статьи 93 нашли свое выражение в Законе об образовании. В соответствии с этим Законом любая отдельная школа вправе получать в полном объеме государственное финансирование. Под отдельными школами понимаются римско-католические школы. Закон об образовании гласит: "1. (1) "Совет отдельной школы" означает орган, который выполняет функции Совета римско-католической школы; ... 122. (1) Каждая отдельная школа получает предусмотренные в законодательстве субсидии наравне с государственными школами". Как следствие, католические школы являются единственными религиозными школами, которые вправе получать такое же государственное финансирование, как и государственные светские школы.

2.4 Система отдельных римско-католических школ не имеет ничего общего с частными школами. Как и система государственных школ, она финансируется через подотчетный общественности и демократически избранный отдел образования. Советы отдельных школ избираются налогоплательщиками-католиками и полномочны самостоятельно определять религиозные аспекты учебной программы в отдельных школах. В отличие от частных школ католические отдельные школы обязаны выполнять все подготовленные министерством инструкции и правила. Ни в статье 93 Конституционного акта 1867 года, ни в Законе об образовании не предусмотрено государственного финансирования католических частных/независимых школ. В Онтарио действует 10 частных/независимых католических школ, которые не получают от государства никакой прямой финансовой помощи.

2.5 Частные религиозные школы в Онтарио получают финансовую помощь в виде:

- 1) освобождения от поимущественных налогов для некоммерческих частных школ;
- 2) снижения подоходного налога на суммы, полученные в качестве платы за религиозное обучение; и
- 3) сокращения подоходного налога на благотворительную деятельность.

В докладе, подготовленном в 1985 году, сделан вывод о том, что размер государственной помощи, оказываемой частным школам в Онтарио, приблизительно равен одной шестой части среднего общего объема расходов на одного учащегося частной школы. В Канаде нет ни одной провинции, где бы частные школы получали такое же финансирование, как государственные школы. Прямое финансирование частных школ варьируется от 0% (провинции Ньюфаундленд, Нью-Брансуик и Онтарио) до 75% (провинция Альберта).

2.6 Судебные споры по вопросу о государственном финансировании не католических религиозных школ в Онтарио ведутся с 1978 года. Первый судебный иск, поданный 8 февраля 1978 года, был направлен на обязательное введение религиозного обучения в

конкретных школах и, таким образом, интеграцию действующих еврейских школ в систему государственных школ. Суды Онтарио вынесли 3 апреля 1978 года и подтвердили 9 апреля 1979 года решение о том, что религиозное обучение в государственных школах не может быть обязательным.

2.7 В 1982 году в Конституцию Канады были внесены изменения, которые учитывают положение Хартии о правах и свободах, закрепляющее равноправие. В 1985 году правительство Онтарио приняло решение внести поправки в Закон об образовании для охвата государственным финансированием 11-13-х классов католических школ. С середины XIX века католические школы финансировались в полном объеме с детского сада до 10 класса. В 1985 году правительство Онтарио передало вопрос о конституционности этого закона (Билль 30) применительно к Канадской хартии прав и свобод на рассмотрение Апелляционного суда Онтарио.

2.8 25 июня 1987 года рассматривавший дело о Билле 30 Верховный суд Канады подтвердил конституционность законодательного акта, который распространяет полное финансирование на католические школы. По мнению большинства судей, статья 93 Конституционного акта 1867 года, а также все закрепленные в ней права и привилегии не могут быть отменены положениями Хартии. Выступившая от имени большинства судья г-жа Вильсон заявила: "Никогда не предполагалось..., что Хартия может быть использована для отмены других положений Конституции, особенно такого положения, как статья 93, которая является одним из основополагающих элементов соглашения о создании Конфедерации".

2.9 Кроме того, в мнении судьи Вильсон, поддержанным большинством, Верховный суд Канады заявил: "Эти права на образование, предоставленные конкретно... католикам в Онтарио, исключают равное обращение со всеми канадцами. При создании Конфедерации были признаны особые или неравные права на образование для конкретных религиозных групп в Онтарио...". В своем мнении, совпадающем с мнением большинства членов Верховного суда, судья Эсти Младший признал: "Очевидно (и многие адвокаты признали это в суде), что, если Хартия имеет какое-либо практическое применение в отношении Билля 30, то этот Билль следует признать дискриминационным и нарушающим статьи 2 а) и 15 Хартии прав".

2.10 Позднее, в деле "Адлер против Онтарио" приверженцы кальвинистского или реформатского христианского учения и последователи сикхизма, индуизма, ислама и иудаизма оспорили конституционность принятого в Онтарио Закона об образовании, заявив о нарушении положений Хартии, касающихся свободы вероисповедания и равноправия. Они утверждали, что Закон об образовании, предусматривающий обязательное обучение в школе, подвергает, вследствие высокой стоимости религиозного

обучения их детей, дискриминации тех лиц, совесть или вероисповедание которых не позволяют направлять их детей либо в финансируемую государством светскую, либо в финансируемую государством католическую школу. Истцы добивались признания их права на получение финансирования, аналогичного тому, которое получают государственные и католические школы. Апелляционный суд Онтарио определил, что иск Адлера является попыткой вновь поставить вопрос, который Верховный суд Канады уже решил в рамках рассмотрения дела о Билле 30. Главный судья Дубин заявил, что дело о Билле 30 имеет "действительно решающее значение для поднимаемого в этих жалобах вопроса о дискриминации". Суд также отклонил аргумент, основанный на свободе вероисповедания.

2.11 При рассмотрении этого дела в апелляционном порядке Верховный суд Канады в своем решении от 21 ноября 1996 года подтвердил, что его решение по делу о Билле 30 имеет определяющее значение для иска Адлера, и сделал вывод о том, что финансирование отдельных католических школ не приводит к нарушению Хартии, поскольку провинция Онтарио обязана по Конституции обеспечивать такое финансирование.

Жалоба

3.1 Автор жалобы утверждает, что законодательное закрепление финансирования католических школ, которое содержится в статье 93 Конституционного акта 1867 года и реализуется в соответствии со статьями 122 и 128 принятого в Онтарио Закона об образовании, является нарушением статьи 26 Пакта. Автор заявляет, что в этих положениях проводится различие или отдается предпочтение по признаку религии, которое препятствует осуществлению или использованию всеми лицами, на равной основе, их религиозных прав и свобод. Он отмечает, что предоставление какой-либо льготы отдельной религиозной группе недопустимо. Если государство-участник признает право на государственное финансирование религиозного обучения, то никакого различия не должно проводиться среди отдельных лиц по признаку их конкретного вероисповедания. Автор выражает мнение, что предоставление полного финансирования только католическим школам нельзя считать разумно необходимым. То историческое обоснование практики правительства Онтарио по дискриминационному финансированию, которое заключалось в необходимости защиты интересов католического меньшинства от протестантского большинства, более неактуально, и, во всяком случае, теперь оно также распространяется на другие религиозные меньшинства в Онтарио²⁸. Такое финансирование также не является обоснованным ввиду того, что в других канадских

²⁸ По данным переписи 1991 года, 44% населения составляют протестанты, 36% - католики и 8% - другие религиозные группы.

провинциях и территориях при финансировании учебных заведений никакой дискриминации по признаку религии не проводится.

3.2 Автор также утверждает, что действующая в Онтарио практика финансирования школ является нарушением пункта 1 статьи 18 в сочетании со статьей 2. Автор заявляет, что он испытывает финансовые трудности с обеспечением его детям иудейского образования, с которыми не сталкиваются родители-католики, желающие дать своим детям католическое образование. Автор отмечает, что такие трудности серьезно и дискриминационным образом препятствуют осуществлению права исповедовать какую-либо религию, включая право давать религиозное образование своим детям и учреждать религиозные школы.

3.3 Автор далее подчеркивает, что это нарушение недопустимо с точки зрения ограничительных положений пункта 3 статьи 18, которые разрешают лишь те ограничения, которые установлены законом и необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. По мнению автора, ограничение, установленное для охраны морали, не должно быть обосновано лишь на одной традиции.

3.4 Автор также утверждает, что, если государство-участник признает право на государственное финансирование религиозного обучения, то никакого различия не должно проводиться по признаку религии. Полное и прямое финансирование государством католических школ в Онтарио также является нарушением права не католиков выбирать образование, соответствующее религиозным убеждениям родителей, и противоречит пункту 4 статьи 18 в сочетании со статьей 2.

3.5 Автор заявляет, что в статье 27 признается, что отдельные школы имеют важнейшее значение для исповедания религии, что эти школы являются жизненно важным фактором сохранения своеобразия общин и выживания религиозных меньшинств и что могут потребоваться позитивные меры для обеспечения защиты прав религиозных меньшинств. Поскольку католики являются единственным религиозным меньшинством, которое получает от правительства Онтарио в полном объеме прямое финансирование их религиозного обучения, положения статьи 27 не применяются, как то предусмотрено в статье 2, без какого бы то ни было различия по признаку религии.

Замечания государства-участника

4.1 В своей ноте от 29 апреля 1997 года государство-участник дало согласие на одновременное рассмотрение Комитетом приемлемости и существа сообщения.

4.2 В своем представлении от февраля 1998 года государство-участник отрицает, что обстоятельства рассматриваемого дела свидетельствуют о нарушении статей 2, 18, 26 и 17 Пакта.

4.3.1 Касаясь предполагаемого нарушения статьи 26, государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым *ratione materiae* или же не свидетельствует о каком бы то ни было нарушении. Государство-участник напоминает о том, что различия в обращении, основанные на разумных и объективных критериях, нельзя рассматривать как запрещенную по смыслу статьи 26 дискриминацию. Оно ссылается на решение Комитета по сообщению № 191/1985²⁹, в котором Комитет сделал вывод о том, что государство-участник не нарушает положения статьи 26, не субсидируя в равной степени частные и государственные школы, поскольку оно не осуществляет надзора над частными школами. Государство-участник ссылается также на Соображения Комитета относительно сообщений № 298/1988 и 299/1988³⁰, в которых Комитет постановил, что государство-участника нельзя считать обязанным предоставлять частным школам такие же льготы, как и государственным, и что преференциальный режим, предоставляемый государственному школьному обучению, является оправданным и основан на объективных критериях. Комитет также отметил, что нельзя считать, что государство-участник проводит дискриминацию в отношении родителей, сделавших свободный выбор, не пользоваться теми благами, которые обычно доступны для всех.

4.3.2 Государство-участник утверждает, что финансирование им государственных, а не частных школ не носит дискриминационного характера. Все дети любого или никакого вероисповедания имеют одинаковое право посещать бесплатные государственные светские школы, которые финансируются за счет налогоплательщиков. По мнению государства-участника, правительство не виновно в том, что дети или родители добровольно отказываются от использования права на образовательные льготы, предоставляемые в системе государственных школ. Государство-участник подчеркивает, что в провинции Онтарио не финансируются никакие частные школы, будь то религиозные или светские. Проводимое в рамках финансирования школ различие основано не на религии, а на том, является или нет данная школа государственным или частным/независимым учреждением.

²⁹ "Блом против Швеции", Соображения, принятые 4 апреля 1988 года, том 2 отдельных решений, ССРР/С/ОП/2.

³⁰ "Линдгрэн и Лундквист против Швеции", Соображения, принятые 9 ноября 1990 года (ССРР/С/40/Д/298-299/1988).

4.3.3 По мнению государства-участника, создание светских государственных учреждений не противоречит принципам статьи 26 Пакта. Светские учреждения не проводят дискриминации в отношении какой-либо религии, являясь легитимной формой нейтральной позиции правительства. Государство-участник полагает, что система светских учреждений является тем инструментом, который содействует предотвращению дискриминации среди граждан по признаку их религиозного вероисповедания. Государство-участник не проводит никакого различия между разными религиозными группами в своей системе образования и не ограничивает право каких бы то ни было религиозных групп создавать частные школы.

4.3.4 Вне рамок своих обязательств, закрепленных в Конституционном акте 1867 года, государство-участник не предоставляет религиозным школам никакого прямого финансирования. В этой связи государство-участник утверждает, что нефинансирование религиозных школ не является дискриминацией. В своей политике государство-участник стремится реализовать те самые ценности, которые провозглашаются в статье 26, и создать в обществе атмосферу терпимости, в которой уважаются и пользуются равными правами все религиозные вероисповедания. Государство-участник утверждает, что Комитет сам противоречил бы целям статьи 26, если он определил бы, что в силу положений Конституционного акта 1867 года, предусматривающих финансирование католических школ, государству-участнику надлежит сейчас финансировать все частные религиозные школы, и лишил бы тем самым государство возможности создавать и поощрять в обществе атмосферу терпимости, которая является настоящей гарантией свободы вероисповедания, при том, что если бы не было соответствующего положения Конституции 1867 года, на государство не возлагалось бы по Пакту вообще никакого обязательства финансировать какие бы то ни было религиозные школы.

4.4.1 Касаясь статьи 18, государство-участник ссылается на рабочие документы, в которых четко определено, что статья 18 не устанавливает право требовать от государства, чтобы оно финансировало частные религиозные школы. В процессе подготовки документов этот вопрос подробно обсуждался и на него был дан негативный ответ³¹. Поэтому государство-участник полагает, что жалоба автора, касающаяся статьи 18, является неприемлемой *ratione materiae*. В качестве альтернативы государство-участник утверждает, что его политика соответствует гарантиям свободы вероисповедания, закрепленным в статье 18, поскольку оно создало систему государственных школ, которая открыта для лиц любых вероисповеданий и не

³¹ См. Bossuyt, Guide to the Travaux Préparatoires of the ICCPR, 1987, at 369.

ориентирована на какую-либо конкретную религию или вероисповедание, а также, поскольку обеспечивается свобода создавать частные религиозные школы, родители вправе направлять своих детей в такие религиозные учебные заведения. Государство-участник не считает, что пункт 4 статьи 18 обязывает государства субсидировать частные религиозные школы или религиозное образование³². По мнению государства-участника, цель статьи 18 заключается в обеспечении того, чтобы исповедание религии и убеждений и выполнение обрядов оставались в сфере частной жизни, свободной от принуждения или ограничений со стороны государства. Государство обязано обеспечивать открытое и доступное для всех детей образование независимо от их религиозной принадлежности. Никакого обязательства предлагать или финансировать религиозное обручение или воспитание не существует. Хотя власти провинции должны обеспечивать, чтобы свобода вероисповедания и религиозные различия учитывались в рамках системы государственных школ, они нисколько не обязаны финансировать индивидуальных лиц, которые, по религиозным мотивам, самостоятельно отказываются от системы государственных школ.

4.4.2 Государство-участник утверждает, что несодействие исповедованию религии нельзя рассматривать как нарушение государством свободы вероисповедания. Оно отмечает, что существует много направлений государственной деятельности, которые важны для верующих, и государство-участник отвергает тезис о том, что оно обязано финансировать религиозные мероприятия в сферах, в которых оно играет определенную роль, например в том, что касается заключения религиозных браков и таких религиозных общинных учреждений, как церкви и больницы.

4.4.3 Если бы Комитет истолковал статью 18 как требующую от государств финансировать религиозные школы, то государство-участник полагает в таком случае, что практикуемое им ограничение отвечает требованиям пункта 3 статьи 18, поскольку оно предписано законом и необходимо для охраны общественного порядка, а также основных прав и свобод других лиц. Цели системы образования государства-участника заключаются в обеспечении бесплатного светского государственного образования, повсеместно доступного для всех жителей, без какой бы то ни было дискриминации, а также в создании такой системы государственного образования, которая укрепляет и поощряет ценности плюралистского демократического общества, включая сплоченность общества, религиозную терпимость и взаимопонимание. Государство-участник заявляет, что, если бы его обязали финансировать частные религиозные школы, то это негативно

³² Государство-участник делает ссылку на Nowak, UN Covenant on Civil and Political rights, CCPR commentary, at 339-333.

сказалось бы на государственных школах, и соответственно, подорвало бы его усилия по созданию терпимого, многокультурного и недискриминационного общества в провинции Онтарио.

4.4.4 По мнению государства-участника, государственные школы являются рациональным средством сплочения общества и обеспечения уважения религиозных и иных различий. Школы могут эффективнее поощрять взаимопонимание и прививать общие ценности, если они менее однородны. Государство-участник полагает, что одно из преимуществ государственной системы образования заключается в том, что в рамках этой системы создается среда, в которой люди с любым цветом кожи, любой расы, любого национального и этнического происхождения и любой религии общаются друг с другом и стараются проявлять терпимость в отношении свойственных другим различий. Таким образом, государственные школы сплачивают общество, содействуют терпимости и взаимопониманию. Распространение права государственных школ получать финансирование на частные религиозные школы подорвет эту способность и может привести к значительному росту общего числа и видов частных школ. Это негативно отразилось бы на положении государственных школ, которые превратились бы в учебные заведения для учащихся, не принятых в какую-либо иную систему. Школьная система, раздробленная таким образом, может стать для общества дорогостоящей и разрушающей его основы структурой. Кроме того, распространение права государственных школ получать финансирование на частные религиозные школы может породить проблемы, связанные с религиозным принуждением и остракизмом, с которыми иногда сталкиваются религиозные меньшинства в однородных сельских районах провинции. Религиозное большинство могло возобновить и даже сделать обязательной практику богослужения и религиозной пропаганды в школах, и религиозным меньшинствам пришлось бы смириться или посещать собственные, фактически сегрегированные школы. Поскольку полномасштабное финансирование частных школ позволит им вытеснить государственные школы, будет сведена на нет задача правительства по обеспечению всеобщего доступа к образованию. Полномасштабное финансирование государством частных религиозных школ может привести к закрытию государственных школ и к сокращению комплекса тех программ и услуг, которые в состоянии взять на себя государственная система.

4.4.5 Таким образом, государство-участник делает вывод, что, если бы власти провинции Онтарио были обязаны финансировать частные религиозные школы, то это негативно сказалось бы на государственных школах и, следовательно, на создании терпимого, многокультурного и недискриминационного общества в данной провинции, что, в свою очередь, подрывало бы основополагающие права и свободы других лиц. По мнению государства-участника, оно занимает адекватную и сбалансированную позицию, финансируя систему государственных школ, в рамках которой члены всех групп могут

вместе учиться, и сохраняя право родителей направлять их детей в частные религиозные школы за свой счет, если они того желают.

4.5.1 Что касается утверждения автора о том, что он стал жертвой нарушения статьи 18 в сочетании со статьей 2 Пакта, то государство-участник напоминает, что в статье 2 закреплено не независимое право, а общее обязательство государств, и отдельные лица не могут ссылаться на эту статью в соответствии с Факультативным протоколом без ее увязки с другими конкретными статьями Пакта. Нельзя утверждать, что статья 2 в сочетании со статьей 18 была нарушена, если в самой статье никакого такого права не предусмотрено.

4.5.2 В альтернативном случае государство-участник не признает факт нарушения статьи 2, поскольку дифференцированное обращение, основанное на разумных и объективных критериях, не имеет ничего общего с проведением различия или дискриминации по смыслу статьи 2 Пакта. Что касается аргументов по существу проблемы дискриминации, то государство-участник ссылается на свои аргументы, приведенные в связи с предполагаемым нарушением статьи 26.

4.6.1 Касаясь предполагаемого нарушения статьи 27, государство-участник заявляет, что сообщение является неприемлемым *ratione materiae* или же не свидетельствующим о каком бы то ни было нарушении. По мнению государства-участника, в рабочих документах четко указано, что статья 27 не устанавливает право требовать от государства финансирования частных религиозных школ. Эта статья лишь гарантирует защиту от негативных действий государства: лицам "не может быть отказано в праве". Предложение включить обязательство принимать позитивные меры было отклонено³³. Хотя в соответствии со статьей 27 от государства-участника может потребоваться принятие определенных позитивных мер, ее составители исходили из того, что такие позитивные меры потребуются лишь в весьма редких обстоятельствах. По мнению государства-участника, в провинции Онтарио принимаются позитивные меры в защиту права членов религиозных меньшинств создавать религиозные школы и направлять в них своих детей. Дополнительного обязательства финансировать эти школы не существует.

4.6.2 В альтернативном случае в отношении закрепленных в статье 27 прав могут быть введены ограничения, которые имеют разумное и объективное обоснование и не противоречат положениям Пакта в целом. По причинам, изложенным в связи с созданием терпимого общества, решение властей Онтарио не финансировать все частные религиозные школы соответствует этим критериям.

³³ Nowak, UN Covenant on Civil and Political Rights, CCPR commentary at 481, 504.

4.6.3 Государство-участник ссылается на свои доводы, приведенные в связи со статьей 18, и вновь заявляет, что не может быть никаких аргументов, подтверждающих факт нарушения статьи 27 в сочетании со статьей 2, если в самой статье 27 никакого такого права не предусмотрено. В противном случае нет никакого нарушения статьи 2, поскольку дифференцированное обращение, основанное на разумных и объективных критериях, не имеет ничего общего с несправедливым проведением различия или дискриминации по смыслу статьи 2. Государство-участник ссылается на свои аргументы, приведенные выше в связи со статьей 26.

Замечания автора

5.1 Адвокат утверждает, что государство-участник признает дискриминационный характер финансирования учебных заведений и обосновывает его наличием конституционного обязательства. Адвокат отмечает, что статья 26 Пакта не допускает отступлений по причине дискриминационного конституционного законодательства и что негативные исторические факторы не должны препятствовать осуществлению положений о равенстве, содержащихся в Пакте. Адвокат отвергает как довод, сам нуждающийся в доказательстве, аргумент государства-участника о том, что различие между финансированием католических школ и других религиозных школ отражает различие между государственными и частными школами. Адвокат подчеркивает, что государственный статус католических школ является бюрократической уловкой, которая принята в угоду одной группы налогоплательщиков по признаку их религиозной принадлежности и дискриминационным образом не распространяется на всех других налогоплательщиков.

5.2 Адвокат отклоняет аргумент государства-участника о том, что распространение недискриминационного государственного финансирования на другие религиозные школы препятствовало бы достижению целей создания терпимого, многокультурного и недискриминационного общества, и утверждает, что, напротив, нынешнее дискриминационное и селективное финансирование лишь одного вероисповедания в рамках создания и функционирования религиозных школ подрывает самым серьезным образом процесс создания терпимого и недискриминационного общества в данной провинции и способствует тому расслоению общества по религиозному принципу, которое, как утверждает само государство-участник, оно стремится предотвратить.

5.3 По мнению адвоката, в аргументе государства-участника о том, что жалоба в связи со статьей 18 неприемлема *ratione materiae*, поскольку в статье 18 не предусмотрено право требовать от государства финансирование государственных школ, искажаются заявления автора. Адвокат утверждает, что в пункте 1 статьи 18 закреплено право на религиозное обучение и право направлять своих детей в религиозную школу. Если это возможно для

одних и невозможно для других по дискриминационному признаку, то имеет место нарушение статьи 18 в сочетании со статьей 2. По мнению адвоката, для всестороннего надлежащего осуществления статьи 2 необходимо, чтобы она толковалась как запрещение дискриминации по перечисленным признакам в отношении закрепленных в Пакте прав и свобод даже в тех случаях, когда в отсутствие дискриминации нет никаких нарушений Пакта. Адвокат полагает, что, если бы применение или учет статьи 2 никогда не требовался для констатации нарушения Пакта, то статья 2 была бы излишней³⁴. Адвокат поясняет, что он заявляет о нарушении статьи 18 не в отдельности, а именно в сочетании со статьей 2, поскольку финансирование только католических школ приводит к дискриминационной поддержке католического образования.

5.4 По мнению адвоката, государство-участник допускает ту же ошибку, отвечая на заявление автора о нарушении статьи 27 в сочетании со статьей 2. Адвокат утверждает, что, поскольку школы для католиков, единственного религиозного меньшинства, получают от правительства Онтарио в полном объеме прямое финансирование их религиозного обучения, статья 27 не применяется, как то предусмотрено в статье 2, без какого бы то ни было различия по признаку религии.

5.5 Адвокат выражает согласие с государством-участником, что взятый отдельно факт непредставления одинакового по объему финансирования частным и государственным школам нельзя рассматривать как дискриминацию. Он признает, что на систему государственных школ в Онтарио выделялись бы более значительные ресурсы, если бы правительство прекратило финансирование всех религиозных школ. В отсутствие дискриминации отказ от такого финансирования является тем политическим решением, которое надлежит принимать правительству. Адвокат отмечает, что поправка к Конституционному акту 1867 года предусматривает лишь получение согласия правительства затрагиваемой провинции и федерального правительства. Недавно подобная поправка была принята в провинциях Квебек и Ньюфаундленд для снижения уровня исторических обязательств по государственному финансированию обучения лиц, относящихся к некоторым вероисповеданиям.

³⁴ Адвокат ссылается на то решение Европейского суда по правам человека, принятое в связи со статьей 14 Европейской конвенции о правах человека, в котором признается, что какая-либо мера, сама по себе соответствующая требованиям статьи, закрепляющей данное право или свободу, может, тем не менее, противоречить этой статье, рассматриваемой в сочетании со статьей 14, по той причине, что эта мера носит дискриминационный характер (решение от 23 июля 1968 года относительно некоторых положений законодательства об использовании языков в учебных заведениях Бельгии).

5.6 Адвокат утверждает, что если государства-участники признают право на государственное финансирование религиозного образования, то никакого различия не должно проводиться между отдельными лицами по признаку их конкретного вероисповедания. Поэтому практика исключительного финансирования католического религиозного образования в Онтарио является нарушением Пакта. Соответственно адвокат добивается финансирования всех религиозных школ, которые соответствуют установленным в провинции Онтарио стандартам, в объеме, эквивалентном реальному финансированию католических школ в Онтарио.

Последующие замечания государства-участника

6.1 В своем последующем ответе государство-участник подчеркивает, что внесенные недавно конституционные поправки, касающиеся образования в провинциях Квебек и Ньюфаундленд, не предусматривают осуществления требуемого автором эквивалентного финансирования всех религиозных школ. Принятые в Квебеке поправки сохраняют религиозный статус католических и протестантских школ в этой провинции и обеспечивают его защиту посредством альтернативных конституционных мер, исходя из содержащейся в Хартии оговорки. Принятые в Ньюфаундленде поправки четко свидетельствуют об отклонении самих исправительных мер, предлагаемых автором, поскольку там система школ, основанная по религиозному признаку, в рамках которой каждая из восьми различных религий, охватывающих 90% населения, имела право создавать свои собственные финансируемые государством школы, была заменена единой государственной системой, в которой отправление религиозного культа разрешается по просьбе родителей.

6.2 Касаясь аргумента адвоката в связи со статьей 2 Пакта, государство-участник отвергает его довод о том, что на основании статьи 2 можно квалифицировать как нарушения те законы или действия правительства, которые в остальном не нарушают закрепленные в Пакте права и свободы. По мнению государства-участника, автор пытается выдвинуть аргументы о равноправии, увязывая статью 2 соответственно со статьями 18 и 27. Об обеспечении равноправия говорится в статье 26 Пакта, которая является надлежащей основой для постановки подобных вопросов. Государство-участник отмечает, что статья 26 не имеет аналога в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. По мнению государства-участника, любому истцу, которому было отказано в иске по статье 26, не следует предоставлять право на повторное рассмотрение того же вопроса вследствие простого увязывания статьи 2 с разными существенными положениями Пакта.

6.3 Государство-участник далее отмечает, что статья 2 Пакта предписывает государству уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории лицам права,

признаваемые в этом Пакте. Финансирование отдельных религиозных школ в Онтарио не требуется для обеспечения прав, закрепленных в статьях 18 и 27 Пакта. Оно также не связано с обязательствами, закрепленными в этих статьях, и не дополняет их. Финансирование основано лишь на конституционном обязательстве, изложенном в пункте 1 статьи 93 Конституционного акта 1867 года, а не на каком-либо обязательстве, которое отражает или закрепляет одно из прав, предусмотренных в той или иной статье Конвенции.

Последующие замечания автора

7. В своем представлении от 15 марта 1999 года автор отмечает, что приведенное государством-участником обоснование дискриминационного отношения к религиозным школам, а именно стремление создать гармоничное многорасовое и многокультурное общество посредством максимального государственного финансирования системы светских школ, исключает фактически предоставление специального финансирования отдельным католическим школам. Он далее подчеркивает, что тот факт, что властям Квебека пришлось использовать содержащуюся в Хартии оговорку для сохранения финансирования отдельных школ, свидетельствует о том, что эта система нарушает закрепленные в Хартии права на равенство и, следовательно, статью 26 Пакта. Автор ссылается на принятие конституционных поправок в отношении системы образования в Ньюфаундленде, что, по его мнению, подтверждает возможность принятия таких поправок в отношении религиозных школ даже несмотря на возражения лиц, обладающих закрепленными правами.

Последующие замечания государства-участника

8.1 В последующем ответе на замечания автора государство-участник выражает несогласие с тем, как автор толкует использование содержащейся в Хартии оговорки в провинции Квебек. Государство-участник полагает, что поправка к статье 93 Конституционного акта 1867 года отменила конституционную защиту протестантских и католических религиозных школ в Квебеке, введя взамен защиту языковых школьных советов. Конституционная защита религиозных школ сохранена, однако, иным путем: посредством использования вышеуказанной оговорки. По мнению государства-участника, это свидетельствует о том, что проблема финансирования религиозных школ по-прежнему связана с нынешним комплексным и сбалансированным учетом различных потребностей и интересов.

8.2 Государство-участник отмечает, что в своих комментариях автор впервые указывает на то, что возможным средством ликвидации предполагаемой дискриминации является отмена финансирования отдельных католических школ. До сих пор в ответе

государства-участника на сообщение автора основное внимание уделялось его утверждению о том, что непредоставление финансирования является нарушением Конвенции, а не заявлению о том, что отказ от финансирования системы отдельных католических школ противоречит Конвенции. Государство-участник отмечает, что этот вопрос рассматривается в связи с другим сообщением (№ 816/1998, "Тэдмэн и др. против Канады"), представленным в Комитет в соответствии с Факультативным протоколом, и поэтому оно просит Комитет рассмотреть оба сообщения вместе.

8.3 В том случае, если Комитет не объединит рассмотрение обоих сообщений, государство-участник представит новые аргументы по данному делу. В этом контексте государство-участник поясняет, что без защиты прав католического меньшинства создание Канадского государства было бы невозможно и что система отдельных школ продолжала порождать разногласия, которые иногда угрожали единству канадской нации. Государство-участник поясняет, что католическая община рассматривает финансирование ее школ как исправление исторической ошибки.

8.4 Государство-участник утверждает, что имеются разумные и объективные основания для сохранения финансирования отдельных католических школ в Онтарио. Прекращение такого финансирования было бы воспринято как расторжение заключенного при создании Конфедерации соглашения о защите интересов уязвимого меньшинства в провинции и вызвало бы негодование и сопротивление католической общины. Оно имело бы также определенные экономические последствия, включая требования компенсации за здания или земли, выделенные католическим школам. Кроме того, защита прав меньшинств, включая их права в сферах религии и образования, является принципом, который лежит в основе конституционного порядка в Канаде и несовместим с прекращением финансирования отдельных католических школ. Отказ от финансирования отдельных школ в Онтарио приведет также к тому, что и на другие провинции Канады будет оказано давление, с тем чтобы они отменили гарантии защиты меньшинств на их территории.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

9.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека обязан, в соответствии с правилом 87 правил процедур Комитета, принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

9.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает приемлемость сообщения *ratione materiae*. Комитет, однако, полагает, что утверждение автора о дискриминации само по себе и в связи со статьями 18 и 27 не является не совместимым с положениями Пакта. Государство-участник не высказывает никаких иных возражений, и

соответственно Комитет признает данное сообщение приемлемым. Комитет не считает, что у сторон возникнут какие-либо трудности или их интересы будут ущемлены, если данное дело будет рассмотрено отдельно, а не вместе с другим сообщением, как то было предложено государством-участником.

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как то предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитету надлежит решить вопрос, является ли государственное финансирование католических, а не соответствующих вероисповеданию автора школ, которое вынуждает его полностью оплачивать обучение в религиозной школе, нарушением предусмотренных в Пакте прав автора.

10.3 Государство-участник утверждает, что никакой дискриминации нет, поскольку проводимое различие основано на разумных и объективных критериях: преференциальное отношение к католическим школам предусмотрено в Конституции; поскольку католические школы считаются составным элементом системы государственных школ, проводится дифференциация между частными и государственными школами, а не между частными католическими школами и другими частными религиозными школами; и цели системы государственного светского образования совместимы с положениями Пакта.

10.4 Комитет прежде всего отмечает, что тот факт, что такое различие закреплено в Конституции, не доказывает его обоснованный и объективный характер. В данном случае различие было установлено в 1867 году в целях защиты проживающих в Онтарио католиков. Находящиеся в распоряжении Комитета материалы не свидетельствуют о том, что члены католической общины или какая-либо часть этой общины находятся сейчас в неблагоприятном положении по сравнению с членами еврейской общины, которые желают, чтобы их дети обучались в религиозных школах. Поэтому Комитет отклоняет выводы государства-участника о том, что преференциальное отношение к католическим школам не носит дискриминационного характера вследствие обязательства закрепленного в Конституции государства-участника.

10.5 Касаясь аргумента государства-участника о том, что дифференциация государственного финансирования между частными и государственными школами является обоснованной, Комитет отмечает, что приверженцы других, помимо католического, вероисповеданий не имеют возможности добиться того, чтобы их религиозные школы были интегрированы в систему государственных школ. В рассматриваемом случае автор направил своих детей в частную религиозную школу не

потому, что он желает, чтобы его дети получили частное негосударственное образование, а потому, что система финансируемых государством школ не имеет никакого отношения к его вероисповеданию и финансируемые государством религиозные школы являются только католическими. Исходя из представленных ему фактов, Комитет полагает, что дифференциацию между католическими религиозными школами, которые финансируются государством как составной элемент системы государственного образования, и школами, соответствующими вероисповеданию автора, которые являются частными по необходимости, нельзя квалифицировать как обоснованную и объективную.

10.6 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что цели системы государственного светского образования в государстве-участнике совместимы с закрепленным в Пакте принципом недискриминации. Не оспаривая этот довод, Комитет, однако, отмечает, что провозглашенные цели упомянутой системы не оправдывают исключительного финансирования католических школ. Он также принимает к сведению утверждение автора о том, что система государственных школ в Онтарио располагала бы более значительными ресурсами, если бы правительство не финансировало никакие религиозные школы. В этом контексте Комитет отмечает, что Пакт не обязывает государства-участников финансировать школы, учрежденные по религиозному признаку. Однако если государство-участник приняло решение предоставить государственное финансирование религиозным школам, то это следует делать недискриминационным образом. Это означает, что финансирование школ одной религиозной группы, а не другой должно быть основано на разумных и объективных критериях. В рассматриваемом случае Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему материалы не подтверждают, что дифференциация между католическим вероисповеданием и религией автора основана на таких критериях. Поэтому имеет место нарушение закрепленных в статье 26 Пакта прав автора на равную и эффективную защиту против дискриминации.

10.7 Комитет принимает к сведению аргументы автора о том, что те же факты свидетельствуют также о нарушении статей 18 и 27 в сочетании с пунктом 1 статьи 2 Пакта. Комитет полагает, что с учетом его выводов в отношении статьи 26 никаких дополнительных вопросов для его рассмотрения в связи со статьями 18, 27 и 2 (1) Пакта не возникает.

11. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное средство правовой защиты в целях ликвидации этой дискриминации.

13. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело или нет место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения, Комитет желает получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в соответствии с Соображениями Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать Соображения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Особое (совпадающее) мнение члена Комитета Мартина Шейнина

Хотя я согласен с выводом Комитета о том, что автор является жертвой нарушения статьи 26 Пакта, мне хотелось бы изложить свои аргументы в обоснование такого вывода.

1. Пакт не требует отделения церкви от государства, хотя страны, в которых такого отделения нет, зачастую сталкиваются с определенными проблемами с обеспечением соблюдения статьей 18, 26 и 27 Пакта. В этом плане положение в государствах-участниках Пакта варьируется от полного отделения церкви до закрепления за ней в Конституции статуса официальной государственной церкви. Как Комитет отметил в своем Замечании общего порядка № 22 [48] по статье 18, тот факт, что та или иная религия признана в качестве государственной или она провозглашена в качестве официальной или традиционной или ее приверженцы составляют большинство населения, "не должен ни наносить ущерб осуществлению любого из прав, закрепленных в Пакте, включая статьи 18 и 27, ни вести к дискриминации в отношении приверженцев других религий или лиц, не исповедующих никакой религии" (пункт 9).

2. Разнообразный характер приемлемых соглашений в отношениях между государством и религией касается также образования. В некоторых странах любые формы религиозного просвещения или отправления культа в государственных школах запрещены, и религиозное обучение, защита которого предусмотрена в пункте 4 статьи 18, проводится либо вне школьной программы, либо в частных школах. В ряде других стран религиозное обучение, применительно к официальной религии или религии, исповедуемой большинством населения, организовано в государственных школах, причем приверженцы других религий и лиц, не исповедующие никакой религии, полностью освобождены от таких занятий. В третьей группе стран, обучение в области нескольких или всех вероисповеданий организуется по желанию в рамках государственной системы образования. Четвертый возможный вариант заключается во включении в программу государственных школ нейтрального и объективного курса общей истории разных вероисповеданий и этики. Все эти возможные варианты позволяют соблюдать положения Пакта. Как конкретно отмечено в принятом Комитетом Замечании общего порядка № 22 [48], "государственное образование, которое включает обучение в области какой-либо конкретной религии или верования, не совместимо с положениями пункта 4 статьи 18, если не предусмотрены, не имеющие дискриминационного характера исключения и альтернативные варианты, учитывающие пожелания родителей или опекунов" (пункт 6). Это положение отражает выводы Комитета, сделанные по делу "Хартикайнен и др. против Финляндии" (сообщение № 40/1978).

3. В рассматриваемом случае Комитет обоснованно сосредоточил свое внимание на статье 26. Хотя и Замечание общего порядка № 22 [48] и дело Хартикайна имеют отношение к статье 18, существует определенная взаимозависимость между статьей 18 и содержащимся в статье 26 положением о запрещении дискриминации. Как правило, договоренности в области религиозного обучения, которые соответствуют статье 18, могут также соответствовать и статье 26, поскольку запрещение дискриминации является одним из основополагающих критериев соблюдения пункта 4 статьи 18. При рассмотрении дел "Блом против Швеции" (сообщение № 191/1985) и "Лундгем и др. против Швеции" и "Иорд и др. против Швеции" (сообщения № 288 и 299/1988) Комитет уточнил свою позицию в отношении того, что является дискриминацией в области образования. Хотя Комитет оставил открытым вопрос о том, налагает ли, в определенных ситуациях, Пакт обязательство финансировать определенным образом частные школы, он пришел к выводу, что тот факт, что частные школы, свободно выбранные родителями и их детьми, не получают такое же финансирование, как государственные школы, не сводится к дискриминации.

4. В провинции Онтарио в рамках системы государственных школ организовано религиозное обучение лишь по одному вероисповеданию, а приверженцы других религий вынуждены получать религиозное образование либо вне школьной программы, либо в частных религиозных школах. Хотя и существуют соглашения о косвенном государственном финансировании действующих частных школ, объем такого финансирования составляет лишь часть расходов, которые несут семьи, а государственные католические школы являются бесплатными. Такая дифференциация между католиками и теми приверженцами других религий, которые желают, чтобы их дети учились в религиозных школах, носит, по мнению Комитета, дискриминационный характер. Выражая согласие с этим выводом, я хотел бы, тем не менее, отметить, что существование государственных католических школ в Онтарио обусловлено исторической необходимостью защиты католического меньшинства, и это факт, соответственно, следует рассматривать не только с точки зрения статьи 26, но и статей 27 и 18 Пакта. Вопрос о том, следует ли прекратить такую практику, относится к сфере государственной политики и общей концепции системы образования в государстве-участнике и не предопределяется Пактом.

5. При принятии мер в соответствии с Соображениями Комитета по данному делу, государству-участнику следует, как я полагаю, принять во внимание, что статья 27 возлагает на государство позитивные обязательства поощрять религиозное обучение для составляющих меньшинство вероисповеданий, и что организация такого обучения как факультативного в рамках системы государственного образования, является одним из приемлемых решений этой задачи. Государственное финансирование обучения на языках

меньшинств для тех, кто желает получить такое образование, не носит как таковое дискриминационного характера, хотя следует, конечно же, принять меры к тому, чтобы возможные различия между отдельными языками меньшинств были основаны на объективных и разумных критериях. Это же правило применяется в отношении религиозного обучения для приверженцев вероисповеданий меньшинств. Во избежание дискриминации при финансировании религиозного (или языкового) обучения для некоторых, но не всех меньшинств, государства вправе исходить из наличия постоянного спроса на такое обучение. Для многих религиозных меньшинств наличие полностью светской альтернативы в рамках системы государственных школ достаточно, поскольку эти общины предпочитают получать религиозное образование вне школьного расписания и школьных помещений. И если спрос на религиозные школы возрастает, то легитимный критерий для определения того, носит или нет дискриминационный характер отказ от учреждения частной школы для меньшинства или непредоставление сопоставимого государственного финансирования частной школы для меньшинства, заключается в том, достаточно ли много детей хотят посещать такую школу, чтобы она могла эффективно действовать в рамках общей системы образования. В рассматриваемом случае это условие было выполнено. Поэтому объем косвенного государственного финансирования, выделяемого на образование детей автора, свидетельствует о дискриминации, если сравнить его с полным финансовым обеспечением государственных католических школ в Онтарио.

(подпись) Мартин Шейнин

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

I. Сообщение № 701/1996, Гомес против Испании,
(соображения приняты 20 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: Сесарио Гомесом Васкесом
(представлен Хосе Луисом Масоном Костой)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Испания

Дата сообщения: 29 мая 1995 года

Дата решения о приемлемости: 23 октября 1998 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 20 июля 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 701/1996, представленного в Комитет по
правам человека г-ном Сесарио Гомесом Васкесом в соответствии с Факультативным
протоколом к Международного пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему автором
сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н П.Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдаллах Захья.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5
Факультативного протокола

1. Автором сообщения является испанский гражданин г-н Сесарио Гомес Васкес, родившийся в Мурсии в 1966 году и являющийся преподавателем физической культуры. В настоящее время скрывается где-то в Испании. Он утверждает, что является жертвой нарушения Испанией пункта 5 статьи 14 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автора представляет адвокат дон Хосе Луис Масон Коста.

Факты в изложении автора

2.1 22 февраля 1992 года провинциальный суд Толедо приговорил автора к 12 годам и одному дню лишения свободы за покушение на убийство некоего Антонио Родригеса Коттина. 9 ноября 1993 года Верховный суд отклонил поданную им кассационную жалобу.

2.2 Примерно в 4 часа утра 10 января 1988 года на автостоянке у входа в одну из дискотек Мосехона (Толедо) Антонио Родригесу Коттину были нанесены пять ножевых ударов. В результате полученных ранений он провел 336 дней в больнице, а процесс его полного выздоровления занял 635 дней.

2.3 Согласно сведениям, представленным стороной обвинения, автор, который работал в этой дискотеке швейцаром, увидел, как пострадавший садился в машину на автостоянке. Автор окликнул его и попросил выйти из машины. В ходе последующего спора рядом с ними остановилась неопознанная впоследствии машина; из этой машины вышел человек и попросил у них спички. Как представляется, именно в тот момент, когда г-н Родригес повернулся к этому человеку, автор и нанес ему удары ножом в спину и шею.

2.4 Автор решительно отвергает такое описание событий и утверждает, что 10 января 1988 года он вышел из дискотеки примерно в 2.00-2.30 и поехал к себе домой в Мостолес (Мадрид), поскольку плохо себя чувствовал. Домой его провожали Бенхамин Санс Карранса, Мануэла Видаль Рамирес и еще одна женщина. Вернувшись домой в 3 час. 15 мин., он попросил у соседа аспирина и весь следующий день провел в постели. Автор знал пострадавшего как склонного к насилию человека и как завсегдатая дискотеки. Автор заявляет, что 5 декабря 1997 года г-н Родригес вступил в перебранку с владельцем дискотеки г-ном Хулио Пересом, которому он угрожал ножом. В ходе судебного разбирательства автор заявил, что нападение, совершенное на г-на Родригеса 10 января 1988 года, являлось следствием сведения счетов между пострадавшим и кем-то из членов преступной группировки, членом которой он является.

2.5 В ходе судебного разбирательства как автор, так и сторона обвинения вызывали свидетелей, которые подтвердили эти соответствующие версии³⁵.

2.6 Адвокат заявляет, что автор не подавал ходатайство о применении процедуры ампаро, поскольку статьи 14-38, и в частности пункт 2 статьи 24, Конституции Испании не предусматривают права на подачу такого ходатайства, которое в случае его представления было бы немедленно отклонено. Впоследствии он представил более детальное обоснование жалобы, уточнив, что сложившаяся в Конституционном суде практика отклонения ходатайств о применении процедуры ампаро свидетельствует о неэффективности такого средства правовой защиты. В этой связи он считает, что в данном случае требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты было надлежащим образом выполнено.

Жалоба

3.1 Претензия автора касается в основном права на эффективное обжалование обвинительного приговора и наказания. Адвокат утверждает, что испанский Закон об уголовном судопроизводстве нарушает пункт 5 статьи 14 и статью 26 Пакта, поскольку дела лиц, обвиненных в совершении тяжких преступлений, попадают к единственному магистрату (следственному судье), который, убедившись по завершении соответствующих следственных действий, что дело подготовлено для устного слушания, передает его в провинциальный суд, где под председательством трех магистратов проводится судебное разбирательство и выносится приговор. Решение провинциального суда может быть обжаловано в кассационном порядке лишь по весьма ограниченному числу причин юридического характера. При этом не предусматривается возможность повторной оценки кассационным судом доказательств, поскольку любое вынесенное судом нижестоящей инстанции решение по существу дела является окончательным. Вместе с тем дела лиц, обвиненных в совершении менее тяжких преступлений и приговоренных к лишению свободы на срок до шести лет, расследуется единственным магистратом (следственным судьей), который по завершении подготовки дела к устному слушанию передает его по подсудности единственному судье (судье по уголовным делам), решение которого может быть обжаловано в провинциальном суде, что является гарантией эффективного пересмотра не только решения о применении закона, но и решения по существу дела.

³⁵ В качестве свидетелей со стороны автора на суде выступили его подруга и его сосед по этажу, с которым он поддерживал тесные отношения, тогда как свидетели со стороны обвинения знали автора только в лицо.

3.2 Защита заявляет, что, поскольку Верховный суд не вправе повторно оценивать доказательства, вышеприведенная информация свидетельствует о нарушении права на пересмотр решения и приговора вышестоящей судебной инстанцией согласно закону. В этой связи адвокат автора ссылается на решение от 9 ноября 1993 года об отклонении кассационной жалобы от имени г-на Сесарио Гомеса Васкеса, в котором в качестве первого правового обоснования приводится следующий аргумент:

"...в этой связи следует также отметить, что оценка таких доказательств является исключительной прерогативой суда по подсудности в соответствии с положениями статьи 741 Закона об уголовном судопроизводстве.

...Таким образом заявитель признает существование многочисленных веских доказательств и его аргументы базируются исключительно на субъективном их толковании, что является абсолютно недопустимым в контексте принципа презумпции невиновности, поскольку признание допустимости такого подхода означало бы выхолащивание самой сути кассационного процесса и его превращение в судебное разбирательство во второй инстанции".

Кроме того, в качестве второго правового обоснования приводится следующий аргумент:

...из принципа *in dubio pro reo* выводится аналогичное неправомерное заключение, поскольку заявитель забывает о том, что этот принцип не может быть применен в рамках кассационного процесса по той очевидной причине, что такой подход вновь предполагал бы повторную оценку доказательств, что, как уже неоднократно отмечалось выше, является недопустимым".

3.3 Кроме того, защита заявляет, что применение различных средств правовой защиты в зависимости от тяжести совершенного преступления создает возможности для дискриминации в отношении лиц, осуждаемых за совершение тяжких преступлений, что является нарушением статьи 26 Пакта.

3.4 Автор отмечает, что настоящее сообщение не представлялось ни в одну другую инстанцию международного разбирательства или урегулирования.

Замечания и комментарии государства-участника по поводу приемлемости и комментарии автора

4.1 В своем представлении на основании правила 91 правил процедуры Комитета государство-участник просило Комитет признать сообщение неприемлемым в силу нарушения пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола вследствие неисчерпания

внутренних средств правовой защиты, поскольку автор не обращался в Конституционный суд с ходатайством о применении процедуры ампаро. В этой связи государство-участник ссылается на практику Европейской комиссии по правам человека, которая систематически принимает решения о неприемлемости поступающих из Испании дел в тех случаях, когда не применялось средство правовой защиты в форме ходатайства о возбуждении процедуры ампаро. Государство-участник обратило внимание на противоречия в аргументах защитника автора, поскольку в первом его письменном представлении указывалось, что автор не возбуждал ходатайство о применении процедуры ампаро, поскольку в Конституции Испании не закреплено право на обжалование, а во втором его письменном представлении в это утверждение была внесена поправка, согласно которой факт невозбуждения ходатайства о применении процедуры ампаро объяснялся неоднократными негативными решениями Конституционного суда. Кроме того, государство-участник привело еще один аргумент в пользу неприемлемости сообщения по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, заявив о том, что этот вопрос ни разу не ставился перед испанскими судами.

4.2 Государство-участник указало на неприемлемость сообщения по причине злоупотребления правом на представление сообщений, поскольку автор находится в неизвестном месте, скрываясь от правосудия. И наконец, государство-участник заявило, что правомочность представления автора соответствующим адвокатом вызывает серьезные сомнения по той причине, что у этого адвоката отсутствуют достаточные на то полномочия и что он не запрашивал разрешения у предыдущего защитника автора.

5.1 Адвокат признал, что в своем первоначальном представлении он указал на отсутствие эффективных средств правовой защиты в Конституционном суде, однако, осознав свою ошибку, он направил дополнительное представление, в котором обращал внимание на неэффективность данного средства правовой защиты по причине систематического отклонения соответствующих ходатайств самим Конституционным судом (к представлению прилагалось решение Конституционного суда) и ссылался на прошлые решения Комитета в данной области³⁶.

5.2 Адвокат признал, что автор скрывается, однако отметил, что данный фактор не являлся препятствием для принятия Комитетом к рассмотрению ряда других дел. Коснувшись вопроса о сомнительности его полномочий, адвокат выразил сожаление по поводу того, что государство-участник четко не разъяснило, по каким именно причинам оно так считает.

³⁶ Сообщение № 445/1991; Шампани, Палмер и Чисхолм против Ямайки. Соображения, принятые 18 июля 1994 года.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей шестьдесят первой сессии, состоявшейся в октябре 1997 года, Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. В соответствии с подпунктом а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.2 В контексте требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты Комитет принял к сведению приведенный государством-участником аргумент о том, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были. Комитет сослался на свою прошлую практику вынесения решений, в соответствии с которой для целей соблюдения требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола внутренние средства правовой защиты должны быть эффективными и доступными автору. В связи с аргументом государства-участника о том, что автор должен был подать в Конституционный суд ходатайство о применении процедуры ампаро, Комитет заявил, что Конституционный суд уже неоднократно отвергал аналогичные ходатайства. Комитет пришел к выводу, что с учетом обстоятельств дела средство правовой защиты, тщетность применения которого заранее очевидна, не может быть принято во внимание и не подлежит исчерпанию для целей Факультативного протокола. В этой связи Комитет заключает, что положения подпункта b) пункта 2 статьи 5 не препятствуют рассмотрению жалобы, которая могла бы повлечь за собой постановку тех или иных вопросов в контексте пункта 5 статьи 14 и статьи 26 Пакта.

Замечания государства-участника по существу и ответы автора

7.1 В своем представлении от 31 мая 1999 года государство-участник вновь повторяет свою позицию в отношении неприемлемости жалобы по той причине, что рассматриваемые Комитетом вопросы не выносились до этого на рассмотрение национальных судов. Кроме того, государство-участник заявляет, что внутренние средства правовой защиты в связи с утверждениями о нарушении статьи 26 и пункта 5 статьи 14 Пакта были возбуждены не вовремя и с нарушением установленных процедур³⁷, вследствие чего дело не подлежало пересмотру.

7.2 Адвокат, представляющий государство-участник, утверждает, что направленные в Комитет претензии носят абстрактный характер, поскольку имеют своей целью пересмотр законодательства в целом и не касаются конкретно г-на Гомеса Васкеса, вследствие чего

³⁷ Из представленной государством-участником информации явствует, что речь идет только о процедуре ампаро, хотя в этой связи и используется множественное число ("appeals").

его положение не отвечает статусу пострадавшего. В силу этого государство-участник отмечает, что, поскольку г-н Гомес Васкес не является пострадавшим по смыслу первой статьи Факультативного протокола, то Комитет должен признать дело неприемлемым.

7.3 Кроме того, адвокат, представляющий государство-участник, считает, что, поскольку г-н Гомес Васкес скрывается от правосудия, дело должно быть закрыто в силу нарушения принципа "чистых рук". Адвокат, представляющий государство-участник, считает, что вследствие непредставления соответствующей жалобы в национальные судебные органы автор не вправе считать себя жертвой нарушения прав человека, тем более, что в ходе рассмотрения дела национальными компетентными органами вопрос о нарушении прав человека не поднимался и факты, установленные органами правосудия, однозначно принимаются.

7.4 Адвокат, представляющий государство-участник, заявляет, что только после назначения нового адвоката автор стал настаивать на повторной оценке всех судебных процедур в соответствующей инстанции. Кроме того, адвокат государства-участника утверждает, что назначение адвоката, представляющего автора в международной инстанции, проходило с нарушением установленных норм. По словам адвоката государства-участника, для целей назначения адвоката в рамках национального судебного разбирательства автор оформлял официальный документ, тогда как для целей его юридического представления на международном уровне он написал простое заявление.

7.5 Касаясь вопроса о предполагаемом нарушении статьи 26, государство-участник вновь повторяет уже изложенное на этапе рассмотрения вопроса о приемлемости мнение, согласно которому в данном случае сопоставляются два разных типа преступных деяний: с одной стороны, более тяжкие преступления, а с другой стороны, менее тяжкие преступления. В силу этого государство-участник заявляет, что различия в режиме рассмотрения этих двух категорий преступных деяний ни в коей мере не являются дискриминацией.

7.6 Касаясь нарушения положений пункта 5 статьи 14 в связи с делом автора, государство-участник поясняет, что адвокат автора не только не ставил вопрос об отсутствии правовых средств для полномасштабного обжалования приговора или полном пересмотре процесса через подачу ходатайства о таком пересмотре, но и четко признал в своем письменном обращении в Верховный суд, что "наша ссылка на конституционный принцип презумпции невиновности не означает попытки подрыва или выхолащивания целей кассационного процесса и его превращения во вторую судебную инстанцию". Более того, после принятого 9 декабря 1993 года решения об отклонении кассационной жалобы автор не только не подал в Конституционный суд ходатайство о применении процедуры ампаро, но и представил 30 декабря в министерство юстиции ходатайство об

освобождении от наказания, в котором в качестве первого аргумента приводился следующий довод: "Нижеподписавшееся лицо всегда отличалось безупречным поведением, за исключением совершенного преступления, которое является изолированным случаем в его жизни и в котором он искренне раскаивается". Кроме того, в письменном обращении в толедский суд от 14 января 1994 года автор вновь заявляет, что "преступление, за которое он был наказан, является изолированным случаем в его жизни, и он испытывает искреннее и горячее стремление как можно скорее вновь влиться в жизнь общества". В этой связи государство-участник считает утверждение о нарушении Пакта несостоятельным, поскольку автор признал факты, установленные испанскими судами.

8.1 Отвечая на утверждения государства-участника в своем представлении от 8 ноября 1998 года, адвокат автора отвергает выдвинутые государством-участником аргументы о том, что содержание сообщения носит абстрактный характер и что автор не может считаться пострадавшим. Он указывает на то, что автор был осужден на основе противоречивых показаний свидетелей и не имел возможности ходатайствовать о пересмотре дела или о новой оценке доказательств в суде вышестоящей инстанции, который занимался рассмотрением только юридических аспектов приговора.

8.2 Адвокат автора считает несостоятельным утверждение государства-участника о том, что он не имеет законного права представлять автора, поскольку, прежде чем приступить к защите автора на международном уровне, он запросил разрешение у предыдущего юридического представителя г-на Гомеса Васкеса. Кроме того, он аргументирует это тем, что ни Пакт, ни Факультативный протокол, ни юриспруденция Комитета не требуют того, чтобы юридический представитель назначался путем оформления заверенного нотариусом официального документа, и на этом основании он делает вывод о том, что утверждения государства-участника являются абсолютно беспочвенными.

8.3 Касаясь утверждения адвоката государства-участника о том, что ссылка на статью 26 является неуместной, поскольку в данном случае речь идет о двух разных категориях правонарушений, к которым не обязательно должны применяться одни и те же правовые нормы, адвокат автора вновь заявляет, что в жалобе идет речь не о различном режиме применения правовых норм в связи с двумя различными категориями правонарушений, а о том, что согласно испанскому процессуальному законодательству лица, осужденные за более тяжкие преступления, не имеют возможности ходатайствовать о полном пересмотре процессуальных действий и приговора в нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта.

8.4 Касаясь предполагаемого отказа от прав, предусмотренных пунктом 5 статьи 14, после составления кассационной жалобы с учетом тех ограничений, которые предусматриваются в Законе об уголовном судопроизводстве, адвокат поясняет, что в

рамках испанской системы пересмотра судебных решений принятие установленных законом ограничений для направления в суды ходатайства о пересмотре дел является обязательным условием для целей их принятия к производству и последующего рассмотрения таких ходатайств. В силу этого предпринятые им действия ни в коем случае не следует расценивать как отказ от права на всесторонний пересмотр приговора автора. Адвокат автора заявляет, что защитник автора в ходе судебного разбирательства в национальных судах требовал только частичного пересмотра приговора, как это предусматривается испанским законодательством, и это однозначно указывает на нарушение пункта 5 статьи 14, как об этом свидетельствуют предыдущие решения Комитета³⁸.

8.5 Адвокат отмечает, что вопреки утверждению государства-участника, он просит Комитет не оценить установленные по делу факты и доказательства, что выходит за рамки его компетенции, а просто проверить, соответствует ли требованиям пункта 5 статьи 14 Пакта пересмотр вынесенного автору приговора. Адвокат заявляет, что представленные государством-участником 29 решений Верховного суда не имеют никакого отношения к отказу в праве на обжалование, жертвой которого стал автор сообщения. Более того, внимательное изучение текста указанных решений позволяет сделать вывод о том, что содержащиеся в них выводы вступают в противоречие с выдвигаемыми государством-участником утверждениями, поскольку в большей части решений признается, что процедура обжалования в рамках уголовного судопроизводства подлежит жестким ограничениям в части возможности пересмотра доказательств, предъявленных суду первой инстанции. Ни в одном из своих решений Уголовная палата Верховного суда не пересмотрела собранные судами первой инстанции доказательства: в этих решениях речь идет лишь о том, имело ли место какое-либо нарушение юридических процедур, существовали ли какие-либо доказательные лакуны, позволяющие предположить возможность нарушения принципа презумпции невиновности, и не противоречит ли соответствующим документам содержащиеся в приговоре формулировки, поскольку это свидетельствовало бы о наличии судебной ошибки.

8.6 Государство-участник ссылается на то, что пункт 5 статьи 14 Пакта не предполагает того, что средство правовой защиты должно однозначно называться ходатайством об обжаловании и что существующая в Испании уголовная кассационная процедура в полной мере отвечает требованиям судебного органа второй инстанции, хотя она и не позволяет пересматривать доказательства, за исключением случаев, оговоренных в законодательстве. В этой связи адвокат заявляет, что уголовный процесс, объектом которого являлся его подзащитный, и, в более конкретном плане, вынесенный ему

³⁸ Сообщения 623-626/1995; Домуковский и другие против Грузии. Соображения приняты 6 апреля 1998 года.

приговор не могли подлежать полному пересмотру в части юридических и фактических аспектов, что свидетельствует о том, что автору было отказано в праве, которое гарантируется статьей 26 Пакта³⁹.

Рассмотрение дела по существу

9. Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

Пересмотр решения о приемлемости

10.1 Касаясь выдвинутого государством-участником аргумента о неприемлемости сообщения по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, Комитет вновь напоминает о своей позиции, согласно которой подлежащее исчерпанию средство правовой защиты должно предполагать возможность успешного его применения. В данном случае он располагает многочисленными недавними решениями испанского Конституционного суда, в которых отклоняются ходатайства о применении процедуры ампаро в части пересмотра вынесенных приговоров, вследствие чего Комитет вновь заявляет, как он уже это делал при вынесении решения о приемлемости данного дела 23 октября 1998 года, что для рассмотрения данного по существу не существует никаких препятствий.

10.2 Касаясь утверждения государства-участника о том, что автор не является жертвой, поскольку целью предпринимаемых его адвокатом действий является пересмотр испанского законодательства, вследствие чего дело следует признать неприемлемым, Комитет отмечает, что автор был осужден испанским судом и что рассматриваемый Комитетом вопрос заключается не в абстрактном пересмотре испанского законодательства, а в установлении того, соответствует ли процедура обжалования, которая применялась в деле автора, предусмотренной Пактом гарантии. В силу этого Комитет считает, что автор может претендовать на статус жертвы в соответствии с требованиями первой статьи Факультативного протокола.

³⁹ В этой связи адвокат ссылается на опубликованный в печати материал, в котором приводится часть опубликованной в 1998 году докладной записки Верховного суда Страны басков, где говорится о том, что Верховный суд Страны басков считает необходимым создание уголовных судов второй инстанции, поскольку он полагает, что наличие кассационной процедуры, вне всякого сомнения, не компенсирует факт отсутствия таких судов.

10.3 Касаясь утверждения государства-участника о том, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым в силу злоупотребления правом на представление сообщений, поскольку автор сообщения нарушил режим своего осуждения и скрывается от правосудия в нарушение испанских законов, Комитет вновь заявляет⁴⁰ о своей позиции, согласно которой автор сообщения не утрачивает права представлять жалобу в соответствии с Факультативным протоколом лишь потому, что он не выполнил распоряжение судебных властей государства-участника, против которого он выдвигает жалобу.

10.4 В заключение, касаясь последнего из выдвинутых государств-участников доводов в пользу неприемлемости сообщения вследствие неправомерности адвоката представлять автора в Комитете по правам человека, Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника, однако при этом он заявляет, что в этой связи не существует никаких конкретных требований и что государство оспаривает не мандат адвоката г-на Гомеса Васкеса, а лишь то обстоятельство, что не были выполнены определенные формальности, которые не предусматриваются Пактом. В силу этого Комитет считает, что адвокат автора действует на основании распоряжений своего подзащитного и следовательно является его законным представителем.

Вопросы существа

11.1 Касаясь вопроса о том, является ли автор жертвой нарушения пункта 5 статьи 14 Пакта по той причине, что его осуждение и приговор пересматривались только в Верховном суде в рамках кассационной процедуры, которая, по мнению адвоката, ссылающегося на параметры, установленные в статье 876 и последующих статьях Закона об уголовном судопроизводстве, не обеспечивает полного процесса пересмотра, Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что Пакт не требует того, чтобы процедура пересмотра называлась процедурой обжалования. Вместе с тем Комитет заявляет, что, помимо названия соответствующего средства правовой защиты, оно должно содержать элементы, отвечающие требованиям Пакта. В представленных государством-участником сведениях и документах не опровергается утверждение автора о том, что его обвинительный приговор и примененная мера наказания не являлись объектом полного пересмотра. Комитет заключает, что отсутствие возможности полного пересмотра вынесенного автору обвинительного приговора и примененной меры наказания - поскольку из приведенного в пункте 3.2 решения по кассационной жалобе явствует, что такой пересмотр ограничивается формальными или правовыми аспектами приговора, - не соответствует гарантиям, которые предусматриваются в пункте 5

⁴⁰ Сообщение 526/1993; Хилл против Испании. Соображения приняты 2 апреля 1997 года.

статьи 14 Пакта. Из этого следует, что автору было отказано в праве на пересмотр обвинительного приговора и меры наказания в нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта.

11.2 Касаясь предполагаемого нарушения статьи 26 Пакта по причине того, что испанская правовая система предусматривает различные виды правовой защиты в зависимости от тяжести совершенного преступления, Комитет отмечает, что разница в подходе к различным категориям правонарушений необязательно является дискриминацией. Комитет считает, что автор не представил в этой связи достаточных доказательств, свидетельствующих о нарушении положений статьи 26 Пакта.

12. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что рассмотренные им факты свидетельствуют о нарушении пункта 5 статьи 14 Пакта в отношении г-на Сесарио Гомеса Васкеса.

13. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Протокола автор имеет право на действенное средство правовой защиты. Приговор автора должен быть отменен, если только он не будет пересмотрен в соответствии с требованиями, зафиксированными в пункте 5 статьи 14 Пакта. Государство-участник обязано принять необходимые меры, исключающие возможность повторения аналогичных нарушений в будущем.

14. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и гарантировать действенное и осуществимое средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы предложить государству-участнику представить в течение 90 дней информацию о принятых мерах по практической реализации вынесенного Комитетом решения.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

J. Сообщение № 711/1996, Диаш против Анголы
(Соображения приняты 20 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: Карлушом Диашом

Предполагаемая жертва: Автор сообщения и Каролина ди Фатима да Сильва Франчишко

Государство-участник: Ангола

Дата сообщения: 28 марта 1996 года (первоначальное сообщение)

Дата решения о приемлемости: 20 марта 1998 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 20 марта 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 711/1996, представленного Комитету по правам человека г-ном Карлушем Диашом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором сообщения и государством-участником,

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджусумер Лаллах, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевски и г-н Макссуэлл Ялден.

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является г-н Карлуш Диаш, гражданин Португалии. Он представляет сообщение от своего собственного имени и от имени Каролины ди Фатимы да Сильвы Франчишко, гражданки Анголы, убитой 28 февраля 1991 года. Он не делает ссылки ни на какие статьи Пакта. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Анголы 9 февраля 1992 года.

Факты в изложении автора

2.1 У автора сообщения имеется своя компания в Анголе, главное управление которой находится в Луанде. В феврале 1991 года он уехал по делам, а его партнер по бизнесу и подруга Каролина да Сильва осталась в помещении компании в Луанде. Она была убита в ночь на 28 февраля 1991 года. Автор вернулся из своей поездки утром следующего дня. Дежуривший в ту ночь охранник был тяжело ранен и впоследствии умер от ран. Сейф был открыт, и из него пропала крупная сумма денег.

2.2 Автор утверждает, что, несмотря на его неоднократные настоятельные просьбы, полиция Анголы так и не провела серьезного расследования этого убийства. Тогда автор решил провести собственное расследование и в начале 1993 года поместил ряд объявлений в газетах Анголы и других стран, несмотря на то, что ангольские власти отказались дать разрешение на их публикацию и фактически пригрозили расправиться с ним в том случае, если он это сделает. После публикации объявлений автор встретился с одной из свидетельниц данного преступления.

2.3 В своем заявлении, сделанном 23 ноября 1993 года в Рио-де-Жанейро, эта свидетельница – гражданка Анголы, родившаяся 16 июня 1972 года, – указала, что в тот период она являлась подругой Виктора Лимы, советника президента Анголы по международным делам. Вечером 27 февраля 1991 года г-н Лима заехал за ней, с тем чтобы взять ее покататься на своем автомобиле. Позднее этим же вечером в его машину село четверо его друзей. По словам свидетельницы, эти пять мужчин начали выражать недовольство по поводу того, что ангольцы работают на белых, и заявили, что убьют "эту чернокожую девушку, работающую с белыми". Через какое-то время они остановились у какого-то дома, и дверь открыла чернокожая женщина, которая свидетельнице была незнакома, но которая, несомненно, знала г-на Лиму и его друзей. Они зашли в дом, выпили и затем сказали, что хотят поговорить с этой женщиной наедине, после чего вышли в соседнюю комнату. Свидетельница осталась одна. Через какое-то время она услышала громкие голоса, а затем эта женщина стала кричать. Свидетельница испугалась

и хотела убежать, однако ей не дал это сделать охранник. Тогда она выбрала в комнате такое место, откуда она могла видеть происходящее, и увидела, что эти мужчины насилуют эту женщину. Г-н Лима, изнасиловавший ее последним, схватил ее за шею и свернул ее. Перед тем как покинуть помещение, мужчины пригрозили свидетельнице расправиться с ней, если она когда-нибудь расскажет об увиденном. Вскоре после этого свидетельница, опасаясь расправы, уехала из Анголы.

2.4 Сестра свидетельницы состоит в браке с инспектором секретной службы министерства внутренних дел Анголы. В своем заявлении, сделанном 15 сентября 1993 года в Рио-де-Жанейро, он подтверждает, что Каролина да Сильва находилась под наблюдением секретной полиции; официальным мотивом этого наблюдения было подозрение в передаче информации, имеющей политическую и военную важность, южноафриканскому правительству в процессе ее контактов с белыми, хотя, согласно сообщению, на самом деле это наблюдение осуществлялось из-за того, что она отвергла предложения вступить в любовную связь с начальником службы безопасности кабинета президента и государственным директором секретной службы г-ном Жозе Мариа.

2.5 Автор утверждает, что зять свидетельницы – инспектор, сделавший вышеуказанное заявление, - исчез 21 февраля 1994 года в Рио-де-Жанейро.

2.6 В письме, направленном президенту Анголы адвокатом автора, автор сообщил об установленных им фактах, отметив, что исполнители этого преступления относятся к числу приближенных к нему лиц. 8 марта 1994 года автор встретился с консулом Анголы в Рио-де-Жанейро, который сообщил ему, что правительство, возможно, направит соответствующую делегацию в Рио-де-Жанейро. Однако этого не произошло. 19 апреля 1994 года в письме на имя адвоката автора советник президента по судебным вопросам заявил, что осознает всю безотлагательность решения данной проблемы, и 26 июня 1994 года в Лиссабоне состоялась встреча советника президента по судебным вопросам и секретаря совета министров, с одной стороны, и автора и его адвоката - с другой. Однако никаких дальнейших результатов, по всей видимости, достигнуто не было, и 8 сентября 1994 года министром иностранных дел Анголы было издано официальное сообщение, в котором указывалось, что полиция оспаривает заявления по поводу смерти Каролины да Сильвы и обвиняет автора в попытках подкупить правительство.

2.7 С тех пор автор тщетно пытается отдать убийц в руки правосудия. В марте 1995 года он возбудил гражданский иск в отношении Анголы в гражданском суде Лиссабона с целью взыскания невозмещенных долгов. В июле 1995 года он обратился в уголовный суд Лиссабона с заявлением о привлечении убийц к ответственности, по всей видимости, на основании статьи 6 Конвенции против пыток.

2.8 По мнению автора, убийство его подруги было запланировано начальником военного ведомства президента, заместителем министра внутренних дел, министром государственной безопасности и министром иностранных дел. В этой связи он заявляет, что Каролина да Сильва была арестована 6 октября 1990 года и содержалась под стражей в течение 36 часов, поскольку она отказалась открыть сейф предприятия, принадлежавшего автору.

2.9 Автор утверждает, что после этого убийства он не мог продолжать жить и работать в Анголе из-за угроз расправой. Он уехал из Анголы, оставив там все свое имущество (недвижимость, мебель, транспортные средства). Он не смог возбудить иск в судах Анголы, поскольку ни один адвокат не желает принимать это дело к рассмотрению, так как оно касается государственных должностных лиц. В этой связи он заявляет, что адвокат, представлявший интересы матери Каролины, отказался от выполнения своих функций по этому делу 15 марта 1994 года.

Жалоба

3. Автор утверждает, что Ангола нарушила положения Пакта, поскольку не было проведено расследование совершенных преступлений, поскольку лица, виновные в совершении преступлений, продолжают занимать высокие должности и поскольку автор и свидетели подвергаются преследованиям в такой степени, что не могут вернуться в Анголу, в результате чего автор утратил свою собственность. Автор заявляет, что, хотя убийство произошло до того, как Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Анголы, вышеупомянутые нарушения продолжают наносить ущерб автору и свидетелям.

Решение Комитета о приемлемости

4. На основании решения от 6 августа 1996 года Специальный докладчик по новым сообщениям Комитета по правам человека передал данное сообщение государству-участнику, предложив ему представить на основании правила 91 правил процедуры информацию и замечания в отношении приемлемости данного сообщения. Государство-участник не направило такой информации, несмотря на то, что ему несколько раз – последний раз 17 сентября 1997 года – были направлены соответствующие напоминания.

5.1 На своей шестьдесят второй сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Комитет удостоверился, как этого требует пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

5.2 Комитет отметил, что он лишен возможности рассматривать заявление, представленное от имени г-жи Каролины да Сильвы, *ratione temporis*. Поскольку не поступило никаких замечаний от государства-участника, Комитет не осведомлен ни о каких других препятствиях для того, чтобы считать сообщение приемлемым, и счел, что сообщение, представленное от имени г-на Диаша, возможно, затрагивает вопросы по Пакту, которые следует рассматривать по существу.

6. Таким образом 20 марта 1998 года Комитет по правам человека постановил, что данное сообщение является приемлемым.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

7. 1 мая 1998 года решение Комитета, в котором говорится, что данное сообщение является приемлемым, было препровождено государству-участнику вместе с просьбой представить Комитету не позднее 1 ноября 1998 года разъяснения или заявления с уточнениями по рассматриваемому вопросу. Несмотря на то, что государству-участнику несколько раз – последний раз 24 июня 1999 года – направлялись соответствующие напоминания, никаких разъяснений получено не было. Комитет напоминает, что, как предполагается в Факультативном протоколе, государство-участник должно предоставить Комитету всю имеющуюся в его распоряжении информацию, и сожалеет, что государство-участник отказывается с ним сотрудничать. При отсутствии любых ответов со стороны государства-участника заявлениям автора следует придавать надлежащее значение в такой степени, что они являются обоснованными.

8.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всех имеющихся у него письменных данных в соответствии со статьей 5 (1) Факультативного протокола.

8.2 Автор представил информацию о том, что подвергся преследованиям и угрозам со стороны властей государства-участника, когда – по той причине, что полиция не проводила серьезного расследования обстоятельств убийства его подруги, – приступил к собственному расследованию этого преступления и получил доказательства причастности к этому убийству высокопоставленных государственных должностных лиц. Эти утверждения автора так и не были опровергнуты государством-участником. Комитет отмечает, что не был оспорен также тот факт, что один из свидетелей, давших автору показания об убийстве его подруги, вскоре после этого исчез.

8.3 Комитет напоминает, что в соответствии с его практикой статья 9 (1) Пакта защищает право на неприкосновенность личности также вне контекста формального лишения свободы. Толкование статьи 9 как якобы разрешающей государству-участнику игнорировать угрозы личной безопасности не содержащихся под стражей лиц, которые

находятся под его юрисдикцией, сделало бы совершенно неэффективными гарантии, предоставляемые Пактом⁴¹. В настоящем деле автор заявил, что источником угроз являются сами власти. В результате угроз в отношении автора он не смог въехать в Анголу и, следовательно, это воспрепятствовало осуществлению его прав. Если государство не отрицает эти угрозы и не стремится сотрудничать с Комитетом для разъяснения данного вопроса, то Комитет должен придать надлежащее значение утверждениям автора в данной связи. Таким образом, Комитет делает вывод о том, что рассматриваемые им факты свидетельствуют о нарушении права автора на неприкосновенность личности, предусмотренного пунктом 1 статьи 9 Пакта.

9. Руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что рассматриваемые им факты свидетельствуют о нарушениях пункта 1 статьи 9 Пакта.

10. В соответствии с положениями пункта 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Диашу эффективные средства правовой защиты и принять адекватные меры для защиты его личной неприкосновенности от угроз любого типа. Государство-участник обязано принять меры для предотвращения аналогичных нарушений в будущем.

11. С учетом того, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение положений Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также предоставлять им эффективные и применимые средства правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения этих положений, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах по выполнению требований, изложенных в соображениях Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать соображения Комитета.

[Принято на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

⁴¹ См. соображения Комитета по делу № 195/1985, Дельгадо Паес против Колумбии, пункт 5.5, принятые 12 июля 1990 года (документ ССРР/С/39/Д/195/1985).

К. Сообщение № 731/1996, Робинсон против Ямайки
(Соображения приняты 29 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: Майклом Робинсоном (представлен г-ном Грэмом Хантли, лондонская адвокатская фирма "Лавелл Уайт Дюрран")

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Ямайка

Дата сообщения: 9 декабря 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 29 марта 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 731/1996, представленного Комитету по правам человека г-ном Майклом Робинсоном в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья. К настоящему документу прилагается текст особого мнения члена Комитета Луиса Хенкина.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Майкл Робинсон, гражданин Ямайки, на момент представления сообщения находившийся в окружной тюрьме св. Екатерины в ожидании приведения в исполнение смертного приговора. Впоследствии его смертный приговор был заменен пожизненным тюремным заключением. Он утверждает, что является жертвой нарушения Ямайкой статей 7, 10 и 14, пункты 1, 2, 3 b), 3 d), 3 e) и 5, Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-н Грэм Хантли из лондонской адвокатской фирмы "Лавелл Уайт Дюрран".

Факты в изложении автора

2.1 21 ноября 1991 года автор был осужден Внутренним окружным судом Кингстона, Ямайка, за убийство Чи Пан Чаня и приговорен к смертной казни. Он подал ходатайство о возбуждении апелляции на его осуждение и приговор в Апелляционный суд Ямайки, однако оно было отклонено 16 мая 1994 года. В своем решении Апелляционный суд квалифицировал совершенное им преступление как тяжкое убийство, караемое смертной казнью согласно статье 2 1) d) 1) Закона о преступлениях против личности 1992 года, на том основании, что речь идет об убийстве, совершенном в ходе ограбления. Таким образом, Апелляционный суд подтвердил смертный приговор. После этого автор обратился с ходатайством об особом разрешении на возбуждение апелляции в Юридический комитет Тайного совета, однако оно было отклонено 19 ноября 1996 года. В тот же день Апелляционный суд повторно рассмотрел решение об осуждении автора и вновь подтвердил, что вменяемое ему в вину преступление составляет убийство, караемое смертной казнью. В этот же день адвокат автора направил письмо генерал-губернатору Ямайки, в котором он ходатайствовал об изменении смертного приговора на том основании, что, поскольку автор провел пять лет в ожидании исполнения смертного приговора, он подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение его прав согласно статье 20 Конституции Ямайки. 5 декабря 1996 года автор был информирован о том, что генерал-губернатор не намерен смягчать его приговор. Вместо этого в тот же день был издан приказ о том, что смертный приговор должен быть приведен в исполнение 19 декабря 1996 года. Однако впоследствии смертный приговор был заменен пожизненным тюремным заключением. Постановление о смягчении приговора было зачитано автору 4 июля 1997 года⁴².

⁴² См. пункты 5.1, 6.1 и 7.1 ниже.

2.2 Чи Пан Чань был убит в результате удара ножом в ходе ограбления, совершенного в среду, 27 июня 1990 года, во второй половине дня, в районе Шейла-плейс, Куинсборо, в Кингстоне, Ямайка. Обвинение против автора было основано на косвенных доказательствах и его собственном признании.

2.3 Тетя автора Руби Кэмпбелл проживала на авеню Диана-плейс, приблизительно в четырех кварталах от Шейла-плейс, где был убит г-н Чань. В своих показаниях она пояснила, что г-н Чань, которого она знала и с которым имела деловые контакты на протяжении нескольких лет, довольно регулярно приходил к ней домой по средам во второй половине дня в связи с ее деловыми поездками в Майами. При этом он часто передавал ей доллары США: либо наличными в открытом виде - для совершения покупок в Майами, либо в конверте - для проживающего там его дяди. На вопросы о том, должен ли был прийти к ней г-н Чань в ту среду, когда было совершено преступление, она ответила, что он приходил по средам довольно регулярно, но в ту среду она его особо не ждала. Она далее показала, что г-н Робинсон проживал в ее доме на протяжении пяти лет и съехал от нее за год до инцидента, так что он хорошо знал, что г-н Чань обычно бывает у нее дома по средам во второй половине дня.

2.4 Свидетель-очевидец преступления Виктория Ли показала, что она видела, как покойный и какой-то чернокожий мужчина дрались возле ее дома в Шейла-плейс, что этот чернокожий мужчина, по всей видимости, пытался отнять у своего противника конверт и что он нанес ему удар ножом и после этого скрылся, прыгнув в водосточный колодец.

2.5 Исполняющий обязанности следователя капрал Макферсон показал, что 28 июня 1990 года, на следующий день после убийства г-на Чаня, он дважды приходил домой к автору: в первый раз - один, а во второй - со старшим суперинтендантом Хиббертом, и обнаружил там рубашку, джинсы и пару обуви, на которых были видны пятна, похожие на следы крови. Под шкафом в спальне автора они нашли полиэтиленовый пакет с долларами США и фунтами стерлингов. На одной из долларовых банкнот имелись пятна, похожие на следы крови. Макферсон показал, что, когда старший суперинтендант Хибберт предъявил эти предметы автору, тот признал, что одежда и обувь принадлежат ему, но о деньгах ему ничего не известно. Старший суперинтендант Хибберт дал такие же показания. Государственный эксперт лаборатории судебно-медицинской экспертизы г-жа Ивонн Круикшанк показала, что, согласно результатам анализов, пятна на указанных предметах представляют собой следы крови группы В - той же, что и у г-на Чаня, а также приблизительно у 18% населения Ямайки.

2.6 Сестра автора г-жа Кармен Джоунс, которая на момент преступления проживала в том же доме, что и автор, показала, что она видела, что утром 27 июня 1990 года на авторе

была та самая одежда, которая позднее была изъята полицией, и на ней не было пятен крови. Кроме того, она показала, что на связке ключей автор обычно носил складной нож с фиксатором и что утром 27 июня 1990 года этот нож был при нем. Когда 28 июня 1990 года автор был доставлен в Уотерфордское отделение полиции, ножа на связке ключей не было. Исполняющий обязанности следователя капрал Макферсон показал, что на его вопрос о ноже автор заявил, что он действительно обычно носил на связке ключей складной нож с фиксатором, но он сломал его тремя днями ранее, когда вскрывал кокосовый орех.

2.7 Старший суперинтендант Хибберт и сержант Форрест показали, что 29 июня 1990 года в Бриджпортском отделении полиции автор, будучи должным образом предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, в их присутствии, а также в присутствии помощника суперинтенданта Лоренса признался в том, что нанес удар ножом г-ну Чаню и забрал его деньги. Подробное признание было зарегистрировано сержантом Форрестом в виде письменного заявления и подписано автором. Это заявление было принято в качестве доказательства и зачитано составу присяжных.

2.8 Автор под присягой показал, что он не знал покойного и никогда не встречался с ним в доме своей тети. Он заявил, что он жил у тети всего шесть месяцев. 27 июня 1990 года с полудня до 17 час. 30 мин. он находился на стадионе "Кайманас-парк". Он отрицал, что ему принадлежат какие-либо из предметов, представленных обвинением, и заявил, что у него никогда не было складного ножа с фиксатором на связке ключей. Он отрицал то, что когда-либо делал какие-либо устные или письменные признания, и то, что подписывал якобы сделанное им заявление. Он отметил, что, когда он был доставлен в Уотерфордское отделение полиции, его бросили за решетку со словами: "Посиди здесь, пока тебя не пристрелили". Он заявил, что 29 июня 1990 года, когда, согласно утверждению офицера полиции Хибберта, им было сделано и подписано письменное признание⁴³, он подвергся жестоким побоям со стороны сотрудников полиции.

2.9 Адвокат утверждает, что все доступные внутренние средства правовой защиты для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола исчерпаны. Теоретически автор мог бы подать конституционную жалобу, но на практике это средство остается недоступным ввиду нежелания или неспособности государства-участника обеспечивать юридическую помощь по таким жалобам, а также в силу исключительной сложности нахождения на Ямайке какого-либо адвоката, который взялся бы представлять подателя конституционной жалобы *pro bono*.

⁴³ Автор не утверждает того, что его силой заставили подписать заявление. Он утверждает, что никогда не делал признания и что заявление, представленное обвинением, было поддельным.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что в данном случае имело место нарушение статей 7 и 10, поскольку автор в течение более пяти лет находился в ожидании исполнения смертного приговора. Отмечается, что "мучительная неопределенность в связи со столь длительным ожиданием грозящей смерти" представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Приводится ссылка на судебную практику Тайного совета.

3.2 Адвокат утверждает, что нарушение статей 7 и 10 имело также место в силу характера условий содержания автора в окружной тюрьме св. Екатерины. Что касается общих условий, то приводится ссылка на сообщения Панамериканской организации по наблюдению за соблюдением прав человека, организации "Международная амнистия" и Ямайкского совета по правам человека. Согласно этим сообщениям, численность содержащихся в этой тюрьме заключенных вдвое превышает ту, на какую она была рассчитана при ее постройке в XIX веке, в камерах нет матрасов, других постельных принадлежностей и мебели, остро не хватает мыла, зубной пасты и туалетной бумаги, качество питания и воды является очень низким, камеры не оборудованы санузлами, отхожие места открыты и повсюду навалены кучи отходов, в камерах не имеется искусственного освещения, а солнечный свет может проникать лишь через очень узкие вентиляционные отверстия, для заключенных не предусмотрено практически никаких возможностей для занятия трудовой деятельностью или развлечения и за тюрьмой не закреплено никакого врача, в связи с чем медицинские проблемы решаются надзирателями, которые имеют весьма ограниченную подготовку. Помимо сообщений НПО, адвокат ссылается на заявления заключенных, согласно которым тюрьма буквально кишит паразитами, в особенности крысами, тараканами, москитами, а в период дождей - личинками насекомых. Кроме того, по словам заключенных, пища по-прежнему готовится на кухне и в пекарне, санитарное состояние которых уже много лет назад было признано неприемлемым, в тюрьме часто отсутствуют необходимые средства лечения, заключенные не получают надлежащей одежды, не существует никакой процедуры рассмотрения жалоб заключенных и в организации тюремного режима иногда возникают сбои, в результате чего заключенные оказываются запертыми в камерах на длительное время, не имея возможности помыться и будучи вынужденными просить о том, чтобы им принесли питания и воды. Эти приведенные утверждения не приложены к сообщению.

3.3 Адвокат указывает, что в случае автора эти общие условия нашли конкретное проявление в том, что он проводил в своей камере по 22 часа в сутки, находясь в искусственной темноте, в изоляции от других людей и не имея ничего, чем бы можно было себя занять. При этом приводится ссылка на принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными.

3.4 Адвокат утверждает, что напутствие, данное судьей первой инстанции присяжным, и тот факт, что он не отклонил определенные доказательства, равносильны отказу в справедливом судебном разбирательстве, а это, согласно принципам, которыми руководствуется Комитет, представляет собой нарушение пунктов 1 и 2 статьи 14. Что касается напутствия судьи присяжным, то адвокат заявляет, что судья нанес ущерб объективности рассмотрения дела автора в следующих аспектах:

- судья не напомнил присяжным о том, что факт отсутствия возражения против принятия заявления, содержащего признание, в качестве доказательства не имеет значения для вопроса, который предстояло решить присяжным, а именно для вопроса о том, является ли это заявление фальсифицированным;
- судья не указал присяжным на применимость законодательных положений о личной самозащите в отношении фактов, которые, как утверждает, были признаны автором, хотя в суде автор пытался отстоять свое алиби;
- судья не напомнил присяжным об описании нападавшего, которое было дано Викторией Ли и Одли Уилсон (Виктория Ли показала, что на чернокожем мужчине, который на ее глазах нанес удар ножом покойному, была рубашка синего цвета или, по крайней мере, с синим рисунком, в то время как рубашка, изъятая полицией, была черно-белой. Одли Уилсон, другой свидетель - очевидец драки, показал, что нападавший имел рост 173-175 см, что соответствует росту автора, а на перекрестном допросе выяснилось, что в ходе предварительного слушания дела он утверждал, что рост нападавшего был "чуть более 150 см").

3.5 Что касается устного и письменного признания, которое было якобы сделано автором, когда он отвечал на вопросы старшего суперинтенданта Хибберта, то адвокат отмечает, что это доказательство следовало отклонить на том основании, что обвинение в совершении убийства должно было быть предъявлено автору до этого допроса. Кроме того, отмечается, что после перекрестного допроса соответствующих сотрудников полиции и заслушивания показаний автора, данных им под присягой, судья должен был пересмотреть вопрос о приемлемости признания невзирая на свое прежнее решение по этому вопросу, а также на то обстоятельство, что адвокат защиты не оспорил приемлемость данного доказательства.

3.6 Адвокат утверждает, что имело место нарушение пункта 3 е) статьи 14, поскольку сестра автора г-жа Кармен Джоунс и проживающая в ее доме г-жа Херма Ритчи были готовы дать показания в Апелляционном суде в качестве свидетелей со стороны автора,

но не присутствовали на рассмотрении апелляции, поскольку они были запуганы полицейскими, которые сказали им, что в случае явки они будут арестованы.

3.7 Адвокат утверждает, что имело место нарушение пунктов 1, 2, 3 b), 3 d) и 5 статьи 14, поскольку адвокат защиты в рамках апелляционной процедуры лорд Джиффорд сделал ошибочное заявление о том, что в деле автора нет спорных элементов, и вопреки инструкциям автора заявил, что автор согласился с этим заключением⁴⁴. Адвокат заявляет, что тем самым лорд Джиффорд отказался поставить вопрос о вероятности того, что заявление, содержащее признание, было фальсифицировано. Отмечается, что лорд Джиффорд не информировал суд ни о том, что он рекомендовал автору обратиться к эксперту-графологу для проверки аутентичности подписей на спорном заявлении, ни о том, что автор хотел обратиться к такому эксперту, но не имел для этого необходимых средств. Кроме того, адвокат отмечает, что лорд Джиффорд не просил о приостановлении производства, чтобы дать возможность изыскать такие средства.

3.8 Адвокат утверждает, что нарушение пункта 5 статьи 14 имело также место в силу того, что оригинал письменного признания не был представлен автору или его адвокату до подачи ходатайства об особом разрешении в Тайный совет, и поэтому он не мог быть должным образом изучен экспертом-графологом, назначенным адвокатом. Отмечается, что государство-участник обязано сохранять доказательства, использовавшиеся в суде, по крайней мере до исчерпания возможностей обжалования и что в данном случае эта обязанность не была выполнена, в результате чего автор был лишен возможности представить суду новый материал.

Представление государства-участника и комментариев по нему автора

4.1 В своем представлении от 14 февраля 1997 года государство-участник не высказывает возражений против приемлемости сообщения и предлагает свои замечания по его существу. Государство-участник отрицает факт наличия какого бы то ни было нарушения Пакта в контексте рассматриваемого дела.

4.2 В отношении утверждения о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта в силу того, что в течении пяти лет, проведенных в ожидании исполнения смертного приговора, автор находился в состоянии "мучительной неопределенности", государство-участник отмечает, что продолжительное содержание в ожидании исполнения смертного приговора

⁴⁴ В досье нет никаких свидетельств какого-либо прежнего упоминания таких противоположных инструкций автора.

само по себе не составляет жестокого и бесчеловечного обращения. Приводится ссылка на прецедент из практики Комитета⁴⁵.

4.3 Что касается утверждения о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 14 в силу характера напутствия, данного судьей первой инстанции присяжным, то государство-участник отмечает, что этот вопрос не подлежит рассмотрению в Комитете. Государство-участник ссылается на прецедент из практики Комитета, когда было решено, что он может заниматься рассмотрением подобных вопросов лишь в случае вероятности того, что такие напутствия носят явно произвольный характер или равносильны отказу в правосудии. Отмечается, что ни одно из этих исключений не применимо к рассматриваемому делу.

4.4 Второе утверждение о нарушении статьи 14 касается поведения судьи первой инстанции, принявшего в качестве доказательства устное и письменное признание автора. Государство-участник отмечает, что в данном случае речь идет о фактах и доказательствах, которые, согласно практике Комитета, лучше всего оставлять на рассмотрение апелляционных судов. Указывается, что эти вопросы действительно были рассмотрены Апелляционным судом.

4.5 Что касается утверждения о нарушении пунктов 1, 2, 3 b), 3 d) и 5 статьи 14 в силу того, что адвокат, представлявший автора в ходе апелляционной процедуры, якобы не просил о приостановлении производства, с тем чтобы дать возможность изыскать средства для привлечения эксперта-графолога, и вместо этого заявил в Апелляционном суде, что у него нет никаких возражений и что автор согласен с этим, то государство-участник отмечает, что это утверждение основано на заявлениях о характере данных инструкций и о том, как они были выполнены. Отмечается, что это не затрагивает ответственности государства-участника: государство-участник обязано назначить для обвиняемого компетентного защитника, но оно не отвечает за то, как он выполняет инструкции, полученные от обвиняемого, если нет никаких свидетельств того, что должностные лица государства-участника своими действиями или упущениями мешали ему вести дело так, как он считал это нужным.

4.6 В отношении утверждения о нарушении пункта 3 e) статьи 14 в силу того, что два потенциальных свидетеля защиты не дали показаний в Апелляционном суде, поскольку они были запуганы полицией, государство-участник отмечает, что "это - очень серьезные заявления, которые затрагивают саму основу системы отправления правосудия и бросают

⁴⁵ Сообщения №№ 210/1986 и 225/1987, Прагг и Морган против Ямайки; соображения, принятые 6 апреля 1989 года.

ть на добросовестность сотрудников подразделений полиции". Государство-участник считает, что "эти заявления должны быть либо подкреплены предельно четкими и однозначными доказательствами, либо незамедлительно отозваны".

5.1 В своих замечаниях от 9 октября 1998 года адвокат поясняет, что 4 июля 1997 года автор был переведен из блока для заключенных, ожидающих исполнения смертного приговора, в основной сектор тюрьмы. Отмечается, что автор не получил никакого "официального подтверждения причины этого перевода". Далее адвокат отмечает, что "автору известно о том, что, согласно обычной практике государства-участника, заключенные, чьи приговоры были смягчены в соответствии с прецедентом, который был установлен решением по делу Пратта и Моргана, должны отбыть в заключении как минимум семь лет без права условно-досрочного освобождения. Остается неясным, когда начинается такой семилетний срок, хотя в недавнем решении по делу Р. против Энтони судья постановил, что для осужденного за убийство, не караемое смертной казнью, период обязательного заключения без права условно-досрочного освобождения должен начинаться через три месяца после даты осуждения". Адвокат заявляет, что автор надеется, что такая же практика будет применяться во всех случаях, но вместе с тем отмечает, что отсутствие ясности в этом вопросе представляет собой "продолжающуюся неопределенность", идущую вразрез со статьями 7 и 10. Что касается условий содержания под стражей, то автор отмечает также, что в том секторе тюрьмы, куда он был переведен 4 июля 1997 года, среди заключенных широко распространены СПИД и ВИЧ.

5.2 В своем представлении от 9 октября 1998 года автор выдвигает также новые утверждения в контексте статей 7 и 10. Сообщается, что 5 марта 1997 года автор подвергся побоям со стороны нескольких неизвестных надзирателей, в результате чего у него была рассечена голова и ему пришлось наложить десять швов. Кроме того, автор отмечает, что по указанию директора тюрьмы надзиратели уничтожили все его личные вещи, за исключением двух комплектов одежды. Это, как утверждается, было сделано с ведома и санкции двух вышеупомянутых суперинтендантов. Автор утверждает также, что ему на три месяца было отказано в праве посещения и что надзиратель, работающий в этом секторе, стал притеснять его. В подтверждение этого сообщения адвокат представил заявление автора от 16 апреля 1997 года, его письменные показания под присягой от 14 июля 1997 года и статью из издания "The Pen"⁴⁶ за май 1997 года.

⁴⁶ Бюллетень для друзей заключенных, ожидающих исполнения смертного приговора, в странах Карибского бассейна.

5.3 Что касается утверждения о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 14 в силу того, что судья, разбиравший дело, ориентировал присяжных на заявление, содержащее признание автора, и принял его в качестве доказательства, то адвокат отмечает, что ошибки судьи в этих аспектах равносильны отказу в правосудии. Адвокат далее отмечает, что в решении Апелляционного суда нет никаких свидетельств того, что он рассматривал эти вопросы.

5.4 В отношении утверждаемого нарушения пунктов 1, 2, 3 b), 3 d) и 5 статьи 14 в связи с описанными ранее актами и упущениями защитника, который представлял автора в рамках апелляционной процедуры, адвокат ссылается на прецеденты из практики Комитета⁴⁷ и отмечает, что заявление защитника в Апелляционном суде об отсутствии оснований для обжалования, которое было сделано без ведома или согласия автора, действительно представляет собой нарушение.

5.5 Адвокат отмечает, что государство-участник не дало ответа на утверждение о нарушении пункта 5 статьи 14 в связи с тем, что государство-участник не сохранило оригинала заявления, содержащего признание. Адвокат вновь настаивает на факте нарушения и ссылается на дело Уокер и Ричардс против Ямайки⁴⁸, когда авторы "прилагали надлежащие усилия для получения документов, необходимых для разбирательства дела в Тайном совете, и ответственность за допущенные задержки при установлении их местонахождения была возложена на государство-участник". Адвокат отмечает, что в рассматриваемом случае были предприняты сопоставимые надлежащие усилия для получения оригинала сообщения, в котором, как утверждалось, содержится признание. В этом контексте адвокат указывает, что 24 января 1996 года он направил письма личному секретарю генерал-губернатора Ямайки, юрисконсультам канцелярии директора публичных преследований и секретарю Тайного совета Ямайки с просьбой предоставить ему этот документ. 9 апреля 1996 года он получил его копию. 23 мая 1996 года и 3 июня 1996 года адвокат вновь направил письмо директору публичных преследований, в котором он просил предоставить ему его оригинал. 5 ноября 1996 года адвокат государства-участника в Тайном совете заявил, что "было признано, что оригинал документа был утерян и что этого не должно было произойти... оригиналы документов, как правило, подлежат возвращению в отделение полиции по месту ареста". Также по словам адвоката, 21 ноября 1996 года секретарь Тайного совета Ямайки направил запрос в отделение полиции, но он не получил никакой информации.

⁴⁷ Сообщение № 250/1987, Рейд против Ямайки, соображения, принятые 20 июля 1990 года; сообщение № 253/1987, Келли против Ямайки, соображения, принятые 8 апреля 1991 года; сообщение № 356/1989, Коллинз против Ямайки, соображения, принятые 25 марта 1993 года.

⁴⁸ Сообщение № 639/1995, соображения, принятые 28 июля 1997 года.

5.6 В отношении двух свидетелей, которые, как утверждается, не дали свидетельских показаний в Апелляционном суде в связи с угрозами со стороны полиции, адвокат заявляет, что его агенты в Ямайке пытались получить дополнительные сведения у этих свидетелей, но эти попытки не увенчались успехом. Согласно адвокату, был установлен контакт с одной из них, однако она вновь выразила нежелание давать дополнительные показания, мотивировав это тем, что она "напугана властями и боится их".

5.7 Адвокат утверждает также, что в связи с нарушениями статьи 14 был также нарушен пункт 2 статьи 6, поскольку смертный приговор был вынесен в нарушение положений Пакта.

Ответ государства-участника и дополнительные комментарии автора

6.1 В своем ответе от 29 января 1999 года государство-участник в первую очередь оспаривает тот факт, что автор не был информирован о причине его перевода из блока для осужденных, ожидающих исполнения смертного приговора, в основной сектор тюрьмы. Государство-участник утверждает, что 4 июля 1997 года суперинтендант Центра Св. Екатерины для совершеннолетних правонарушителей зачитал автору текст постановления о смягчении его смертного приговора. В связи с этим отмечается, что автору было известно о смягчении его приговора с 4 июля 1997 года.

6.2 Государство-участник далее отрицает факт наличия какой-либо неопределенности относительно того, когда осужденные на смертную казнь, чьи смертные приговоры были заменены пожизненным заключением, получают право на условно-досрочное освобождение. Государство-участник отмечает, что это предельно четко оговорено в Законе о преступлениях против личности (с поправками). Приводится ссылка на статьи 5А и 6 (4), которые гласят:

"Статья 5А

В случае замены смертной казни пожизненным тюремным заключением на основании статьи 90 Конституции дело осужденного, приговор которого был таким образом изменен, рассматривается судьей Апелляционного суда, который определяет, должен ли осужденный отбывать срок более семи лет, прежде чем он может подлежать условно-досрочному освобождению, и если да, то устанавливает продолжительность такого срока.

Статья 6 (4)

С учетом положений подстатьи (5) заключенный,

- a) который был приговорен к пожизненному тюремному заключению; или
- b) в отношении которого
 - i) смертный приговор был заменен пожизненным тюремным заключением; и
 - ii) не была установлена продолжительность срока согласно статье 5А, получает право на условно-досрочное освобождение по отбытии срока продолжительностью не менее семи лет".

6.3 Государство-участник указывает, что, согласно этим статьям, "осужденный на смертную казнь, чей приговор был заменен пожизненным тюремным заключением, получает право на условно-досрочное освобождение по отбытии срока, установленного судьей согласно статье 5А, или минимального срока продолжительностью семь лет согласно статье 6 (4)". Государство-участник отрицает, что решение по делу Р. против Энтони Льюиса, на которое ссылался автор, вносит неясность в вопрос о том, когда начинается срок отбытия заключения без права условно-досрочного освобождения для осужденного, чей смертный приговор был заменен пожизненным заключением. В этом конкретном случае преступление, совершенное автором сообщения, было пересмотрено и квалифицировано как убийство, не караемое смертной казнью, в результате чего он был приговорен к пожизненному тюремному заключению и для получения права на условно-досрочное освобождение должен был отбыть в заключении 20 лет, причем исчисление этого срока начиналось через три месяца после его осуждения. Это решение было принято судьей на основе дискреционных полномочий, предоставленных ему согласно статье 7 (2) с) того же закона, в котором говорится, что

"в том случае, если убийство квалифицируется в качестве убийства, не караемого смертной казнью, судья может вынести решение в отношении срока отбытия заключения без права условно-досрочного освобождения и установить продолжительность такого срока".

6.4 В отношении побоев, которые, как утверждается, были нанесены 5 марта 1997 года, государство-участник указывает, что в тот день автор пытался совершить побег и что оно проведет дополнительное расследование обстоятельств этого инцидента, результаты которого будут представлены Комитету. Что касается общих условий содержания заключенных, то государство-участник отмечает, что, несмотря на содержание сообщений НПО, на которые ссылался автор, в этом вопросе нельзя допускать обобщений. Жалобы следует рассматривать на индивидуальной основе и с учетом конкретных обстоятельств

каждого отдельного случая. В этом контексте государство-участник обязуется расследовать условия содержания автора и заявляет, что результаты этого расследования будут представлены Комитету.

6.5 Что касается утверждения о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 14 в связи с напутствиями судьи первой инстанции для присяжных в отношении заявления, содержащего признание, и его принятием в качестве доказательства, то государство-участник вновь настаивает на том, что никакого нарушения не было. Государство-участник ссылается на прецеденты из практики Комитета⁴⁹ и заявляет, что в данном случае не было никакого отказа в правосудии. Государство-участник вновь подтверждает также свою позицию в отношении утверждения о нарушении пункта 3 е) статьи 14 на том основании, что якобы имело место запугивание двух потенциальных свидетелей защиты, и отмечает, что автор не представил никаких доказательств для обоснования этого утверждения. Кроме того, государство-участник утверждает, что никакого нарушения пункта 2 статьи 6 не было, поскольку судебный процесс был законным и проводился в соответствии с Пактом.

6.6 В отношении утверждения о нарушении пункта 5 статьи 14 в связи с тем, что не было сохранено заявление, в котором, как утверждает, содержалось признание автора, государство-участник заявляет, что решение по делу Уокера и Ричардса, на которое ссылается автор, не может использоваться для обоснования этого утверждения. Государство-участник указывает на различия между этими двумя случаями и отмечает, что в случае Уокера и Ричардса, несмотря на восемь отдельных запросов, Верховный суд уведомил представителей авторов о наличии судебных протоколов и решения Апелляционного суда – документов, необходимых при определении возможности подачи апелляции в Тайный совет, - с задержкой почти в пять лет. В рассматриваемом же случае копия заявления была предоставлена автору через три месяца после подачи его первого запроса. Государство-участник заявляет, что непредоставление оригинала заявления с признанием автора не лишило его права на пересмотр его осуждения и приговора в соответствии с пунктом 5 статьи 14. Государство-участник отмечает, что Тайный совет решил отклонить апелляцию автора невзирая на то, что одним из оснований для апелляции было то обстоятельство, что государство-участник не сохранило оригинала заявления, в котором, как утверждает, содержалось признание.

⁴⁹ Сообщение № 639/1995, Уокер и Ричардс против Ямайки, соображения, принятые 28 июля 1997 года; сообщение № 749/1997, Тэггерт против Ямайки, соображения, принятые 31 марта 1998 года.

6.7 В том что касается утверждения о нарушении пунктов 1, 2, 3 b), 3 d) и 5 статьи 14 в связи с порядком ведения апелляционной процедуры защитником автора, то государство-участник ссылается на решения по делам Е. Моррисон против Ямайки⁵⁰ и Смарт против Ямайки⁵¹ и отмечает, что государство-участник не может отвечать за ошибки, которые, как утверждается, были допущены адвокатом защиты, если суд не признал или не должен был признать, что поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия. Отмечается, что в рассматриваемом случае поведение защитника не лишало автора его права на правосудие и не составляло нарушения статьи 14.

7.1 В своих замечаниях от 12 апреля 1999 года адвокат поясняет, что автор признает тот факт, что постановление о смягчении приговора было зачитано ему 4 июля 1997 года, и отмечает, что он не имел намерения утверждать, что он не знал о причинах его перевода в основной сектор тюрьмы. Вместе с тем он указывает, что он не получил никакого официального подтверждения причин этого перевода.

7.2 Что касается утверждения о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 в связи с отсутствием определенности в отношении того, когда начинает исчисляться срок заключения без права условно-досрочного освобождения, то адвокат отмечает, что ответ государства-участника не вносит ясности в этот вопрос. Из замечания государства-участника о том, что решение по делу Р. против Энтони Льюиса применяется только к этому конкретному случаю, автор делает вывод, что такое решение (т.е. то, что такой срок начинает исчисляться через три месяца с даты осуждения) не будет применяться к другим сопоставимым случаям, включая его собственный. Отмечается, что если продолжительность минимального срока заключения без права условно-досрочного освобождения установлена в Законе о преступлениях против личности (с поправками) 1992 года, то "дата начала исчисления этого срока так и не была установлена или каким-либо образом разъяснена".

7.3 В отношении утверждений о побоях, нанесенных 5 марта 1997 года, и заявления государства-участника о том, что в этот день автор пытался совершить побег, автор отмечает, как это указано в его письменном показании под присягой от 14 июля 1997 года, что "хотя он и перепилил засов на двери камеры, камеры он не покидал, поскольку передумал совершать побег".

7.4 Что касается утверждения о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 14 в силу характера напутствий, данных судьей первой инстанции присяжным в отношении заявления, содержащего признание, и факта принятия этого заявления в качестве доказательства, то

⁵⁰ Сообщение № 635/1995, соображения, принятые 27 июля 1998 года.

⁵¹ Сообщение № 672/1995, соображения, принятые 29 июля 1998 года.

автор вновь настаивает на том, что эти напутствия судьи равносильны отказу в правосудии. Далее отмечается, что государство-участник не предприняло никаких усилий для того, чтобы разъяснить, почему это исключение из принципа, согласно которому Комитет не проводит повторной оценки фактов и доказательств, а также напутствий судьи первой инстанции, не применяется в рассматриваемом случае.

7.5 Касаясь вопроса об апелляции автора, а также о данных инструкциях и о характере их выполнения, адвокат отмечает, что прецеденты, указанные государством-участником, не имеют отношения к рассматриваемому делу, поскольку они "отличаются по существу фактов". Адвокат заявляет, что в деле Е. Моррисона против Ямайки утверждения относительно характера введения защиты автора в суде касались в основном того, что не была оспорена достоверность показаний определенных свидетелей. В деле Смарта против Ямайки защитник автора сообщения в рамках апелляционной процедуры упустил два основания для апелляции, но не все из них, как это имело место в рассматриваемом случае. Отмечается, что, в противоположность этим случаям, прецеденты, приводившиеся ранее автором, т.е. Келли против Ямайки и Коллинз против Ямайки, "имеют в своей основе аналогичные актуальные факты", как и в случае автора, поскольку в этих случаях адвокат "информировал Апелляционный суд об отсутствии оснований для апелляций заключенных без ведома этих заключенных и без их согласия на это". В связи с этим отмечается, что в данном случае Комитету также следует признать факт наличия нарушения статьи 14.

Дополнительное представление государства-участника, включая результаты проведенного им расследования

8.1 В своем представлении от 2 ноября 1999 года государство-участник вновь касается утверждений автора в отношении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 и представляет результаты проведенных им расследований. Что касается утверждения о нарушении статей 7 и 10 на основании якобы имеющей место неопределенности относительно начала исчисления срока заключения без права условно-досрочного освобождения применительно к автору, то государство-участник предлагает дополнительное разъяснение своей позиции. Согласно Закону о преступлениях против личности (с поправками) 1992 года, судья, проводящий пересмотр (реклассификацию) преступления, выносит решение об установлении срока, который должен истечь до приобретения права на условно-досрочное освобождение, если убийство квалифицировано как преступление, не караемое смертной казнью (т.е. срок заключения без права на условно-досрочное освобождение), и о его продолжительности. Таким образом, судья по своему усмотрению решает, какой срок должен отбыть в заключении осужденный в случае смягчения его приговора до приобретения права на условно-досрочное освобождение. Именно это имело место в случае автора, как и в случае Р. против Энтони Льюиса и всех других случаях, когда

имела место такая реклассификация. В связи с этим государство-участник вновь заявляет, что упомянутый Закон не создает неясности и что в этом аспекте в рамках данного дела не было никакого нарушения Пакта.

8.2 Что касается утверждения о побоях, то государство-участник заявляет, что 5 марта 1997 года автор совместно с тремя другими заключенными пытался совершить побег из тюрьмы. Как утверждается, перепилив железную решетку и засовы на дверях, они выбрались из камер, но их план был сорван и они были задержаны при попытке пройти через ворота в мастерскую. После этого все четверо заключенных были помещены в камеру № 19. Когда им было предложено покинуть эту камеру для проведения в ней обыска, они, как утверждается, отказались подчиниться и стали вести себя вызывающе, высказывая угрозы в адрес надзирателей и оскорбляя их. Государство-участник утверждает, что в течение последующих 15 минут надзиратели несколько раз повторяли приказ освободить камеру, но заключенные по-прежнему отказывались подчиниться и поэтому их пришлось выдворить силой. После их выдворения было обнаружено, что они хранили заостренную лопатку, обрез металлической трубы и два ножовочных полотна.

8.3 Государство-участник заявляет, что указанные телесные повреждения были получены заключенными в ходе их насильственного выдворения из камеры. После получения телесных повреждений заключенные были осмотрены врачом на территории тюрьмы. Врач направил их в госпиталь Спаниш-Тауна, где они были осмотрены д-ром Дональдом Нейлом. В своем заключении д-р Нейл констатировал, что автор поступил в госпиталь "с жалобами на последствия побоев, нанесенных ему тюремными надзирателями по различным частям тела... Осмотр показал, что пациент находится в полном сознании и имеет нормальные для молодого человека показатели жизненно важных функций. В нижней части спины имеются следы многочисленных ушибов, а в левой ее части на уровне грудной клетки отмечается припухлость, вызывающая болевые ощущения при прикосновении. В правой части теменной области головы – открытая рана длиной 4 см. Многочисленные ссадины на правом бедре и на передней поверхности левой голени, а также болезненная припухлость на средней трети правой голени. При рентгеноскопии черепа переломов не обнаружено. Введен столбнячный анатоксин и антибиотик, и наложены швы на рану головы. Показано последующее применение антибиотиков и болеутоляющих средств".

8.4 В заключение государство-участник признает, что 5 марта 1997 года, после попытки совершения побега из тюрьмы, автор действительно подвергся побоям. Вместе с тем оно отмечает, что эти побои были неизбежными, поскольку автор наряду с другими заключенными не подчинился указаниям тюремных надзирателей. В связи с этим государство-участник "отрицает тот факт, что инцидент, имевший место 5 марта, составляет нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10".

8.5 Государство-участник далее заявляет, что результаты проведенных расследований говорят о том, что заявления против директора тюрьмы являются ложными: "Никаких указаний об уничтожении и сжигании личных вещей [автора] не давалось. Соседи [автора] по камере... подтверждают это заключение, поскольку оба они заявили, что они не слышали, чтобы директор давал указания надзирателям уничтожить или сжечь вещи". Что касается приостановления привилегий автора, то государство-участник отмечает, что такое постановление было издано согласно статье 35 (1) Закона об исправительных наказаниях, в котором содержатся четкие положения о наказании за совершение серьезных и мелких правонарушений в условиях исправительных учреждений.

8.6 В отношении заявления автора о том, что в том секторе тюрьмы, куда он был переведен 4 июля 1997 года из блока для осужденных, ожидающих исполнения смертного приговора, среди заключенных широко распространены СПИД и ВИЧ, государство-участник отмечает, что в ходе опроса⁵² автор заявил, что ни разу за время его пребывания в тюрьме его не помещали в сектор, где среди заключенных широко распространены СПИД и ВИЧ. Кроме того, государство-участник заявляет, что, согласно тюремному досье автора, вскоре после смягчения его смертного приговора он был переведен из окружной тюрьмы Св. Екатерины в Исправительный центр Тауэр-стрит для совершеннолетних правонарушителей.

8.7 В отношении утверждения о том, что условия содержания автора в окружной тюрьме Св. Екатерины составляют нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта, и в частности утверждения о неадекватном уровне медицинского обслуживания в этой тюрьме, государство-участник заявляет, что на территории тюрьмы "имеется медицинский центр, в штат которого входят два дипломированных врача-практика - терапевт и психиатр. Имеется также дипломированный стоматолог. Этим врачам помогают сестра-хозяйка, являющаяся дипломированной медицинской сестрой, квалифицированный работник медико-социальной службы и несколько санитаров. Врач-терапевт находится в стенах медицинского центра ежедневно, а в часы вне дежурства он может быть вызван по телефону; стоматолог находится в медицинском центре три дня в неделю. Кроме того, когда заключенный обращается с жалобой медицинского характера, санитар организует для этого заключенного скорейший прием у врача. В случае серьезной жалобы, поступающей в отсутствие врача или когда с ним нельзя связаться по телефону, заключенный незамедлительно направляется в общий госпиталь Спаниш-Тауна". Таким образом, государство-участник отрицает, что в тюрьме нет медицинского обслуживания или его уровень является неадекватным в нарушение

⁵² Сведения о том, кто проводил опрос и в каких условиях, не приводятся.

статей 7 и 10. Кроме того, государство-участник отрицает, что камеры тюрьмы, как утверждает автор, не оборудованы санузлами, что тюрьма кишит паразитами и что санитарное состояние кухни и пекарни было признано неприемлемым.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

9.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

9.2 Комитет отмечает, что в своих представлениях государство-участник осветило существо сообщения. Это позволяет Комитету рассмотреть на данном этапе и приемлемость сообщения, и существо дела в соответствии с пунктом 1 правила 94 правил процедуры. Вместе с тем, согласно пункту 2 правила 94 правил процедуры, Комитет не принимает решения относительно существования сообщения, не рассмотрев приемлемость всех оснований приемлемости, указанных в Факультативном протоколе.

9.3 Что касается утверждения о том, что содержание автора в состоянии ожидания исполнения смертного приговора с 1992 по 1997 год представляет собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, то Комитет вновь ссылается на свою стандартную практику⁵³, согласно которой содержание в ожидании исполнения смертного приговора в течение определенного периода времени само по себе не составляет нарушения статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта при отсутствии дополнительных исключительных обстоятельств. Поскольку ни автор, ни его адвокат не указали на какие-либо подобные обстоятельства, Комитет признает эту часть сообщения неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола. С другой стороны, утверждения автора о нарушениях этих же положений как в связи с побоями, которые, как утверждается, имели место 5 марта 1997 года, так и в силу неудовлетворительных условий содержания автора в заключении в целом, по мнению Комитета, являются достаточно обоснованными для их рассмотрения по существу и в связи с этим признаются приемлемыми.

9.4 В отношении заявления автора о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 14 в связи с ненадлежащим характером напутствий, данных судьей первой инстанции присяжным по

⁵³ См., в частности, сообщения Комитета в отношении сообщения № 588/1994, *Эррол Джонсон против Ямайки*, принятые 22 марта 1996 года.

вопросам, указанным в пункте 3.4 выше, а также принятием заявления, содержащего признание, и показаний сотрудников полиции в качестве доказательства, Комитет вновь отмечает, что, хотя статья 14 и гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, рассмотрение фактов и доказательств в каждом конкретном случае обычно является прерогативой национальных судов. Аналогичным образом, прерогатива рассмотрения соответствия напутствий судьи для присяжных и характера ведения судебного разбирательства нормам внутреннего права принадлежит апелляционным судам государств-участников. Как указали также обе стороны, при рассмотрении вопроса о предполагаемых нарушениях статьи 14 в этом контексте Комитет может лишь рассматривать вопрос о том, не были ли напутствия судьи присяжным произвольными и не были ли они равносильны отказу в правосудии, а также не было ли в действиях судьи явного нарушения его обязанности быть беспристрастным. Представленный Комитету материал и заявления автора не говорят о том, что в напутствиях судьи присяжным или в характере проведения судебного разбирательства имелись какие-либо из подобных отклонений. Соответственно, эта часть сообщения является неприемлемой, поскольку автор не представил сообщения в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

9.5 В отношении утверждения о нарушении пункта 3 е) статьи 14 в силу того, что два указанных свидетеля были готовы дать показания в Апелляционном суде, но отказались от этого, поскольку были запуганы полицией, Комитет отмечает, что государство-участник оспорило утверждения автора, а автор не привел каких-либо доказательств для их обоснования и ничего не сообщил о том, какие новые доказательства представили бы эти свидетели. Кроме того, представленный Комитету материал показывает, что адвокату автора в Апелляционном суде лорду Джиффорду была предоставлена отсрочка на десять месяцев для опроса одного из потенциальных свидетелей и сбора любых других новых доказательств. Однако во время слушания лорд Джиффорд не упомянул о каком-либо запугивании свидетелей защиты со стороны полиции. В этих условиях Комитет постановляет, что данное заявление является неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола за отсутствием подтверждающих доказательств.

9.6 Комитет признает остальные утверждения по статье 14 приемлемыми и переходит к рассмотрению существа всех приемлемых утверждений в свете информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.1 Автор заявил о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 на основании характера условий заключения, в которых он содержался в окружной тюрьме Св. Екатерины. В порядке обоснования этого заявления автор сослался на три сообщения НПО, указанные в пункте 3.2 выше. Комитет отмечает, что автор указывает на бесчеловечные и

унижающие достоинство условия содержания в этой тюрьме в целом, такие, как полное отсутствие в камерах матрасов, других постельных принадлежностей и мебели, острая нехватка мыла, зубной пасты и туалетной бумаги, очень низкое качество питания, отсутствие в камерах санузлов, наличие открытых отхожих мест и куч отходов, а также отсутствие врачей, в связи с чем медицинские проблемы решаются надзирателями, которые имеют весьма ограниченную подготовку. Помимо сообщений НПО, адвокат ссылается на заявления заключенных, согласно которым тюрьма буквально кишит паразитами, а пища по-прежнему готовится на кухне и в пекарне, санитарное состояние которых уже много лет назад было признано неприемлемым. В дополнение к этим утверждениям автор особо указал также на то, что он проводил в своей камере по 22 часа в сутки, находясь в искусственной темноте, в изоляции от других людей и не имея ничего, чем бы можно было себя занять.

10.2 Комитет отмечает, что в отношении этих заявлений государство-участник оспорило лишь то, что в тюрьме нет надлежащего медицинского обслуживания, что она наводнена паразитами и что санитарное состояние кухни и пекарни было признано неприемлемым. Остальные заявления, сделанные автором, остаются неоспоренными, и в этих условиях Комитет постановляет, что имело место нарушение пункта 1 статьи 10.

10.3 Что касается заявления автора о том, что 5 марта 1997 года он был избит несколькими надзирателями окружной тюрьмы Св. Екатерины, то Комитет отмечает, что в результате проведенных расследований по этому заявлению государство-участник констатировало, что побои были неизбежными, поскольку автор и три других заключенных отказались подчиниться неоднократным приказам покинуть конкретную камеру. Вместе с тем Комитет отмечает также, что медицинское заключение, представленное государством-участником, согласно которому автор получил травмы головы, спины, грудной клетки и ног, по всей видимости, говорит о том, что воздействие, которому подвергся автор, выходит за рамки того, что является необходимым для насильственного выдворения заключенного из камеры. В связи с этим Комитет делает вывод, что имело место чрезмерное применение силы в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

10.4 Автор заявил, что статьи 7 и пункт 1 статьи 10 были также нарушены в силу "сохраняющейся неопределенности" относительно продолжительности срока заключения без права условно-досрочного освобождения, который должен отбыть автор. Комитет отмечает, что стороны, как представляется, согласны с тем, что после смягчения приговора автора последний должен отбыть в заключении без права условно-досрочного освобождения семь лет. Однако ни одна из сторон не представила Комитету копию решения по этому вопросу. Комитет отмечает, что, согласно утверждению государства-участника, нет никакой неопределенности в отношении того, когда начинается исчисление

этот срок, однако оно по сути не указало четкой даты, с которой он начал исчисляться в случае автора. Однако в свете приведенного законодательства и разъяснения государства-участника представляется очевидным, что при отсутствии иного решения срок заключения без права условно-досрочного освобождения начинается не позднее даты смягчения приговора. Комитет не считает, что какая-либо неопределенность, которая может иметься у автора в отношении того, началось ли исчисление этого срока в этот день или в какой-либо момент до этого, может составлять жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание в нарушение Пакта.

10.5 В отношении утверждения о нарушении пунктов 1, 2, 3 b), 3 d) и 5 статьи 14 в силу того, что автор не был должным образом представлен в ходе процедуры апелляции, Комитет отмечает, что, как это было справедливо указано адвокатом, в своих предшествующих решениях Комитет констатировал нарушения пунктов 3 d) и 5 статьи 14, когда адвокат не использовал все основания для апелляции, а суд не устанавливал, что это соответствует пожеланиям клиента. Однако в данном случае такой прецедент неприменим, поскольку, согласно материалам, которыми располагает Комитет, Апелляционный суд установил, что податель апелляции был информирован и согласился с тем, что никаких аргументов, которые могли бы быть выдвинуты от его имени, не имеется. В этом отношении Апелляционный суд отмечает:

"Королевский адвокат лорд Джиффорд информировал суд, что, несмотря на все приложенные им усилия, он по-прежнему твердо считает, что не имеется никаких доводов, которые он мог бы выдвинуть от имени подателя апелляции, и что он также информировал об этом подателя апелляции и тот согласился с мнением адвоката".

10.6 Комитет отмечает также, что из письма от 27 декабря 1995 года, направленного лордом Джиффордом нынешнему адвокату автора, которое прилагается к первоначальному сообщению автора, явствует, что в решении Апелляционного суда содержится точная констатация фактов, поскольку лорд Джиффорд заявил, что он на протяжении приблизительно года несколько раз обсуждал это дело с автором и информировал его, что он не видит смысла в апелляции, если они не приведут новых доказательств. Он предлагал также автору запросить еще одно заключение по этому вопросу. Однако, даже если бы, как утверждает автор, он не согласился с заключением его адвоката, ответственность за это нельзя возлагать на государство-участник. В представленном ему материале Комитет не усматривает также ничего, что говорило бы о том, что поведение адвоката является несовместимым с интересами правосудия. В этом отношении Комитет, вопреки тому, о чем утверждал автор, отмечает, что была предоставлена десятимесячная отсрочка для сбора новых доказательств, однако за этот срок никаких новых доказательств адвокату найти не удалось. По мнению Комитета,

в этом опять же нет никакой вины государства-участника, и он заключает, что в этом обстоятельстве нет никакого нарушения пунктов 3 d) и 5 статьи 14.

10.7 Признавая тот факт, что в интересах обеспечения эффективного осуществления права на пересмотр осуждения какого-либо лица государство-участник обязано сохранять достаточный подтверждающий материал для возбуждения такого пересмотра, Комитет не видит оснований считать, что, как на это указывал адвокат, несохранение какого-либо подтверждающего материала до завершения апелляционной процедуры составляет нарушение пункта 5 статьи 14. По мнению Комитета, пункт 5 статьи 14 будет нарушен лишь в том случае, если такое несохранение наносит ущерб праву осужденного на пересмотр, т.е. в тех ситуациях, когда рассматриваемое доказательство является необходимым для проведения такого пересмотра. Отсюда следует, что рассмотрение этого вопроса в основном является прерогативой апелляционных судов.

10.8 В данном случае факт несохранения государством-участником оригинала заявления, содержащего признание, был одним из оснований для апелляции в Судебный комитет Тайного совета, который, тем не менее, признал, что для апелляции нет никаких оснований и отклонил ходатайство без каких-либо дополнительных разъяснений. Комитет по правам человека не может заново оценивать заключение Юридического комитета по этому вопросу и считает, что в этом отношении не было никакого нарушения пункта 5 статьи 14.

11. Комитет по правам человека, действуя согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что изложенные перед ним факты свидетельствуют о нарушениях статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано представить г-ну Робинсону эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем.

13. Став государством-участником Факультативного протокола, Ямайка признала компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта. Рассматриваемое дело было представлено на рассмотрение до 23 января 1998 года, когда вступила в силу ее денонсация Факультативного протокола; в соответствии с пунктом 2 статьи 12 Факультативного протокола положения Факультативного протокола продолжают применяться к данному сообщению. Согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в этом Пакте, и предоставлять эффективное и

действенное средство правовой защиты в случаях установления факта нарушения. Комитет желает получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для реализации соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать соображения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Особое мнение члена Комитета Луиса Хенкина

Я согласен с заключением Комитета (пункт 9.3), что, в соответствии с прецедентными решениям Комитета, которые выносились в предшествующих случаях, обстоятельства данного дела не составляют нарушения статьи 7 Пакта государством-участником.

Как и некоторые мои коллеги, я по-прежнему озабочен тем, как Комитет формулирует соответствующие принципы, но не считаю рассмотрение данного дела надлежащим случаем для их пересмотра и переформулирования.

(подпись) Луис Хенкин

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

L. Сообщение № 759/1997, Осбурн против Ямайки
(Соображения приняты 15 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: Джорджем Осбурном (представлен С. Лерфреундом из лондонской юридической фирмы "Саймонс Мюирхед энд Бёртон")

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Ямайка

Дата сообщения: 12 июня 1997 года (первоначальное представление)

Предыдущие решения: Решение Специального докладчика в соответствии с правилом 86/91, препровожденное государству-участнику 23 июня 1997 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 15 марта 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 759/1997, представленного Комитету по правам человека г-ном Джорджем Осбурном в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующие:

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-н Роман Верушевский, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Абдалла Захья, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Экарт Кляйн, лорд Колвилл, г-н Дэвид Крецмер, г-н Райджсумер Лаллах, г-н Луис Хенкин, г-жа Кристина Шане, г-н Мартин Шейнин, г-жа Элизабет Эват и г-н Макссуэлл Ялден.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения, Джордж Осбурн, является ямайским гражданином и в настоящее время находится в Кингстонской тюрьме общего режима на Ямайке. Он утверждает, что стал жертвой нарушения Ямайкой статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет г-н Сол Лерфреунд из лондонской юридической фирмы "Саймонс Мюирхед энд Бёртон".

Факты в изложении автора

2.1 В октябре 1994 году Вестморлендский окружной суд в Саванна-ла-Мар признал автора вместе с его сообщником виновными в незаконном владении огнестрельным оружием, разбойном нападении при отягчающих обстоятельствах и преднамеренном нанесении телесных повреждений. Он был приговорен к 15 годам лишения свободы с исправительно-трудовыми работами и 10 ударам розгами.

2.2 Апелляция автора на приговор к наказанию была рассмотрена и отклонена 25 сентября 1995 года. Адвокат автора утверждает, что он не смог найти материалы слушания дела в Апелляционном суде и что он не был в письменном виде ознакомлен с причинами отклонения апелляции.

2.3 Адвокат утверждает, что заявитель не имеет возможности подать конституционную жалобу в Верховный (конституционный) суд Ямайки, поскольку для этого у него нет личных средств, а юридическая помощь в подобных делах не предоставляется. Адвокат ссылается на решение Комитета по правам человека, неоднократно отвергавшего утверждение правительства Ямайки о том, что в соответствии с Факультативным протоколом для исчерпания всех внутренних средств правовой защиты заявитель должен подать конституционную жалобу в Верховный (конституционный) суд Ямайки.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что такое наказание, как сечение розгами, является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство и тем самым идет вразрез с требованиями статьи 7 Пакта⁵⁴.

⁵⁴ Со ссылкой на зимбабвийские решения по делу С.В. Нкубе и другие и С.В. несовершеннолетний, решение Барбадоса по делу Хобс и Митчел против Р. и постановление Европейского суда по правам человека в деле Тайрер против Соединенного Королевства.

3.2 Адвокат утверждает, что в Конституции Ямайки 1962 года по-прежнему содержится положение, разрешающее порку и сечение. Соответствующие законодательные положения в отношении порки и сечения закреплены в законе о порядке наказания поркой 1903 года, законе о предотвращении преступлений 1942 года и разделе 4 Уложений и инструкций от 26 января 1965 года. Утверждается, что в отсутствие более подробных норм по сравнению с теми, которые закреплены в Уложениях и инструкциях, применяемая на практике процедура в значительной степени оставлена на усмотрение тюремных органов. В этой связи адвокат ссылается на письменное показание под присягой Е.П. – бывшего узника Кингстонской тюрьмы общего режима на Ямайке.

3.3 В своем письменном показании г-н Е.П. утверждает, что 8 августа 1994 года он признал себя виновным в преднамеренном нанесении телесных повреждений и был приговорен к четырем годам исправительно-трудовых работ и шести ударам розгами. Он должен был выйти из тюрьмы 1 марта 1997 года, после того как срок его заключения был уменьшен на одну треть за хорошее поведение. Накануне освобождения в его камеру вошли свыше 12 тюремных надзирателей, которые увели его в другое отделение тюрьмы. Когда он понял, что его хотят подвергнуть порке, он стал протестовать, и в результате один из сотрудников тюрьмы нанес ему удар в живот. Затем его схватили, завязали ему глаза и приказали снять одежду с нижней части тела. После этого его заставили лечь грудью на бочку, и один из надзирателей вставил его половой орган в прорезь в бочке. Затем его привязали в этом положении и били по ягодицам предметом, который он не мог видеть. Е.П. утверждает, что при его порке присутствовало неоправданно большое число тюремных надзирателей (25), с тем чтобы еще более унижить его. Он утверждает также, что единственным присутствовавшим при этом человеком, не являвшимся сотрудником тюрьмы, был доктор, который даже не осмотрел его после порки.

3.4 Утверждается также, что специфика процедуры наказания поркой на Ямайке, как видно на примере Е.П., в том числе разрыв во времени между вынесением приговора и приведением его в исполнение, усиливающий душевные страдания, большое число и личность свидетелей наказания, унижающие достоинство наказываемого, отсутствие в момент наказания свидетелей, представляющих интересы заключенного, а также унижение его достоинства в результате привязывания его обнаженным к бочке делают процедуру наказания еще более унижительной.

3.5 Адвокат утверждает, что телесные наказания не практиковались на Ямайке в течение 25 лет до 1994 года и что хотя рост числа серьезных преступлений на Ямайке и выдвигался в качестве оправдания возобновления практики телесных наказаний, эмпирические данные говорят о том, что эта мера не оказала никакого сдерживающего воздействия. Адвокат отмечает далее, что в положении 9 закона о порядке наказания поркой 1903 года говорится, что "ни при каких обстоятельствах наказание поркой

не может назначаться женщине". Он утверждает, что, если бы целью этого положения было предотвращение преступлений, такого исключения сделано бы не было.

Представление государства-участника и замечания по нему адвоката

4.1 В своем представлении 28 августа 1997 года государство-участник оспаривает приемлемость сообщения на основании пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, утверждая, что автор не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, поскольку он не обращался в Судебный комитет Тайного совета.

4.2 Без ущерба своему ответу в отношении приемлемости государство-участник, касаясь фактов дела, попросту отрицает, что статьи 7 и 10 были нарушены в результате назначения автору наказания поркой, поскольку соответствующее законодательство, например закон о порядке наказания поркой и закон о предотвращении преступлений, защищается от неконституционности разделом 26 Конституции.

5.1 В своем представлении от 13 ноября 1997 года автор утверждает, что замечания государства-участника являются необоснованными и что его сообщение является приемлемым. В этой связи адвокат указывает на отсутствие материалов рассмотрения дела в Апелляционном суде 25 сентября 1995 года, а также письменных объяснений причин отклонения апелляции. Кроме того, адвокат указывает на то, что автор не обратился в Тайный совет по рекомендации юриста г-на Хью Дэвиса. Г-ну Дэвису было предложено высказать свое мнение в отношении оправданности ходатайства о получении специального разрешения на подачу апелляции в Судебный комитет Тайного совета. В своей рекомендации, копия которой была представлена Комитету, он разъясняет, что конституционность приговора может быть оспорена лишь путем подачи конституционной жалобы в соответствующие ямайские суды, на что у лондонского адвоката не имеется необходимых полномочий. В этих условиях г-н Дэвис сообщил автору, что у него нет разумных оснований рассчитывать на то, что ходатайство о подаче апелляции будет удовлетворено.

5.2 Автор также признает, что подача конституционной жалобы в Верховный суд Ямайки в данном случае также не представлялась возможной. Адвокат утверждает, что отсутствие личных средств и юридической помощи или услуг юристов, которые согласились бы работать бесплатно, не позволяло подать такую жалобу, которая, с учетом сложности Конституции как правового документа, безусловно, требует участия специалистов-юристов, для того чтобы иметь шансы на успех. В заключение признается, что по причине недоступности юридической помощи автор не мог обратиться в Конституционный суд Ямайки, и в этой связи можно считать, что все внутренние средства правовой защиты были полностью исчерпаны.

5.3 Что касается конкретных обстоятельств дела, адвокат считает, что ссылка государством-участником на свою Конституцию не защищает приговор от обжалования в случае нарушения статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Конвенции.

Новая претензия, поданная автором

6.1 В своем письме от 6 января 1998 года автор направил новую претензию, согласно которой 13 декабря 1997 года он был жестоко избит тремя надзирателями в Кингстонской тюрьме общего режима.

6.2 Автор утверждает, что 13 декабря 1997 года один из заключенных, напав на автора вместе с тремя другими заключенными, нанес ему удар ножом в спину. Автор сообщил об этом надзирателю и был направлен к капралу, который якобы попросил автора назвать имена нападавших. По словам автора, он назвал имена трех нападавших, у которых капрал изъял два ножа и пестик для колки льда. Затем он начал избивать заключенного, сознавшего в том, что он нанес удар ножом автору. Однако после нескольких минут избиения заключенный якобы стал утверждать, что автор спровоцировал его, напав на него с ножом первым. Хотя, по словам автора, это было неправдой, капрал тем не менее начал избивать его. К этому якобы присоединились два других надзирателя, и автора избивали до тех пор, пока он не потерял сознание. Он утверждает, что помнит, как из его носа и рта текла кровь и что он очнулся лишь в автомобиле по дороге в Кингстонскую государственную больницу.

6.3 Автор утверждает, что побои вызвали у него внутреннее кровотечение и что он находился на излечении в больнице до 16 декабря 1997 года. По его словам, 15 декабря 1997 года его посетили несколько полицейских из Эллистонского дорожного полицейского участка, которые взяли его показания. Он утверждает также, что после выхода из больницы он сделал заявление помощнику начальника тюрьмы. Однако на все его последующие просьбы встретиться с начальником тюрьмы он получил отказ.

6.4 Письмо автора было направлено государству-участнику с просьбой представить свои замечания, с тем чтобы Комитет мог рассмотреть все жалобы одновременно.

Представление государства-участника по новой претензии

7.1 В своей ноте от 2 ноября 1998 года государство-участник сообщило, что Департаменту исправительных учреждений было поручено расследовать новые претензии и что результаты этого расследования будут доведены до сведения Комитета, как только они станут известны.

7.2 В своем представлении от 17 мая 1999 года государство-участник препровождает результаты проведенных расследований и отрицает какие-либо нарушения Пакта. Государство-участник признает, что в заключении о нанесении травмы от 13 декабря 1997 года, полученном из исправительного центра для совершеннолетних "Тауэр стрит", указывается, что один из заключенных нанес удар ножом автору, который был доставлен в тюремный госпиталь для оказания первой помощи, а затем Кингстонскую государственную больницу, где он находился на излечении до 15 декабря 1997 года. В медицинском заключении, выданном доктором Н. Грэхэмом, главным хирургом Кингстонской государственной больницы, копия которого прилагается к представлению государства-участника, говорится, что автор "не терял сознания, не страдал одышкой, его не рвало и он не отхаркивал кровь". Кроме того, в заключении указывается, что нанесенная ему травма представляла собой ножевое ранение в грудную клетку. Ни о каких травмах, полученных в результате избиения, не сообщается.

7.3 Далее государство-участник утверждает, что должностное лицо, о котором идет речь ("капрал"), отрицает факт применения какой-либо силы против автора в указанную дату. Он признает лишь то, что задал автору вопрос, имеется ли у него нож. Другой надзиратель, присутствовавший в ходе якобы имевшего место инцидента, также признает, что автору был задан вопрос, имелся ли у него нож. Этот надзиратель якобы утверждает, что тюремные сотрудники задали автору вопрос, подозревая, что у него имеется нож, и признает, что для его изъятия к нему была применена некоторая сила. Однако он утверждает, что по причине имевшихся у автора травм силовое воздействие на него оказывалось недолго. Этот надзиратель не может вспомнить, находилось ли при этом рядом с ним вышеупомянутое должностное лицо.

7.4 В заключение, основываясь на результатах расследования, государство-участник утверждает, что должностное лицо ("капрал") не избивало автора 13 декабря 1997 года. Государство-участник признает, что для того, чтобы проверить, имелся ли у автора нож, на него было оказано силовое воздействие, которое не было ни чрезмерным, ни таким сильным, как утверждает автор. Далее оно указывает на то, что медицинское заключение также доказывает, что чрезмерная сила к автору не применялась, поскольку на его теле не было обнаружено никаких иных телесных повреждений кроме ножевого ранения.

Рассмотрение вопроса о приемлемости и фактов дела по существу

8.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из статьи 87 своих правил процедуры, решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом Пакта.

8.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает приемлемость первоначальной жалобы, утверждая, что не все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, поскольку автор не обращался в Судебный комитет Тайного совета. Комитет обращает внимание на свою неизменную позицию, согласно которой для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола внутренние средства правовой защиты должны быть как эффективными, так и доступными. Что касается имеющейся у автора возможности оспорить законность вынесенного ему приговора, Комитет обращает внимание на утверждение его адвоката о том, что оспорить законность приговора можно лишь подав конституционную жалобу в ямайские суды и что жалоба в Судебный комитет Тайного совета по данному вопросу не имела бы никаких шансов на успех. Комитет отмечает также, что в своих замечаниях по вопросу приемлемости государство-участник лишь в одной фразе указывает на возможность обратиться в Тайный совет, ничего не говоря о том, является ли такое средство правовой защиты эффективным и доступным, и никак не комментируя утверждения адвоката на этот счет. В этих условиях Комитет считает, что обращение с жалобой в Судебный комитет Тайного совета для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола нельзя считать доступным и эффективным средством правовой защиты.

8.3 Что касается имевшейся у автора возможности подать конституционную жалобу, Комитет отмечает, что государство-участник никак не прокомментировало этот вопрос, и, опираясь на сложившуюся правовую практику, считает, что в отсутствие юридической помощи конституционная жалоба в данном случае не может рассматриваться в качестве доступного и эффективного средства правовой защиты. В заключение Комитет считает, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не запрещает ему рассмотреть первоначальную жалобу.

8.4 Отмечая, что государство-участник не оспаривало приемлемость новой жалобы, Комитет также объявляет эту жалобу приемлемой и в свете информации, представленной ему сторонами, и в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола он приступает к рассмотрению существа признанных приемлемыми жалоб.

9.1 Автор утверждает, что наказание розгами представляет собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство наказание и что приговор был вынесен ему в нарушение его прав, закрепленных в статье 7 Пакта. Государство-участник оспаривает жалобу на том основании, что внутреннее законодательство, регулирующее порядок применения телесных наказаний, защищается от неконституционности разделом 26 Конституции Ямайки. Однако Комитет указывает, что конституционность приговора не является достаточным условием выполнения требований Пакта. Допустимость приговора в соответствии с требованиями национального права не означает, что он не противоречит требованиям Пакта. Независимо от характера подлежащего наказанию преступления,

каким бы жестоким оно ни было, Комитет твердо убежден в том, что телесные наказания представляют собой жестокий, бесчеловечный и унижающий достоинство вид обращения и наказания, противоречащий статье 7 Пакта. Комитет считает, что, назначив наказание розгами, государство-участник нарушило права автора, закрепленные в статье 7.

9.2 Что касается жалобы автора на то, что 13 декабря 1997 года он был жестоко избит тремя надзирателями Кингстонской тюрьмы общего режима, Комитет отмечает, что в ходе расследования этих утверждений государство-участник установило, что надзиратели оказали на автора лишь такое силовое воздействие, которое было необходимо для того, чтобы убедиться в отсутствии у него ножа. Кроме того, государство-участник представило Комитету копии медицинских отчетов, в которых ничего не говорится о травмах, которые якобы были нанесены автору в результате избиения. Основываясь на имеющихся в его распоряжении материалах, Комитет не усматривает в этом случае никакого нарушения требований Пакта.

10. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах.

11. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта Государство-участник обязано обеспечить г-ну Осбурну эффективное средство правовой защиты и предоставить ему компенсацию за это нарушение. Государство-участник обязано также воздерживаться от приведения в исполнение приговора, предусматривающего порку г-на Осбурна. Государству-участнику следует не допускать аналогичных нарушений в будущем посредством отмены законодательных положений, разрешающих телесные наказания.

12. Став государством – участником Факультативного протокола, Ямайка признала компетенцию Комитета устанавливать факты нарушения Пакта. Это дело было представлено на рассмотрение до 23 января 1998 года, когда вступило в силу решение Ямайки денонсировать Факультативный протокол; в соответствии с пунктом 2 статьи 12 Факультативного протокола к данному сообщению продолжают применяться положения Факультативного протокола. В соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признанные в Пакте. Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых по Соображениям Комитета. К государству-участнику обращается также просьба опубликовать Соображения Комитета.

[Принято на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

М. Сообщение № 760/1997, Я.Г.А. Диргардт и другие против Намибии
(Соображения приняты 25 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: Г-ном Я.Г.А. Диргардтом (покойный староста общины "Рехобот бастер")
и другими (представлены их международным защитником д-ром И.Я.Д.
Петерсом)

Предполагаемая жертва: Авторы сообщения

Государство-участник: Намибия

Дата сообщения: 17 ноября 1996 года (первоначальное представление)

Дата решения о приемлемости: 7 июля 1998 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 25 июля 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 760/1997, представленного Комитету по
правам человека г-ном Г.А. Диргардтом и другими в соответствии с Факультативным
протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором
сообщения и государством-участником,

принимает следующие:

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н П.Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья. Семь особых мнений, подписанных семью членами Комитета прилагаются к настоящему документу в качестве добавления.

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения являются староста общины "Рехобот бастер" г-н Я.Г.А. Диргардт⁵⁵, исполняющий обязанности старосты общины "Рехобот бастер" г-н Д.Я. Изакс, члены законодательного совета общины "Рехобот бастер" г-н Виллем ван Вейк и Ян Эдвард Стумпфе, спикер общины "Рехобот бастер" г-н Андреас Якобус Бренделл и члены общины "Рехобот бастер" г-н Я. Маутон и Джон Чарльз Александр Макнаб. Они представляют сообщение от собственного имени и от имени общины "Рехобот бастер" и утверждают, что являются жертвами нарушения Намибией статей 1, 14, 17, 25 (пункты а) и с)), 26 и 27 Пакта. Их представляет их международный адвокат д-р Й.Я.Д. Петерс.

Факты в изложении авторов

2.1 Члены общины "Рехобот бастер" являются потомками коренных поселенцев из числа кхои и африканеров, которые первоначально жили в районе Южной Африки, но в 1872 году переселились на занимаемую ими сейчас территорию. Община управлялась на основе "патерналистских законов", которые предусматривали выборы старосты и определенные права и обязанности граждан. В настоящее время община насчитывает примерно 35 000 человек и располагается на территории (к югу от Виндхука) площадью в 14 216 кв. км. На этой территории они создали собственное общество и развивают собственную культуру, язык и экономику, поддерживая благодаря этому функционирование соответствующих структур, включая, в частности, школы и общинные центры.

2.2 Их независимость сохранялась на протяжении всего периода колониального господства Германии в Намибии и была признана Южной Африкой, когда Юго-Западная Африка стала ее подмандатной территорией. Вместе с тем в 1924 году вследствие несогласия общины "бастеров" с заключенным с Южной Африкой соглашением по поводу административного управления районом Рехобот, южноафриканское правительство приняло постановление № 31, в соответствии с которым все полномочия старосты, судов и назначаемых советом должностных лиц передавались магистрату и магистратскому суду, что означало приостановку действия соглашения о самоуправлении. Создание в 1933 году консультативного совета, члены которого избирались общиной, ознаменовало собой начало постепенного процесса восстановления системы местного самоуправления в той или иной форме.

⁵⁵ 10 мая 1998 года Комитет был уведомлен о кончине старосты Диргардта и о назначении г-на Д. Изакса временной главой общины.

2.3 В соответствии с Законом № 56, принятым южноафриканским парламентом в 1976 году, населению Рехобота было предоставлено "право самоуправления в соответствии с Патерналистским законом 1872 года". Этот Закон предусматривал проведение каждые пять лет выборов старосты, который назначал членов кабинета. Принимаемые кабинетом законы подлежали одобрению "Волксрадом" (народным советом) в составе девяти членов.

2.4 Согласно представленной адвокатом информации, в 1989 году члены общины "Рехобот бастер" под жестким политическим давлением согласились временно передать свои законодательные и исполнительные полномочия лично Генеральному администратору Юго-Восточной Африки в соответствии с положениями резолюции 435 (1978) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. В постановлении совета Рехобота от 30 июня 1989 года Генеральному администратору было предложено управлять территорией в качестве представителя старосты и не принимать никаких применимых к Рехоботу законов или нормативных актов без согласия старосты, кабинета и совета; по завершении срока действия мандата власти Рехобота возобновляют свои полномочия. Официальное заявление Генерального администратора от 30 августа 1989 года о передаче законодательных и исполнительных полномочий властей Рехобота предусматривает приостановку полномочий законодательного совета и совета старосты Рехобота "вплоть до момента обретения территорией независимости". Это означает, что действие постановления о передаче полномочий истекает за день до обретения Намибией независимости и что 20 марта 1990 года на территории Рехобота восстанавливается традиционный правопорядок и вновь вступает в силу Закон № 56 от 1976 года. Резолюция о восстановлении полномочий старосты, его совета и законодательного совета была принята на собрании жителей Рехобота 20 марта 1990 года. 21 марта 1990 года Намибия обрела статус независимого государства, и Конституция вступила в силу.

2.5 Авторы заявляют, что правительство Намибии не признало их независимость и не захотело восстановить прежний статус общины, а вместо этого экспроприировало все коммунальные земли на основании приложения 5 к Конституции, в котором, в частности, говорится следующее:

"1) Вся собственность, владение или управление которой вплоть до даты обретения независимости осуществлялась правительством территории Юго-Западной Африки или любым представительным органом власти, учрежденным в соответствии с Постановлением о представительных органах власти (постановление Генерального администратора № 8 от 1990 года), или правительством Рехобота или каким-либо иным статутным или другим органом, учрежденным любым таким правительством или административным органом или от его имени вплоть до даты

обретения независимости, или которая находилась под попечительством в интересах или от имени правительства независимой Намибии, переходит под контроль правительства Намибии.

..."

По мнению адвоката, вышеуказанное означает полную ликвидацию средств существования общины, поскольку община была лишена своих коммунальных земель и собственности.

2.6 22 июня 1991 года жители Рехобота провели общие выборы старосты, совета и собрания в соответствии с патерналистскими законами. На новые органы была возложена задача по защите общинной собственности любой ценой. В этой связи община "Рехобот бастер" и ее староста возбудили в Высоком суде судебное дело в отношении правительства Намибии. 22 октября 1993 года суд признал за общиной право на обращение в судебные органы. Адвокат утверждает, что это означает косвенное признание судом общины "Рехобот бастер" в качестве самостоятельного народа. Вместе с тем 26 мая 1995 года Высокий суд отклонил иск общины о возвращении общинной собственности. 14 мая 1996 года Верховный суд оставил без удовлетворения поданную общиной "бастеров" апелляцию. В этой связи адвокат заявляет, что все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

2.7 Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Намибии 28 февраля 1995 года.

Жалоба

3.1 Адвокат заявляет, что правительство продолжает конфискацию собственности общины "Рехобот бастер" и что староста, а также другие руководители и организации были выселены из резиденции старосты, административных учреждений, общинного центра и лишены коммунальных земель и земель, принадлежащих ассоциации "Рехобот девелопмент корпорэйшн". Адвокат заявляет, что такая политика угрожает существованию общины в качестве традиционного коллектива, занимающего по преимуществу скотоводством. Он поясняет, что во времена засухи (как это было, в частности, на момент представления настоящего сообщения) община нуждается в коммунальных землях, которые поочередно передаются членам общины под пастбище. Экспроприация коммунальных земель и последующая ее приватизация, а также чрезмерная ее эксплуатация неопытными переселенцами привела к банкротству многих скотоводов общины, которые были вынуждены забивать свой скот. В этой связи они не в состоянии выплачивать проценты по займам, предоставленным им ассоциацией

"Девелопмент корпорэйшн" (которая ранее находилась в общинной собственности, но была конфискована правительством), их дома переходят в собственность банков, а сами они становятся бездомными. Адвокат подчеркивает, что конфискация всего имущества, находившегося в коллективной собственности общины, лишило общину ее экономической базы, на основе которой она развивала свою культурную, социальную и этническую самобытность. В этой связи адвокат утверждает, что это является нарушением статьи 27.

3.2 В этом контексте авторы утверждают, что являются жертвами нарушения правительством Намибии статьи 1 Пакта. Они отмечают, что Высокий суд Намибии признал их в качестве самобытной общины, обладающей правовым статусом. Они утверждают, что было нарушено их право на самоопределение в пределах Республики Намибии (так называемое внутреннее самоопределение), поскольку им не разрешается осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие и свободно пользоваться естественными богатствами и ресурсами общины. Принятие в 1996 году законодательства о районных административных органах поставило крест на 124-летнем существовании Рехобота в качестве цельной и упорядоченной территории. В настоящее время эта территория разделена на два района, что не позволяет членам общины "бастеров" эффективно участвовать в государственной жизни на районном уровне, поскольку в обоих новых округах они составляют меньшинство. Адвокат утверждает, что это представляет собой нарушение статьи 25 Пакта.

3.3 Авторы далее заявляют о нарушении статьи 14 Пакта, поскольку в качестве языка судопроизводства им был навязан английский язык, которым они обычно не пользуются и которым они недостаточно хорошо владеют. Кроме того, им было предложено представить заверенные переводы всех документов с изложением своих претензий (все они были составлены на языке африкаанс), что связано с крупными финансовыми затратами. В этой связи они заявляют о нарушении их права на равенство перед судами, поскольку в соответствии с судебными нормами предпочтение отдается гражданам, говорящим на английском языке.

3.4 В этой связи адвокат отмечает, что статья 3 Конституции провозглашает английский язык в качестве единственного официального языка Намибии. Пунктом 3 этой статьи разрешается использование других языков на основе законодательных актов парламента. Адвокат заявляет, что, хотя с момента провозглашения независимости прошло семь лет, такое законодательство еще не было принято, и утверждает, что это представляет собой дискриминацию в отношении граждан, не говорящих на английском языке. По мнению адвоката, попытки оппозиционных партий принять такое законодательство торпедируются правительством, которое заявляет, что оно не намеревается осуществлять какие-либо законодательные инициативы по данному вопросу. В этой связи адвокат

ссылается на перепись населения 1991 года, согласно которой лишь 0,8% населения Намибии пользуются английским в качестве своего родного языка.

3.5 Вследствие вышеизложенного авторы не имеют возможности пользоваться родным языком в административной сфере⁵⁶, в сфере правосудия, образования и государственной жизни. Все это, как утверждается, является нарушением их прав, предусмотренных в статьях 26 и 27 Пакта.

3.6 Авторы далее заявляют о нарушении статьи 17 Пакта, поскольку они вместе с принадлежащим им скотом были выдворены с земель, которыми они владели на правах коллективной собственности.

3.7 Адвокат просит Комитет применить предварительные средства защиты в соответствии с правилом 86 правил процедуры. Он просит Комитет обеспечить, чтобы на период рассмотрения не осуществлялась экспроприация, купля-продажа коммунальных земель, чтобы с арендаторов не взималась плата и чтобы фермерам была предоставлена возможность пасти скот на коммунальных землях.

Замечания государства-участника и комментарии по ним адвоката

4. 23 июня 1997 года Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям, препроводил сообщение государству-участнику и запросил у него информацию и замечания, не сопроводив, однако, этот запрос просьбой о применении предварительных мер защиты в соответствии с правилом 86.

5. В записке от 6 ноября 1997 года государство-участник подтвердило, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Вместе с тем государство-участник не согласилось с тем, что оно нарушило свои международные обязательства. Государство-участник заявило, что оно готово представить по просьбе Комитета любую соответствующую информацию как в устной, так и в письменной форме.

6. В своих комментариях по поводу представления государства-участника адвокат отмечал, что государство-участник признало факт исчерпания внутренних средств правовой защиты и не привело никаких других мотивов, на основании которых сообщение можно было бы объявить неприемлемым. Адвокат согласился с тем, что данное дело следует рассмотреть по существу.

⁵⁶ Адвокат препровождает копию циркуляра, принятого 4 марта 1992 года районным уполномоченным центрального района Рехобота, в котором категорически исключается возможность использования языка африкаанс в телефонных переговорах с представителями районной государственной власти.

Решение Комитета о приемлемости

7. На своей шестьдесят третьей сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола он удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Комитет отметил, что государство-участник признало факт исчерпания всех внутренних средств правовой защиты.

8. В силу вышеизложенного, 7 июля 1998 года Комитет объявил сообщение приемлемым и постановил, что вопрос о том, нарушило ли государство-участник свои обязательства по Пакту в связи с делом авторов, следует рассмотреть по существу.

Дальнейшие события

9.1 3 августа 1998 года решение Комитета о приемлемости было препровождено государству-участнику вместе с просьбой представить письменные пояснения или заявления по поводу существа претензий авторов. Хотя государству-участнику были направлены два письменных напоминания, никакой информации от него получено не было.

9.2 28 января 1999 года адвокат, выступая от имени авторов, проинформировал Комитет о том, что старостой общины "Рехобот" был избран г-н Джон Макнаб. В своем следующем письме от 25 апреля 1999 года адвокат сообщил Комитету, что власти прекратили водоснабжение общины. Он вновь повторил свою просьбу о применении предварительных мер защиты.

Рассмотрение дела по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей письменной информации, представленной ему сторонами, как это предусматривается в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет с сожалением отмечает, что государство-участник не представило никакой информации по существу претензий авторов. Комитет напоминает, что из положений Факультативного протокола косвенным образом вытекает, что государства-участники должны представлять Комитету всю имеющуюся в их распоряжении информацию. За отсутствием ответа от государства-участника должное значение будет придаваться утверждениям авторов с учетом степени их обоснованности.

10.3 Авторы утверждают, что ликвидация созданной ими системы самоуправления является нарушением статьи 1 Пакта. Комитет напоминает, что, хотя все народы имеют право на самоопределение и право свободно устанавливать свой политический статус, обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие и распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами, как это предусматривается в статье 1 Пакта, вопрос о том, является ли община, из которой происходят авторы, "народом", не относится к числу вопросов, которые Комитет уполномочен рассматривать в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту. Факультативный протокол предусматривает процедуру, в соответствии с которой отдельные лица могут предъявлять претензии о нарушении их индивидуальных прав. Эти права перечислены в части III Пакта в статьях 6-27 по статью 27 включительно⁵⁷. Из предыдущих решений Комитета явствует, что не существует никаких препятствий к тому, чтобы группа лиц, заявляющих о нарушении их общих прав, представила бы сообщение о предполагаемых нарушениях этих прав. Кроме того, положения статьи 1 могут оказаться уместными в контексте толкования других гарантируемых Пактом прав, включая, в частности, статьи 25, 26 и 27.

10.4 Авторы доводят до сведения Комитета решение, вынесенное Верховным судом 14 мая 1996 года по апелляции на решение Высокого суда относительно претензии общины "бастеров" в связи с их общинной собственностью. Эти суды вынесли ряд заключений по фактам в свете рассмотренных ими доказательств и дали ряд толкований норм применимого внутригосударственного права. Авторы утверждают, что принадлежащие их общине земли были конфискованы и что вследствие этого нарушаются их права как меньшинства, поскольку их культура связана с использованием коммунальных земель исключительно членами общины. В этой связи они заявляют о нарушении статьи 27 Пакта.

10.5 Авторы заявляют, что, хотя эти земли были переданы властям Рехобота в период до 20 марта 1976 года, они были возвращены общине в силу закона, принятого после этой даты. Согласно тексту решения суда, первоначально "бастеры" приобрели для общины и от имени общины земли племени вартбуи, однако затем вошел в практику обычай оформлять документы (papieren), подтверждающие факт передачи земель частным владельцам, вследствие чего большая часть земли получила статус частных владений. Однако остальные земли по-прежнему сохраняли статус коммунальных до принятия Закона № 56 от 1976 года об органах самоуправления Рехобота, в силу которого эти земли

⁵⁷ См. соображения Комитета по делу 167/1984 (Оминьяк против Канады). Соображения приняты 26 марта 1990 года.

выводились из владения или управления общиной и передавались администрации Рехобота. Об этом попросила сама община "бастеров". Самоуправление общине было предоставлено на основе предложений, подготовленных консультативным советом общины "Рехобот бастер". В соответствии с вышеупомянутым Законом были проведены выборы, и управление в районе Рехобота осуществлялось на основе этого Закона до 1989 года, когда предусмотренные им полномочия были переданы согласно закону Генеральному администратору Намибии в преддверии и в процессе подготовки независимости Намибии, которая была провозглашена 21 марта 1990 года. Кроме того, согласно положениям Конституции Намибии, вся собственность или контроль над собственностью, находившиеся в руках различных государственных учреждений, включая правительство Юго-Западной Африки, передавались во владение или под управление правительства Намибии. Суд далее отмечал:

"В 1976 году община "бастеров", действуя через своих руководителей, высказалась в пользу самоуправления. Община добровольно постановила передать свои коммунальные земли новому административному органу. Община полагала это выгодным. Кроме того, в 1989 году, община, действуя через политическую партию, членами которой являлись ее руководители, признала Конституцию независимой Намибии. В данном случае община вновь полагала, что это дает ей определенные преимущества. Община хотела стать частью новой объединенной нации, создаваемой на основе Конституции. ... Одна из целей Конституции заключалась в сплочении нации, до этого разобщенной режимом апартеида. В новой конституционной схеме не нашлось места раздробленным органам самоуправления. Времена, когда господствовал принцип "разделяй и властвуй", канули в прошлое".

10.6 Завершая рассмотрение данного аспекта жалобы, Комитет отмечает, что отбор фактов в контексте и в соответствии с толкованием внутригосударственных законов является прерогативой национальных судов. Что касается отобранных фактов, то если "экспроприация" и осуществлялась, то происходило это в 1976 году или, в любом случае, до того, как 28 февраля 1995 года Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Намибии. Что касается сопутствующего вопроса об использовании земель, то авторы заявляли о нарушении статьи 27, поскольку часть земель, традиционно использовавшихся членами рехоботской общины для выпаса скота, де-факто уже не находится в исключительном пользовании членов этой общины. Утверждается, что скотоводство относится к числу основных элементов культуры общины. Из предыдущих решений Комитета следует, что право членов меньшинства пользоваться своей культурой в соответствии со статьей 27 включает защиту особого образа жизни, связанного с использованием земельных ресурсов в рамках экономической деятельности, включая, в частности, охоту и рыболовство, особенно в том случае, если речь идет о коренных

народах⁵⁸. Вместе с тем в настоящем случае Комитет не вправе заключить, что авторы могут ссылаться на статью 27 в обоснование своей претензии об исключительном использовании соответствующих пастбищных земель. Это заключение базируется на оценке Комитетом взаимосвязи между образом жизни авторов и охватываемыми их претензиями землями. Хотя связь рехоботской общины с соответствующими землями насчитывает примерно 125 лет, она не является следствием системы взаимоотношений, позволяющей говорить о какой-то особой культуре. Кроме того, хотя рехоботской общине свойственны характерные особенности в форме исторически сложившихся элементов системы самоуправления, авторы не сумели показать, каким образом эти факторы можно было бы соотнести с применяемыми ими методами скотоводства. В силу этого Комитет констатирует отсутствие нарушения статьи 27 Пакта в контексте настоящего дела.

10.7 Комитет далее полагает, что в контексте статьи 17 авторы не сумели обосновать какие-либо претензии, которые позволяли бы ставить вопросы в дополнение к их претензии по статье 27 в связи с лишением общины земель, которыми она традиционно владела.

10.8 Авторы также утверждали, что ликвидация системы самоуправления общины и разделение территории на два округа, которые в свою очередь вошли в более крупные административно-территориальные образования, расколола общину "бастеров" и превратила ее в меньшинство в нарушение прав, предусмотренных в пунктах а) и с) статьи 25 Пакта. Право, предусмотренное в пункте а) статьи 25, – это право принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей, а право, предусмотренное в пункте с) статьи 25, – это право допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе. Указанные права относятся к категории индивидуальных прав. Хотя слияние района проживания общины с другими районами после обретения Намибией независимости действительно может оказать негативное влияние на общественную жизнь общины "бастеров" как сообщества, претензия, согласно которой следствием всего этого является ущемление права отдельных членов общины принимать участие в ведении государственных дел или допускаться к государственной службе в своей стране на общих условиях равенства, представляется необоснованной. В этой связи Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о том, что в этом отношении была нарушена статья 25 Пакта.

⁵⁸ См. Киток против Швеции (197/1985), Оминьяк против Канады (167/1984), И. Лянсман и другие против Финляндии (511/1992), Я. Лянсман и другие против Финляндии (671/1995), а также пункт 7 Замечания общего порядка № 23 [50].

10.9 Автор утверждает, что их заставляют использовать английский язык в судебных процедурах, хотя этот язык не является их родным. В настоящем случае Комитет считает, что авторы не показали, каким образом использование английского языка в ходе судебных процедур ущемляет их право на справедливое судебное разбирательство. В этой связи Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14.

10.10 Кроме того, авторы утверждают, что вследствие отсутствия языкового законодательства в Намибии они лишаются права использовать свой родной язык в административной сфере, в сфере отправления правосудия, образования и государственной жизни. Комитет отмечает, что авторы показали, что государство-участник предписало чиновникам не вступать в письменные или устные сношения с авторами на языке африкаанс, даже если чиновники прекрасно этот язык знают. Эти инструкции, запрещающие использование африкаанса, касаются не только оформления официальных документов, но и телефонных переговоров. За отсутствием какого бы то ни было ответа со стороны государства-участника Комитет уделяет должное внимание утверждению авторов о том, что целью соответствующего циркуляра является преднамеренное лишение возможности использования африкаанса в процессе контактов с государственными властями. В силу вышеизложенного Комитет заключает, что авторы как лица, говорящие на языке африкаанс, являются жертвами нарушения статьи 26 Пакта.

11. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, указывают на нарушение статьи 26 Пакта.

12. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить авторам и другим членам их общины эффективное средство правовой защиты в форме дачи указания своим чиновникам отвечать без какой бы то ни было дискриминации на ходатайства, представляемые не только на официальном языке. Государство-участник обязано не допускать аналогичных нарушений в будущем.

13. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и гарантировать действенное и подкрепленное надлежащими процедурами средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет заявляет, что он хотел бы получить от

государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых им мерах по практической реализации сформулированных Комитетом соображений.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Особое (несогласное) мнение г-на Абдельфаттаха Амора

Я не могу подписаться под заключением Комитета о нарушении статьи 26 Пакта по приводимым ниже причинам:

1. В статье 3 Конституции Намибии, провозгласившей свою независимость 21 марта 1991 года, английский язык определяется в качестве официального языка страны с учетом законных опасений, обусловленных необходимостью создания благоприятных условий для интеграции. Предполагалось, что предоставление какой-либо привилегии или особого статуса какому-либо из многих других языков населяющих страну меньшинств или племен может способствовать возникновению дискриминации и служить препятствием для сплочения нации. В этой связи ко всем языкам, помимо английского, в Конституции применялся единый принцип: никаких привилегий и никакой дискриминации. Все это касается всех языков, включая африкаанс, появление которого в Намибии было связано с историей колонизации и который в любом случае утратил статус официального языка 21 марта 1991 года.
2. Статьей 3 (3) Конституции Намибии разрешается использование других языков в соответствии с законодательством, принимаемым парламентом. Такое законодательство, которое никоим образом не может повлиять на использование английского языка в качестве официального, пока еще не было принято. Гарантии или ограничения, которые может предусматривать такое законодательство, пока еще не были определены, и, поскольку ситуация для всех остается прежней, нельзя проводить в этой связи никаких законодательных различий позитивного или негативного характера. Естественно, это относится и к языку африкаанс.
3. Использование языков меньшинств как таковых не ограничивается и тем более не ставится под сомнение на любом уровне помимо официального. В системе личных и общественных взаимоотношений люди, говорящие на одном и том же языке, могут использовать этот язык без каких бы то ни было ограничений со стороны властей (такие ограничения вообще весьма трудно себе представить). Иными словами, не существует никаких препятствий, ограничивающих выбор использования африкаанса в качестве языка "бастеров" в их личных или общественных взаимоотношениях с людьми, которые знают этот язык и согласны общаться с ними на этом языке.
4. Независимо от любых существующих законодательных лакун право пользоваться родным языком в сношениях с представителями официальных учреждений не может быть поставлено выше официального языка страны, который является или призван быть

языком всех граждан и общим знаменателем языковой культуры. Государство может настаивать на использовании общего языка всеми гражданами; оно вправе запрещать малым группам устанавливать собственные законы. Иными словами, государство обеспечивает равенство каждого человека по отношению к официальному языку, и любые языковые привилегии, - если только они не применяются ко всем гражданам, утрачивая таким образом характер привилегий, - представляются необоснованными и дискриминационными. Члены общины "бастеров" жалуются, что они не могут пользоваться своим родным языком в административной сфере и в судах. Вместе с тем не только они одни находятся в этой ситуации. В точно такой же ситуации находятся все те, кто говорят на других языках меньшинств. В обоснование своей жалобы "бастеры" представляют копию циркуляра районного уполномоченного центрального района Рехобота от 4 марта 1992 года, в котором, по словам их адвоката, "категорически запрещается использование языка африкаанс в телефонных переговорах с представителями районных государственных органов". В этом циркуляре, пусть и не очень грамотно составленном, на самом деле говорится не только об этом и не совсем это. Этот циркуляр заслуживал более пристального внимания со стороны Комитета, поскольку позволял избежать опасности не увидеть за деревьями леса и за конкретной проблемой - общего механизма ее решения. В этой связи представляется важным напомнить структуру этого циркуляра, который включает констатацию факта, напоминание, запрещение и предписание:

- Констатация факта заключается в том, что чиновники в ходе выполнения своих служебных обязанностей продолжают вести официальные телефонные разговоры и составлять официальные письма на африкаансе.
- Напоминание состоит в том, что 21 марта 1992 года африкаанс утратил статус официального языка и что с этого момента официальным языком Намибии является английский. Таким образом, язык африкаанс имеет такой же официальный статус, как и другие языки племен, которых в стране существует огромное множество.
- Запрещение касается продолжающегося использования государственными чиновниками языка африкаанс при ответах, в ходе осуществления своих служебных обязанностей, на телефонные звонки и письма.
- Предписание заключается в том, что все телефонные переговоры и официальная переписка должны вестись исключительно на английском языке как официальном языке Намибии.

Иными словами, государственные службы должны использовать английский и только английский язык и воздерживаться от предоставления привилегированного статуса какому-либо неофициальному языку. С этой точки зрения африкаанс ничем не отличается от других языков племен. Это означает, что в отношении языков меньшинств не должно быть никакой дискриминации. В силу этого представляется необоснованным, если только при этом не ставится целью дискриминация других языков меньшинств и несоблюдение статьи 3 Конституции Намибии, сохранение избирательного подхода к языковой проблеме путем создания предпочтительных условий для одного конкретного языка, а именно языка африкаанс, за счет других языков. В этой связи циркуляр районного уполномоченного не свидетельствует о каких-либо нарушениях принципа равенства и, соответственно, положений статьи 26 Пакта.

5. С учетом всех рассмотренных факторов представляется сомнительным факт какого-либо нарушения статьи 26 Пакта в контексте указанного дела, а Комитет, полагаящий, что он вскрывает случай дискриминации, на самом деле скорее создает привилегию, которая, если говорить кратко, подрывает принцип равенства, закрепленный в статье 26 Пакта. С учетом вышеприведенных фактов мотивы для данного особого мнения представляются очевидными.

А. Амор [подпись]

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является французский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (несогласное) мнение г-на Нисуке Андо

Я не могу согласиться с принятыми Комитетом соображениями относительно того, что в контексте данного дела авторы являются жертвами нарушения статьи 26 Пакта, поскольку государство-участник проинструктировало своих чиновников не отвечать на языке африкаанс на представляемые властям письменные или устные ходатайства. Статья 26 предусматривает право каждого человека на равенство перед законом, а также на равную защиту закона без всякой дискриминации. Кроме того, в этой статье говорится, что "всякого рода дискриминация должны быть запрещена законом и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то: расы, цвета кожи, пола, языка" и т.д.

Ясно, что эта инструкция тяжким бременем ляжет на лиц, говорящих на африкаансе, в их официальной переписке с властями. Вместе с тем, согласно циркуляру, в котором излагается эта инструкция, говорится, что "все телефонные переговоры и вся переписка должны вестись исключительно на английском языке, который является официальным языком Республики Намибия", и что африкаанс, который "в течение длительного времени являлся официальным языком... в настоящее время имеет такой же официальный статус, как и другие языки племен". Иными словами, после того как английский язык стал официальным языком государства-участника, государственные служащие должны "воздерживаться от использования африкаанс, отвечая на телефонные звонки и... письма".

Вместе с тем представляется вполне очевидным, что эта инструкция ставит язык африканеров в точно такие же условия, в которых находятся любые другие местные языки Намибии, и, таким образом, африкаансу гарантируется право на равный режим применения без всякой дискриминации. Разумеется, для английского языка применяется иной режим по сравнению со всеми местными языками, включая африкаанс, однако с учетом того, что каждое суверенное государство может выбирать свой собственный официальный язык, режим применения которого может отличаться от режима применения других неофициальных языков, я прихожу к выводу, что такое различие носит объективный и разумный характер и не противоречит положениям статьи 26.

Мои опасения по поводу этой инструкции заключаются в следующем: не свидетельствует ли оно о наличии неправомерных ограничений на сношения между намибийским населением и властями в силу явного запрещения не только письменных, но и устных контактов на любом местном языке. Такой подход может повлечь за собой постановку вопросов в контексте статьи 19, однако в данном конкретном случае я хотел бы воздержаться от изложения своей позиции по этому вопросу.

Н. Андо [подпись]

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (несогласное) мнение г-на П.Р. Бхагвати, г-на лорда Колвилла
и г-на Максвелла Ялдена

Мы считаем для себя невозможным согласиться с соображениями ряда наших коллег по поводу применимости пункта 2 статьи 19 и статьи 26 Пакта, однако мы соглашаемся с ними в части статей 17, 25 и 27. Ниже излагаются причины, по которым мы занимаем отличную от других наших коллег точку зрения:

По пункту 2 статьи 19

1. В связи с предполагаемым нарушением пункта 2 статьи 19 следует отметить, что, когда 7 июля 1998 года Комитет принимал решение о приемлемости, он объявил сообщение приемлемым, не указав, какие конкретные статьи Пакта он считает нарушенными. Единственный вопрос, который ставился в решении о приемлемости, заключался в следующем: нарушило ли государство-участник свои обязательства по Пакту. Вместе с тем претензия, содержащаяся в сообщении, которое было направлено государству-участнику, касалась только нарушения статей 17, 25, 26 и 27 Пакта. В сообщении не было никаких ссылок на нарушения пункта 2 статьи 19, и в этой связи государству-участнику не предлагалось оспорить претензии по статье пункта 2 статьи 19. В силу вышеизложенного мы считаем неправомерным, чтобы Комитет констатировал в данном случае факт нарушения пункта 2 статьи 19, поскольку в представленном авторами сообщении речь об этом не шла. Мы исходим из того, что, если бы авторы не выдвигали претензий по поводу нарушения любых конкретных положений Пакта, а представили бы общую жалобу о нарушениях государством-участником своих обязательств по Пакту в контексте приведенных в сообщении фактов, то Комитет мог бы вполне оправданно вынести на основе представленных ему фактов решение о нарушении какой-либо конкретной статьи или статей Пакта. Однако, поскольку авторы сообщения, полагаясь, в частности, на мнение их адвоката, ссылаются на конкретные статьи Пакта, то мы считаем, что Комитету не следовало бы возбуждать от имени авторов новую претензию.
2. Кроме того, мы полагаем, что единственная претензия авторов содержится в пунктах 3(4) и 3(5) сообщения, в которых говорится о том, что авторы были лишены возможности "использовать свой родной язык в административной сфере, сфере правосудия, образования и государственной жизни". По нашему мнению, эта претензия не может служить основанием для утверждений о нарушении пункта 2 статьи 19. Что касается административной сферы, то, поскольку английский язык является официальным языком государства-участника, именно по этой причине другие языки, естественно, не могут использоваться в административной системе или в судах или в государственной жизни. Авторы не имеют законных оснований претендовать на то, чтобы им разрешили

использование их родного языка в административной сфере, в судах или в государственной жизни, при том что предпринимаемые государством-участником настойчивые усилия, направленные на использование одного только официального языка, нельзя расценивать как нарушение их права по пункту 2 статьи 19. Что касается использования африкаанса, который является родным языком авторов, в сфере образования, то в сообщении отсутствуют какие-либо факты, которые указывали бы на то, что авторам не разрешается использовать африкаанс в находящихся в их ведении школах или колледжах, вследствие чего их утверждение о нарушении пункта 2 статьи 19 Пакта также оказывается неподкрепленным.

3. Конечно, авторы могли бы заявить о нарушении их прав по статье 27, после чего Комитет мог бы рассмотреть это утверждение; однако это предположение относится к области гипотез, поскольку в действительности в посвященных статье 27 разделах сообщения идет речь исключительно о землепользовании (пункты 10.4 и 10.6), а вовсе не о языке. С учетом того же подхода, который только что был предложен в отношении пункта 2 статьи 19, Комитет не вправе возбуждать претензию по данному основанию в соответствии со статьей 27 за отсутствием жалобы со стороны авторов.

4. Большинство членов Комитета опирались на циркуляр районного уполномоченного, однако мы не считаем, что этот циркуляр позволяет делать какие-либо выводы в поддержку претензии о нарушении пункта 2 статьи 19. В этом циркуляре говорится следующее:

- "1. До сведения канцелярии районного уполномоченного была доведена информация о том, что некоторые государственные служащие ведут официальные телефонные переговоры и переписку (отвечают на телефонные звонки и письма) на языке африкаанса в нарушение конституционного положения о том, что африкаанс утратил статус официального языка в нашей стране 21 марта 1990 года.
2. Признавая тот факт, что африкаанс в течение длительного времени являлся официальным языком, следует отметить, что в настоящее время он имеет такой же официальный статус, как и другие языки племен.
3. В этой связи всем государственным служащим предписывается в будущем воздерживаться от использования языка африкаанс, отвечая на телефонные звонки и на письма.

4. Все телефонные переговоры и переписка должны вестись исключительно на английском языке, который является официальным языком Республики Намибия".

Из первого пункта циркуляра явствует, что сфера его применения ограничивается "официальными телефонными переговорами и перепиской" государственных служащих. В циркуляре отмечается, что ведение официальных телефонных переговоров и переписки на африкаансе было нормальной практикой, когда африкаанс являлся официальным языком государства, однако после того, как официальным языком страны стал английский, африкаанс был приравнен к другим языкам племен, вследствие чего государственные служащие обязаны отвечать на официальные звонки и письма не на африкаансе, а только на английском языке, который имеет статус официального языка.

5. Мы не понимаем, каким образом этот циркуляр можно истолковывать в контексте введения каких-либо ограничений на право свободного выражения мнений и права получать и распространять информацию. Если английский язык является официальным языком государства, то государство обладает законным правом настаивать на том, чтобы государственные служащие отвечали на все официальные телефонные звонки и письма не на африкаансе, а на официальном языке, каковым является английский.

Правительственное предписание должностным лицам относительно того, чтобы они не использовали африкаанс, который утратил статус официального языка, а использовали только английский, который стал теперь официальным языком, ограничивается только официальными телефонными переговорами и официальной перепиской и не запрещает любому государственному служащему говорить или переписываться на этом языке в частном и неофициальном порядке. Если придерживаться какой-либо иной точки зрения, а именно, что каждый человек на территории государства имеет право вести любые официальные переговоры или переписку с государственным служащим не только на официальном языке государства, а на любом другом языке, и что государственный служащий вправе использовать этот язык в ходе таких переговоров или переписки, то в результате мы получаем просто хаос, поскольку это предполагает сосуществование огромного множества языков в официальной системе делопроизводства. В такой ситуации была бы лишена смысла сама цель придания какому-либо одному языку статуса официального государственного языка. В силу вышеизложенного мы считаем, что указанный циркуляр не свидетельствует о каких-либо нарушениях пункта 2 статьи 19 Пакта.

6. ИмPLICITное предположение, содержащееся в аргументе авторов, изложенном в пунктах 3(4) и 3(5) сообщения, заключается в том, что государство-участник должно использовать такие языки, как африкаанс в административной сфере, судах, системе образования и государственной жизни и что отсутствие такого законодательства в

условиях использования английского языка в качестве официального является нарушением Пакта. Однако такое предположение игнорирует тот факт, что именно государство-участник решает, какой язык должен быть его официальным языком, а Комитет не правомочен предписывать государству-участнику признание какого-либо другого языка или каких-либо других языков в качестве официального языка или языков государства. После того как государство-участник принимает какой-либо конкретный язык или конкретные языки в качестве своего официального языка или официальных языков, то оно получает законное право запрещать использование любого другого языка в официальных целях, и, если государство-участник делает это, его действия не могут быть квалифицированы как нарушение пункта 2 статьи 19.

По статье 26

7. Кроме того, мы считаем, что циркуляр нельзя рассматривать как нарушение статьи 26. Статья 26 представляет собой самостоятельную гарантию равенства и предусматривает запрещение дискриминации. Единственный документ, который, как представляется, выдвинули авторы в пунктах 3(4) и 3(5) сообщения в обоснование своей претензии относительно нарушения статьи 26, заключается в том, что по причине провозглашения английского языка в качестве единственного официального языка государства и неспособности государства принять законодательство об использовании других языков, авторы лишились возможности использовать свой родной язык в административной сфере, сфере правосудия, образования и государственной жизни. Этот аргумент уже был отклонен нами при рассмотрении спорного вопроса в контексте пункта 2 статьи 19, и то же самое обоснование можно применить в связи с претензией по статье 26. Представляется важным отметить, что в сообщении нигде нет ссылок на то, что объявление государством английского языка в качестве официального и непринятие мер, предусматривающих возможность использования других языков, были направлены только против африканса, допуская при этом возможность использования каких-либо других языков. Объявление государством английского языка в качестве официального и неосуществление мер, предусматривающих возможность использования других языков через принятие соответствующего законодательства, однозначно не является нарушением статьи 26, поскольку все остальные языки, помимо английского, применяются на равной основе и не могут использоваться в официальных целях, вследствие чего дискриминация африканса по отношению к другим языкам отсутствует.

8. Ссылки на вышеупомянутый циркуляр также не позволяют авторам обосновать свою претензию по статье 26. Цель, которую преследует циркуляр, ясна: обеспечить, чтобы все официальные телефонные переговоры и переписка велись исключительно на английском языке, который является официальным языком государства. Именно этот посыл заложен в основу циркуляра и является его основным предметом и целью. В силу

этого циркуляр предписывает государственным служащим воздерживаться от использования африкаанса при ответах на официальные телефонные звонки и письма. В циркуляре затрагивается конкретно только африкаанс и ставится задача запретить его использование государственным служащими при ведении официальных телефонных переговоров и переписки, поскольку эта проблема касается только африкаанса, который в свое время, до замены его английским языком, являлся официальным языком и который по-прежнему используется государственным служащими в ходе официальных телефонных переговоров и переписки, хотя он и утратил статус официального языка государства. Как представляется, с языками племен такой проблемы не возникает, поскольку они никогда не использовались в административной сфере или в сфере официальных деловых отношений. Вместе с тем африкаанс использовался ранее в официальных целях, вследствие чего государство посчитало необходимым выпустить циркуляр, запрещающий использование африкаанса в ходе официальных телефонных переговоров и переписки. Именно поэтому в циркуляре речь идет именно об африкаансе, и не упоминаются какие-либо другие языки. Кроме того, из текста циркуляра явствует, что в настоящее время язык африкаанс имеет такой же статус, как и другие языки племен. В этой связи представляется неправомерным утверждать, что в этом циркуляре для африкаанса предусматривается неблагоприятный режим по сравнению с другими языками по причине злонамеренной дискриминации в отношении африкаанса. В силу вышеизложенного мы констатируем отсутствие нарушения закрепленного в статье 26 принципа равенства и недискриминации.

9. Кроме того, в отличие от ряда наших коллег, которые пришли к иному заключению, мы заявляем, что государство-участник не нарушало положений пункта 2 статьи 19 или статьи 26 Пакта.

[подпись] П.Н. Бхагвати

[подпись] Лорд Колвилл

[подпись] М. Ялден

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (несогласное) мнение г-жи Элизабет Эват, г-на Экарта Кляйна, г-на Дэвида
Крецмера и г-жи Сесилии Медины Кироги

Мы соглашаемся с соображениями Комитета по данному вопросу. Вместе с тем мы считаем, что в инструкции, в соответствии с которой государство-участник предписывает государственным служащим не поддерживать контакты на языке африканеров, даже если они хорошо его знают, ограничивает свободу авторов получать и распространять информацию на этом языке (пункт 2 статьи 19 Пакта). За отсутствием обоснования этого ограничения в соответствии с критериями, изложенными в пункте 3 статьи 19, мы считаем, что в данном случае имеет место нарушение права авторов на свободу выражения мнений согласно статье 19.

[подпись] Э. Эват

[подпись] Э. Кляйн

[подпись] Д. Крецмер

[подпись] С. Медина Кирога

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (несогласное) мнение г-жи Элизабет Эват и г-жи Сесилии Медины Кироги

Из фактов по делу и из решения Высокого суда 1996 года явствует, что переход коммунальных земель общины во владение правительства Намибии был осуществлен до того, как Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Намибии, и что авторы не вправе обосновывать свою претензию любыми актами экспроприации. Вместе с тем существенный аспект претензии авторов по статье 27 заключается в том, что с этой даты они лишены возможности использовать земли и некоторые административные здания, которые до этого находились под их управлением в качестве объектов, предназначенных для исключительного использования членами общины и в их интересах. По их словам, приватизация земли и чрезмерное ее использование другими лицами лишило их возможности использовать традиционные методы выпаса скота. Они утверждают, что утрата этой экономической базы лишила их права пользоваться своей культурой сообща с другими. Эта претензия влечет за собой постановку ряда сложных вопросов: какое определение следует давать охраняемой Пактом культуре меньшинства и какую роль имеет в этой культуре экономическая деятельность. Эти вопросы проще решаются в связи с общинами коренных народов, которые нередко могут показать, что их особый жизненный или культурный уклад в течение длительного времени тесно увязывается с конкретными землями в контексте как экономической, так и иной культурной и духовной деятельности, вследствие чего лишение доступа к землям или возможности ими пользования лишает их права в полном объеме пользоваться своей культурой. В настоящем случае авторы определили свою культуру почти исключительно в терминах экономической деятельности выпаса скота. Они не показали, что пользуются особой культурой, которая самым непосредственным образом связана или зависит от использования этих конкретных земель, на которые они переместились чуть более века тому назад, или что ограничение их доступа к этим землям подрывает какие-либо основы такой культуры. По существу их претензия носит экономический, а не культурный характер и потому не подпадает под сферу применения охранных положений, предусмотренных в статье 27.

[подпись] Э. Эват

[подпись] С. Медина Кирога

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (несогласное) мнение г-на Раджсумера Лаллаха

1. Я не могу согласиться с заключением Комитета (пункт 10.10), который констатирует факт нарушения статьи 26 Пакта.
2. Я признаю, что, поскольку государство-участник не представило никаких пояснений по существу жалобы, Комитет обязан придавать должное значение утверждениям авторов. Вместе с тем выводы на основе представленных авторами материалов должны быть четко обоснованными и укладываться в контекст представленных жалоб.
3. Существо притензии авторов в рамках этой конкретной жалобы излагается в пунктах 3.4 и 3.5 сообщения. Авторы заявляют о нарушении статей 26 и 27. Кроме того, они представили Комитету копию циркуляра, в котором государственным служащим предписывается не отвечать на официальные телефонные звонки и письма на африкаансе, а делать это только на официальном языке. В этой связи, возможно, было бы целесообразным привести текст этого циркуляра, что облегчило бы процесс его рассмотрения под необходимым углом зрения:

**"Канцелярия районного уполномоченного
Центральный район**

4 марта 1992 года

ЦИРКУЛЯР

1. До сведения канцелярии районного уполномоченного была доведена информация о том, что некоторые государственные служащие ведут официальные телефонные переговоры и переписку (отвечают на телефонные звонки и письма) на языке африкаанс в нарушение конституционного положения о том, что африкаанс утратил статус официального языка в нашей стране 21 марта 1990 года.
2. Признавая тот факт, что африкаанс в течение длительного времени являлся официальным языком, следует отметить, что в настоящее время он имеет такой же официальный статус, как и другие языки племен.
3. В этой связи всем государственным служащим предписывается в будущем воздерживаться от использования языка африкаанс, отвечая на телефонные звонки и на письма.

4. Все телефонные переговоры и переписка должны вестись исключительно на английском языке, который является официальным языком Республики Намибия.

Надеюсь на ваше сотрудничество

Н. Ангермунд
Районный уполномоченный Центрального района"

4. Следует отметить, что циркуляр был издан 4 марта 1992 года, тогда как Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Намибии 28 февраля 1995 года. За отсутствием каких-либо пояснений со стороны государства-участника я исхожу из того, что этот циркуляр продолжает действовать.

5. Кроме того, следует обратить внимание на то, что авторы заявляют не только о нарушении статьи 26, но и нарушении статьи 27. Комитет, как представляется, не нашел нарушений статьи 27, в которой, в частности, отмечается, что языковым меньшинствам не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться родным языком. Вместе с тем было бы большой натяжкой предлагать на основании статьи 27 - хотя возникает ощущение, что Комитет, возможно, именно это и сделал, - чтобы государственные власти обеспечили возможность использования неофициального языка (африкаанс) в сфере официальных деловых отношений, при том что официальным является другой язык. В этой связи следует отметить, что в пункте 10.9 Комитет сам заявляет, что авторы не показали, каким образом использование английского языка в ходе судебных процедур ущемило их право на справедливое судебное разбирательство. Вместе с тем справедливое судебное разбирательство требует, чтобы соответствующее лицо понимало, что происходит в суде, с тем чтобы иметь возможность давать своему юридическому представителю надлежащие указания в ходе разбирательства по его делу.

6. Вместе с тем есть все основания заявлять, что суть обоснования в соответствующей части вывода Комитета заключается в том, что циркуляр "призван" исключить возможность использования африкаанса в официальной деловой сфере. Я не могу поддержать это обоснование.

7. Во-первых, слово "призван" означает нацеленность на какой-либо объект среди других объектов: в настоящем случае речь идет о выделении африкаанса из других неофициальных языков с целью применения к нему дискриминационного режима. Можно также отметить, что, приравнивая африкаанс к одному из "племенных" языков, авторы циркуляра, возможно, непреднамеренно ущемляют его статус. Однако из логики циркуляра следует, что по существу различие проводится между официальным языком и всеми неофициальными языками.

8. Во-вторых, в циркуляре, естественно, конкретно упоминается африкаанс. Причина этого упоминания разъясняется в первом пункте циркуляра. Вместе с тем важный момент заключается в том, что ни из жалобы авторов, ни из положений циркуляра не вытекает, что другим неофициальным языкам обеспечивается более благоприятный режим. Более того, положения циркуляра указывают как раз на обратное. В силу вышеизложенного я полагаю, что в данной ситуации нет оснований констатировать факт дискриминационного обращения в нарушение статьи 26.

9. Из реальной жалобы авторов по статье 26, рассматриваемой в контексте других их жалоб, следует, что они по-прежнему мечтают о возвращении привилегированного и эксклюзивного статуса, который они раньше имели в вопросах владения землями, самоуправления и использования языка в рамках допускаявшейся апартеидом системы фрагментарного самоуправления. Однако в рамках объединенной нации, провозглашенной в Конституции страны, такая система больше не существует.

Р. Лаллах [подпись]

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (согласное) мнение г-на Мартина Шейнина

Я разделяю выводы Комитета по всем аспектам дела. Вместе с тем я хотел бы отметить, что обоснование Комитета по одному конкретному элементу не полностью соответствует общей линии его аргументации. Мне представляется, что в пункте 10.8 Комитет неоправданно подчеркивает индивидуальный характер предусмотренных в статье 25 прав на участие. Я считаю, что есть ситуации, когда статья 25 требует специальных мер для целей обеспечения прав на участие членов меньшинств и, в частности, коренных народов. При возникновении таких ситуаций недостаточно, чтобы в соответствии со статьей 25 отдельным членам таких общин было предоставлено индивидуальное право голосовать на общих выборах. Для целей соблюдения требования об эффективном осуществлении прав на участие может потребоваться обеспечение местной, районной или культурной автономии в той или иной форме. Как подчеркивается в заключительной части пункта 10.3 соображений, право на самоопределение, предусмотренное в статье 1, влияет на толкование статьи 25. По моему мнению, это попутное высказывание представляет собой надлежащее признание взаимозависимости между различными правами, гарантируемыми Пактом, включая статью 1, которая, с учетом предыдущих решений Комитета, не может сама по себе служить основанием для представления отдельными лицами сообщений в соответствии с положениями Факультативного протокола.

Независимо от вышеизложенных соображений я присоединяюсь к сформулированному Комитетом заключению об отсутствии нарушения статьи 25. Я полагаю, что авторы не сумели обосновать, каким образом принятое в 1996 году законодательство о районных органах власти ущемляет их права по статье 25, и в частности в том, что касается функционирования и полномочий местных или традиционных органов власти. Материалы, представленные авторами Комитету, не позволяют ему усмотреть нарушение статьи 25 Пакта.

М. Шейнин [подпись]

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Н. Сообщение № 767/1997, Бен Саид против Норвегии
(Соображения приняты 29 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: Зухаиром Бен Саидом

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Норвегия

Дата сообщения: 28 октября 1996 года (первоначальное представление)

Дата решения о приемлемости: 21 июля 1998 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 29 марта 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 767/1997, представленного Комитету по
правам человека г-ном Зухаиром Бен Саидом в соответствии с Факультативным
протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором
сообщения и государством-участником,

принимает следующие:

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Правфуллачандра Натварлол Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Веружевски, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья. Текст особого (несогласного) мнения членов Комитета Бхагвати, Крецмера, Медины и Лаллаха содержится в добавлении к настоящему документу.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения является г-н Зухаир Бен Саид, гражданин Туниса. Он утверждает, что является жертвой нарушения Норвегией его прав.

Факты в изложении автора

2.1 29 сентября 1976 года в Тунисе автор вступил в брак с норвежской гражданкой. В том же году автор получил вид на жительство и иммигрировал в Норвегию. В сентябре 1977 года у него родилась дочь, которая получила норвежское гражданство в 1979 году. Автор получил постоянный вид на жительство. В 1982 году у него родился второй ребенок.

2.2 В конце 1980 года автор был приговорен к пяти годам лишения свободы за правонарушение, связанное с наркотиками. В октябре 1982 года норвежские власти проинформировали его о том, что он будет выслан из Норвегии после отбытия половины срока своего наказания по приговору. Автор обжаловал это решение в министерстве юстиции. 22 ноября 1982 года его ходатайство было отклонено. Тогда автор, воспользовавшись отпуском из тюрьмы, скрылся из Норвегии, направившись со своей супругой и детьми во Францию. Оттуда автор и его семья переехали в Тунис, где они проживали начиная с февраля 1983 года.

2.3 В 1987 году автор и его супруга связались с норвежским адвокатом, выразив желание вернуться в Норвегию. По словам автора, в то время он был проинформирован о том, что министерство юстиции рассмотрит вопрос о предоставлении ему вида на жительство после того, как он со своей семьей вернется в Норвегию и отбудет оставшийся срок наказания по приговору.

2.4 В ноябре 1987 года семья вернулась в Норвегию. Пока автор отбывал наказание по приговору, его супруга подала ходатайство о раздельном жительстве и о передаче детей под ее исключительное попечение. По устному соглашению от 18 апреля 1988 года автор и его супруга договорились о раздельном жительстве. 10 октября 1988 года суд предоставил матери исключительное право попечения о детях, а автору – право регулярного доступа к детям. В соответствии с норвежскими нормами, регламентирующими порядок попечения, супруга автора присвоила детям свою фамилию и получила на детей норвежские паспорта под своей фамилией. По сообщению автора, он обжаловал решение от октября 1988 года в порядке кассации⁵⁹.

⁵⁹ По информации государства-участника, ходатайства об обжаловании не поступало.

2.5 16 мая 1988 года министерство юстиции аннулировало предыдущее постановление о высылке. В мае 1989 года автор был освобожден из тюрьмы.

2.6 9 октября 1989 года супруга автора подала прошение об отказе автору в доступе к детям. В январе 1990 года суд временно предоставил ограниченный доступ в присутствии третьего лица, но это решение, по-видимому, не было выполнено. 17 января 1990 года автору было отказано в виде на жительство. Своим решением от 7 мая 1990 года суд отменил права автора на посещение, исходя из предположения об угрозе похищения им своих детей. Впоследствии, 28 мая 1990 года, было отклонено прошение автора об обжаловании решения об отказе в виде на жительство. Согласно постановлению министерства юстиции о его депортации, автор 14 июня 1990 года был арестован и вскоре после этого против своей воли возвращен в Тунис. Автор обжаловал решение суда об отмене его прав на посещение в Высоком суде Эйдсиватинга. 21 декабря 1990 года его апелляция была отклонена, поскольку он не мог гарантировать покрытия издержек, что является необходимым условием для истцов, проживающих за рубежом.

2.7 19 ноября 1991 года автор в судебном порядке потребовал предоставления права попечения о детях и доступа к ним. 21 января 1992 года суд отклонил его прошение после слушания дела в присутствии автора.

2.8 В период с 1992 по 1994 год норвежские власти неоднократно отказывали автору в предоставлении визы для посещения его детей. 26 февраля 1992 года и 18 октября 1994 года автор попытался въехать в Норвегию без визы, в чем ему было отказано на пункте въезда. 19 октября 1994 года было издано постановление о высылке автора за неоднократные нарушения Закона об иммиграции. 8 сентября 1995 года он подал ходатайство о предоставлении убежища в Норвегии, которое было отклонено.

2.9 15 января 1996 года автор предъявил иск в городской суд Осло, ходатайствуя о предоставлении права попечения о его детях и доступа к ним. 22 марта 1996 года он подал заявку на визу для участия в рассмотрении судом его дела, которое было назначено на 24 июля 1996 года и на которое он был вызван повесткой. Поскольку ответ не был получен вовремя, слушание дела было перенесено на 14 января 1997 года. 20 августа 1996 года министерство юстиции отказало автору в визе на въезд в страну, поскольку имелись указания на то, что после слушания дела он не пожелает добровольно уехать из Норвегии. Тем не менее автор, который хотел присутствовать на слушании дела, прибыл в аэропорт Осло, где ему было отказано во въезде в страну. Ему не разрешили связаться с кем-либо по телефону и утром 14 января вручили решение о депортации, посадили на самолет и отправили обратно в Тунис. На рассмотрении дела в суде автор был представлен адвокатом. 11 марта 1997 года прошение автора было заслушано судом и отклонено. 22 октября 1997 года его ходатайство об обжаловании решения суда было

отклонено Высоким судом Боргартинга, поскольку оно не было подписано совместно с адвокатом.

Жалоба

3. Автор утверждает, что он является жертвой дискриминации и что с европейцами не обращаются подобным образом. Он также утверждает, что является жертвой нарушения права на справедливое судебное разбирательство.

Представление государства-участника относительно приемлемости сообщения и комментарии автора

4. По мнению государства-участника, неясно, к чему относятся утверждения автора относительно нарушения Пакта. Как понимает государство-участник, в случае автора жалоба касается в основном отказа в предоставлении вида на жительство и визы. В этой связи государство-участник указывает на то, что все административные решения, касающиеся предоставления вида на жительство и визы, могут быть обжалованы в судах и пересмотрены в порядке судебного надзора. Процедура пересмотра дела в судах включает рассмотрение вопроса о том, согласуется ли решение с международным правом. По мнению государства-участника, право автора ходатайствовать о судебном пересмотре не затрагивается тем фактом, что он проживает в Тунисе.

5.1 В своих комментариях автор заявляет, что решение отказать ему в виде на жительство было принято под предлогом того, что ему было отказано в доступе к его детям. В этой связи он ссылается на переписку между адвокатом его бывшей супруги и министерством юстиции. Автор настаивает на том, что постоянный вид на жительство не может быть отозван на основании лишь ходатайства его бывшей супруги. Он утверждает, что его высылка из Норвегии де-факто была противоправной и что апелляции не был дан ход, как об этом свидетельствует его депортация, в то время как апелляция на решение административного органа все еще находилась в стадии рассмотрения.

5.2 Далее, автор высказывает мнение о том, что норвежские власти используют иммиграционные процедуры против его интересов, с тем чтобы лишить его доступа в суд при рассмотрении его дела о предоставлении прав на посещение детей и попечение о них.

5.3 Затем автор отрицает факт своего незаконного въезда в Норвегию, поскольку в аэропорту он всегда обращался в полицию для получения разрешения на законный въезд, в чем ему затем отказывали, и никогда не покидал международную зону аэропорта.

5.4 Автор далее указывает на то, что министерство юстиции, которое является инстанцией для обжалования решений, принятых Управлением иммиграции, всегда принимает свои решения в последний момент или даже, когда уже слишком поздно.

5.5 Автор утверждает, что решение суда от 11 марта 1997 года, которым ему было отказано в доступе к его ребенку, является неприемлемым, поскольку ему не позволили лично присутствовать на слушании дела, назначенного на 14 января 1997 года, и вместо этого против его воли удерживали в аэропорту Осло, несмотря на повестку суда, которой он был вызван на слушание дела.

5.6 Автор далее утверждает, что выдача государством-участником его детям паспортов под фамилией их матери является незаконной. Он заявляет, что его дети всегда имели тунисские паспорта под его фамилией.

5.7 В отношении утверждения государства-участника о том, что автор не исчерпал все внутренние средства правовой защиты, он заявляет, что он сделал все, что было в его власти, и что он в течение десяти лет безуспешно подавал прошения и жалобы. Автор заявляет, что он не располагает средствами для оплаты каких-либо дальнейших судебнопроцессуальных действий и не готов потратить еще десять лет, тщетно пытаясь добиться удовлетворения. Он добавляет, что между ним и его бывшей супругой и детьми вновь восстановлены хорошие отношения.

5.8 Автор требует аннулировать постановление о депортации от 28 мая 1990 года, а также все решения, принятые на основе этого постановления, отменить судебное решение, которым ему было отказано в доступе к его детям, отменить постановление о его высылке и выплатить ему компенсацию за моральный и материальный ущерб.

Решение Комитета о приемлемости сообщения

6.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения на своей шестьдесят третьей сессии.

6.2 Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Комитет отметил, что автор не предпринял никаких усилий для обжалования в судах решения об отказе в виде на жительство и постановления о высылке от 1994 года и, исходя из этого, признал, что этот аспект сообщения является неприемлемым по пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.3 Однако в связи с утверждением автора о том, что ему не позволили лично присутствовать на слушании дела в городском суде Осло, назначенном на 14 января 1997 года, возникает вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения. Комитет отметил, что автор после слушания дела обжаловал решение суда, в частности, на том основании, что рассмотрение дела не было справедливым, поскольку он на нем не присутствовал лично, и что апелляционная жалоба была отклонена, так как адвокат не скрепил ее своей подписью. Комитет принял к сведению аргументы автора о том, что у него не осталось средств для обращения в суд. В этих обстоятельствах Комитет признал, что автор предпринял разумные усилия по исчерпанию внутренних средств правовой защиты и что требования, содержащиеся в пункте 2 b) статьи 5, не являются препятствием для рассмотрения Комитетом претензии автора.

6.4 Комитет счел, что в связи с заявлением автора о том, что ему было отказано в личном доступе к суду во время слушания дела, проводимого по его инициативе и касавшегося вопроса попечения и прав на посещение его детей, могут возникать вопросы по смыслу пункта 1 статьи 14 и статей 17, 23 и 26, которые должны быть рассмотрены по существу.

7. Соответственно 21 июля 1998 года Комитет по правам человека постановил, что сообщение является приемлемым.

Просьба государства-участника о пересмотре решения о приемлемости

8.1 В своем представлении от 23 февраля 1999 года государство-участник толкует решение Комитета относительно приемлемости таким образом, что все жалобы автора на действия норвежских иммиграционных властей были объявлены неприемлемыми, включая решение об отказе в предоставлении ему въездной визы для участия в слушании дела судом.

8.2 С другой стороны, если Комитет имеет в виду, что его решение распространяется и на отказ во въездной визе для участия автора в судебном разбирательстве, то государство-участник оспаривает приемлемость этого вопроса и просит Комитет пересмотреть свое решение. В этой связи государство-участник объясняет, что на этапе до принятия решения о приемлемости подготовка ответа на сообщение автора затруднялась неконкретным характером первоначального сообщения.

8.3 Государство-участник разъясняет содержание закона об иммиграции, применимого в случае автора. Для въезда в Норвегию иностранного гражданина, у которого нет вида на жительство, необходима виза. Такая виза должна выдаваться заранее, и соответствующее заявление должно подаваться за рубежом. Если имеются основания опасаться, что

иностранец превысил срок своего пребывания или попытается остаться в Норвегии для проживания, в визе может быть отказано. Иностранному гражданину, который пытается въехать в Норвегию без наличия визы или вида на жительство, может быть отказано в пребывании на территории страны при въезде или в течение следующих семи дней. Постановление о высылке иностранца издается в тех случаях, когда иностранец грубо или неоднократно нарушил одно или несколько положений Закона об иммиграции или уклоняется от исполнения любого решения, предписывающего ему покинуть Норвегию. Повторный въезд высланного иностранца запрещен. Он может получить право на въезд в страну только по специальному разрешению.

8.4 Заявления о предоставлении визы рассматриваются первой административной инстанцией Управления иммиграции. Ходатайства об обжаловании действий этого административного органа рассматриваются министерством юстиции. Административные решения подлежат судебному надзору.

8.5 Государство-участник утверждает, что при рассмотрении дела о попечении и доступе к детям городской суд Осло был неправомочен предписать доступ автора в Норвегию. Этот вопрос находится в ведении иммиграционных властей. Поэтому приемлемость вопроса о доступе автора к слушанию дела в суде нельзя определять на основе того, обжаловал ли автор решение городского суда Осло по делу, касающемуся детей. Для того чтобы иностранец мог лично явиться на заседание национального суда, ему необходимо получить разрешение, которое издают иммиграционные власти. При отказе во въезде обжалование решения административного органа в судах производится в порядке судебного надзора. В этой связи государство-участник напоминает, что в 1994 году было издано постановление о высылке автора из Норвегии за неоднократные нарушения Закона об иммиграции и что это решение в принципе является препятствием для последующего въезда в Норвегию.

8.6 Государство-участник ссылается на новые обстоятельства в деле автора, которые появились в 1996 и 1997 годах и которые свидетельствуют о том, что ему был известен механизм функционирования иммиграционной системы. Что касается отказа в визе, вследствие которого автор не смог присутствовать на рассмотрении дела в городском суде Осло, то государство-участник напоминает, что автор подал заявление на получение визы 22 марта 1996 года, с тем чтобы участвовать в слушании, назначенном на 24 июля 1996 года. 11 июля 1996 года его просьба была отклонена, поскольку имелись основания полагать, что автор не покинет добровольно Норвегию по истечении срока действия визы. 15 июля 1996 года автор обжаловал этот отказ в министерстве юстиции. Городской суд был проинформирован о подаче прошения об обжаловании этого административного решения и по просьбе автора постановил перенести слушание дела, если автор не сможет явиться в суд 24 июля 1996 года. 20 августа 1996 года министерство оставило решение об

отказе в визе без изменений. Автор был проинформирован о том, что он имеет право на юридическое представительство на слушании дела в суде. По получении копии решения министерства автор не ходатайствовал о возбуждении процедуры пересмотра решения в порядке судебного надзора.

8.7 28 сентября 1996 года прибыл юрист, представившийся в качестве адвоката автора по делу, касающемуся детей, и запросил и получил бесплатную правовую помощь на том основании, что автор не имел возможности лично присутствовать в суде. Впоследствии было назначено еще одно заседание суда, которое должно было состояться 14 января 1997 года. Автор вновь подал ходатайство о визе в норвежское посольство в Тунисе лишь 4 января 1997 года. Управление препроводило эту просьбу министерству, поскольку она была воспринята как ходатайство о пересмотре решения министерства от 20 августа 1996 года. Министерство получило эту просьбу 13 января 1997 года. В это время автор уже прибыл в аэропорт Осло, где ему было отказано в выдаче визы в срочном порядке. Затем автор письменной доверенностью уполномочил своего адвоката представлять его на слушании дела в суде. Из протокола о судебном заседании от 14 января 1997 года следует, что адвокат, представлявший автора, не ходатайствовал о переносе рассмотрения дела на более поздний срок.

8.8 По утверждению государства-участника, автору и его адвокату было известно, что единственная возможная процедура обжалования решения об отказе в визе состояла в ходатайстве о возбуждении процедуры его пересмотра в порядке судебного надзора. Для такого ходатайства не требуется разрешение судебных органов. Государство-участник указывает, что дискреционные полномочия административного органа ограничиваются внутренней доктриной о недопустимости злоупотребления властью, а также положениями законодательства в области прав человека. В случае несоответствия решения национальному законодательству или договорному праву оно аннулируется судом. Если бы автор обжаловал решение об отказе в предоставлении ему визы в августе 1996 года в рамках процедуры судебного надзора, то суд мог бы вынести свое решение по этому вопросу еще до слушания дела, касающегося детей.

8.9 Государство-участник оспаривает вывод Комитета о том, что автор предпринял разумные усилия по исчерпанию внутренних средств правовой защиты, подав в порядке обжалования решения городского суда Осло ходатайство, которое не было скреплено подписью адвоката. Оно считает, что требование о наличии на ходатайстве подписи адвоката не является чрезмерно обременительным для лиц, подающих ходатайства. В этой связи государство-участник указывает на то, что четкое и связное изложение ходатайств, а также их удовлетворение соответствующим требованиям – в интересах правосудия. По мнению государства-участника, в данном конкретном случае это требование не являлось для автора чрезмерно обременительным, поскольку стоимость

проверки адвокатом его ходатайства была бы довольно небольшой, и его расходы в этой связи были бы покрыты за счет бесплатной правовой помощи. Автор был уведомлен об этом требовании Апелляционным судом 13 августа 1997 года, и ему было предложено надлежащим образом оформить ходатайство в срок до 15 сентября. Его бывший адвокат также получил копию уведомления. Автор направил ответ в установленные сроки, но не выполнил этого требования. Государство-участник делает вывод о том, что автор не предпринял "разумные усилия" для обеспечения формальной приемлемости своего ходатайства.

8.10 В этой связи государство-участник подчеркивает важную роль национальных судов в защите прав человека и утверждает, что международный надзор имеет вторичное значение. В настоящем случае в национальные суды не поступала жалоба автора о том, что отказ в предоставлении ему въездной визы для участия в слушании дела в суде идет вразрез с международно-правовыми нормами в области прав человека.

8.11 Соответственно государство-участник просит Комитет пересмотреть свое решение о приемлемости в соответствии с пунктом 4 правила 93 правил процедуры. Государство-участник указывает, что первоначальное сообщение, представленное автором Комитету, содержит изложение многих других утверждений и помечено датой, предшествовавшей судебному разбирательству в январе 1997 года. Поэтому аргументы государства-участника относительно приемлемости имели довольно общий характер и не касались подробно вопроса, который Комитет позднее объявил приемлемым. В этой связи государство-участник отмечает, что Комитет до принятия своего решения о приемлемости сообщения никогда прежде не указывал на то, какие из различных событий и моментов, упомянутых автором, могут привлекать особый интерес.

Представление государства-участника относительно существа дела

8.12 Что касается вопроса о том, явилось ли слушание дела в отсутствие автора городским судом Осло в январе 1997 года нарушением Пакта, то государство-участник утверждает, что автор был представлен адвокатом с сентября 1996 года. Соответствующие издержки были покрыты государством в качестве бесплатной правовой помощи. Основное слушание дела уже ранее переносилось судом. В январе ни автор, ни его адвокат не ходатайствовали об еще одном переносе слушания дела. В этих обстоятельствах и с учетом того, что ребенку, права на посещение которого добивался автор, к тому моменту исполнилось почти 15 лет, государство-участник утверждает, что для суда не было оснований откладывать слушание дела *proprío motu*. Кроме того, государство-участник указывает на то, что автор предоставил своему адвокату письменную доверенность, которая была предъявлена в суде. Государство-участник напоминает, что в полномочия суда не входило предоставление автору права на въезд в

Норвегию. По этим причинам государство-участник утверждает, что разбирательство дела в суде было справедливым и не явилось нарушением какой-либо из статей Пакта.

8.13 В случае объявления Комитетом приемлемым вопроса о том, являлся ли отказ в визе нарушением Пакта, государство-участник отмечает, что в решении Комитета нет четкого указания на то, каким образом возникают вопросы по смыслу пункта 1 статьи 14, а также статьей 17, 23 и 26 Пакта. Что касается пункта 1 статьи 14, то государство-участник вновь подтверждает, что разбирательство дела в городском суде Осло было справедливым и что суд не имел полномочий предоставлять автору доступ в Норвегию.

8.14 Что касается пункта 1 статьи 17, то государство-участник напоминает, что автор длительное время находился в разводе со своей супругой и в течение ряда лет практически не поддерживал контакт со своими дочерьми. Государство-участник отмечает, что если сослаться на пункт 1 статьи 17 в том смысле, что в силу судебного решения в его пользу автор мог бы в какой-то мере восстановить контакты со своей дочерью, то автор имел возможность ходатайствовать о рассмотрении его дела в суде. По мнению государства-участника, тот факт, что автору не был разрешен въезд в Норвегию для присутствия на судебном разбирательстве, едва ли можно рассматривать в качестве семейного вопроса.

8.15 Что касается пункта 4 статьи 23, то государство-участник отмечает, что брак автора распался длительное время тому назад и вопрос о браке не фигурировал в качестве одного из пунктов представленного в суд дела. Государство-участник не понимает, каким образом в связи с пунктом 4 статьи 23 могут возникать какие-либо вопросы относительно отсутствия автора на слушании дела в суде.

8.16 По утверждению государства-участника, аналогичным образом трудно понять, какие вопросы могли бы возникать по смыслу статьи 26. Государству-участнику не известно, с кем сравнивает себя автор, утверждая, что он является жертвой дискриминации, - с другими иностранцами в аналогичном положении, другими иностранцами из других географических районов или со своей бывшей супругой. Как следствие, государство-участник не в состоянии отнестись к этому вопросу каким-либо иным образом, кроме как отбросив это утверждение.

8.17 Затем государство-участник рассматривает конфликт интересов автора и иммиграционной политики. Что касается заинтересованности автора в личном присутствии на судебном разбирательстве, то государство-участник прежде всего напоминает об истории дела автора. Оно напоминает, что автор и его супруга разошлись в 1988 году и что автору было отказано в доступе к детям решением суда от 7 мая 1990 года после слушания дела 25 апреля 1990 года, на котором автор присутствовал.

Автор находился за пределами Норвегии с июня 1990 года и с тех пор практически не поддерживал контактов со своими дочерьми. Что касается вопроса о том, было ли автору строго необходимо присутствовать на слушании дела в суде в январе 1997 года, то государство-участник указывает на то, что ко времени слушания дела дочери автора, о доступе к которой он ходатайствовал, исполнилось почти 15 лет, а по норвежскому законодательству совершеннолетие детей наступает в возрасте 18 лет. Далее, для изменения предыдущего решения относительно доступа должны иметься особые основания. Наконец, согласно норвежскому законодательству, как только ребенку исполняется 12 лет, его мнение обретает существенную весомость. В данном случае ребенок проинформировала суд о том, что она возражает против посещения ее отца. В этих обстоятельствах государство-участник считает, что автору не было необходимости лично присутствовать на слушании дела в суде. Непосредственно от него никаких показаний не требовалось, и он был представлен адвокатом, услуги которого были оплачены в рамках бесплатной правовой помощи.

8.18 Что до интересов иммиграционной политики, то государство-участник указывает на то, что согласно международному праву государства вправе запрещать или регламентировать иммиграцию и вправе решать, следует ли разрешать иностранцу продолжать оставаться в стране. Ко времени 1996/1997 годов автор в течение ряда лет был лишен права на пребывание в Норвегии и фактически был навсегда выслан из страны. Тем не менее он продолжал попытки получить доступ в Норвегию, с тем чтобы обосноваться там на постоянной основе. В этой связи государство-участник ссылается на ходатайство автора о предоставлении убежища, представленное в 1995 году. По мнению государства-участника, вследствие этого имелись весомые основания опасаться того, что, получив разрешение на въезд по визе с ограниченным сроком действия, автор из Норвегии не уехал бы.

8.19 Что касается возможного вопроса о том, почему автор после своего ареста 12 января 1997 года не был помещен под стражу в иммиграционной службе, с тем чтобы позволить ему участвовать в судебном разбирательстве под полицейским эскортом, то государство-участник напоминает, что автору были прекрасно известны требования относительно въезда в Норвегию и он знал, что, появившись на границе без визы, он в страну допущен не будет. Государство-участник утверждает, что разрешать въезд в страну в ситуациях, подобной созданной автором в январе 1997 года, означало бы поставить под угрозу систему контроля запросов на получение визы, что в свою очередь нанесло бы ущерб иммиграционному контролю. Государство-участник ссылается на законное право сохранять в целостности системы и правила иммиграционного контроля. В заключение государство-участник указывает, что решение об отказе автору во въезде в страну было произвольным.

Комментарии автора по представлению государства-участника

9.1 В своих комментариях автор вновь повторяет свои предыдущие утверждения, касающиеся событий до 1996 года, отрицает, что он нарушил Закон об иммиграции, и утверждает, что его высылка в 1994 году была несправедливой. Он заявляет, что имел право прибыть в аэропорт Осло. Он заявляет, что начиная с 1988 года постоянно подвергался притеснениям со стороны должностных лиц иммиграционных служб. Он оспаривает решение городского суда Осло от 7 июля 1990 года и заявляет, что не было оснований лишать его прав на посещение.

9.2 Относительно того, что ему было отказано в личном присутствии на слушании дела в суде в январе 1997 года, автор заявляет, что какое-либо дальнейшее обжалование решения об отказе в выдаче ему визы уже не было возможным, поскольку было ясно, что иммиграционные власти относятся к нему с предубеждением. Он объясняет, что прибыл в аэропорт Осло в воскресенье вечером, 12 января 1997 года. В понедельник, 13 января, его продержали в аэропорту весь день. По словам автора, ему не разрешили позвонить судье городского суда Осло. В понедельник вечером к нему приехал его адвокат, и автор подписал доверенность при том понимании, что судья будет проинформирован о случившемся и направит факс иммиграционным властям. Однако на следующее утро автор был возвращен в Тунис рейсом в 7 час. 00 мин., прежде чем появилась возможность контакта с судьей. Автор делает вывод о том, что фактически он предпринял все разумные усилия по исчерпанию внутренних средств правовой защиты и тем самым решение Комитета относительно приемлемости является правильным.

9.3 Автор утверждает, что незаконное пребывание в Норвегии никогда не входило в его намерения и что подозрения иммиграционных властей в этом отношении смехотворны.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

10. Комитет принял к сведению и рассмотрел просьбу государства-участника пересмотреть решение Комитета относительно приемлемости этого дела. Комитет отмечает, что соображения, приведенные в качестве доводов в пользу такого пересмотра, отчасти касаются утверждений, которые уже были объявлены Комитетом неприемлемыми, и что остальные аргументы государства-участника должны быть рассмотрены в рамках существа дела. Следовательно, Комитет постановляет приступить к рассмотрению дела по существу.

11.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет рассмотрел данное сообщение в свете всех документальных данных, имевшихся в его распоряжении.

11.2 И автором, и государством-участником было подтверждено, что автор 12 января 1997 года прибыл в аэропорт Осло, намереваясь участвовать в слушании дела в городском суде Осло о попечении и о правах на посещение детей, которое было назначено на 14 января и на которое он был вызван повесткой. Аналогичным образом не оспаривается, что административные органы государства-участника воспрепятствовали автору явиться на слушание дела, равно как и непосредственно связаться с судьей. Однако он имел возможность встретиться со своим адвокатом, который участвовал в судебном разбирательстве, проведенном 14 января, когда автор уже был депортирован из Норвегии.

11.3 Для осуществления права на справедливое судебное разбирательство, проводимое по гражданскому иску, которое гарантировано в соответствии с пунктом 1 статьи 14, может потребоваться, чтобы лицо имело возможность лично участвовать в судопроизводстве. В таких обстоятельствах государство-участник обязано разрешить этому лицу присутствовать на слушании дела даже в том случае, если это лицо является не проживающим в стране иностранцем. При оценке того, были ли в данном случае соблюдены требования пункта 1 статьи 14, Комитет отмечает, что адвокат автора не ходатайствовал о переносе судебного заседания с целью получения автором возможности лично участвовать в нем; равным образом в заверенной подписью доверенности, которую автор вручил адвокату в аэропорту и которую адвокат впоследствии предъявил судье на слушании дела, касавшегося опеки над детьми, отсутствуют какие-либо инструкции на этот счет. В этих обстоятельствах Комитет считает, что то, что городской суд Осло по своей собственной инициативе не перенес слушание дела до того времени, когда могла бы быть обеспечена личная явка автора, не является нарушением пункта 1 статьи 14 со стороны государства-участника.

11.4 Поскольку апелляция автора в Высокий суд Боргартинга была отклонена в силу применения единообразного процедурного правила после того, как автору предоставили возможность восполнить указанный пробел, Комитет не может признать, что отклонение апелляции явилось нарушением прав автора по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта.

11.5 Поскольку Комитет признал, что разбирательство судом дела автора не явилось нарушением пункта 1 статьи 14, он приходит к заключению о том, что по смыслу статей 17, 23 и 26 не возникает отдельных вопросов.

12. В соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах Комитет по правам человека считает, что имеющиеся в его распоряжении факты не свидетельствуют о нарушении какой-либо из статей Международного пакта о гражданских и политических правах.

[Принят на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущен на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (несогласное) мнение членов Комитета: Р. Бхагвати, Д. Крецмера,
С. Медины и Р. Лаллаха

Мы не можем согласиться с подходом, который занял Комитет, отказавшись пересмотреть свое решение относительно приемлемости сообщения. Мы должны напомнить, что в соответствии с пунктом 4 правила 93 правил процедуры Комитета Комитет может пересмотреть свое решение о приемлемости сообщения в свете любых объяснений или заявлений, представленных государством-участником. В этом конкретном случае государство-участник просило осуществить пересмотр на том основании, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты. С этой целью государство-участник подготовило подробные представления относительно обстоятельств, при которых городской суд Осло рассматривал дело автора об опеке, а также вопросов, связанных с решением отклонить ходатайство автора о разрешении на въезд в Норвегию. Автор имел возможность рассмотреть эти представления.

По существу претензия автора состоит в том, что он был лишен возможности лично явиться в городской суд Осло в январе 1997 года, когда суд рассматривал дело о попечении о ребенке автора. С этой претензией связаны все утверждения относительно нарушения конкретных статей Пакта. Мы отмечаем, что на заседаниях городского суда автор был представлен адвокатом. Адвокат не обратился к суду с просьбой воздержаться от рассмотрения дела, пока не будет обеспечено присутствие автора, или отложить рассмотрение дела, с тем чтобы он мог ходатайствовать о пересмотре в порядке судебного надзора, принятого административным органом решения об отказе автору во въезде в Норвегию с целью участия в судебном разбирательстве. Помимо этого, автор был надлежащим образом проинформирован относительно технического несоответствия его прошения об обжаловании решения городского суда Осло и ему была предоставлена возможность исправить указанные недостатки. Мы также отмечаем, что в то время автор пользовался услугами адвоката в порядке правовой помощи и не опроверг утверждения государства-участника о том, что он мог легко выполнить требование, касающееся заверения его ходатайства подписью адвоката.

По нашему мнению, в этих обстоятельствах Комитету следует пересмотреть его решение о приемлемости и признать сообщение неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

П. Бхагвати (подпись)
С. Медина Кирога (подпись)

Д. Крецмер (подпись)
Р. Лаллах (подпись)

(Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущенного также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.)

О. Сообщение № 770/1997, Гридин против Российской Федерации
(Соображения приняты 20 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: г-ном Дмитрием Л. Гридиным
(представлен г-ном А. Мановым, Центр содействия международной защите)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство участник: Российская Федерация

Дата сообщения: 27 июня 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 20 июля 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 770/1997, представленного Комитету по
правам человека г-ном Дмитрием Л. Гридиным в соответствии с Факультативным
протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором
сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н П.Н. Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, Г-н Луис Хенкин, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Абдалла Захья.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Дмитрий Леонидович Гридин, российский студент, родившийся 4 марта 1968 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Россией пунктов 1, 2, 3 б), е) и г) статьи 14 Пакта. В связи с этим делом, как представляется, возникают также вопросы по статьям 9 и 10 Пакта. Его представляет г-н А. Манов из Центра содействия международной защите.

Факты в изложении автора

2. Автор сообщения был арестован 25 ноября 1989 года по обвинению в покушении на изнасилование и убийство гражданки Зыкиной. Во время содержания под стражей ему были также предъявлены обвинения в еще шести нападениях. 3 октября 1990 года Челябинский областной суд признал его виновным в совершении преступлений по предъявленным обвинениям и приговорил его к смертной казни. Его кассационная жалоба в Верховный суд 21 июня 1991 года была оставлена без удовлетворения. Последующие жалобы были отклонены 21 октября 1991 года и 1 июля 1992 года. Жалобы в прокуратуру также были отклонены соответственно 12 декабря 1991 года, 16 января и 11 марта 1992 года. 3 декабря 1993 года назначенное автору наказание в виде смертной казни было заменено пожизненным лишением свободы.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что ордер на его арест был выдан 29 ноября 1989 года, т.е. более чем через трое суток после его задержания. Он также заявляет, что возможность встретиться с адвокатом, несмотря на его просьбы, ему не предоставлялась до 6 декабря 1989 года.

3.2 Он утверждает, что его допрашивали в течение 48 часов, причем в это время его не кормили и не давали спать. У него также были изъяты очки, и в силу близорукости он мало что мог видеть. В ходе допроса его избивали⁶⁰. Он заявляет, что ему было сказано, что его семья от него отказывается и что единственный для него способ избежать смертной казни - это дать признательные показания. После этого он признал свою вину по шести предъявленным обвинениям, а также по трем другим обвинениям.

⁶⁰ Указывается, что заключения медицинских экспертов от 18 января и 30 августа подтверждают это.

3.3 Утверждается, что адвокат автора не ставился следователем в известность о планируемых следственных действиях. В частности, в январе 1990 года автор был направлен на медицинскую экспертизу, а его адвокат не был поставлен об этом в известность.

3.4 Автор заявляет, что при использовании вещественных доказательств были допущены нарушения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Утверждается, что одежда автора доставлялась в лабораторию в том же мешке, что и одежда потерпевших и что поэтому не может иметь доказательственной силы вывод экспертизы о том, что ворсинки или волокна ткани, из которой была изготовлена его одежда, были обнаружены на одежде потерпевших. Утверждается также, что были допущены нарушения в ходе опознания. Автор утверждает, что в день опознания его провели через помещение, в котором находились потерпевшие. Когда одна из потерпевших не смогла указать на него как на лицо, совершившее преступление, следователь будто бы взял ее за руку и указал на автора. Утверждается также, что описание нападавшего, данное потерпевшими, совершенно не соответствует внешнему виду автора.

3.5 Автор заявляет, что было нарушено его право на презумпцию невиновности. В период с 26 по 30 ноября 1989 года по радио и в газетах было объявлено, что автор является тем самым внушающим страх убийцей – "лифтером", который изнасиловал нескольких девушек и трех из них убил. Кроме того, 9 декабря 1989 года начальник милиции объявил, что он уверен в том, что именно автор является убийцей, и это заявление было передано по телевидению. Автор утверждает также, что следователь объявил его виновным на собраниях общественности до слушания дела в суде и призвал общественность выделить общественных обвинителей. Автор заявляет, что в результате этого на слушании его дела присутствовали десять общественных обвинителей, в то время как защищал его один общественный защитник⁶¹, который позднее был вынужден покинуть зал заседания суда⁶². По словам автора, зал суда был заполнен людьми, кричавшими, что автора следует приговорить к смертной казни. Он также заявляет, что общественные обвинители и потерпевшие угрожали свидетелям и защите и что судья не сделал ничего, чтобы пресечь это. В силу этих обстоятельств отсутствовала надлежащая возможность допросить в суде главных свидетелей.

⁶¹ Автор имеет в виду допускаемых к участию в российском уголовном судопроизводстве общественных обвинителей и общественных защитников, которые действуют наряду с прокурором и адвокатом.

⁶² Из дела явствует, что на стороне автора выступали два общественных защитника и что один из них и был вынужден покинуть зал заседания суда.

3.6 В первый день слушания дела автор не признал себя виновным⁶³. После этого его поместили в карцер. Он жалуется на то, что ему так и не предоставили возможность встретиться для беседы со своим защитником наедине.

3.7 Он также жалуется на то, что свидетели, которые могли бы подтвердить его алиби, не были заслушаны на суде. Кроме того, некоторые показания, данные в ходе предварительного следствия, исчезли из протокола.

3.8 Утверждается также, что в нарушение российского законодательства протокол судебного заседания был составлен и подписан 25 февраля 1991 года, в то время как слушание дела закончилось 3 октября 1990 года. Три свидетеля обратились с жалобами в Верховный суд из-за наличия расхождений между тем, что было отражено в протоколе, и их действительными показаниями.

3.9. По утверждению автора, вышеизложенное представляет собой нарушение пунктов 1, 2, 3 b), e) и g) статьи 14.

Представление государства-участника и замечания по нему автора сообщения

4.1 В своем представлении от 16 февраля 1998 года государство-участник заявляет, что сообщение автора должно быть признано неприемлемым, поскольку оно представлено не самим автором, а адвокатом от его имени.

4.2 В дальнейшем представлении от 26 февраля 1999 года государство-участник рассматривает сообщение автора по существу. В этом отношении оно сообщает, что по приведенным в сообщении автора фактам по просьбе Комитета Генеральной прокуратурой Российской Федерации была проведена проверка уголовного дела автора. Проверке были подвергнуты показания потерпевших и свидетелей, протоколы осмотра мест происшествий и условия, в которых происходило опознание автора. В этом отношении государство-участник утверждает, что доводы о невиновности автора, незаконных методах ведения следствия, нарушающих его право на защиту, и организации давления общественности проверялись Верховным судом в качестве кассационной инстанции и не подтвердились.

⁶³ Как явствует из дела, автор отказался признать себя виновным по всем пунктам обвинения, за исключением нападения на г-жу Зыкину.

4.3 Государство-участник утверждает, что заявлений о применении физического воздействия работниками милиции от автора и его адвоката в судебном заседании не поступало. Государство-участник утверждает далее, что на протяжении всего предварительного следствия, в том числе и в присутствии адвоката, автор давал подробные показания об обстоятельствах совершенных преступлений. По утверждению государства-участника, автор изменил свои показания лишь в суде под давлением, которое на него оказывали его родственники.

4.4 В отношении довода о том, что автор не имел возможности читать протоколы допросов, поскольку не имел очков, государство-участник отмечает, что из протокола судебного заседания следует, что, как автор пояснил на суде, он может читать и писать без очков на расстоянии 10-15 см и что, кроме того, следователь предоставлял ему очки. В связи с этим государство-участник отвергает какие бы то ни было нарушения Пакта в этом отношении.

4.5 Наконец, государство-участник заявляет, что г-н Гридин допрашивался в присутствии защитника, который ему был предоставлен в соответствии с требованиями закона. Государство-участник отмечает, что г-н Гридин был арестован 25 ноября 1989 года и что 1 декабря 1989 года его мать, В.В. Гридина, написала заявление о желании пригласить защитника для участия в расследовании. 5 декабря 1989 года родственниками Гридина был заключен договор с адвокатом, который с этого времени был допущен к участию в деле.

5. Адвокат автора в письме от 14 сентября 1999 года подтверждает жалобы, изложенные в первоначальном сообщении, и отмечает, что по собственному признанию государства-участника автор не имел защитника с 25 ноября по 1 декабря 1989 года.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принимает решение о том, является ли оно приемлемым на основании Факультативного протокола к Пакту.

6.2 В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что государство-участник высказалось против приемлемости сообщения, поскольку это сообщение было направлено адвокатом, а не самим автором.

Комитет подчеркивает, что, согласно его правилам процедуры и практике, автор может быть представлен адвокатом и поэтому это не исключает для него возможности рассмотрения сообщения по существу. Комитет не соглашается с утверждением государства-участника о том, что в этом отношении сообщение должно быть признано неприемлемым.

6.4 В том что касается утверждений о грубом обращении и о физическом воздействии со стороны работников милиции во время следствия, включая отказ автору в возможности пользоваться очками, то из представленных Комитету материалов явствует, что в большинстве своем эти жалобы не высказывались на суде. Все эти доводы приводились в кассационной жалобе, но Верховный суд нашел их необоснованными. В этих условиях Комитет находит, что автор не обосновал заявление по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

6.5 По поводу утверждения о том, что адвокат автора не был поставлен в известность о датах проведения следственных действий в связи с медицинскими освидетельствованиями, Комитет отмечает, что этот вопрос стал предметом проверки со стороны Верховного суда, который не обнаружил никаких нарушений закона, и исходя из этого считает, что это заявление остается недостаточно обоснованным для целей признания его приемлемым.

7. Комитет объявляет остальные заявления приемлемыми и приступает к рассмотрению по существу всех приемлемых заявлений в свете данных, предоставленных ему сторонами, как это требуется пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 В отношении утверждения о том, что автор был арестован без соответствующей санкции и что такая санкция была дана спустя более чем трое суток после ареста в нарушение национального законодательства, которое предусматривает, что санкция должна даваться в течение 72 часов после ареста, Комитет отмечает, что этот вопрос не был затронут государством-участником. В этой связи Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела автор был лишен свободы с нарушением процессуальных норм, установленных законом, и, следовательно, делает вывод о том, что представленные на его рассмотрение факты обнаруживают нарушение пункта 1 статьи 9.

8.2 В том что касается заявления автора о том, что ему было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство в нарушение пункта 1 статьи 14, в особенности в силу того, что суд не принял мер к нейтрализации враждебной обстановки и давления, оказываемого публикой, находившейся в зале суда, вследствие чего защитник оказался не в состоянии надлежащим образом провести допрос свидетелей обвинения и изложить доводы защиты, Комитет отмечает, что в ходе рассмотрения жалобы автора Верховный

суд останавливался на этом вопросе, но не принял по нему никакого конкретного решения. Комитет считает, что ведение судебного процесса в том виде, в каком оно изложено выше, дает основания говорить о нарушении права автора на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 14.

8.3 Относительно утверждения о нарушении презумпции невиновности, включая публичные заявления высокопоставленных руководителей правоохранительных органов, в которых автор упоминался как виновное лицо и которые получили широкое освещение в средствах массовой информации, Комитет отмечает, что во время рассмотрения жалобы автора Верховный суд останавливался на этом вопросе, но не принял по нему конкретного решения. Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 13 по статье 14, в котором говорится, в частности, следующее: "Поэтому все государственные власти обязаны воздерживаться от предопределения исхода судебного процесса". В данном случае Комитет считает, что власти не проявили сдержанности, которой требует от них пункт 2 статьи 14, и что тем самым права автора были нарушены.

8.4 По поводу остальных заявлений, содержащихся в пунктах 3.4 и 3.7 выше, Комитет отмечает, что Верховный суд рассматривал конкретные заявления автора, согласно которым имело место манипулирование вещественными доказательствами, не была соблюдена процедура опознания автора свидетелями и имели место расхождения между показаниями на суде и показаниями, зафиксированными в протоколах. Однако отказ суда признать подтвердившимися эти конкретные утверждения не затронул вопроса о справедливости судебного разбирательства в целом и поэтому не имеет последствий для вывода Комитета о том, что пункт 1 статьи 14 Пакта был нарушен.

8.5 В отношении же утверждения о том, что автор не мог получить доступа к адвокату в течение первых пяти дней после ареста, Комитет отмечает, что государство-участник в своем ответе указало, что автор пользовался помощью адвоката в соответствии с законом. Вместе с тем государство-участник не опровергло утверждения автора о том, что он просил предоставить ему возможность встретиться с адвокатом вскоре после его задержания и что это требование было оставлено без последствий. Не опровергло государство-участник и утверждение автора о том, что его допрашивали в условиях отсутствия возможности консультироваться с адвокатом, после того как он неоднократно требовал предоставить ему такую возможность. Комитет считает, что отказ автору в праве воспользоваться помощью адвоката, хотя он заявлял такое требование, и проведение допроса автора в этот период представляют собой нарушение прав автора по пункту 3 b) статьи 14. Кроме того, Комитет считает, что тот факт отсутствия у автора возможности консультироваться со своим адвокатом наедине – утверждение, которое не было опровергнуто государством-участником, – также является нарушением пункта 3 b) статьи 14 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах заключает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении пунктов 2 и 3 b) статьи 14 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Гридину эффективное средство правовой защиты, влекущее за собой компенсацию и его немедленное освобождение. Государство-участник обязано также принять меры для предупреждения подобных нарушений в будущем.

11. Принимая во внимание тот факт, что, став государством - участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять обеспеченное правовой санкцией эффективное средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для осуществления содержащихся в соображениях Комитета выводов.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Р. Сообщение № 780/1997, Лапцевич против Беларуси
(Соображения приняты 20 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: Владимиром Петровичем Лапцевичем

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство участник: Беларусь

Дата сообщения: 18 августа 1997 года
(первоначальное представление)

Дата решения о приемлемости: 20 марта 2000 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 20 марта 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 780/1997, представленного Комитету по
правам человека г-ном Владимиром П. Лапцевичем в соответствии с Факультативным
протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором
сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Владимир Петрович Лапцевич, гражданин Беларуси, проживающий в Могилеве, Беларусь. Он утверждает, что является жертвой нарушения Республикой Беларусь пункта 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхавати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Макссуэлл Ялден.

Факты в изложении автора

2. 23 марта 1997 года в центре города Могилева, Беларусь, автор распространял листовки, посвященные годовщине провозглашения независимости Белорусской Народной Республики. Во время распространения листовок к автору подошли сотрудники центрального районного отдела внутренних дел города Могилева, конфисковавшие 37 оставшихся у автора экземпляров листовок, а затем предъявили автору обвинение по статье 172, часть 3, Кодекса об административных правонарушениях за распространение листовок, не имеющих выпускных данных. На основании этого обвинения административная комиссия оштрафовала автора на сумму 390 000 рублей. Автор обжаловал это решение в суде центрального района, который 13 июня 1997 года отклонил его жалобу. Последующие жалобы в областной и Верховный суд были отклонены соответственно 18 июня 1997 года и 22 июля 1997 года. На этом, как предполагается, все имеющиеся внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Соответствующее внутригосударственное законодательство

3.1 Автор получил наказание за несоблюдение требований, изложенных в статье 26 Закона о печати и других средствах массовой информации ("Закон о печати").

В соответствии с этим положением требуется следующее:

"Каждый выпуск периодического печатного издания должен содержать следующие сведения:

- 1) название издания; 2) наименование учредителя (соучредителей); 3) имя и фамилию редактора (главного редактора) либо его заместителя; 4) порядковый номер выпуска и даты его выхода в свет, а для газет – также время подписания в печать; 5) указание цены номера (экземпляра) или пометку "Свободная цена" либо "Бесплатно"; 6) тираж; 7) индекс (для изданий, распространяемых через предприятия связи); 8) полные адреса редакции и типографии;
- 9) регистрационный номер".

3.2. В статье 1 этого же Закона определена область применения данного требования, поскольку в ней, в частности, предусматривается следующее:

"Под "периодическим печатным изданием" имеются в виду газета, журнал, брошюра, альманах, бюллетень, другое издание, имеющее постоянное название, порядковый номер и выходящее в свет не реже одного раза в год...

Правила, установленные настоящим Законом для периодических печатных изданий, применяются в отношении периодического распространения тиражом 300 и более экземпляров текстов, созданных с помощью компьютеров и собранных в их банках и базах сведений, а также в отношении других средств массовой информации, продукция которых распространяется в виде печатных сообщений, плакатов, листовок и других материалов".

3.3 В соответствии со статьей 172, часть 3, Кодекса об административных правонарушениях предусматривается административная ответственность за распространение печатных изданий, изготовленных с нарушением установленного порядка и не имеющих выходных данных, содержание которых направлено на причинение ущерба государственному и общественному порядку, правам и законным интересам граждан. В соответствии с этим Кодексом такие правонарушения наказываются штрафами и/или конфискацией.

Жалоба

4. Автор утверждает, что он является жертвой нарушения его права на свободное выражение своего мнения, закрепленного в пункте 2 статьи 19. Автор заявляет, что принятые против него санкции незаконны, поскольку в его случае статья 172, часть 3, Кодекса об административных правонарушениях не применима. В этой связи он отмечает, что в листовке содержалась информация о тираже и названии выпустившей ее организации. Он утверждает, что тираж в 200 экземпляров был указан на листовке именно для того, чтобы было ясно видно, что Закон о печати на данное издание не распространяется. Кроме того, отмечается, что листовки не являются ни периодическими изданиями, ни изданиями, предназначенными для продажи, и что им не может быть присвоен серийный номер, индекс или регистрационный номер. Ссылка также делается на статьи 33 и 34 Конституции Республики Беларусь, которые гарантируют право на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение и право на распространение информации.

Представление государства-участника и замечания по нему автора сообщения

5.1 В своем сообщении от 16 июля 1998 года государство-участник представляет свои замечания по сути сообщения автора. Во вступительной части государство-участник отмечает, что автор не оспаривает того факта, что 23 марта 1997 года он распространял печатные листовки, содержащие не все выходные данные, требуемые согласно Закону о печати. При этом он совершил правонарушение в соответствии со статьей 172, часть 3, Кодекса об административных правонарушениях. Государство-участник обращает

внимание на то, что исключения из требования указывать выходные данные для тиража менее 300 экземпляров на листовки не распространяются.

5.2 Государство-участник также отмечает, что "в содержании распространявшихся автором листовок искажается история становления белорусского государства, указывается на якобы имевшую место оккупацию большевиками, о вооруженной борьбе белорусов против "оккупантов", содержится призыв к подражанию "этой борьбе" за независимость Беларуси в настоящее время".

5.3 В заключение государство-участник утверждает, что белорусское законодательство и правоприменительная практика в данной области полностью соответствуют обязательствам государства-участника по статье 19 Пакта.

6.1 В своих замечаниях от 15 октября 1998 года автор оспаривает тот факт, что в листовках "искажается история становления белорусского государства". Он утверждает, что получил высшее образование на историческом факультете одного из лучших университетов в Беларуси и что все даты и факты, изложенные в листовке, исторически верны. Автор согласен с тем, что он назвал большевиков "оккупантами", но указывает, что Республика Беларусь является "неидеологизированным" государством, и утверждает, что любое наказание, обусловленное использованием этого выражения, противоречит статье 19 Пакта.

6.2 Автор настаивает на том, что в листовке не содержалось никаких сведений, которые можно интерпретировать как призыв к вооруженной борьбе против большевиков за независимость Беларуси в настоящее время. Автор утверждает, что принятые в отношении него санкции являются предвзятыми и равнозначны преследованию по политическим мотивам, поскольку он возглавляет могилевское отделение оппозиционной партии - Белорусской социально-демократической партии "Народная Грамада".

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

7.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии со статьей 87 своих правил процедуры должен принять решение о том, является ли оно приемлемым на основании Факультативного протокола к Пакту.

7.2 Комитет отмечает, что, как утверждает автор, он исчерпал все внутренние средства правовой защиты и что государство-участник этот факт не оспаривает. Следовательно, Комитету неизвестно ни о каких препятствиях для признания приемлемости сообщения, и поэтому он приступает к его рассмотрению по существу в свете информации,

представленной ему сторонами, как это требуется пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 Первым вопросом, который должен рассмотреть Комитет, является вопрос о том, представляет ли собой применение статьи 26 Закона о печати в отношении дела автора, повлекшее за собой конфискацию листовок и последующий штраф, ограничение права автора на свободное выражение своего мнения по смыслу пункта 3 статьи 19. Комитет отмечает, что в соответствии с законом издатели периодических изданий, определенных в статье 1, обязаны указывать некоторые выходные данные, в том числе индекс и регистрационный номер, которые, по словам автора, могут быть получены только у административных органов. По мнению Комитета, введя такие требования в отношении листовок тиражом в 200 экземпляров, государство-участник установило препятствия, которые ограничивают право автора *распространять* информацию, закрепленную в пункте 2 статьи 19.

8.2 Комитет отмечает, что статья 19 допускает только ограничения, установленные законом и необходимые а) для уважения прав и репутации других лиц; и б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Право на свободное выражение мнения имеет первостепенное значение в любом демократическом обществе, и любые ограничения на осуществление этого права должны быть полностью обоснованы⁶⁴.

8.3 Комитет отмечает, что, согласно доводам автора, часть 3 статьи 172 Кодекса об административных правонарушениях к нему не применяется и что принятые против него санкции, таким образом, являются незаконными и представляют собой нарушение статьи 19 Пакта. Однако Комитет не в состоянии повторно оценить выводы белорусских судов в отношении применимости указанного положения, которое, по всей видимости, может толковаться по-разному (см. пункт 3.2 выше). Тем не менее, даже если введенные против автора санкции на основании внутригосударственного законодательства допускаются, государство-участник должно доказать, что они необходимы для одной из законных целей, предусмотренных в пункте 3 статьи 19.

8.4 В очень кратком сообщении государства-участника, изложенном в пункте 5.2 выше, отмечается, что такие санкции были необходимы для защиты национальной безопасности, и при этом делается ссылка на содержание письменных утверждений автора. Однако ничто в представленных Комитету материалах не позволяет предположить, что действия полиции или заключения судов основаны на чем-либо ином, кроме довода об отсутствии

⁶⁴ См., в частности, сообщение № 574/1994, Ким против Республики Кореи, соображения от 3 ноября 1998 года, и сообщение № 628/1995, Пак против Республики Кореи, соображения от 20 октября 1998 года.

необходимых выходных данных. Поэтому единственным вопросом, на который должен найти ответ Комитет, является вопрос о том, можно ли считать санкции против автора за невключение сведений, требуемых по Закону о печати, необходимыми для охраны общественного порядка или для уважения прав и репутации других лиц.

8.5 В этой связи Комитет отмечает, что, по утверждению государства-участника, требования, изложенные в статье 26 Закона о печати, в целом полностью соответствуют Пакту. Однако оно не предприняло никаких попыток для изучения обстоятельств конкретного дела автора и разъяснения причин в отношении требования о том, что до опубликования и распространения листовок тиражом в 200 экземпляров он должен был зарегистрировать свое издание в административных органах и получить соответствующие индекс и регистрационный номер. Кроме того, государство-участник не разъяснило, почему это требование необходимо для одной из законных целей, указанных в пункте 3 статьи 19, и почему нарушение этих требований должно влечь за собой не только санкции в виде штрафа, но также конфискацию листовок, которые оставались у автора. В отсутствие какого-либо разъяснения, оправдывающего применение требований в отношении регистрации и приняты мер, Комитет считает, что их нельзя рассматривать в качестве мер, необходимых для охраны общественного порядка или для уважения прав и репутации других лиц. Поэтому Комитет делает вывод о том, что в данном случае пункт 2 статьи 19 был нарушен.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Лапцевичу эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию в размере суммы не менее нынешнего размера штрафа и любых понесенных автором судебных издержек. Государство-участник обязано также принять меры для предупреждения подобных нарушений в будущем.

11. Принимая во внимание тот факт, что, став государством - участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять обеспеченное правовой санкцией эффективное средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в

течение 90 дней информацию о мерах, принятых для осуществления содержащейся в соображениях Комитета рекомендации. К государству-участнику также обращается просьба опубликовать соображения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Q. Сообщение № 789/1997, Брюн против Норвегии
(Соображения приняты 29 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Моникой Брюн
(представлена г-ном Джоном К. Элденом)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Норвегия

Дата сообщения: 5 ноября 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 29 октября 1999 года,

завершив рассмотрение сообщения № 789/1997, представленного Комитету по
правам человека от имени Моника Брюн в соответствии с Факультативным протоколом к
Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв к сведению все письменные материалы, представленные ему автором
сообщения, ее адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены
Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафулладандра Н. Бхагвати,
г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт
Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кироба, г-н Мартин Шейнин, г-н Роман
Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения является г-жа Моника Брюн, гражданка Норвегии, родившаяся 21 октября 1966 года. Она утверждает, что является жертвой нарушения Норвегией статьи 14 (5) Пакта. Ее представляет адвокат г-н Джон Кристиан Элден.

Факты

2.1 3 февраля 1993 года автор сообщения была осуждена за ввоз и распространение наркотических средств на коммерческой основе; ее приговорили к четырем годам тюремного заключения. 16 июня 1995 года она была освобождена условно с применением режима probation с отсрочкой отбытия оставшегося срока в один год и 132 дня.

2.2 13 декабря 1995 года, по-прежнему находясь на probation, автор была вновь арестована и обвинена в хранении героина и других наркотических средств, количество которых соответствовало потребностям для личного использования. 21 декабря 1995 года она признала себя виновной в совершении этих правонарушений в магистратском суде Драммена и была соответствующим образом осуждена. Затем суд в осуществление дискреционных полномочий вынес общий приговор, объединивший оставшийся срок предыдущего приговора и срок тюремного заключения за совершение нового правонарушения, в результате чего она была приговорена к лишению свободы на срок один год и шесть месяцев. Как это требуется по закону, суд изложил в своем постановлении отягчающие и смягчающие обстоятельства и рекомендовал перевести ее из тюрьмы в один из центров для лечения наркоманов.

2.3 Автор обжаловала этот приговор в апелляционном суде Боргартинга. В связи с делами, касающимися максимального приговора на срок менее шести лет, в Уголовно-процессуальном кодексе предусматривается, что апелляционный суд может отказать в рассмотрении апелляционной жалобы, если он единодушно считает очевидным, что апелляция не даст желаемого результата. 26 января 1996 года суд в составе трех судей единогласно постановил, что апелляция никак не может уменьшить срок приговора, и в порядке упрощенного производства отклонил ее без полного слушания. Автор обратилась к суду с ходатайством пересмотреть принятое им решение, сославшись на статью 14 (5) Пакта. 26 марта 1996 года апелляционный суд в другом составе большинством голосов решил не изменять предыдущее решение; отчасти дело подателя апелляции касалось предполагаемого несоответствия между Законом об уголовном судопроизводстве Норвегии и статьей 14 (5) Пакта. Это второе решение в свою очередь было обжаловано в Апелляционном комитете Верховного суда, который 6 мая 1996 года постановил, что ни

одно из трех требований правового характера, выдвинутых от имени автора (включая нарушение статьи 14 (5) Пакта), не может быть удовлетворено.

2.4 На этом, как утверждается, все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Жалоба

3. В своем сообщении адвокат автора просто перечисляет события в вышеизложенной последовательности и утверждает, что они представляют собой нарушение статьи 14 (5). Однако он направил также копии своих утверждений в апелляционный суд и Верховный суд. Что касается апелляционного суда, то, по его мнению, для того чтобы соответствовать статье 14 (5), внутригосударственное законодательство должно предусматривать повторное судебное разбирательство как для установления вины обвиняемого, так и для определения суровости приговора. Он сослался на работу по подготовке Закона об уголовном судопроизводстве и высказал мнение о том, что система, требующая разрешения на подачу апелляционной жалобы, противоречит статье 14 (5). В ходатайстве в Верховный суд он утверждал, что апелляционная жалоба в отношении строгости приговора должна быть принята независимо от максимального срока наказания, несмотря на то, что фактическая мера наказания составляет один год и шесть месяцев.

Замечания государства-участника и комментарии адвоката

4.1 В своих замечаниях государство-участник не высказывает никаких возражений в отношении приемлемости сообщения и рассматривает это сообщение по существу. Оно поясняет, что система рассмотрения апелляционных жалоб в стране была изменена в 1995 году и что нынешняя система предусматривает более широкий диапазон возможностей для обращения в апелляционные инстанции по сравнению с прежней. В рамках прежней системы дела, связанные с обвинениями, наказуемыми лишением свободы на срок более шести лет, рассматривались апелляционным судом как судом первой инстанции и в отношении оценки доказательств по вопросу о виновности апелляция была невозможна. В соответствии с новой системой все дела рассматриваются судами первой инстанции и все осужденные лица имеют право на подачу жалобы в

апелляционный суд. После принятия нового Закона об уголовном судопроизводстве Норвегия частично сняла свою оговорку в отношении пункта 5 статьи 14 Пакта⁶⁵.

4.2 Государство-участник поясняет, что основания, на которых может быть подана апелляция, не ограничены и могут касаться любого нарушения при вынесении судебного постановления или процессуального нарушения. По причинам экономии, связанной с процессуальными вопросами, во избежание перегруженности апелляционного суда была введена специальная система контроля. В соответствии со вторым пунктом статьи 321 Закона об уголовном судопроизводстве апелляционный суд (в составе трех судей) может отказать в рассмотрении апелляционной жалобы, если он единодушно считает очевидным, что апелляция будет отклонена. Таким образом, апелляционный суд все же должен рассмотреть дело, для того чтобы оценить, следует ли продолжать рассмотрение конкретной апелляционной жалобы. Апелляции, касающиеся преступлений, наказуемых по закону лишением свободы на срок более шести лет, рассматриваются во всех случаях. Как правило, по апелляциям, связанным с вопросом доказательства, также должно проводиться полное слушание. В соответствии со статьей 324 апелляционный суд принимает решение без устных слушаний. Однако сторонам разрешается излагать свои позиции в письменном виде. Таким образом, документация по делу, включая постановление суда первой инстанции, вместе с доводами, приведенными в заявлениях сторон, составляет основу оценки, производимой апелляционным судом.

4.3 В рассматриваемом случае единственным основанием для апелляции, выдвинутым автором, являлась строгость приговора. Автором сообщения не затрагивались никакие вопросы, связанные с оценкой доказательств. Ее основной довод сводился к тому, что суду не следовало выносить общий приговор, объединенный с приговором по предыдущему судебному решению. Поэтому рассмотрение дела главным образом касалось вопроса о применении Уголовного кодекса и норм прецедентного права в

⁶⁵ 19 сентября 1995 года Норвегия заявила, что после "вступления в силу поправки к Закону об уголовном судопроизводстве, которая предусматривает право на пересмотр приговора судом более высокой инстанции в отношении всех дел, оговорка, сделанная Королевством Норвегии, будет по-прежнему применяться только в следующих исключительных обстоятельствах:

1. Riksrett (суд импичмента)

В соответствии со статьей 86 норвежской Конституции для рассмотрения уголовных дел против членов правительства, стортинга (парламента) или Верховного суда созывается заседание специального суда без права на подачу апелляции.

2. Приговор по решению апелляционного суда

В случаях, когда подсудимый был оправдан в суде первой инстанции, но осужден апелляционным судом, приговор не может быть обжалован на основании ошибки в оценке доказательств в отношении вопроса вины. Если апелляционным судом, вынесшим приговор подсудимому, является Верховный суд, приговор вообще не подлежит обжалованию".

Верховном суде. С соответствующей информацией можно ознакомиться в документах, подготовленных в связи со слушанием данного дела в суде первой инстанции.

4.4 Государство-участник считает, что пересмотр, проведенный апелляционным судом, представляет собой пересмотр по смыслу пункта 5 статьи 14. В ходе внесения поправок в прежнее законодательство и создания новой системы редакционный комитет и независимые эксперты рассматривали вопрос о совместимости со статьей 14(5) и пришли к выводу, что данная система отвечает положениям Пакта. Государство-участник указывает, что слова "согласно закону", приведенные в пункте 5 статьи 14, регулируют методику пересмотра дел вышестоящей судебной инстанцией, как это предусматривалось Комитетом в его соображениях по делу № 64/1979 (Салгар де Монтехо против Колумбии)⁶⁶. Таким образом, статья 14(5) охватывает широкий диапазон возможностей для надзора со стороны суда второй инстанции, предусматривая в целом основное требование в отношении пересмотра дел. В этой связи государство-участник утверждает, что государства должны иметь определенную свободу действий в отношении осуществления права на пересмотр. Многие государства в том или ином виде ввели систему разрешений на подачу апелляционных жалоб. По мнению государства-участника, даже если суд второй инстанции ограничивается процедурой определения целесообразности выдачи так называемого "разрешения на апелляционное производство", то такая процедура должна считаться пересмотром по смыслу статьи 14(5).

4.5 Государство-участник добавляет, что неограниченное право на подачу апелляции может повлечь за собой злоупотребления и привести к тому, что судам придется рассматривать чрезмерное количество дел, которые не должны являться предметом судебного разбирательства. Неограниченное право на подачу апелляции неизбежно приведет к увеличению объема работы судов и может повлечь за собой задержки в нарушении статьи 14(3) с). Государство-участник подчеркивает, что на предварительном этапе апелляционный суд также проводит оценку апелляционной жалобы по существу.

4.6 Далее государство-участник высказывает мнение о том, что при определении соответствия системы статье 14(5) необходимо во всей полноте учитывать процессуальные действия, производимые в рамках национальной правовой системы, а также роль и функции апелляционных судов. При условии проведения устного и публичного слушания в суде первой инстанции следует считать оправданным непроведение публичных и устных слушаний в ходе апелляционного производства, если сторонам предоставляется возможность изложить свои позиции в письменном виде. В этом контексте государство-участник подчеркивает, что принцип "равноправия сторон" соблюдается.

⁶⁶ Соображения, принятые Комитетом 24 марта 1982 года.

4.7 Государство-участник ссылается также на решение Европейской комиссии по правам человека от 26 октября 1995 года, касающееся прежней системы апелляционного производства, но затрагивающее аналогичные вопросы, как и в данном случае. Комиссия сочла, что ограничения в сфере регулирования со стороны государства должны преследовать законную цель и не должны наносить чрезмерного ущерба принципу соблюдения права на пересмотр по существу. Комиссия отвергла как явно необоснованное утверждение, что в норвежской системе право на пересмотр нарушается.

5. В своих замечаниях в связи с сообщением государства-участника автор оспаривает утверждение государства-участника о том, что пересмотр ее дела в порядке упрощенного производства апелляционным судом является пересмотром по смыслу статьи 14(5). По мнению автора, отказ в проведении полного повторного слушания свидетельствует о том, что суд не рассмотрел ее дело по существу. Поэтому она не имела возможности воспользоваться правом на действительный пересмотр ее дела вышестоящей судебной инстанцией, как это предусмотрено статьей 14(5)⁶⁷.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения какого-либо утверждения, содержащегося в сообщении, Комитет по правам человека, согласно правилу 87 своих правил процедуры, должен принять решение по вопросу о приемлемости этого сообщения в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривало вопрос о приемлемости сообщения. Комитету не известно о каких-либо препятствиях для принятия решения о приемлемости сообщения. Поэтому он делает вывод о том, что данное сообщение приемлемо, и незамедлительно приступает к его рассмотрению по существу.

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей письменной информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

⁶⁷ Адвокат ссылается на исследование Nowak, CCPR commentary, 1993, page 266, относительно статьи 14(5): "Таким образом, возможности для обжалования судебного постановления в кассационном суде также приемлемы, как и апелляции по существу дела, если апелляция касается действительного пересмотра ("разбирательство"). Поэтому сомнительно, что производство, ограниченное только вопросами права, является достаточным. [...] В ходе апелляционного производства также должны соблюдаться гарантии справедливого и публичного судебного разбирательства".

7.2 Комитет отмечает, что автор сообщения, касающегося данного дела, обжаловала постановление первой судебной инстанции только в отношении вынесенного приговора. Апелляционный суд в составе трех судей, согласно статье 321 Закона об уголовном судопроизводстве, рассмотрел факты, представленные суду первой инстанции, судебное постановление и доводы, выдвинутые от имени автора, в отношении несоразмерности приговора, и пришел к выводу, что апелляция не давала возможности для сокращения срока приговора. Кроме того, при повторном рассмотрении принятого ранее решения апелляционный суд вновь изучил элементы состава преступления, касающегося данного дела, и это второе решение было обжаловано в Апелляционном комитете Верховного суда. Хотя Комитет не связан решениями норвежского парламента, он, как и Верховный суд, согласен с тем, что Закон об уголовном судопроизводстве Норвегии соответствует статье 14(5) Пакта, поэтому Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела, несмотря на отсутствие устного слушания, в целом процедура пересмотра дела апелляционным судом отвечает требованиям пункта 5 статьи 14.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, делает вывод о том, что доведенные до его сведения факты не свидетельствуют о нарушении каких-либо статей Международного пакта о гражданских и политических правах.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

ПРИЛОЖЕНИЕ X

Решения Комитета по правам человека, объявляющие сообщения неприемлемыми в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах

А. Сообщение № 748/1997, Гомес Силва против Швеции
(Решение принято 18 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Нелли Гомес Силва и членами семьи

Предполагаемая жертва: Авторы сообщения

Государство-участник: Швеция

Дата сообщения: 4 июня 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 18 октября 1999 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-н Луис Фабио Барреро Лосано, который выступает от имени своей жены, г-жи Нелли Гомес Силвы, и их детей, Карлоса Эдуардо, Марисоль, Фабиолы, Адрианы и Франсиско Хабиба, граждан Колумбии, проживавших в Колумбии в период представления данного сообщения. Он утверждает, что его жена явилась жертвой нарушения Швецией пунктов 1, 2, 3, 4 и 5 статьи 9; пункта 1 статьи 10; и пунктов 2, 3 а), с) и d) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафуллачандра Н.Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Макссуэлл Ялден.

Факты в изложении автора

2.1 17 мая 1991 года г-н Барреро прибыл в Швецию с двумя своими детьми, Адрианой и Франсиско Хабибом, которым в то время исполнилось соответственно 13 и 12 лет. Он обратился с просьбой о предоставлении убежища. Утверждалось, что их жизнь подвергалась опасности по политическим мотивам. 30 декабря 1991 года г-жа Гомес прибыла в Швецию со своей дочерью Фабиолой, которой в то время исполнилось 15 лет. Она подала ходатайство о предоставлении ей вида на жительство. Через 16 месяцев двое других детей – Карлос Эдуардо и Марисоль, в возрасте соответственно 21 и 20 лет, прибыли в Швецию по мотивам воссоединения семьи.

2.2 24 июня 1993 года г-же Гомес и ее семье было отказано в разрешении на проживание и предложено покинуть страну. 2 июля 1993 года они были задержаны сотрудниками полиции. В 8 час. 30 мин. того же дня пять полицейских, переводчик, сотрудник центра по приему беженцев и работник социальной сферы, занимавшийся семьей Барреро, информировали их относительно решения об их депортации. Г-н Барреро и его сын Карлос Эдуардо были помещены в разные камеры, а г-жа Гомес и остальные члены семьи были поселены в номере одной из гостиниц под надзором полиции.

2.3 7 июля 1993 года г-н Барреро, его сын Карлос Эдуардо и одна из его дочерей были высланы в Колумбию. Трое других детей (Франсиско Хабиб, Адриана и Фабиола), находившихся вместе с г-жой Гомес, скрылись из-под полицейского надзора. Как представляется, г-жа Гомес содержалась в полицейском участке, пока ее дети не были найдены. 28 июля г-жа Гомес была выслана в Колумбию. Трое ее детей были также отправлены в Колумбию в сентябре и октябре.

Жалоба

3.1 Автор заявляет о нарушении пунктов 1-3 статьи 9, поскольку его супруга в течение 21 дня подвергалась произвольному задержанию, после того как шведские власти уведомили их об отклонении ходатайства о предоставлении убежища в Швеции. В этой связи он заявляет, что в отношении его супруги не было выдвинуто никаких обвинений в течение всего срока ее задержания, составившегося 21 сутки.

3.2 Г-жа Гомес обжаловала отказ о предоставлении ей убежища в городской суд Йёнчёпинга. 22 июля 1993 года она получила повестку о явке в апелляционный суд Йёнчёпинга. Утверждается, что полиция не разрешила ей явиться в суд, однако сама повестка не была предъявлена. В этой связи г-н Барреро заявляет о нарушении пункта 4 статьи 9.

3.3 Автор заявляет также, что его супруга имеет право на получение компенсации в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Пакта в связи с нарушениями, жертвой которых она стала.

3.4 Г-н Барреро заявляет о нарушении пункта 1 статьи 10 ввиду унижающего достоинство обращения с его супругой в течение 21 дня ее задержания. Далее он утверждает, что ввиду условий содержания ее под стражей его супруга в настоящее время страдает бронхиальным заболеванием, лечение которого требует значительных медицинских расходов.

3.5 Далее автор заявляет о нарушении пункта 2 статьи 14 Пакта, допущенном в отношении его супруги, которое выразилось в устных обвинениях, выдвинутых в ее адрес полицией Борланге; она обвинялась в подстрекательстве своих детей к бегству.

3.6 Г-н Барреро заявляет о нарушении пункта 3 а), с) и d) статьи 14 в связи с отсутствием процедурных гарантий в ходе процесса высылки. В этой связи он утверждает, что назначенный в порядке оказания правовой помощи адвокат встретился с г-жой Гомес лишь накануне ее депортации.

3.7 12 августа 1993 года г-жа Гомес направила жалобу в Управление по правам человека в Сантьяго-де-Кали (Personeria Municipal de Santiago de Cali/Delegada para la Defensa de los Derechos Humanos). Сотрудник по правам человека (Personero Delegado I para la Defensa de los Derechos Humanos) г-н Эрнан Сандоваль Кинтеро рекомендовал ей обратиться в шведские суды, а затем в Комитет по правам человека. Автор сообщения представил свое дело шведскому омбудсмену, который 6 декабря 1995 года информировал его о том, что он некомпетентен рассматривать жалобы о компенсации за произвольное задержание, жертвой которого явилась супруга автора сообщения. 5 января 1996 года канцлер юстиции (высшее должностное лицо, консультирующее омбудсмена по правовым вопросам) информировал г-жу Гомес об отсутствии оснований для выплаты компенсации, поскольку ее задержание производилось в соответствии с законом. В этой связи утверждается, что все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

Информация государства-участника и замечания в отношении приемлемости и комментарии по ним автора сообщения

4.1 В представлении от 7 мая 1997 года государство-участник заявляет, что данное сообщение должно быть признано неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку автор не направил ходатайства о возмещении ущерба в какой-либо шведский суд.

4.2 В связи с обстоятельствами данного дела государство-участник заявляет, что семья Барреро Гомес прибыла в Швецию на законном основании и обратилась с просьбой о предоставлении убежища, в котором им было отказано. Непосредственно перед депортацией г-жа Гомес Силва попыталась покончить жизнь самоубийством, а трое младших детей скрылись из-под надзора. Г-н Барреро и двое старших детей покинули Колумбию 7 июля 1993 года. Г-жа Гомес Силва была отправлена в Колумбию 29 июля 1993 года после отклонения соответствующим органом дополнительной просьбы о предоставлении убежища. Двое из скрывшихся детей были отправлены в Колумбию в сентябре 1993 года, а еще один ребенок был возвращен 6 октября 1993 года. 8 июля 1993 года г-жа Гомес Силва направила апелляционную жалобу в административный апелляционный суд Йёнчёпинга в связи с выданным 7 июля ордером на арест. Жалоба была отклонена 14 июля. Суд, в частности, постановил, что действия, которые предпринимала г-жа Гомес Силва, носили такой характер, который вполне удовлетворял условиям, требуемым для выдачи ордера на арест. Он подчеркнул, что семья была разделена не в связи с выдачей ордера на арест, а скорее в связи с поведением детей. 30 июля административный суд постановил не рассматривать новую апелляцию, поданную г-жой Гомес Силва, поскольку вопрос о задержании уже был решен судом в его предыдущем постановлении¹.

4.3 В связи с процедурами, которым надлежит следовать просителям убежища, государство-участник информирует Комитет о том, что само правительство не наделено компетенцией рассматривать дела иностранцев, поскольку они передаются одному из двух независимых органов. Г-жа Гомес Силва подала апелляцию в административный апелляционный суд в связи с ордером на арест, выданным 7 июля 1993 года, но не подавала апелляции в Верховный административный суд. Однако государство-участник также отмечает, что "она вряд ли получила бы разрешение на подачу апелляции, которое является предварительным условием для рассмотрения того или иного дела Верховным административным судом".

4.4 В связи с пунктом 4 статьи 9 государство-участник заявляет, что г-жа Гомес Силва в сущности воспользовалась закрепленным в нем правом, поскольку она оспаривала законность ее задержания в суд. В этой связи государство-участник далее указывает, что, если бы задержание действительно было незаконным, то г-жа Гомес Силва имела бы право на использование средства правовой защиты в соответствии с законом 1974 года о возмещении ущерба в случае ограничения свободы.

¹ 30 июля 1993 года г-жа Гомес Силва по признанию государства-участника уже была депортирована.

4.5 Г-жа Гомес Силва направила жалобу парламентскому омбудсмену в отношении возмещения ущерба, однако парламентский омбудсмен постановил не рассматривать данный вопрос, поскольку это дело уже находилось на рассмотрении канцлера юстиции и по нему проводилось расследование. Государство-участник заявляет, что жалоба, направленная канцлеру юстиции, представляла собой попросту утверждение о нарушении прав человека без ссылок на какое-либо конкретное право, и заявитель требовала проведения расследования и возмещения ущерба за ее незаконный арест. 5 января 1996 года канцлер юстиции постановил не выплачивать компенсации, поскольку, по его мнению, лишение свободы не было полностью необоснованным, и в данном конкретном случае государство не являлось связанным положениями Закона 1974 года о возмещении ущерба в случае ограничения свободы. Какие-либо другие основания для выплаты компенсации отсутствовали. В этой связи государство-участник считает, что данное сообщение следует признать неприемлемым по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку жалоба в связи с возмещением ущерба не подавалась ни в один из шведских судов.

4.6 Далее государство-участник разъясняет положения Закона об иностранцах и условия, в которых иностранцы могут быть подвергнуты задержанию или специальному надзору, а также особые условия, применимые к иностранцам в возрасте моложе 16 лет, которые не могут подвергнуться задержанию, а могут лишь помещаться под надзор. В частности, оно ссылается на положение, согласно которому иностранцы могут подвергаться задержанию на срок не более двух месяцев при отсутствии серьезных оснований для его продления. Соответствующие постановления пересматриваются не более чем через два месяца после даты их исполнения и в течение шести месяцев после даты выдачи.

4.7 В отношении утверждений, касающихся пункта 1 статьи 9 Пакта, государство-участник считает, что постановления о взятии под стражу были выданы на основании закона и, следовательно, никоим образом не были произвольными. Оно также заявляет, что пункт 2 статьи 9 неприменим к данному случаю, поскольку г-жа Гомес Силва не обвинялась в совершении уголовного правонарушения². Наряду с этим оно отметило, что из решения канцлера юстиции вытекает, что г-жа Гомес Силва была должным образом информирована на ее языке о причинах ее ареста. Далее государство-участник указывает, что в связи с данным сообщением не возникает никаких вопросов по пункту 5 статьи 9.

4.8 В отношении подробностей обращения с г-жой Гомес Силва в период ее содержания под стражей государство-участник заявляет, что: "правительство не в состоянии сделать какие-либо замечания, поскольку эти обстоятельства ему не известны". Оно считает, что

² См. стр. 168 (английского текста) комментария г-на Новака к Пакту.

жалоба является беспредметной, поскольку канцлер юстиции не усмотрел никаких оснований для принятия каких-либо мер в отношении правоохранительных органов или каких-либо иных должностных лиц вследствие утверждений г-на Барреро. Кроме того, поскольку после известных событий прошло четыре года, государство-участник не имеет возможности расследовать это дело. Государство-участник считает, что указанные жалобы являются лишь общими утверждениями, не имеющими под собой никаких оснований.

4.9 Наконец, в отношении утверждений, касающихся статьи 14 Пакта, государство-участник считает, что г-жа Гомес Силва не воспользовалась имеющимися механизмами для обеспечения соответствующих прав. В отношении жалоб, касающихся пунктов 2 и 3 статьи 14, государство-участник считает, что предусмотренные в них гарантии применяются лишь к лицам, обвиненным в совершении уголовного преступления, что не имело места в данном конкретном случае.

5.1 Автор сообщения оспаривает некоторые факты, приведенные государством-участником. Он указывает, что его супруга пыталась совершить самоубийство не в связи с выдачей ордера на арест, а скорее из-за обстановки, создавшейся в тот момент, когда сотрудники полиции, переводчик и другие лица явились к ним в квартиру, для того чтобы доставить их в полицейский участок. Ему самому не было разрешено закончить туалет, и полицейские буквально вытолкнули его из ванной комнаты. Далее автор оспаривает утверждение государства-участника о том, что г-жа Гомес Силва имела постоянную телефонную связь со своими скрывавшимися детьми, и указывает, что она контактировала только со своими племянниками, которые проживают в Швеции на законном основании. Он заявляет, что этот факт может быть удостоверен переводчиком, который сопровождал врача, оказывавшего медицинскую помощь г-же Гомес Силва.

5.2 В связи с событиями, связанными с содержанием под стражей, он заявляет, что он сам и вся его семья были задержаны в одно и то же время и доставлены на различных автомашинах в полицейский участок Борланге. По прибытии в полицейский участок его сын Карлос Эдуардо Барреро был подвергнут обыску и помещен в камеру. Г-н Барреро был доставлен позднее вместе со своей дочерью Адрианой Барреро Гомес в автомобиле, который въехал на подземную стоянку. За ними следовала другая автомашина с его супругой Нелли Гомес и тремя младшими детьми – Марисоль, Давидом и Фабиолой, которых также провели через подземный вход. В подвальном помещении их подвели к лифту и г-н Барреро заявляет, что он оказал сопротивление, когда его пытались ввести в лифт. В ответ полицейские втолкнули его в лифт, применив грубое обращение на глазах у членов его семьи. Эти действия вызвали истерику у его дочерей. Его доставили в камеру предварительного содержания, где он был подвергнут обыску, а затем поместили в обычную камеру. Остальных членов его семьи вновь посадили в фургон, вывезли из

подземного гаража и подвезли ко входу в полицейский участок, после чего они были помещены в один из кабинетов, где провели около 5 часов. Позднее их доставили в гостиницу, которая находится как раз напротив полицейского участка, и оставили под охраной четырех полицейских, приказавших им оставаться в поле зрения, даже когда они ходили в туалет. Автор повторяет, что его супруга и дети в течение четырех дней находились под круглосуточным надзором. На пятый день трех младших детей вновь доставили в полицейский участок в сопровождении двух полицейских. По дороге из гостиницы к полицейскому участку трем детям удалось скрыться. Полиция организовала их поиск. После побега троих детей г-н Барреро Лосано и двое его старших детей были высланы в Колумбию 7 июля 1993 года. Г-жа Нелли Гомес была помещена в камеру, где она провела 21 день до своей высылки в Колумбию.

5.3 Автор подчеркивает, что он ставит под вопрос не решение шведских властей о непредоставлении ему убежища и депортации его семьи, а процедуру исполнения постановления о депортации начальником полиции Борланге и в особенности тот факт, что его супруга провела в запирающейся камере 21 день в ожидании, как утверждается, возвращения скрывшихся детей и что она была депортирована через 21 день, хотя дети так и не были найдены.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 Перед рассмотрением любых жалоб, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры должен принять решение о приемлемости или неприемлемости данного сообщения в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет считает, что находящаяся в его распоряжении информация и аргументы, выдвинутые автором, не подтверждают для целей приемлемости жалобу автора на нарушение прав его супруги, предусмотренных пунктами 2, 3, 4 и 5 статьи 9, пунктом 1 статьи 10 и статьей 14.

7. В этой связи Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

В. Сообщение № 756/1997, Дукуре против Франции
(Решение принято 29 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: г-жой Матией Дукуре (представлена парижским адвокатом
г-ном Жан-Франсуа Гондаром)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения и еще 48 лиц

Государство-участник: Франция

Дата сообщения: 17 мая 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 29 марта 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторы сообщения – г-жа Матия Дукуре и еще 48 других вдов отставных военнослужащих французской армии и самих бывших военнослужащих, которые являются гражданами Сенегала и Кот-д'Ивуара. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Францией статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах из-за якобы допущенной в отношении их дискриминации по признакам национальной принадлежности и национального происхождения при вынесении решения относительно их права на получение пенсии или пенсии, наследуемой от умершего супруга. Их представляет адвокат Жан-Франсуа Гондар.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлол Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья. В соответствии с правилом 85 в рассмотрении настоящего сообщения не участвовала г-жа Шане.

Изложенные факты

2.1 Утверждается, что после получения независимости бывшими колониальными территориями Франции и изменения гражданства их жителей 26 декабря 1959 года был принят закон, статья 71-I которого предусматривала переоформление с 1 января 1961 года пенсий отставных военнослужащих французской армии - уроженцев этих территорий в персональную пожизненную ренту. Однако в случае Сенегала после получения им независимости в 1960 году права, приобретенные вышедшими в отставку военнослужащими, соблюдались до принятия в декабре 1974 года закона о государственном бюджете и последующих законодательных актов, которые предусматривали распространение действия закона от 31 декабря 1959 года на Сенегал начиная с 1 января 1975 года.

2.2 Следствиями принятия этих законоположений были "замораживание" будущего размера ренты и невозможность ее переоформления в пенсию по случаю потери кормильца для вдов бенефициаров. С другой стороны, вышедшим в отставку военнослужащим - уроженцам Франции пенсии пожизненными компенсационными выплатами заменены не были, поэтому их по-прежнему можно переоценивать и переоформлять в пенсии по случаю потери кормильца.

2.3 Авторы сообщения утверждают, что пенсии бывшим военнослужащим французской армии в сущности выплачиваются в знак признательности за их заслуги перед французской нацией, поэтому в данном случае национальное происхождение и факт изменения гражданства не играют никакой роли.

2.4 Что касается конкретно положения г-жи Дукуре из Сенегала, то в этой связи утверждается, что ее супруг, будучи уроженцем одной из французских колоний, имел французское гражданство и был военнослужащим французской армии до дня своей смерти, наступившей 12 октября 1950 года, т.е. до обретения Сенегалом независимости. Тем не менее размер получаемой ею после этого ренты, в отличие от пенсий, выплачиваемых вдовам французских военнослужащих - уроженцев материковой части Франции, был заморожен на уровне, существовавшем 1 января 1975 года.

2.5 Ее требования об увеличении пенсии были отклонены министерством обороны Франции 12 февраля 1992 года и 22 июня 1994 года на том основании, что выплачиваемые гражданам Сенегала пенсии были "заморожены" законом от 31 декабря 1959 года. Она обжаловала последнее решение министерства обороны в административный суд Пуатье. Прежде чем выносить решение по существу дела, суд обратился в Государственный совет Франции с просьбой проконсультировать его по вопросу о соответствии статьи 71-I

закона от 26 декабря 1959 года статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

2.6 15 апреля 1996 года Государственный совет принял свои соображения, в которых заявил, что статья 26 Международного пакта о гражданских и политических правах касается лишь прав, предусмотренных в этом Пакте, и, следовательно, не гарантирует соблюдения принципа недискриминации в пенсионных вопросах. В них далее говорится, что в силу этого лица, на которых распространяется статья 71-I закона от 26 декабря 1959 года, на статью 26 Пакта ссылаться не могут.

2.7 3 июля 1996 года, после обнародования соображений Государственного совета, административный суд Пуатье отклонил жалобу г-жи Дукуре. В тот же день он также отклонил жалобу г-жи Донзо Бангали. Иск г-жи Еро Диалло был отклонен этим судом еще 19 июня 1996 года. 17 июля 1996 года Парижский административный суд отклонил иск, представленный 43 другими авторами сообщения.

Жалоба

3.1 Податели жалобы ссылаются на принятые 3 апреля 1989 года Соображения Комитета по правам человека относительно сообщения № 196/1985, которое было представлено г-ном Ибрагимом Гейе и другими лицами и касалось аналогичного пенсионного вопроса. Они утверждают, что решение Государственного совета полностью противоречит соображениям Комитета по этому делу и постоянно применяемой им правовой практике, в соответствии с которой право, охраняемое статьей 26 Пакта, рассматривается как самостоятельное право, а не только как право, связанное с другими охраняемыми Пактом гражданскими и политическими правами. Они жалуются на то, что французские власти не предприняли никаких соответствующих действий в связи с принятыми Комитетом соображениями и, следовательно, нарушили пункт 3 статьи 2 Пакта.

3.2 Авторы сообщения далее утверждают, что в их случае допущена не только дискриминация по признаку национальной принадлежности, но и дискриминация по признаку национального происхождения. Они заявляют, что Франция произвольно лишила своих граждан - уроженцев заморских территорий французского гражданства, чтобы не платить им военную пенсию. Они далее заявляют, что уроженцы африканских территорий Франции были вычеркнуты из регистра учета военнослужащих французской армии и включены в состав армии новых африканских государств без их согласия, из-за чего, помимо их воли, потеряли французское гражданство. Они утверждают, что при изменении статуса бывших заморских территорий в соответствии с законом от 4 июня 1960 года было нарушено охраняемое статьей 1 Пакта право народов на самоопределение.

Они далее утверждают, что нынешний закон Франции о гражданстве и применяемая властями практика определения французского гражданства по-прежнему направлены на то, чтобы не платить военных пенсий бывшим военнослужащим французской армии - уроженцам заморских территорий. Они жалуются на то, что это привело к возникновению серьезных гуманитарных проблем.

3.3 В отношении приемлемости этого дела утверждается, что, хотя факты предполагаемой дискриминации были впервые отмечены до 17 мая 1984 года, когда для Франции вступил в силу Факультативный протокол, после этой даты они также продолжали иметь место, т.е. приобрели характер постоянного нарушения прав авторов сообщения. Делается ссылка и на пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Податели жалобы заявляют, что длившиеся в течение 20 лет процессуальные формальности и переговоры с французским правительством по этому вопросу ничего не дали и что меры по обеспечению того, чтобы все имеющиеся средства правовой защиты были исчерпаны, приведут к значительным задержкам и не позволят удовлетворительным образом решить эту проблему. Далее утверждается, что после того, как 15 апреля 1996 года Государственный совет Франции высказал свое мнение по этому вопросу, любые последующие обращения во французские суды обречены на неудачу. Более того, 21 мая 1996 года была отклонена просьба авторов об оказании им юридической помощи по этому вопросу - со ссылкой на то, что их жалоба якобы является беспредметной.

3.4 Авторы сообщения далее заявляют, что они не передавали этот вопрос на рассмотрение в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости

4.1 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым ввиду неисчерпанности внутренних средств правовой защиты. Один из авторов сообщения, г-жа Диалло, не обжаловала решение административного суда Пуатье от 19 июня 1996 года, а два других автора, г-жа Думбуя и г-жа Батили, не обжаловали последовавший 15 апреля 1996 года отказ Парижского административного суда в приеме их иска. Остальные авторы сообщения, обжаловавшие отказ в приеме их исков, направили в Комитет сообщение, не дожидаясь результатов рассмотрения их апелляционных жалоб.

4.2 Государство-участник также утверждает, что сообщение является неприемлемым *ratione materiae*, так как право на пенсию Пактом о гражданских и политических правах не охраняется.

4.3 Государство-участник ссылается на свое толковательное заявление³, сделанное при ратификации Факультативного протокола, и утверждает, что сообщение является неприемлемым *ratione materiae*, поскольку побудительным мотивом его представления служат акты или события, имевшие место до 17 мая 1984 года, когда Факультативный протокол вступил в силу для Франции.

4.4 В отношении жалобы авторов сообщения государство-участник поясняет, что по закону при утрате бенефициаром французского гражданства право на пенсию приостанавливается. Иными словами, любой бывший военнослужащий, служивший в армии Франции и позднее утративший ее гражданство, права на пенсию не имеет. Однако в знак признательности за заслуги бывших военнослужащих африканского происхождения закон предусматривает возможность выплаты ренты тем лицам, которые раньше имели право на пенсию, а позднее стали гражданами независимых африканских государств.

4.5 Что касается конкретно положения вдов этих военнослужащих, которые сейчас добиваются получения пенсий умерших супругов, то государство-участник отмечает, что личный характер рентных выплат в принципе не допускает перехода права на ее получение к другим лицам. Тем не менее в соответствии с указами, принятыми на основе пункта III статьи 71 от 1 января 1961 года, вдовы, чьи супруги умерли до 1 января 1991 года, эту пенсию получают. Государство-участник отвергает жалобу авторов сообщения на то, что размер рентных выплат был заморожен на уровне, существовавшем 1 января 1975 года, и заявляет, что 1 сентября 1994 года они были увеличены на 4,75%. Что касается пенсий по инвалидности и по возрасту, то начиная с 1971 года их размер регулярно корректируется. Кроме того, в 1993 году был пересмотрен и увеличен размер военных пенсий для бенефициаров, проживающих в Сенегале. 1 января 1995 года размер пенсий по инвалидности был повышен на 14,55%, а пенсий по возрасту – на 24,1%. Государство-участник делает вывод о том, что жалоба авторов сообщения должна быть отклонена как беспредметная.

³ Текст заявления гласит: "Франция толкует статью 1 Протокола как предоставляющую Комитету компетенцию принимать и рассматривать сообщения от подлежащих юрисдикции Французской Республики лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения Республикой какого-либо из прав, изложенных в Пакте, в результате либо действий, упущений, случаев или событий, имевших место после даты вступления в силу настоящего Протокола для Французской Республики, либо какого-либо решения, относящегося к действиям, упущениям, случаям или событиям, имевшим место после этой даты".

Замечания адвоката

5.1 По поводу исчерпания внутренних средств правовой защиты адвокат заявляет, что их применение было затянуто на неоправданно длительный срок. Кроме того, отказ Франции принять во внимание Соображения Комитета по делу № 196/1985 делает внутренние средства правовой защиты неэффективными. Далее адвокат напоминает о заключении Государственного совета и отказе предоставить авторам сообщения юридическую помощь ввиду явной беспредметности их иска и заявляет, что в данных обстоятельствах неэффективность внутренних средств правовой защиты очевидна. В конце концов решение по иску должен будет принимать Государственный совет, который уже вынес отрицательное заключение, и надеяться на то, что при вынесении решения по делу он изменит свою точку зрения, невозможно.

5.2 Что касается утверждения государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым *ratione materiae* и *ratione temporis*, то адвокат ссылается на решение Комитета по делу № 196/1985, в котором Комитет отверг аргументы государства-участника на этот счет.

5.3 Адвокат продолжает утверждать, что была допущена дискриминация, и заявляет, что корректировка размера рентных выплат практически ничего не значит.

5.4 В своем последующем представлении от 16 марта 2000 года адвокат информирует Комитет о том, что в июле 1999 года апелляционные суды по административным делам Парижа и Бордо разрешили ему подать апелляционную жалобу от имени авторов сообщения. В этой связи он заявляет, что в своих апелляционных жалобах он сослался на статью 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции. Министр обороны и министр финансов обжаловали решение в Кассационном суде (Государственный совет)⁴.

5.5 Адвокат также жалуется на то, что государство-участник требует уплаты сбора в размере 100 фр. франков и что некоторые из его клиентов не смогли его уплатить, из-за чего их апелляционная жалоба была объявлена неприемлемой. В этой связи адвокат заявляет, что данный сбор может быть уплачен только во Франции.

⁴ По словам адвоката, иски по другим случаям, предъявленные одним из его коллег со ссылкой на статью 26 Пакта, апелляционные суды отклонили.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры определить, приемлемо ли оно согласно положениям Факультативного протокола к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник поставило под сомнение приемлемость сообщения со ссылкой на неисчерпанность внутренних средств правовой защиты, так как авторы сообщения не стали ждать результатов рассмотрения их апелляционной жалобы, а некоторые из них не обжаловали отказ в принятии их иска. Он также отмечает, что вначале адвокат заявлял о неэффективности внутренних средств правовой защиты со ссылкой на заключение Государственного совета от 15 апреля 1996 года, но затем, как явствует из недавнего письма адвоката, апелляционным жалобам, поданным от имени его клиентов, был дан ход и сейчас дела находятся на рассмотрении в Кассационном суде (Государственный совет). В данных обстоятельствах Комитет считает сообщение неприемлемым по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7. С учетом этого Комитет по правам человека выносит следующее решение:

a) сообщение является неприемлемым по смыслу статьи 5 (2) b) Факультативного протокола;

b) это решение должно быть направлено государству-участнику и представителю авторов сообщения;

c) это решение может быть пересмотрено на основании правила 92 (2) правил процедуры Комитета по письменной просьбе авторов сообщения или по просьбе, поданной от их имени, содержащей информацию о том, что оснований для признания сообщения неприемлемым более не существует.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

С. Сообщение № 772/1997, г-н И. против Австралии
(Решение принято 17 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: г-ном Колином Макдональдом и г-ном Николасом Пойндером от имени г-на И. (фамилия не указывается)

Предполагаемая жертва: г-н И.

Государство-участник: Австралия

Дата сообщения: 25 октября 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 17 июля 2000 года

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является: г-н Колин Макдональд, адвокат. Он представляет сообщение от имени г-на И., этнического китайца, родившегося в 1951 году во Вьетнаме. Адвокат утверждает, что г-н И. является жертвой нарушения Австралией пункта 1 статьи 10, а также пункта 3 статьи 9 и пунктов 3 а), b) и d) статьи 14 в совокупности со статьей 2 (1) Пакта. По состоянию на 7 сентября 1998 года, ведение данного дела принял на себя другой адвокат, г-н Николас Пойндер.

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н П.Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Абдалла Захья. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-жа Элизабет Эват в рассмотрении настоящего сообщения участия не принимала.

Факты в изложении адвоката

2.1 Адвокат объясняет, что г-н И., этнический китаец, в 1979 году переселился из Вьетнама, где он родился, в Китай. В Китае у него не было ни работы, ни жилья. В октябре 1994 года он покинул Китай в качестве капитана судна с кодовым названием "Альбатрос", на борту которого находилось еще 117 китайцев вьетнамского происхождения. Двенадцатого ноября 1994 года судно было перехвачено в австралийских водах и препровождено в г. Дарвин. По прибытии в Дарвин 135 ноября 1994 года пассажиры судна были взяты под стражу в соответствии со статьей 189(2) Закона о миграции 1958 года. Пятнадцатого ноября 1994 года они были переведены в центр заключения Порт-Хедленда в Западной Австралии.

2.2 С 15 ноября по 11 декабря 1994 года г-н И. и другие пассажиры "Альбатроса" содержались под стражей в карантинном блоке, изолированном от других отделений и, следовательно, от всех других лиц, содержащихся под стражей. В период с 15 по 19 ноября 1994 года все задержанные были допрошены сотрудниками иммиграционной службы. В течение всего этого времени их не проинформировали о том, что они имеют право воспользоваться услугами адвоката, и никакого адвоката им тоже не предоставили. Одиннадцатого декабря 1994 года г-н И. и его спутники были переведены в открытый блок центра заключения.

2.3 Шестого января 1995 года некоторые пассажиры "Альбатроса", содержащиеся под стражей, попросили предоставить им адвоката. Однако указаний на то, что г-н И. высказал такую просьбу, не имеется.

2.4 Начальник центра в Порт-Хедленде 13 февраля 1995 года уведомил г-на И. и других содержащихся под стражей лиц о том, что после подписания 25 января 1995 года меморандума о взаимопонимании между Австралией и Китаем парламент определил Китай как "безопасную страну" для всех граждан Вьетнама, переселившихся в Китай⁵.

⁵ Текст меморандума о взаимопонимании, в частности, гласит: "Обе стороны достигли договоренности в отношении недавних и возможных будущих случаев несанкционированного прибытия в Австралию вьетнамских беженцев, поселившихся в Китае, о том, что они будут... проводить дружественные консультации и стремиться надлежащим образом урегулировать этот вопрос с использованием согласованных процедур. В этих целях поселившиеся в Китае вьетнамские беженцы, возвращенные в соответствии с согласованными механизмами проверки, будут по-прежнему пользоваться защитой правительства Китая".

Данное положение имеет обратную силу и начинает действовать с 30 декабря 1994 года. В соответствии со статьями 91А – 91F Закона о миграции лица из указанных безопасных стран не имеют права обращаться с заявлением о предоставлении им статуса беженца в Австралии.

2.5 Первая возможность встретиться с адвокатом появилась у г-на И. 17 февраля 1995 года. Адвокат указывает на то, что к этому времени у г-на И. уже не было возможности подать заявление о предоставлении ему статуса беженца в силу принятия парламентом вышеуказанной поправки. Двадцать второго февраля 1995 года г-н И. и другие задержанные лица обратились в Федеральный суд Австралии с иском против министра иммиграции и по делам Содружества Австралии. Они заявили, что им было отказано в процессуальной справедливости, поскольку их не уведомили об их праве воспользоваться услугами адвоката, вследствие чего они лишились возможности претендовать на статус беженца.

2.6 Двадцать седьмого июля 1995 года иск был отклонен на том основании, что законодательство Австралии не содержит положений, обязывающих сотрудников иммиграционной службы информировать лиц, не являющихся гражданами Австралии и прибывших на ее территорию незаконно, об их праве пользоваться услугами адвоката. Изучив все имеющиеся данные, Суд пришел к заключению об отсутствии каких-либо свидетельств, указывающих на то, что задержанные с "Альбатроса" стремились получить убежище в Австралии или что они каким-либо иным образом стремились воспользоваться обязательствами Австралии в области защиты – ни в тот момент, когда на борт их судна поднялись сотрудники иммиграционной службы, ни в ходе допросов, проводившихся с 15 по 19 ноября 1994 года в Центре задержания Порт-Хедленда. Далее Суд пришел к выводу об отсутствии указаний на то, что кто-либо из пассажиров "Альбатроса" высказывал просьбу о встрече с адвокатом до 30 декабря 1994 года.

2.7 16 августа 1995 года г-н И. и другие подали апелляцию в Федеральный суд Австралии, однако 28 февраля 1996 года Суд большинством голосов отклонил апелляцию. В отличие от суда первой инстанции большинство членов Федерального суда пришло к заключению, что такие факторы, как обстоятельства прибытия пассажиров "Альбатроса", то, что ранее они являлись беженцами из Вьетнама, их нежелание возвращаться в Китай в случае, если их не допустят на территорию страны, их утверждения об отсутствии работы и жилья в Китае – все это косвенно указывает на то, что задержанные с "Альбатроса" имели своей целью воспользоваться обязательствами Австралии по обеспечению защиты по смыслу Конвенции. Однако наличие предполагаемого стремления не позволяет принять решения в их пользу, поскольку закон требует подачи специального заявления, а в данном случае никакого конструктивного заявления подано не было. Федеральный суд подтвердил решение Высокого суда об отсутствии закрепленного в законодательстве

обязательства способствовать предоставлению услуг юрисконсульта без просьбы о том заявителей. Ходатайство г-на И. в Высокий суд Австралии о специальном разрешении на апелляцию было отклонено 16 апреля 1996 года.

2.8 11 мая 1996 года г-н И. был депортирован из Австралии в Китай.

Жалоба

3.1 Претензии адвоката касаются того периода времени, когда г-н И. содержался под стражей в карантинном отделении, а также того, что государство-участник не уведомило г-на И. о его праве воспользоваться услугами адвоката.

3.2 Адвокат заявляет о нарушении пункта 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пунктов 1 и 3 а), b) и d) статьи 14.

Замечания государства-участника

4.1 В своем представлении от 30 сентября 1998 года государство-участник объясняет, что, согласно Закону о миграции 1958 года, по прибытии г-н И. был отнесен к категории "лиц, не являющихся гражданами страны и незаконно прибывших на ее территорию", и заключен под стражу иммиграционной службой в соответствии со статьей 189(2) вышеупомянутого Закона. Данный Закон не предусматривает никаких обязательств в том, что касается уведомления лиц, задержанных в соответствии со статьей 189(2), в отношении того, что они могут ходатайствовать о предоставлении им какой-либо визы, а также в отношении предоставления им возможностей для подачи заявления на получение визы или доступа к услугам адвоката в связи с получением визы. Однако в соответствии со статьей 156 того же Закона министерство иммиграции обязано способствовать предоставлению услуг адвоката лицу, задержанному в соответствии со статьей 189(2), по его просьбе. Услуги адвоката оплачиваются государством в том случае, если министерство считает, что то или иное лицо может *prima facie* воспользоваться обязательствами Австралии по обеспечению защиты согласно Конвенции о статусе беженцев.

4.2 Государство-участник поясняет, что 15 ноября 1994 года начали действовать новые положения Закона о миграции, в соответствии с которыми определенные лица из указанных "безопасных третьих стран" не имеют права ходатайствовать о предоставлении им визы для защиты в рамках Закона. 25 января 1995 года правительство Австралии подписало с правительством Китая меморандум о взаимопонимании. Данный меморандум предусматривает, что при соблюдении определенных процедур проверки вьетнамские беженцы, поселившиеся в Китае и впоследствии прибывшие без разрешения

в Австралию, будут возвращены в Китай и будут по-прежнему пользоваться защитой правительства Китая. 17 января 1995 года в нормативные положения о миграции были внесены поправки, в которых указывалось, что Китай является безопасной третьей страной для граждан Вьетнама, переселившихся в Китай в качестве беженцев. 17 февраля 1995 года Закон о поправках к миграционному законодательству (№ 2) 1995 года аннулировал все обращения о предоставлении виз со стороны китайцев вьетнамского происхождения, представленные с 30 декабря 1994 года по 27 января 1995 года. В данном контексте государство-участник указывает на тот факт, что г-н И. является китайцем вьетнамского происхождения и что он не обращался в просьбой о предоставлении ему визы для защиты до 30 декабря 1994 года, а впоследствии не мог сделать этого по причине вступления в силу вышеупомянутых поправок к законодательству.

4.3 В соответствии с правилами процедуры Комитета государство-участник рассмотрело доводы адвоката по существу дела, в результате чего оно выдвигает предварительный довод в отношении приемлемости сообщения. Государство-участник утверждает, что при отсутствии письменной доверенности атторнея данное сообщение является неприемлемым *ratione personae*, поскольку адвокат не имеет права действовать от имени г-на И. В данной связи государство-участник ссылается на правило 90 правил процедуры Комитета и заявляет, что представителю должны быть надлежащим образом предоставлены полномочия. Государство-участник отмечает, что нет никаких свидетельств получения г-ном Макдональдом указаний от г-на И. действовать от его имени или предоставления ему г-ном И. прямых полномочий. Кроме того, государство-участник указывает на тот факт, что, по признанию самого адвоката, он не знает места проживания г-на И. в настоящее время. Государство-участник заявляет, что адвокат не имеет права действовать от имени г-на И., если у него нет никаких возможностей связаться с последним или получить от него указания. Далее государство-участник утверждает, что не существует свидетельств достаточно близких отношений между адвокатом и г-ном И., которые могли бы служить основанием для действий адвоката без предоставления ему прямых полномочий. Учитывая это, государство-участник обращается к Комитету с просьбой признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола.

Комментарии адвоката

5.1 В своем представлении от 4 января 1999 года адвокат комментирует сообщение государства-участника по вопросу приемлемости. В том, что касается права действовать от имени клиента, адвокат прилагает предусмотренное законом заявление от 4 января 1999 года от своего имени, в котором он утверждает, что встречался с г-ном И. в июне 1995 года, когда он присутствовал в качестве наблюдателя на слушаниях в Федеральном суде в г. Перте. Впоследствии у него состоялся по крайней мере один телефонный

разговор с г-ном И., в ходе которого они обсудили судебное производство по делу. 17 апреля 1996 года - после того как Высокий суд отклонил ходатайство о предоставлении специального разрешения на апелляцию, - адвокат позвонил г-ну И., с которым он говорил через переводчика. Запись этого телефонного разговора прилагается. Из записи следует, что он попросил г-на И. разрешить ему передать дело в Организацию Объединенных Наций, на что г-н И. ответил, что никаких возражений у него не имеется. В тот же день адвокат отправил г-ну И. письмо, подтверждающее содержание телефонного разговора. К письму он приложил письменную доверенность, которую г-н И. должен был подписать. Как утверждает адвокат, г-н И. действительно подписал доверенность и переслал ее адвокату, однако тот впоследствии ее потерял. Адвокат еще раз разговаривал с г-ном И. 8 мая 1996 года и во время этого разговора попросил у него разрешения на то, чтобы к работе над данным делом подключился г-н Колин Макдональд.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо заявление, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен, согласно правилу 87 своих правил процедуры, принять решение о том, является ли оно приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Государство-участник возражает против признания данного сообщения приемлемым на том основании, что оно не было представлено самой жертвой предполагаемого нарушения Пакта. Комитет отмечает тот факт, что адвокат, передавший сообщение, не являлся представителем г-на И. в ходе рассмотрения его дела во внутригосударственных судах и не предъявил письменной доверенности, позволяющей ему действовать от имени г-на И. Что касается телефонного разговора между адвокатом и г-ном И. (запись которого была передана Комитету), то было установлено, что в этом разговоре адвокат сообщил г-ну И. о своем желании передать на рассмотрение Комитета по правам человека вопрос существа (обязано ли государство-участник уведомлять лиц, незаконным образом попадающих на территорию Австралии, об их праве воспользоваться услугами адвоката), и спросил, согласится ли г-н И. на то, чтобы адвокат для рассмотрения данного вопроса представил сообщение от его имени. Из записи телефонного разговора следует, что, согласно объяснениям адвоката, данным г-ну И., вышеуказанное сообщение никаких последствий (положительных или отрицательных) лично для г-на И. иметь не будет, и г-н И. сказал лишь, что он не имеет возражений против представления адвокатом подобного сообщения. Несмотря на то, что между депортацией г-на И. и вышеуказанным телефонным разговором прошло 24 дня, адвокат не получил никаких указаний от г-на И. по существу сообщения. После депортации г-на И. из Австралии адвокат потерял с ним связь.

6.3 Комитет всегда придерживался широких взглядов в том, что касается права предполагаемых жертв быть представленными адвокатом в вопросе передачи сообщений в соответствии с Факультативным протоколом. Однако адвокат, действующий от имени жертвы предполагаемого нарушения, должен доказать, что жертва (или ее ближайшие родственники) предоставила ему реальные полномочия действовать от своего имени или что существовали определенные обстоятельства, которые помешали адвокату получить такие полномочия, либо, учитывая близкие отношения между адвокатом и предполагаемой жертвой в прошлом, было бы справедливо предположить, что жертва действительно уполномочила адвоката представить сообщение Комитету по правам человека. Комитет считает, что в настоящем деле адвокату не удалось доказать применимость одного из вышеуказанных условий, поэтому Комитет приходит к заключению, что адвокат не доказал свое право действовать от имени г-на И. в вопросе представления настоящего сообщения. Данное сообщение не удовлетворяет требованию статьи 1 Факультативного протокола, заключающемуся в том, что сообщение должно быть представлено жертвой предполагаемого нарушения. Исходя из этого, Комитет приходит к заключению, что сообщение является неприемлемым.

7. Учитывая вышеизложенное, Комитет по правам человека принимает решение о том, что:

- a) данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола;
- b) данное решение должно быть сообщено государству-участнику и адвокату.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

D. Сообщение № 777/1997, Санчен Лопес против Испании
(Решение принято 18 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Антонио Санчесом Лопесом
(представлен Хосе Луисом Масоном Коста)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Испания

Дата сообщения: 22 октября 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 18 октября 1999 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-н Антонио Санчес Лопес, преподаватель начальной школы, проживающий в Молина-де-Сегура, Мурсия, Испания. Он утверждает, что является жертвой нарушения Испанией пунктов 2 и 3 г) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат г-н Хосе Луис Масон Коста.

Факты в изложении автора

2.1 5 мая 1990 года автор ехал на своем легковом автомобиле со скоростью 80 км/час в зоне, где скорость движения была ограничена 60 км/час. Автомобиль был сфотографирован после его обнаружения полицейским радаром. Генеральный департамент дорожного движения (министерства внутренних дел предложил ему как владельцу транспортного средства, с помощью которого было совершено нарушение,

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирого, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Макссуэлл Ялден.

указать фамилию и имя человека, совершившего нарушение, или водителя транспортного средства, иными словами, самого себя. Это требование было выдвинуто на основе части 3 статьи 72 королевского законодательного декрета № 339/1990 (закона о безопасности дорожного движения (ЗБДД) (*Ley de Seguridad Vial (LSV)*)), который гласит: "Владелец транспортного средства после обращения к нему надлежащего запроса обязан указать фамилию и имя водителя, ответственного за правонарушение; если он незамедлительно не выполняет эту обязанность без обоснованной причины, он подлежит штрафу за совершение серьезного правонарушения".

2.2 Получив этот запрос и в осуществление своего основного права не признавать себя виновным, г-н Санчес Лопес направил органам дорожного движения, письмо, в котором он заявил, что управлял транспортным средством не он и что ему не известно, кто находился за рулем, поскольку в тот период он временно давал автомобиль нескольким лицам. Как лицо, признанное виновным в совершении серьезного правонарушения, он был оштрафован на 50 000 песет (штраф за превышение скорости составлял 25 000 песет).

2.3 Автор обратился в суд (Отделение по административным спорам, Мурсия), заявив, что наложение штрафа представляет собой нарушение его основных прав, в частности права на презумпцию невиновности, права не признавать себя виновным и права не давать показания против самого себя, т.е. всех прав, которые закреплены в части 2 статьи 24 Конституции Испании. Он ходатайствовал также о возбуждении в испанском Конституционном суде иска о неконституционности. Вышеупомянутое компетентное Отделение отклонило апелляционную жалобу, постановив, что наказание было правомерным.

2.4 Это решение явилось предметом рассмотрения в рамках процедуры ампаро в Конституционном суде, который своим мотивированным определением от 2 февраля 1996 года отклонил апелляционную жалобу, сославшись на принцип, установленный в другом решении, принятом 21 декабря 1995 года Судом на пленарном заседании, на котором рассматривался ряд вопросов о неконституционности, поднятых судебными органами в связи с частью 3 статьи 72 ЗБДД.

2.5 Адвокат утверждает, что это решение является противоречивым, поскольку в нем признается основное право не давать показания против самого себя как неотъемлемый принцип Конституции Испании – право, которое применимо также к уголовному судопроизводству, связанному с несоблюдением действующих в стране административных норм. Однако оно содержит в себе серьезные противоречия, поскольку в нем утверждается, что обязанность владельца транспортного средства, принужденного раскрыть или указать фамилию и имя водителя, которым является он сам, не представляет собой нарушение основного права не признавать себя виновным. В этом

решении содержится особое мнение, подписанное двумя судьями, заявившими, что часть 3 статьи 72 ЗБДД, несомненно, нарушает основное право не давать показаний против самого себя.

Жалоба

3.1. Адвокат утверждает, что автор явился жертвой нарушения пункта 3 г) статьи 14 Пакта, поскольку он был вынужден признать себя виновным в той степени, в какой требование о необходимости указать соответствующие фамилию и имя было адресовано владельцу транспортного средства, которым по существу был водитель, ответственный за правонарушение. В этом случае он обязан сделать заявление о признании своей вины, что противоречит праву, закрепленному в Пакте.

3.2 Он утверждает далее, что был нарушен один из основополагающих элементов принципа презумпции невиновности (пункт 2 статьи 14), а именно то, что бремя доказывания лежит на обвинении, а не на защите, поскольку действие, которое по требованию властей должен был предпринять автор, равнозначно доказыванию им своей невиновности. В действительности же обязанность установить личность водителя, который, как предполагается, несет ответственность за правонарушение, лежит на самих властях³¹.

3.3 Настоящая жалоба не была направлена для рассмотрения в рамках какой-либо другой международной процедуры урегулирования.

Информация и замечания государства-участника и комментарии адвоката

4.1 В сообщении от 19 января 1998 года о приемлемости данного дела государство-участник просило признать его неприемлемым на основании пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку, по его мнению, настоящее сообщение идентично сообщению, представленному тем же адвокатом в Европейский суд по правам человека. Тем не менее государство-участник информирует Комитет о том, что в установленные сроки оно представит ответ по существу рассматриваемого вопроса.

³¹ В этой связи он ссылается на решение Европейского суда по правам человека по делу Озтюрк против Германии, которое было принято 21 февраля 1984 года, № 73 серия А, и в котором было определено, что гарантии, содержащиеся в статье 6 Европейской конвенции и касающиеся обвиняемых, в полной мере применимы к штрафным административным процедурам, когда государство само признает такой свод правил в отношении любой штрафной процедуры, даже если наказание, связанное с лишением свободы, не применяется автоматически.

4.2 В своем сообщении от 20 мая 1998 года относительно существования дела государство-участник вновь настаивает на том, что жалобу следует признать неприемлемой. Факты государством-участником не оспариваются, однако оно полагает, что не имело место нарушений никаких прав, закрепленных в Пакте, поскольку потенциальная опасность, создаваемая автотранспортными средствами, требует строгого соблюдения правил дорожного движения.

4.3 Далее оно обращает внимание на обязательное условие по испанскому законодательству, в соответствии с которым правонарушение должно быть "персонализировано". Правонарушение не может быть автоматически вменено в вину владельцу транспортного средства, поэтому закон требует, чтобы была установлена личность конкретного правонарушителя. Им может быть или может не быть владелец, и если владельцем транспортного средства является юридическое лицо, то речь безусловно будет идти о разных людях. Следовательно, согласно адвокату государства-участника, часть 3 статьи 72 ЗБДД предусматривает, что компетентный орган должен направить владельцу транспортного средства сообщение, в котором излагается суть претензии (превышение скорости), и предлагается сообщать Департаменту дорожного движения фамилию, имя и адрес водителя и содержится предупреждение о том, что в противном случае он как владелец будет рассматриваться в качестве лица, не выполнившего обязанность сотрудничать с властями. Хотя владелец легкового автомобиля ответил, что ему не известно, кто находился за рулем автомобиля в данный день, он представил перечень из 17 возможных водителей. Административные органы придерживались того мнения, что такой ответ не является равнозначным надлежащему исполнению обязанности сотрудничать с властями и после соответствующих административных формальностей предъявили г-ну Санчесу штраф в размере 50 000 песет за совершение серьезного правонарушения. Государство-участник утверждает, что наказание было назначено правонарушителю за неисполнение предусмотренной в ЗБДД правовой обязанности владельца транспортного средства указать фамилию и имя водителя, ответственного за правонарушение, а не как следствие наложения штрафа за превышение скорости, который государство-участник предъявлять не стало. Кроме того, оно считает, что наказание для автора было назначено по завершении процессуальных действий, включающих рассмотрение заявления автора о его невиновности и соблюдение всех процессуальных гарантий, причем все эти процессуальные действия являлись предметом судебного пересмотра на состязательной основе и были подтверждены Конституционным судом.

4.4 Что касается возможного нарушения пункта 2 статьи 14 Пакта (презумпция невиновности), то адвокат государства-участника считает, что, поскольку Конституционный суд отклонил доводы на том основании, что они не были подтверждены доказательствами, это равнозначно неисчерпанию внутренних средств

правовой защиты, поэтому жалобу следует признать неприемлемой. В этой связи адвокат государства-участника отмечает, что, по всей видимости, автор путает принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве за нарушение правил дорожного движения (указанное производство было прекращено) и уголовном судопроизводстве за отказ сотрудничать с властями.

4.5 В связи с предполагаемым нарушением пункта 3 g) статьи 14 Пакта автор полагает, что упомянутое выше положение национального законодательства обязывает его давать показания против самого себя или признавать себя виновным, что противоречит положениям Пакта. Адвокат государства-участника утверждает, что, согласно решению от 21 декабря 1995 года, Конституционный суд постановил, что "принципы, лежащие в основе уголовного законодательства, применимы с определенными нюансами к административному праву, связанному с наказаниями". Суд обращает также внимание на "необходимость проявления осторожности, когда основные гарантии, касающиеся процедуры и непосредственно связанные с уголовным судопроизводством, передаются в административную сферу в отношении наказаний, поскольку такую операцию нельзя производить автоматически, если учитывать существующую разницу между двумя типами процессуальных норм".

4.6 Что касается рассматриваемого дела, то назначенное автору наказание не является следствием какого-либо нарушения правил дорожного движения, будучи следствием правонарушения, совершенного владельцем транспортного средства и связанного с обязанностью сотрудничать, что требуется по закону от любого владельца транспортного средства. Эта обязанность вытекает из потенциального риска, который в случае использования автотранспортных средств может возникнуть для жизни, здоровья и безопасности других людей. Согласно адвокату государства-участника, следует также учитывать требование относительно того, что наказание должно назначаться конкретному человеку, а это возлагает на компетентные органы обязанность привлечь к ответственности за нарушение правил дорожного движения лицо, виновное в этом нарушении, иными словами, водителя транспортного средства, находившегося за рулем в конкретный момент, а не владельца транспортного средства.

4.7 По мнению адвоката государства-участника, обязанность сотрудничать, предусмотренная в части 3 статьи 72 ЗБДД, ни в коем случае не требует от владельца транспортного средства делать заявление о предполагаемом нарушении правил дорожного движения и признавать тем самым свою виновность или брать на себя ответственность. В этой связи он добавляет, что Конституционный суд со всей определенностью постановил, что, хотя в положениях закона содержатся слова "указать фамилию и имя водителя, ответственного за правонарушение", эта формулировка "в юридическом отношении неудачна", поскольку цель обязанности сотрудничать заключается не в том,

чтобы указать фамилию и имя ответственного за правонарушение лица, а только в том, чтобы сообщить о человеке, который управлял транспортным средством. Поэтому именно к этому человеку должны обращаться компетентные органы при применении процедуры назначения наказания, предусмотренной в статье 73. После завершения надлежащей процедуры с соблюдением всех конституционных и правовых гарантий властям надлежит установить, виновно ли конкретное лицо в соответствующем правонарушении.

5.1 Адвокат автора отвергает претензию на неприемлемость, выдвинутую государством-участником: хотя жалоба, направленная в Европейскую комиссию по правам человека, связана с этим же вопросом, в данной жалобе речь не идет о тех же правонарушениях, той же жертве и, безусловно, тех же решениях испанских судов, включая соответствующее ходатайство, касающееся процедуры ампаро.

5.2 В связи с сообщениями государства-участника по существу вопроса адвокат автора по-прежнему настаивает на обоснованности своих утверждений о нарушениях пунктов 2 и 3 g) статьи 14 Пакта. Таким образом, он вновь подчеркивает, что в связи с частью 2 статьи 73 ЗБДД не возникает проблем, когда водителем транспортного средства не является владелец, однако ситуация имеет иной характер, если водителем является владелец, поскольку как владелец он вынужден давать показания против самого себя, так как он должен назвать фамилию и имя водителя, т.е. самого себя. Аргументация государства-участника основана на отрицании буквального смысла положения, нарушающего Пакт, поскольку оно утверждает, что в этом положении предусмотрено то, о чем в нем не говорится.

5.3 Что касается довода относительно необходимости защиты общества от опасности использования автотранспортных средств, то адвокат автора поясняет, что государство-участник может соблюсти обязательство по определению персональной ответственности за правонарушение путем установления личности водителя в момент совершения правонарушения с помощью использования двух полицейских автомобилей: одного автомобиля с радаром и второго - для остановки транспортного средства, как это применяется в рамках нынешней практики испанской полицией. Данная практика, которая, согласно адвокату, сейчас используется повсеместно, лишь подтверждает утверждение о несовместимости положения, содержащегося в части 3 статьи 72 ЗБДД, с правом не признавать себя виновным, которое защищено Пактом.

5.4 В связи с вопросом о нарушении принципа презумпции невиновности, предусмотренного в пункте 2 статьи 14 Пакта, адвокат утверждает, что государство-участник нарушило это право, поскольку оно возложило бремя доказывания, которое должно лежать на обвинителе (в данном случае на дорожных властях), на другую сторону;

власти по существу потребовали от владельца представить доказательства того, кто управлял транспортным средством. Что касается довода государства-участника относительно невозможности ссылки автора на это право, поскольку он не задействовал его в национальных судах, то адвокат отвергает этот довод, так как этот вопрос поднимался в Конституционном суде, который отклонил его, по мнению адвоката, из-за чрезмерного формализма суда, не пожелавшего рассмотреть данное дело по существу.

Соображения о приемлемости

6.1 До рассмотрения любой жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о его приемлемости согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В связи с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет не может согласиться с доводом государства-участника относительно того, что "этот же вопрос" уже был представлен на рассмотрение Европейского суда по правам человека, поскольку другой человек представил свое конкретное дело на рассмотрение этого органа на основании, по всей очевидности, идентичной жалобы. По смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола слова "этот же вопрос" следует понимать как относящиеся к одной и той же жалобе, касающейся одного и того же лица и представленной данным лицом или каким-либо лицом, уполномоченным действовать от его имени, другому международному органу. Поскольку государство-участник само признало, что автор настоящего сообщения не передавал своего конкретного дела на рассмотрение Европейского суда по правам человека, Комитет по правам человека считает, что ему ничто не препятствует рассмотреть это сообщение в соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола³².

6.3 Комитет отмечает, что для целей Факультативного протокола все имеющиеся внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, при этом Конституционный суд отклонил ходатайство о процедуре ампаро. В этой связи Комитет принял к сведению тот факт, что государство-участник оспаривает приемлемость утверждения о нарушении принципа презумпции невиновности (пункт 2 статьи 14) на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Комитет также принимает к сведению представленную ему письменную информацию о том, что на предполагаемые нарушения принципа презумпции невиновности было обращено внимание Конституционного суда и что последний отклонил это ходатайство. Комитет считает, что в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола ничто в обстоятельствах данного дела не препятствует ему рассмотреть это сообщение.

³² См. сообщение № R/18/75 (Фанели против Италии).

6.4 В связи с утверждением о том, что права автора на презумпцию невиновности и право не давать показаний против самого себя, защищаемые пунктами 2 и 3 g) статьи 14 Пакта, были Испанией нарушены, поскольку он был вынужден указать фамилию и имя владельца транспортного средства, которое было зарегистрировано как нарушившее правила дорожного движения, Комитет считает, что имеющаяся в его распоряжении документация указывает на то, что автор был подвергнут наказанию за отказ от сотрудничества с властями, а не за нарушение правил дорожного движения. Комитет по правам человека полагает, что наказание за отказ от такого сотрудничества с властями выходит за сферу применения вышеупомянутых пунктов Пакта. Таким образом, данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола.

7. В этой связи Комитет по правам человека постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола;
- b) сообщить о настоящем решении государству-участнику и адвокату автора.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Е. Сообщение № 785/1997, Вюйтс против Нидерландов
(Решение принято 17 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: г-ном Александром Вюйтсом (представлен адвокатом
г-ном Е.Т. Хюммельсом)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Нидерланды

Дата сообщения: 24 июня 1996 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 17 июля 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-н Александр Вюйтс, гражданин Бельгии, родившийся 22 февраля 1974 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Нидерландами статьи 10 Пакта. Его представляет г-н Е.Т. Хюммельс.

Представленные факты

2.1 11 февраля 1994 года автор сообщения был осужден по нескольким пунктам обвинения, включающим кражу с использованием насилия или угрозы применения насилия против отдельных лиц, а также попытку и угрозы нанесения тяжких телесных повреждений. Он был приговорен к восьми месяцам тюремного заключения и по распоряжению Ее Величества Королевы содержался под стражей для принудительного

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н П.Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Абдалла Захья.

лечения в психиатрической больнице. Первоначально был установлен срок содержания под стражей в течение двух лет с последующим продлением. В соответствии с решением суда лечение автора должно было начаться 3 марта 1994 года, однако, как утверждает его адвокат, в действительности оно началось только 17 марта 1995 года, т.е. более года спустя. В течение этого периода времени автор содержался под стражей, не получая никакой врачебной помощи.

2.2 Окружной суд Мидделбурга 6 февраля 1996 года принял решение о возобновлении лечения автора в течение двух лет. Суд пришел к заключению о том, что, согласно результатам психиатрического обследования, состояние автора не улучшилось и что он отказывается принимать соответствующие лекарственные препараты. После рассмотрения апелляции Апелляционный суд в Арнеме подтвердил 19 июня 1996 года решение Окружного суда.

Жалоба

3. Адвокат утверждает, что автор является жертвой нарушения статьи 10 Пакта, поскольку он более года содержался под стражей без какого-либо лечения, хотя такое лечение было предписано решением суда. Он также утверждает, что, если бы лечение началось вовремя, необходимости в продлении срока лишения свободы не было бы. Адвокат заявляет, что в данных обстоятельствах любое дальнейшее лечение должно носить исключительно добровольный характер, а лишение автора свободы является нарушением принципа уважения достоинства, присущего человеческой личности и, следовательно, статьи 10 Пакта.

Замечания государства-участника о приемлемости сообщения и комментарии по ним адвоката

4.1 В своем представлении от 10 апреля 1998 года государство-участник объясняет, что 3 марта 1994 года – т.е. в тот день, когда должно было начаться лечение автора, – ни в одной из больниц свободных мест не оказалось, поэтому его поместили в отделение усиленного наблюдения в центре задержания. 20 декабря 1994 года он был временно помещен в клинику института Мейерса в городе Утрехте, а 17 марта 1995 года переведен в клинику Ван дер Хевен в том же городе. Таким образом, государство-участник оспаривает утверждение автора о том, что ему пришлось ждать более одного года, прежде чем его поместили в больницу, поскольку в действительности период ожидания не превышал девять с половиной месяцев. Кроме того, государство-участник уведомляет Комитет о том, что решением суда от 24 февраля 1998 года принудительное двухгодичное лечение автора было вновь возобновлено.

4.2 Государство-участник сообщает, что 20 марта 1997 года Апелляционный суд Гааги вынес решение по делу, подобному делу автора сообщения, которое обязывает государство выплатить лицу, в отношении которого суды вынесли решение о принудительном психиатрическом лечении, по 150 гульденов за каждый день после окончания трех месяцев содержания под стражей без получения установленного лечения. Государство обжаловало данное решение в кассационном суде, и это дело в настоящее время рассматривается³³. После вынесения этого решения адвокат автора 21 марта 1997 года обратился к государству с требованием выплатить компенсацию, и 20 июня 1997 года государство предложило ему компенсацию в размере 3 000 гульденов. Государство-участник объясняет, что в ожидании окончания кассационного рассмотрения судебного решения оно не считает себя виновным и готово выплатить лишь 3 000 гульденов при условии, что истец пообещает не возбуждать новых судебных процессов против государства.

4.3 Государство-участник утверждает, что данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 5(2) b) Факультативного протокола, поскольку в настоящее время идут переговоры о выплате компенсации за время, проведенное в заключении в ожидании помещения в психиатрическую больницу. В том случае, если согласия по данному вопросу достичь не удастся, автор вправе обратиться в суд с требованием о выплате компенсации. Как утверждает государство-участник, суды во многих подобных случаях уже выносили положительные решения о предоставлении компенсации.

5. В своих комментариях адвокат отмечает, что институт Мейерса является не психиатрической больницей, а распределительным учреждением. Далее, он утверждает, что автор исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты, поскольку он подал апелляцию на решение Окружного суда Мидделбурга о продлении срока принудительного лечения на два года, ссылаясь на статью 10 Пакта. Апелляционный суд отклонил его апелляцию, так как счел, что период содержания под стражей в ожидании помещения в больницу является нежелательным явлением, однако отнюдь не нарушением статьи 10 Пакта. Адвокат добавляет, что от автора трудно ожидать возбуждения какого-либо гражданского процесса по данному делу.

Замечания государства-участника по существу сообщения и комментарии адвоката

6.1 В своем представлении от 20 июля 1998 года государство-участник рассматривает существо сообщения. В данном случае оно хотело бы выделить два вопроса. Первый

³³ Информация о кассационном рассмотрении решения Верховного суда содержится в пункте 6.5 ниже.

вопрос состоит в том, было ли обращение с автором во время его содержания под стражей в ожидании помещения в психиатрическую больницу несовместимым с требованиями статьи 10(1) Пакта. И второй заключается в том, является ли несовместимым с принципом "гуманного обращения и уважения достоинства, присущего человеческой личности" тот факт, что решение о принудительном лечении не могло быть выполнено немедленно.

6.2 Что касается первого вопроса, то государство-участник отмечает, что автор содержался в надежно охраняемом больничном отделении центра предварительного заключения (Отделении индивидуального наблюдения), в котором содержатся лица с психическими отклонениями. В данном отделении обеспечивается особый уход, учитывающий индивидуальные проблемы содержащихся под стражей лиц. Каждый задержанный содержится в отдельной камере с кроватью, туалетом и умывальником и, как правило, с телевизором. Кроме того, в отделении есть общая комната для отдыха и развлечений. Расписание дня составлено с учетом нужд содержащихся под стражей лиц. Профессиональный уровень сотрудников здесь выше, чем в других отделениях центра предварительного заключения, позволяя расширить возможности социальных контактов с содержащимися под стражей лицами, и в этой связи персонал отделения проходит специальную подготовку. За состоянием каждого заключенного тщательно следят и при появлении каких-либо признаков нежелательных изменений об этом ставят в известность психолога, который в случае необходимости может вызвать и психиатра. При обострении больной помещается в Отделение судебно-медицинского наблюдения и надзора, что в случае автора сообщения не было признано необходимым. Государство-участник приходит к заключению о том, что условия содержания автора под стражей не противоречат требованиям статьи 10(1) Пакта.

6.3 Что касается второго вопроса, то государство-участник утверждает, что то время, которое автор провел в ожидании помещения в психиатрическую больницу, не имеет отношения к условиям содержания под стражей, к которым может применяться статья 10(1). Государство-участник заявляет, что эта часть сообщения должна быть признана неприемлемой как не подпадающая под статью 10 Пакта.

6.4 Кроме того, государство-участник отмечает тот факт, что автор оспаривает законность содержания его под стражей. Однако, как заявляет государство-участник, вопрос о том, является ли содержание под стражей законным или нет, не имеет отношения к определению факта нарушения статьи 10 Пакта, касающейся гуманного обращения во время содержания под стражей (законного или незаконного). Что же касается законности, то государство-участник ссылается на решение Верховного суда от 5 июня 1998 года по делу, сходному с делом автора сообщения, в котором суд постановил, что министр юстиции в соответствии с Положением о порядке исполнения решений о принудительном

лечении не обязан принимать меры для того, чтобы для лиц, в отношении которых принято решение о принудительном лечении в любое время, имелись для этого в наличии необходимые возможности. В Положении указывается только то, что министр должен "как можно скорее" принять решение о помещении в психиатрическую лечебницу. Верховный суд счел, что "определенное расхождение между имеющимися в наличии и необходимыми возможностями" является приемлемым с точки зрения эффективного распределения финансовых ресурсов. Суд постановил, что шестимесячный период ожидания является вполне приемлемым для общества. В том случае, если пребывание какого-либо лица в центре предварительного заключения длится дольше шести месяцев, Верховный суд считает такое содержание под стражей незаконным, если только это не вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

6.5 Государство-участник указывает, что в соответствии с решением Верховного суда незаконность связана не с длящимся лишением какого-либо лица свободы, а с отсутствием возможности начать лечение в соответствующем учреждении в надлежащие сроки. В таких случаях приемлемым решением является выплата компенсации.

6.6 Таким образом, государство-участник оспаривает заявление автора о том, что его принудительное лечение может рассматриваться как незаконное вследствие задержки начала лечения. В том случае, если автор считает, что в результате продления срока лечения ему был нанесен вред, он по-прежнему может подать в суд иск с требованием выплаты ему компенсации государством.

7. В своих комментариях адвокат утверждает, что статья 10 предусматривает ясно выраженную обязанность государства-участника обеспечить психиатрическое лечение лица, в отношении которого решение о таком лечении принял суд. В центре предварительного заключения такого лечения предоставлено не было. Касаясь вопроса о средствах правовой защиты, адвокат утверждает, что компенсация не равносильна адекватной защите и что изложение государством-участником своих доводов является косвенным признанием нарушения статьи 10.

8.1 В своем дополнительном представлении государство-участник оспаривает заявление адвоката о том, что институт Мейерса является скорее распределительным, чем лечебным учреждением. По распоряжению министра юстиции этот институт выполняет функции центра по уходу за лицами, подлежащими принудительному лечению. В действительности же выполняет двойную функцию. Он действует в качестве распределительного центра, осуществляя в течение семи недель наблюдение за лицами, в отношении которых принято решение о принудительном лечении, с тем чтобы рекомендовать министру юстиции наиболее подходящее для их лечения учреждение, а при необходимости институт обеспечивает и лечение. В данном случае автору было

обеспечено лечение сразу же после его поступления в институт в ожидании помещения в клинику Ван дер Хевен.

8.2 Государство-участник присоединяется к решению председателя Окружного суда Гронингена от 7 апреля 1993 года по делу, аналогичному делу автора. В том случае истец обратился к суду с просьбой о том, чтобы суд обязал государство в течение двух недель поместить его в психиатрическую больницу для принудительного лечения. Суд удовлетворил его просьбу. Как указывает государство-участник, данный случай доказывает, что автор настоящего сообщения вполне мог воспользоваться эффективными средствами правовой защиты.

9. В своих комментариях адвокат повторяет, что институт Мейерса является распределительным учреждением и не предназначен для прохождения полноценного лечения, даже в том случае, если он и предоставляет услуги по краткосрочному лечению. Далее адвокат утверждает, что решение председателя Окружного суда Гронингена не имеет отношения к делу автора.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

10.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

10.2 Комитету надлежит рассмотреть два вопроса. Первый: является ли тот факт, что государство-участник не поместило автора безотлагательно в психиатрическую больницу для лечения, нарушением статьи 10 в течение этого периода. И второй: является ли длительное принудительное лечение и лишение автора свободы нарушением статьи 10 вследствие задержки начала лечения.

10.3 Что касается первого вопроса, то Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор не исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты, поскольку он мог обратиться в суд с требованием поместить его в психиатрическую больницу, а в случае отрицательного решения – выплатить компенсацию. Доводы адвоката, утверждающего, что автор исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты, поскольку он оспорил решение о возобновлении принудительного лечения на том основании, что оно является нарушением статьи 10, относятся только ко второму вопросу, который должен рассмотреть Комитет. Комитет принял к сведению тот факт, что суды Нидерландов в случаях, аналогичных случаю автора, удовлетворяли просьбы о немедленном помещении в психиатрическую больницу и дополнительно о компенсации, и поэтому Комитет считает, что данный выход мог бы являться эффективным средством правовой защиты, имеющимся в распоряжении автора. Тот факт, что автор не воспользовался этим средством, делает эту часть сообщения неприемлемой в соответствии со статьей 5(2) b) Факультативного протокола.

10.4 Комитет считает, что автор исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты в отношении второго вопроса. Однако Комитет приходит к заключению, что ни доводы адвоката, ни представленные материалы не доказывают, для целей приемлемости, что длительное лишение автора свободы для принудительного лечения в психиатрической больнице может рассматриваться как нарушение статьи 10 Пакта. Учитывая обстоятельства дела, данная часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

10.5 Комитет отмечает, что факты настоящего дела могут вызвать вопросы, подпадающие под действие статьи 9 Пакта. Однако, поскольку сами стороны данного вопроса не подняли, Комитет считает, что ему не следует высказывать в данном случае свою точку зрения.

11. Учитывая все вышеизложенное, Комитет по правам человека постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 2 и 5(2) b) Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Ф. Сообщение № 807/1998, Кутни против Чешской Республики
(Решение принято 20 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: г-ном Ота Кутни

Предполагаемая жертва: Автор сообщения и его брат Антонин

Государство-участник: Чешская Республика

Дата сообщения: 24 января 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 20 марта 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Ота Кутни, чешский гражданин, в настоящее время проживающий в Вене, Австрия. Он представляет настоящее сообщение от своего имени и от имени своего брата, Антонина Кутни. Они утверждают, что стали жертвами нарушения статьи 26 Пакта со стороны Чешской Республики.

Факты в изложении автора

2.1 Тетя и дядя автора, оба являвшиеся чешскими гражданами, совместно владели домом в Праге, который они купили в 1935 году. После второй мировой войны

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойнен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья.

принадлежавшая тете автора собственность была конфискована в соответствии с указом № 108/1945 Бенеша, а сама она была лишена чешского гражданства за якобы враждебные действия по отношению к Чехословакии. Однако 5 марта 1947 года Чрезвычайный народный суд снял с нее обвинения и постановил вернуть ей чешское гражданство. Вместе с тем решением от 11 января 1951 года Районный национальный совет утвердил постановление о конфискации ее собственности на основании указа № 108/1945 Бенеша. Тетя автора умерла в 1975 году, и единственной ее наследницей стала мать автора. 2 сентября 1991 года мать автора подала иск в районный суд Праги с требованием возратить конфискованное имущество. После ее смерти, 15 апреля 1992 года, автор сообщения и его брат продолжили выступать в качестве истцов, будучи ее наследниками. Однако 12 сентября 1995 года суд отклонил их иск на том основании, что упомянутая конфискация была произведена до 25 февраля 1948 года, т. е. до начала периода, предусмотренного Законом о реституции № 87/1991. Как представляется, суд пришел к выводу, что указ от 11 января 1951 года является не новым решением, а подтверждением решения, принятого в 1945 году в соответствии с Указом Бенеша. Поданная автором апелляционная жалоба на это решение была отклонена 16 февраля 1996 года, и 24 сентября 1996 года Конституционный суд отклонил новое ходатайство автора о пересмотре принятого решения.

2.2. Из сообщения следует, что требование автора о реституции также относится и к той части собственности, которая ранее принадлежала его дяде. Утверждается, что эта часть собственности была конфискована после второй мировой войны, однако точной даты конфискации не приводится. Дядя автора скончался в 1961 году, и единственной наследницей стала тетя автора.

Жалоба

3. Автор утверждает, что суд не принял во внимание указа от 11 января 1951 года, на основании которого на конфискацию распространяется действие Закона о реституции. Согласно утверждениям автора, принятое в 1951 году решение Совета стало явным актом преследования по политическим мотивам, поскольку с его тети были сняты все обвинения во враждебной деятельности. Автор сообщения считает себя жертвой дискриминации, поскольку ему было отказано в реституции, несмотря на соблюдение всех требований, предусмотренных в Законе о реституции. В этой связи он предполагает, что указанная дискриминация может быть связана с его политическими убеждениями, поскольку в 1970 году он иммигрировал из Чехословакии по политическим причинам.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости

4.1 Государство-участник утверждает, что рассматриваемое сообщение следует объявить неприемлемым за неисчерпанием внутренних средств правовой защиты. Государство-участник утверждает, что Конституционный суд отказал автору в удовлетворении его ходатайства в связи с тем, что он не представил дополнительную информацию, запрошенную Судом. По словам государства-участника, Конституционный суд в соответствии со статьей 72 Закона о Конституционном суде предложил автору сообщения указать, на какие права, предусмотренные в международных договорах в области прав человека, охватываемых статьей 10 Конституции, он намерен сослаться. Поскольку ни сам автор, ни его адвокат такую информацию не представили, Суд постановил не продолжать производства по делу и отклонил жалобу. Государство-участник отмечает, что Суд не отклонял это дело по мотивам существа, и указывает, что автор может вновь обратиться в Конституционный суд.

4.2 Государство-участник также утверждает, что в Пакте не гарантируется право собственности и что сообщение, таким образом, является неприемлемым *ratione materiae*. В этой связи государство-участник отмечает, что автор сообщения не упомянул никаких нарушений права на справедливое судебное разбирательство или каких-либо примеров дискриминации.

4.3 Государство-участник далее утверждает, что сообщение является неприемлемым *ratione temporis*, поскольку якобы имевшая место дискриминационная конфискация была произведена до вступления в силу Пакта.

Комментарии автора в связи с замечаниями государства-участника

5.1 В своем ответе автор утверждает, что он исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Он заявляет, что его не информировали о каких-либо возможных дефектах его ходатайства, поданного в Конституционный суд.

5.2 Автор утверждает, что его сообщение является приемлемым *ratione materiae*, поскольку он стал жертвой дискриминации в нарушение статьи 26 Пакта.

5.3 Что касается довода государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым *ratione temporis*, то автор считает, что он был ущемлен в своих правах решениями Суда от 12 сентября 1995 года, 16 февраля 1996 года и 24 сентября 1996 года, которые были приняты после вступления в силу Пакта в Чешской Республике.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения любого утверждения, содержащегося в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры должен принять решение о приемлемости рассматриваемого сообщения в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет принял к сведению возражения государства-участника, касающиеся приемлемости сообщения, и комментарии автора сообщения. Комитет считает, что в части утверждения автора о том, что указ от 11 января 1951 года является дискриминационным, такое утверждение выходит за рамки компетенции Комитета *ratione temporis* и, следовательно, является неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола.

6.3 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, поскольку ходатайство автора, поданное в Конституционный суд, не отвечало установленным требованиям. Автор оспаривает это утверждение, однако Комитет на основании текста постановления Конституционного суда от 24 сентября 1996 года отмечает, что автор был проинформирован о дефектах его ходатайства и имел возможность устранить эти дефекты, но не воспользовался этой возможностью. На основе этой информации Комитет делает вывод, что сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты.

7. Комитет по правам человека, следовательно, постановляет:

- a) объявить данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 1 и 5 2) b) Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

[Принято на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве настоящего доклада.]

G. Сообщение № 816/1998, Тэдман и другие против Канады
(Решение принято 29 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Грантом Тэдманом и другими (представлен г-ном Брайаном Форбсом из "Форбс Сингер Смит Шоулдис", юридической фирмы в Оттаве, Онтарио).

Предполагаемая жертва: Авторы сообщения

Государство-участник: Канада

Дата сообщения: 11 апреля 1997 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 29 октября 1999 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1.1 Авторами сообщения являются Грант Тэдман, Сандра Джонстон, Никт Крстанович и Хенри Бейсел, канадские граждане, проживающие в провинции Онтарио. Они утверждают, что являются жертвами нарушения статьи 26, пунктов 1, 2 и 3 статьи 2 и статьи 50 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их представляет г-н Брайан Форбс из "Форбс Сингер Смит Шоулдис", юридической фирмы в Оттаве, Онтарио.

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафулладандра Н. Бхагвати, г-жа Кристин Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин и г-н Абдалла Захья. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета, г-н М. Ялден в рассмотрении дела не участвовал. Текст особого мнения, подписанного четверью членами Комитета, содержится в добавлении к настоящему документу.

1.2 В провинции Онтарио школы при Римской католической церкви являются единственными религиозными школами, полностью финансируемыми из государственного бюджета. Вместе с тем авторы сообщения принадлежат к различным религиозным конфессиям: Объединенной церкви Канады, Лютеранской церкви, Сербско-православной церкви и Гуманистической церкви. Все они имеют детей школьного возраста, которые учатся в государственных школах.

Факты

2.1 Государственная школьная система Онтарио обеспечивает бесплатное образование всем жителям Онтарио без какой-либо дискриминации по признаку религии или какому-либо иному признаку. Государственные школы не имеют права заниматься преподаванием религии. Частные лица имеют право создавать частные школы и обучать своих детей в этих школах. Единственным требованием для открытия частной школы в Онтарио является "уведомление о намерении создать частную школу". Частные школы в Онтарио не требуют каких-либо лицензий или предварительного решения правительства. По состоянию на 30 сентября 1989 года, в этой провинции насчитывалось 64 699 учащихся, посещающих 494 частные школы. 3,3% всех детей в Онтарио посещают частные школы.

2.2 Система финансирования специальных школ в провинции Онтарио восходит к Конституции Канады 1867 года. В 1867 году католики составляли 17% всего населения Онтарио, в то время как количество протестантов достигало 82%. Лица, принадлежащие к другим конфессиям, в своей совокупности составляли лишь 0,2%. В период Конфедерации возникло опасение того, что новая провинция Онтарио будет контролироваться протестантским большинством, которое может распространить свое влияние на систему образования и лишить римско-католическое меньшинство его прав. Было принято решение гарантировать их права на религиозное образование и зафиксировать эти права в законодательстве, существовавшем в то время.

2.3 Вследствие этого решения Конституция Канады 1867 года в статье 93 содержит четкие гарантии прав на существование религиозных школ. Статья 93 Конституции 1867 года предоставляет каждой провинции Канады эксклюзивные полномочия в отношении принятия законов об образовании, ограниченные лишь правами на религиозные школы, которые были предоставлены в 1867 году. В Онтарио статья 93 Конституции осуществляется в рамках закона об образовании. В соответствии с этим законом каждая специальная школа имеет право на полное государственное финансирование. Специальные школы определяются как римско-католические школы. В законе об образовании говорится: "1. (1) "совет специальной школы" означает совет,

регулирующей деятельность школьного совета римских католиков;... 122. (1) Каждая специальная школа получает установленные законом субсидии по аналогии с государственной школой. В результате этого римско-католические школы являются единственными религиозными школами, имеющими право на такое же государственное финансирование, как и государственные нерелигиозные школы.

2.4 Система специальных римско-католических школ не является частной школьной системой. Как и государственная школьная система, она финансируется избираемым демократическим путем советом по вопросам образования, подотчетным государству. Советы специальных школ избираются римско-католическими налогоплательщиками, и эти школьные советы имеют право руководить конфессиональными аспектами деятельности специальных школ. В отличие от частных школ римско-католические специальные школы обязаны выполнять все распоряжения и постановления министерства. По словам адвоката, дополнительные расходы по содержанию системы специальных школ, помимо государственной школьной системы, составляют 200 млн. долл. в год только для средних школ. Ни статья 93 Конституции 1867 года, ни закон об образовании не предусматривают государственного финансирования римско-католических частных независимых школ. В Онтарио существует десять частных/независимых римско-католических школ, которые не получают прямой финансовой поддержки от государства.

2.5 Частные религиозные школы в Онтарио получают финансовую помощь в форме 1) освобождения от поимущественных налогов на некоммерческие частные школы; 2) вычетов из подоходных налогов в связи с обучением по религиозной программе; и 3) вычетов из подоходного налога на цели благотворительности. В докладе 1985 года указывается, что объем государственной помощи частным школам в Онтарио составляет примерно одну шестую средних расходов на ученика в частной школе. В Канаде нет другой провинции, в которой частные школы получали бы финансовые средства наравне с государственными школами. Прямое финансирование частных школ колеблется от 0% (Ньюфаундленд, Нью-Брансуик, Онтарио) до 75% (Альберта).

2.6 Вопрос о государственном финансировании не католических религиозных школ в Онтарио был предметом внутренних тяжб начиная с 1978 года. По первому делу, возбужденному 8 февраля 1978 года, предлагалось сделать религиозное образование обязательным в отдельных школах, включив существующие еврейские школы в государственную школьную систему. В решении, принятом судами Онтарио 3 апреля 1978 года и подтвержденном 9 апреля 1979 года, было указано, что обязательное религиозное обучение в государственных школах является недопустимым.

2.7 В 1982 году в Конституцию Канады были внесены изменения и включена Хартия прав и свобод, содержащая положение о равенстве прав. В 1985 году правительство Онтарио решило внести изменения в Закон об образовании, распространив государственное финансирование римско-католических школ на 11-13-й классы. С середины 1800-х годов римско-католические школы получали полное финансирование начиная с детского сада и кончая 10-м классом. Вопрос о конституционности этого Закона (законопроект № 30) с учетом Канадской хартии прав и свобод был передан правительством Онтарио Апелляционному суду Онтарио в 1985 году.

2.8 25 июня 1987 года Верховный суд Канады, рассмотрев дело о законопроекте № 30, подтвердил конституционность этого законодательства, предоставляющего полное финансирование римско-католическим школам. По мнению большинства, статья 93 Конституции 1867 года, как и все права и привилегии, предоставляемые в соответствии с этой статьей, не подпадает под действие Хартии. Судья Вильсон при подготовке мнения большинства указала: "Не предполагалось, что... Хартия может использоваться для лишения законной силы других положений Конституции, в частности такого положения, каковым является статья 93, представляющая собой один из базовых компонентов компромиссного решения о Конфедерации".

2.9 В то же время Верховный суд Канады во мнении большинства, подготовленном судьей Вильсон, указывал: "Эти права на образование, непосредственно предоставленные... римским католикам в Онтарио, делают невозможным обеспечение принципа равного обращения по отношению ко всем канадцам. Основным принцип страны заключается в признании особых или неравных прав на образование для конкретных религиозных групп в Онтарио...". В аналогичном мнении Верховного суда судья Эстей Дж. утверждал, что: "Не требует доказательства тот факт (и многие адвокаты в суде согласились с этим мнением), что, если Хартия может каким-либо образом применяться по отношению к законопроекту № 30, этот законопроект будет считаться дискриминационным и нарушающим статьи 2 а) и 15 Хартии прав".

2.10 В деле Адлер против Онтарио представители кальвинистской или реформатской христианской церкви и приверженцы сикхизма, индуизма, мусульманства и иудаизма оспорили конституциональность закона Онтарио об образовании, утверждая, что он является нарушением положений Хартии о свободе религии и равенстве. Они утверждали, что закон об образовании, требуя обязательного посещения школы, является дискриминационным по отношению к тем лицам, убеждения или верования которых служат препятствием для направления их детей в финансируемые государством гражданские или римско-католические церкви ввиду высокой стоимости религиозного образования их детей. Истцы выступали за постановление о том, что они имеют право на финансовое обеспечение, эквивалентное финансовому обеспечению государственных и

римско-католических школ. Апелляционный суд Онтарио постановил, что дело Адлера являлось попыткой пересмотреть вопрос, по которому Верховный суд Канады уже вынес решение в связи с делом о законопроекте № 30. Генеральный судья Дубин заявил, что решение по делу о законопроекте № 30 "является окончательным по вопросу о дискриминации, содержащемуся в этих апелляциях". Суд также отверг аргумент в отношении свободы религии.

2.11 После рассмотрения апелляции Верховный суд Канады постановлением от 21 ноября 1996 года подтвердил, что его решение по делу о законопроекте № 30 является определяющим в судебном деле Адлера, и заявил, что финансирование специальных римско-католических школ не может служить основанием для нарушения Хартии, поскольку провинция Онтарио имеет конституционные обязательства обеспечивать такое финансирование.

Жалоба

3.1 Авторы сообщения утверждают, что тот факт, что ни одна другая религиозная конфессия, кроме римско-католической, не имеет права на государственное финансирование провинции Онтарио для целей образования, является одной из форм дискриминации по отношению к другим религиозным конфессиям, на которые не распространяется принцип государственного финансирования. В этой связи адвокат утверждает, что Комитет по правам человека не связан конституционными сложностями Канады, которые заставили Верховный суд принять свое решение.

3.2 Адвокат далее утверждает, что вследствие постановлений Верховного суда Канады отдельные религиозные конфессии были лишены возможности пересмотра дискриминационных и отвергающих принцип равенства положений существующего закона об образовании.

3.3 По словам адвоката, вопрос о существующей дискриминации может быть решен двумя альтернативными путями. Во-первых, провинция Онтарио может распространить государственное финансирование на равной основе на все религиозные/конфессиональные группы, имеющие достаточную численность в Онтарио. Вместе с тем адвокат считает, что такой вариант не является реальным с финансовой точки зрения и приведет к социальному расслоению. Поэтому он предлагает второй вариант, который заключается в создании единой государственной системы в провинции, открытой для всех лиц без какого-либо различия, что позволит устранить существующее неравенство. В этой связи он утверждает, что единая государственная система явится крайне благоприятной для плюралистического и многопрофильного общества Онтарио.

Замечания государства-участника

4.1 В своем представлении от 22 февраля 1999 года государство-участник затронуло вопрос о приемлемости и вопросы существа сообщения авторов.

4.2 Во-первых, государство-участник утверждает, что данное сообщение представляется неприемлемым, поскольку авторы не являются жертвами нарушения Пакта. По словам государства-участника, это иллюстрируется той целью, которой они добиваются: устранение государственного финансирования римско-католических специальных школ. В этом контексте государство-участник также отмечает, что авторы не представили конкретной информации о своих детях и о том, каким образом существующая система нарушает их права. Кроме того, дети авторов уже имеют доступ к финансируемой государством школьной системе, чего они в конечном итоге и добиваются. Отсутствуют и свидетельства того, что они не могут быть интегрированы в существующую систему, и не показано, каким образом лично их затрагивает конституционное обязательство Онтарио в отношении финансирования римско-католических специальных школ. Если авторы утверждают, что система специальных школ является чересчур дорогостоящей и что в результате ее ликвидации больший объем средств мог бы выделяться для учащихся в государственной системе, то, как отмечает государство-участник, это отнюдь не является очевидным и что в любом случае отсутствие возможных дополнительных средств, инвестируемых в целом в государственную систему, само по себе не является достаточным для того, чтобы авторы или их дети могли считаться жертвами нарушения положений Факультативного протокола.

4.3 Что касается утверждения авторов в соответствии со статьей 2 Пакта, то государство-участник напоминает, что статья 2 не устанавливает независимого права, а служит общим обязательством государств и не может применяться отдельными лицами в соответствии с Факультативным протоколом без ссылки на другие конкретные статьи Пакта.

4.4 В то же время государство-участник отвергает факт нарушения статьи 2, поскольку дифференциация, основанная на разумных и объективных критериях, не может рассматриваться как различие или дискриминация по смыслу статьи 2 Пакта. Что касается доводов существа, касающихся вопроса о дискриминации, то оно ссылается на свои доводы в отношении предполагаемого нарушения статьи 26 (см. ниже).

4.5 Что касается предполагаемого нарушения статьи 26, то государство-участник утверждает, что данное сообщение является неприемлемым *ratione materiae* или же, напротив, не представляет собой нарушения. Государство-участник напоминает, что дифференциация в обращении на основе разумных и объективных критериев не может

считаться запрещенной дискриминацией по смыслу статьи 26. Государство-участник отмечает, что, по словам самих авторов, распространение государственного финансирования на другие конфессиональные школы не является идеальным решением в силу бюджетных ограничений и ввиду того, что такой вариант приведет к социальному расслоению общества. По мнению государства-участника, признание авторами финансовых и социальных последствий служит лишь разумным основанием для вывода о том, что отсутствие полного и прямого финансирования всех религиозных групп не является нарушением статьи 26.

4.6 По мнению государства-участника, создание светских государственных заведений согласуется с принципами статьи 26 Пакта. Создание светских учебных заведений не является дискриминацией религии, поскольку они представляют собой законную форму государственного нейтралитета. По словам государства-участника, светская система является одним из средств содействия предупреждению дискриминации среди граждан на основе их религиозных верований. Государственные школы способствуют социальному сплочению, воспитанию терпимости и взаимопонимания, а распространение государственного финансирования на все религиозные школы подорвет эти возможности. Государство-участник не проводит различий между различными религиозными группами в рамках государственной системы образования и не ограничивает возможности религиозных групп создавать частные школы.

4.7 Государство-участник считает, что существуют разумные и объективные основания для сохранения системы финансирования римско-католических специальных школ в Онтарио. Ликвидация этой системы будет рассматриваться как аннулирование договоренности, достигнутой в период создания Конфедерации для защиты интересов уязвимого меньшинства в провинции, и будет встречена с гневом и недовольством римско-католической общиной. Это также приведет к определенным экономическим беспорядкам, включая подачу претензий в отношении предоставления компенсации за помещения или земли, предоставленные римско-католическим школам. Кроме того, защита прав меньшинств, включая религиозные права меньшинств и их права на образование, является принципом, лежащим в основе конституционного порядка Канады, который является не совместимым с ликвидацией системы финансирования римско-католических специальных школ. Аннулирование системы финансирования специальных школ в Онтарио приведет и к давлению на другие канадские провинции с требованием ликвидировать системы защиты их меньшинств в пределах их границ.

Комментарии адвоката

5.1 В своих комментариях по представлению государства-участника адвокат утверждает, что государство-участник признало факт дискриминации, которую оно

оправдывает лишь на основании своей конституции. Адвокат утверждает, что Комитет по правам человека не связан положениями конституции Канады и что государственное финансирование одних лишь римско-католических школ в ущерб всем другим конфессиональным школам представляет собой нарушение статьи 26. В этой связи адвокат заявляет, что многокультурная структура нынешнего канадского общества дает все основания считать, что в настоящее время более не существует оснований для такой формы открытой дискриминации в законах об образовании провинции Онтарио всех других конфессий в противовес одной религиозной группе.

5.2 Адвокат ссылается на недавно внесенные изменения в конституции Квебека и Ньюфаундленда, которые касаются законов об образовании. В частности, приводя пример Квебека, адвокат утверждает, что проведенный там пересмотр конституции открывает путь для осуществления конституционных изменений и в Онтарио. Адвокат отмечает, что изменения в Квебеке не создают социальных трений и разногласий. Что касается ссылки Квебека на разрешительную клаузулу, содержащуюся в Хартии, для продолжения ограниченного конфессионального обучения в школах, то, по мнению адвоката, этот факт имплицитно признает, что любая форма конфессионального обучения фактически является дискриминационной. Адвокат отвергает как безосновательные утверждения государства-участника о возможном возникновении социальных трений вследствие ликвидации системы государственного финансирования римско-католических специальных школ с учетом истории Канады как цивилизованного государства. Кроме того, адвокат считает, что экономический и социальные факторы являются irrelevantными при выявлении факта дискриминации.

5.3 Что касается утверждения государства-участника о том, что авторы не являются жертвами по смыслу Факультативного протокола, то адвокат напоминает, что авторы представляют собой индивидуумов, являющихся членами конкретных религиозных конфессий, не получающих государственных финансовых средств от провинции Онтарио для образования своих детей в соответствии со своими религиозными убеждениями. Адвокат отвергает утверждения государства-участника о том, что они не являются жертвами, поскольку добиваются создания единой государственной системы, открытой для всех без какой-либо дискриминации. Он напоминает, что в сообщении предлагаются два варианта решения этой проблемы: распространение системы финансирования на все конфессии и ликвидация существующего неравенства путем создания единой государственной системы. Хотя авторы предпочитают второй вариант, адвокат отмечает, что в юрисдикцию Комитета по правам человека входит определение средства устранения дискриминации. Авторы сообщения являются жертвами, поскольку им отказано в получении параллельных государственных средств для образования их детей в соответствии с их религиозными убеждениями.

5.4 Адвокат заявляет, что данные о финансовых последствиях функционирования специальных школ, которые он привел в своем сообщении, взяты из открытых докладов министерства просвещения и что не может быть сомнений в том, что система специальных школ создает дополнительное финансовое бремя.

5.5 Адвокат оспаривает утверждение государства-участника о том, что римско-католическая община является меньшинством. Он отмечает, что религиозная группа католиков является крупнейшей в провинции Онтарио, будучи в два с половиной раза больше другой крупнейшей конфессии – Объединенной церкви Канады. В этой связи адвокат напоминает, что в провинции нет протестантской церкви или организации, равной римско-католической структуре, поскольку та община, которую именуют протестантской, на деле состоит из множества мелких конфессий, каждая из которых имеет собственную структуру. Поэтому адвокат утверждает, что финансируемые государством специальные школы для римских католиков в Онтарио на самом деле представляют собой привилегию, которой пользуется крупнейшая религиозная организация в Онтарио.

5.6 Что касается права на создание частных религиозных школ, то адвокат утверждает, что это право существует только на бумаге, если только человек не является относительно состоятельным и готов платить налоги в рамках налоговой системы на образование, одновременно выплачивая определенную сумму за образование собственных детей из своего кармана. Кроме того, зачастую оказывается практически невозможным посещать частную школу, поскольку другие группы верующих являются гораздо менее многочисленными, чем римские католики, и имеют собственные частные школы лишь в крупных городах, где проживает достаточное количество учащихся.

5.7 Что касается заявления в соответствии со статьей 2 Пакта, то адвокат говорит о том, что авторы утверждали о наличии нарушения этой статьи вместе со статьей 26 Пакта. Он подтверждает свою позицию в том отношении, что государство-участник не выполнило правовых обязательств в соответствии со статьей 2 о ликвидации факта дискриминации. В этой связи он подчеркивает, что, согласно пункту 2 статьи 2 Пакта, "конституционные процедуры" могут быть использованы для осуществления прав, признаваемых в Пакте, для исправления соответствующего нарушения.

5.8 Адвокат оспаривает утверждение государства-участника о том, что дифференцированное отношение к римско-католическим школам и другим конфессиональным школам основано на разумных и объективных причинах. Он повторяет, что существующая демографическая и культурно-этническая структура Онтарио не поддерживает дискриминационного отношения к другим религиозным конфессиям за исключением римско-католической церкви. То, что могло считаться

разумным и объективным в 1867 году, в нынешнем обществе таковым считаться не может.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры выяснить вопрос о его приемлемости согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Государство-участник оспорило приемлемость сообщения на том основании, что авторы не могут считаться жертвами нарушения Пакта. В этой связи Комитет отмечает, что авторы, хотя и утверждают, что они являются жертвами дискриминации, не добиваются создания финансируемых государством религиозных школ для своих детей, а напротив, требуют ликвидации системы государственного финансирования римско-католических специальных школ. Таким образом, если это и произойдет, положение авторов в отношении финансирования религиозного образования не улучшится. Авторы сообщения не обосновали достаточным образом того, каким образом государственное финансирование римско-католических специальных школ в настоящее время создает лично для них какие-либо неудобства или отрицательно сказывается на их положении. В таких обстоятельствах Комитет считает, что они не могут считаться жертвами предполагаемой дискриминации по смыслу статьи 1 Факультативного протокола.

7. В этой связи Комитет постановляет:

a) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола;

b) препроводить настоящее решение государству-участнику, авторам сообщения и их адвокату.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Особое мнение членов Комитета П. Бхагвати, Е. Эват, Л. Хенкина
и С. Медины Кироги

Я не могу согласиться с мнением Комитета о том, что данное дело является неприемлемым. Вопрос заключается в том, что провинция Онтарио создает преимущества для католической общины путем включения их религиозных школ в государственную систему образования и полного их финансирования. Это преимущество является дискриминационным по своему характеру, поскольку оно отдает предпочтение одной группе в обществе на основе религии. Тех лиц, религиозные школы которых не финансируются аналогичным способом, со всей очевидностью можно считать жертвами такой дискриминации (как и в деле Вальдмана).

Вместе с тем это не ограничивает количества лиц, которых можно считать жертвами. Родители, желающие дать религиозное образование своим детям и не получающие его в рамках школьной системы и вынужденные поэтому покрывать стоимость такого образования из собственного кармана, также могут считаться жертвами. Истцы по данному делу включают именно таких лиц, и претензии, по крайней мере этих людей, по моему мнению, могут быть сочтены приемлемыми.

(подпись) П. Бхагвати

(подпись) Э. Эват

(подпись) Л. Хенкин

(подпись) С. Медина Кирога

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Н. Сообщение № 824/1988, Николов против Болгарии
(Решение принято 24 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: Г-ном Н.М. Николовым

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Болгария

Дата сообщения: 14 января 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 24 марта 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является болгарский гражданин Николай Миланов Николов. Он утверждает, что стал жертвой нарушений Болгарией пункта 1 статьи 14, пункта с) статьи 25 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Болгарии соответственно 23 марта 1976 года и 26 марта 1992 года.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья.

Факты в изложении автора

2.1 В марте 1990 года автор был назначен Окружным прокурором в городе Златоград (Болгария). В ноябре 1992 года в соответствии с решением Высшего судебного совета³⁴ его перевели на, как он говорит, "более низкую должность" ("простого" прокурора) в Региональную прокуратуру в Сливене. Он утверждает, что в ноябре 1993 года "связанные с мафией" должностные лица Генеральной прокуратуры Болгарии и находящейся в ее подчинении Региональной прокуратуры Сливена организовали налет на его служебный кабинет, откуда были изъяты все его личные и официальные документы. С этого момента ему запретили как доступ в его кабинет, так и выполнение прокурорских функций.

2.2 Далее сообщается о том, что 8 февраля 1995 года решением Высшего судебного совета он был уволен с гражданской службы. Это решение было основано на пунктах 1 и 4 статьи 131 Закона о судебной системе и на пункте 3 статьи 129 Конституции Болгарии, которая, в частности, позволяет увольнять прокуроров с более чем трехлетним стажем работы, на основании "постоянной фактической неспособности выполнять функции на протяжении более одного года".

2.3 После того, как Высший судебный совет принял такое решение, автор обратился в Совет с ходатайством о принятии в соответствии со статьей 120 Конституции Болгарии постановления, которое предоставило бы автору право оставаться в должности Окружного прокурора до повторного рассмотрения дела Верховным судом. 22 февраля 1995 года Высший судебный совет отказался вынести такое постановление.

2.4 В соответствии со статьей 120 Конституции решения административных органов могут быть обжалованы в судах. Автор обжаловал в Верховном суде решения Высшего судебного совета, исходя из нескольких оснований. Он, в частности, утверждал, что:

- для его увольнения не было никаких юридических оснований;

³⁴ Высший судебный совет – административный орган, структура и функции которого определены в статьях 129-133 Конституции Республики Болгария и в статьях 16-34 Закона о судебной системе. В соответствии со статьей 129 Конституции Высший судебный совет вправе избирать, повышать или понижать в должности, а также назначать и увольнять судей, прокуроров и следственных судей. В соответствии со статьей 130 членский состав Высшего судебного совета ограничен 25 членами, трое из которых назначаются в служебном порядке. Половину остальных 22 членов избирает Народное собрание, а другую половину – судебные органы, причем и тех и других на пятилетний период. Как утверждает государство-участник, "метод их избрания и порядок выполнения функций гарантируют их беспристрастность".

- несколько членов Высшего судебного совета были необъективными, поскольку они состоят с ним в плохих отношениях из-за того, что он не соглашался действовать в нарушение его служебных обязанностей и в интересах мафиозной группировки, которая с 1992 года контролирует членов Высшего судебного совета, и что только голоса этих членов обеспечили большинство, требуемое для его увольнения;
- двум адвокатам, которым он поручил представлять его, не было разрешено участвовать в слушаниях в нарушение его, закрепленного в Конституции Болгарии, права быть представленным адвокатом.

2.5 15 октября 1996 года Верховный суд в составе пяти членов отклонил апелляцию автора. Автор заявляет, что в Болгарии нет никакой другой инстанции, в которой он мог бы обжаловать решение Верховного суда.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что во время разбирательства в Верховном суде был нарушен пункт 1 статьи 14, поскольку этот Суд не был "независимым и беспристрастным судом" и не обеспечил равенство сторон. Автор полагает, что пять членов Верховного суда, рассматривавшие его дело, "находились в полной зависимости от другой стороны". Он отмечает, что в соответствии со статьей 129 Конституции и с Законом о судебной системе все члены Верховного суда "назначаются, повышаются или понижаются в должности, переводятся на другую работу и увольняются Высшим судебным советом" и что в соответствии с теми же нормативными актами Председатель Верховного суда является членом Высшего судебного совета. Автор заявляет, что судьи, рассматривавшие его дело, находились, вне всякого сомнения, в зависимости от Высшего судебного совета в том, что касается их профессиональной карьеры, "т.е. если бы кто-либо из них пошел против большинства членов Высшего судебного совета, то этот судья мог бы быть уволен, переведен на другую работу, понижен в должности либо, по крайней мере, наказан по выдуманному или сфабрикованному основаниям. Общеизвестен тот факт, что член Верховного суда никогда не пойдет на конфликт с Высшим судебным советом ради вынесения законного и беспристрастного решения по какому-либо делу".

3.2 Что касается предполагаемого необеспечения Судом равенства сторон, то автор ссылается на сделанное этим Судом заключение по его делу. Отмечается, что вследствие своей необъективности Суд нарушил положения как внутригосударственного, так и международного права. Делается ссылка на то, что в соответствии с пунктом 3 статьи 129 Конституции (упомянутым выше), на основе которого было принято решение об увольнении, необходима продолжительная фактическая неспособность

соответствующего должностного лица выполнять его функции в течение более одного года. Автор заявляет, что он никогда не болел более одного года и что совокупное количество дней, когда он отсутствовал на работе по болезни, составило в период, учтенный Высшим судебным советом в его решении, 337 дней, т.е. менее одного года. Он также утверждает, что в решении Верховного суда содержится не соответствующее истине заявление о том, что Суд, по своим собственным каналам, установил, что автор был неспособен выполнять свои должностные обязанности в течение более одного года. Как отмечает автор, такой факт не подтверждался никаким компетентным медицинским органом.

3.3 Автор заявляет о нарушении того его права допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе, которое закреплено в пункте с) статьи 25 Пакта. Автор отмечает, что, поскольку он не соглашался служить упомянутой выше "мафиозной группе" в нарушение его служебных обязанностей, против него был принят ряд репрессивных мер в целях противозаконного увольнения и закрытия доступа к государственной службе в будущем. При этом упоминаются описанные выше действия Высшего судебного совета и Верховного суда. Автор также отмечает, что после вынесения решения Верховного суда должностные лица судебной системы Болгарии приняли ряд репрессивных мер в целях не только помешать ему вновь поступить на государственную службу, но и лишить его адвокатской практики и физически уничтожить. Какие конкретно были предприняты в этом плане усилия, не уточняется.

3.4 И наконец, автор заявляет о нарушении статьи 26 Пакта, ссылаясь на то, что он был подвергнут дискриминации по признаку его политических и нравственных убеждений. Отмечается, что его уволили с государственной службы, поскольку он служил исключительно болгарскому государству и народу, отказавшись прислуживать определенным "мафиозным группам".

Представления сторон

4.1 В своем представлении от 13 ноября 1998 года государство-участник оспаривает приемлемость рассматриваемого сообщения. Государство-участник отмечает, что данное сообщение является неприемлемым как на основании статьи 3 Факультативного протокола, поскольку оно представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений, так и на основании пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, так как аналогичная жалоба была подана в Европейскую комиссию по правам человека. В отношении утверждений автора, касающихся статьи 14, отмечается также, что они не совместимы с положениями Пакта и, следовательно, представленная жалоба является неприемлемой в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

4.2 Заявляя, что данное сообщение представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений, государство-участник отмечает, что автор допустил "оскорбительные и грубые выражения... в отношении вышестоящих конституционных органов и должностных лиц судебной системы". Утверждается, что сообщение содержит множество клеветнических заявлений относительно Высшего судебного совета, Генеральной прокуратуры и вышестоящих судей, а также в отношении Председателя Высшего административного суда г-на Владислава Славова и Председателя Верховного кассационного суда г-на Румена Янева".

4.3 Касаясь конкретно утверждения автора относительно статьи 25, государство-участник отмечает, что, как ясно свидетельствуют факты, автор занимал должности Окружного прокурора в двух разных городах и должность прокурора в Региональной прокуратуре. Поэтому утверждается, что "никакой дискриминации по смыслу пункта с) статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах" не было. Касаясь утверждения автора относительно статьи 26, государство-участник отмечает, что в сообщении нет вообще доказательств совершения Болгарией какого-либо предполагаемого нарушения... Процедура увольнения г-на Николова полностью соответствует положениям Конституции 1991 года и Закона о судебной системе. Из материалов по данному делу явствует, что автору были обеспечены равное обращение перед законом и равная защита закона без какой бы то ни было дискриминации... Решение Высшего судебного совета, а также решение Верховного суда Республики Болгарии были также вынесены надлежащим образом. Из этого следует сделать вывод о том, что автор сообщения говорит о вымышленных нарушениях".

4.4 Как упоминалось выше, государство-участник ссылается также на пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, отмечая, что 7 ноября 1996 года аналогичная жалоба была подана тем же автором на Болгарию в Европейскую комиссию по правам человека в Страсбурге и зарегистрирована там под № 35222/97. Как утверждает государство-участник, 26 мая 1997 года эта жалоба была признана несовместимой *ratione materiae* с положениями Конвенции и, соответственно, объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 2 статьи 27 Европейской конвенции.

4.5 Касаясь утверждения автора относительно статьи 14, государство-участник отмечает, что пункт 1 статьи 14 Пакта "не применяется к случаям, связанным с дискреционными полномочиями государственных или судебных органов". Поскольку в соответствии с Конституцией 1991 года судебная система является независимой ветвью государственной власти, правовые споры, касающиеся, например, повышения в должности или увольнения судей, прокуроров и следственных судей, строго регулируются Конституцией и Законом о судебной системе. С учетом "государственного характера спора о занятии (работе) внутри судебной системы" утверждается, что такие

споры не подпадают под действие пункта 1 статьи 14 Пакта. Поэтому данное сообщение следует признать неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

5.1 В своих замечаниях автор приводит аргументы в обоснование приемлемости его сообщения. По его мнению, он не злоупотреблял правом представлять сообщения. Он еще раз заявляет о том, что настоящей причиной его увольнения был его отказ служить мафии и что его увольнение не имеет под собой никаких правовых оснований, поскольку он не утрачивал способность выполнять свои должностные обязанности в течение более одного года. В этой связи он утверждает, что Высший судебный совет и Верховный суд допустили юридические ошибки: они учли в своих расчетах с первого по последний дни болезни, не приняв во внимание, что в течение этого периода были дни, когда автор был на рабочем месте. Автор вновь заявляет о том, что в совокупности он пропустил по болезни 337 дней, и в любом случае период, из которого исходили власти в их решении, составляет менее одного года: с 8 ноября 1993 года до 5 ноября 1994 года.

5.2 Автор далее оспаривает тот факт, что ему было обеспечено "равное обращение перед законом". Он вновь утверждает, что он "стал объектом различных репрессивных мер и дискриминации", в частности ему было отказано в конституционном праве на помощь адвоката при разбирательстве в Высшем судебном совете.

5.3 Касаясь предполагаемого нарушения статьи 14, автор утверждает, что государство-участник, должно быть, неправильно поняло его жалобу, отметив, что, согласно фактам, автор занимал должности прокурора и, следовательно, не могло быть никакого нарушения статьи 25. Автор поясняет, что он не отрицает того, что он занимал эти должности, но предметом его жалобы является то, что его увольнение в 1995 году лишило его равного доступа к государственной службе.

5.4 В заключение автор выражает несогласие как с тем, что его сообщение не относится к сфере действия статьи 14, так и с тем, что оно является неприемлемым на том основании, что аналогичная жалоба была подана в Европейскую комиссию по правам человека. Касаясь последнего обстоятельства, автор утверждает, что Европейская конвенция о правах человека не содержит положений, аналогичных тем, которые существуют в статьях 25 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

6.1 В своем представлении от 14 февраля 1999 года государство-участник отмечает, что решение Высшего судебного совета уволить автора, подтвержденное Верховным судом, не нарушает какие бы то ни было права автора, закрепленные в Пакте. Государство-участник заявляет, что это решение, а также последующее увольнение были основаны

исключительно на пункте 3 статьи 129 Конституции, где четко определены критерии увольнения прокуроров:

"Судьи, прокуроры и следственные судьи... увольняются лишь вследствие выхода на пенсию, отставки, вступления в силу приговора о тюремном заключении за умышленное преступление или продолжительной неспособности выполнять служебные обязанности в течение более одного года".

6.2 По мнению государства-участника, это положение, в его правильном толковании, применимо к случаю с автором. Отмечается, что решение Высшего судебного совета было принято требуемым по закону кворумом путем тайного голосования в рамках установленной процедуры. В заключение государство-участник утверждает, что указанное положение было единственной основой для принятия решения и что "политические и нравственные убеждения" автора не сыграли никакой роли, и не имеет под собой никаких оснований голословное утверждение о том, что автор состоял "в плохих отношениях" с несколькими членами Совета и что это повлияло на принятое решение.

6.3 Государство-участник далее переходит к утверждению автора о том, что в ходе разбирательства в Верховном суде был нарушен пункт 1 статьи 14 Пакта, поскольку этот Суд не был "компетентным, независимым и беспристрастным судом". Государство-участник отмечает, что вопреки заявлению автора Верховный суд является независимым и беспристрастным и в ходе разбирательства было обеспечено равенство сторон.

6.4 Подчеркивается, что Верховный суд в составе пяти членов провел шесть заседаний перед тем, как принять решение по данному делу. Государство-участник сообщает, что Суд запросил и рассмотрел все представленные автором доказательства; он удовлетворил все просьбы автора, в том числе о внесении исправлений в протоколы заседаний; автор и его адвокат г-н Никола Цонков постоянно присутствовали на разбирательстве и принимали в нем активное участие.

6.5 По мнению государства-участника, утверждение автора о том, что Суд вынес свое решение в условиях полной зависимости от другой стороны (т.е. Высшего судебного совета), не имеет под собой никаких оснований, поскольку Суд ни в плане субординации, ни каким-либо другим образом не зависит от Высшего судебного совета. Напротив, Суд осуществляет судебный надзор над решениями Высшего судебного совета. В правовой практике Суда есть множество случаев, когда он отменял решения Высшего судебного совета из-за их несоответствия законодательству. Так, например, в 1996 году он отменил решение по апелляции, поданной тем же автором в связи с другим административным спором.

6.6 Утверждается, что при исполнении своих функций судьи являются независимыми, как это гарантирует статья 117 Конституции Республики Болгарии. Кроме того, государство-участник отмечает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 129 Конституции пять членов Верховного суда, проработавшие в этой должности более трех лет, не могут быть отозваны, что является дополнительной гарантией их независимости.

6.7 Кроме того, государство-участник замечает, что в соответствии с законодательством автор имел право ходатайствовать об отзыве судей, в отношении которых у него есть основания полагать, что они будут необъективными. Как явствует из протоколов, ни автор, ни его адвокат ни разу не обращались с подобным ходатайством.

6.8 Касаясь предполагаемого нарушения пункта с) статьи 25, государство-участник отмечает, что увольнение автора было абсолютно законным, основанным на объективных и разумных критериях и, следовательно, в полной мере соответствовало положениям статьи 25. Государство-участник также подчеркивает, что увольнение автора с занимаемой ранее должности никоим образом не лишает его права быть назначенным на другую должность в судебной системе Болгарии или на государственной службе в целом.

6.9 Государство-участник далее отмечает, что в сообщении не приводится никаких аргументов в обоснование предполагаемых нарушений статьи 26. Государство-участник вновь заявляет, что процедура увольнения в полной мере соответствовала положениям национального законодательства и что автор не подвергался какой бы то ни было дискриминации.

6.10 В заключение государство-участник заявляет, что нет никаких оснований доверять утверждениям автора о том, что он подвергался преследованиям за его нравственные и политические убеждения.

7.1 В своем представлении от июня 1999 года автор оспаривает доводы, изложенные в представлении государства-участника, и вновь утверждает, что его права, закрепленные в статьях 14, 25 и 26, были нарушены.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

8.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 его правил процедуры, принять решение о том, является или нет данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

8.2 Государство-участник заявило, что Комитет не может рассматривать настоящее сообщение в соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку аналогичная жалоба была подана в Европейскую комиссию по правам человека. Комитет, однако, полагает, что Комитет не вправе принимать к рассмотрению сообщение согласно пункту 2 а) статьи 5 Факультативного протокола лишь в тех случаях, когда этот же вопрос рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Само государство-участник сообщило, что 26 мая 1997 года Европейская комиссия признала жалобу автора неприемлемой и, следовательно, пункт 2 а) статьи 5 не мешает Комитету рассматривать настоящее сообщение.

8.3 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его права, закрепленные в статье 14, были нарушены, поскольку члены Высшего судебного совета проявили по отношению к нему необъективность, и что Верховный суд не является независимым судебным органом. Автор, однако, не обосновал это утверждение, и Комитет полагает, что все утверждения, касающиеся статьи 14, являются неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

8.4 Аналогичным образом, касаясь предполагаемых нарушений статей 25 и 26 Пакта, Комитет принимает к сведению разъяснения государства-участника и полагает, что и эти недостаточно обоснованные утверждения являются неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

9. Соответственно, Комитет по правам человека постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

I. Сообщение № 861/1999, Летурно против Франции
(Решение принято 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: г-ном Аленом Летурно

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Франция

Дата сообщения: 16 сентября 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 3 ноября 1999 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-н Ален Летурно, гражданин Франции, родившийся 23 сентября 1952 года. Он заявляет, что является жертвой нарушения Французской Республикой статей 2 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья. Согласно правилу 85 Правил процедуры Комитета г-жа Кристина Шане не принимала участия в рассмотрении настоящего сообщения.

Представленные факты

2.1 23 марта 1995 года автор сообщения, являющийся членом коллегии адвокатов города Тонон-ле-Бэн, в рамках оказания правовой помощи был назначен для защиты интересов одного несовершеннолетнего лица в деле, которое рассматривалось судом присяжных департамента Верхняя Савойя. Указанный несовершеннолетний являлся гражданским истцом в уголовном процессе по делу об изнасиловании и других сексуальных надругательствах.

2.2 После окончания процедуры разбирательства, которое проходило в течение более двух лет, обвиняемый по данному делу был признан виновным и приговорен к семи годам лишения свободы. После окончания рассмотрения дела автор и адвокат ответчика подали ходатайство об оплате оказанной правовой помощи. Подлежащая им к выплате сумма рассчитывается по шкале, содержащейся в статье 90 Указа от 19 декабря 1991 года относительно правовой помощи.

2.3 В соответствии с этой шкалой, регулирующей оплату труда адвокатов, работающих в порядке оказания правовой помощи, труд адвоката истца оплачивается из расчета 8 учетных единиц за представительство на стадии рассмотрения дела и 24 учетных единиц за представительство в суде присяжных. Вместе с тем адвокат ответчика оплачивается из расчета 50 учетных единиц в первом случае и 40 – во втором. Применяемая в настоящее время учетная единица равна 136 фр. франкам.

2.4 Таким образом, после окончания процедуры разбирательства автор сообщения в своем качестве адвоката истца получил гонорар в размере 32 учетных единиц, в то время как адвокат ответчика получил гонорар в размере 90 учетных единиц.

Жалоба

3.1 Автор сообщения заявляет, что такое несоответствие представляет собой дискриминацию по признаку положения, занимаемого в уголовном процессе. Автор утверждает, что время, затраченное каждым адвокатом в ходе слушания дела, является одинаковым и что в этой связи различие в оплате представляет собой нарушение статьи 26 Пакта.

3.2 Кроме того, Закон о правовой помощи исключает любую возможность использования какого-либо эффективного средства правовой защиты, поскольку отсутствуют эффективные пути обращения в какой-либо судебный орган с ходатайством о восстановлении нарушенных прав в результате указанного предполагаемого нарушения.

Автор утверждает, что этот факт представляет собой нарушение пункта 3 статьи 2 Пакта. По этой же причине автор не смог исчерпать внутренние средства правовой защиты.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

4.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих Правил процедуры решить вопрос о приемлемости или неприемлемости данного сообщения в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

4.2 Комитет отмечает, что жалоба автора основывается на различии в оплате услуг по оказанию правовой помощи адвоката гражданского истца и услуг адвоката ответчика. Комитет напоминает, что различия в обращении не представляют собой дискриминации, когда они основываются на объективных и разумных критериях. В данном деле Комитет считает, что защита интересов лица, представляющего гражданский иск в уголовном процессе, не может быть приравнена к защите интересов обвиняемого. Аргументы, выдвинутые автором, и представленные им материалы не подтверждают для целей приемлемости его жалобу о том, что он является жертвой дискриминации.

4.3 В связи с жалобой автора по пункту 3 статьи 2 Пакта Комитет напоминает, что для целей Факультативного протокола на статью 2 можно сослаться лишь в связи с какой-либо из статей, содержащихся в части II Пакта. Поскольку жалоба автора по статье 26 является неприемлемой, то как следствие является также неприемлемой его жалоба по статье 2.

5. В этой связи Комитет по правам человека постановляет:

a) считать сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола;

b) препроводить настоящее решение автору сообщения и для информации – государству-участнику.

[Принято на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является – английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

J. Сообщение № 871/1999, Тиммерман против Нидерландов
(Решение принято 29 октября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: г-жой Йокье Э. Тиммерман

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Нидерланды

Дата сообщения: 22 сентября 1998 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 29 октября 1999 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-жа Йокье Элизабет Тиммерман, гражданка Нидерландов, родившаяся 8 апреля 1951 года, которая в настоящее время проживает в Гронингене, Нидерланды. Она утверждает, что является жертвой нарушения Нидерландами статей 7, 8, 9 (пункты 1 и 2), 17 и 26 Пакта.

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, Г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья.

Факты в изложении автора

2.1 1 декабря 1980 года автор приступила к работе на временной основе в качестве ассистента хирурга в академическом госпитале Гронингена (Academisch Ziekenhuis Groningen - AZG). 1 декабря 1981 года ей предложили постоянную должность¹⁰. Одно время она фактически выполняла функции первого ассистента хирурга в отделении пластической хирургии.

2.2 В 1989 году хирургическое отделение госпиталя претерпело реорганизацию, в результате которой был создан "операционный центр". Предполагалось, что ассистенты хирурга будут работать на более гибкой основе или смогут выполнять хирургические операции в различных хирургических отделениях; был установлен так называемый "режим ротации". 1 сентября 1989 года автору была предложена должность ассистента хирурга с сентября 1990 года. Она согласилась на эту должность при условии, что ее оклад будет увеличен. С аналогичным запросом она уже обращалась в январе 1988 года. Эта ее просьба была обусловлена тем, что, по ее мнению, выполняемые ею в тот момент дополнительные координационные обязанности давали ей право на повышение уровня оклада.

2.3 Вначале руководство госпиталя отказалось пересмотреть шкалу оклада автора, однако после постановления суда (Ambtenarengerecht) от 15 февраля 1991 года коэффициент оклада автора был повышен с B07 до B08 и произведена единовременная выплата в размере 2 500 гульденов. Об этом администрация госпиталя поставила автора в известность письмом от 10 июля 1991 года.

2.4 В момент, когда автор должна была приступить к своим новым обязанностям (сентябрь 1990 года), она заболела и не появилась на работе. Впоследствии врач известил администрацию госпиталя о том, что автор может постепенно возвращаться к выполнению своих обычных обязанностей. Когда автор вернулась на работу, она вновь высказала недовольство размером своего оклада, наименованием своих функциональных обязанностей, режимом ротации и конкретными функциями, которые ей предлагалось выполнять. Между автором сообщения и администрацией центра состоялся ряд бесед, однако автор по-прежнему настаивала на пересмотре шкалы своего оклада, наименования функциональных обязанностей и режима ротации.

¹⁰ Это означает, что, согласно законодательству Нидерландов, она вошла в категорию гражданских служащих.

2.5 После того, как автор направила несколько писем с напоминаниями руководству госпиталя с просьбой пересмотреть вышеуказанные аспекты, она установила срок в две недели для получения ответа. Когда администрация госпиталя не представила ответ в установленный автором срок, 14 января 1992 года она возбудила дело в окружном суде Гронингена (Arrondissementsrechtbank Groningen), сославшись на то, что администрация госпиталя не откликнулась на ее просьбу. 3 февраля 1995 года суд постановил, что двухнедельный срок (установленный автором) является слишком коротким и что администрация госпиталя реагировала на ее просьбы в разумный срок. Администрация госпиталя ответила, что ее позиция останется неизменной, как это указывалось в ее письме от 10 июля 1991 года.

2.6 28 апреля 1993 года автор получила извещение об увольнении от администрации госпиталя, которое она также оспорила в рамках вышеупомянутого дела. Вместе с тем суд постановил, что это увольнение со стороны администрации госпиталя является законным. Автор обжаловала это решение в Центральном апелляционном совете (Centrale Raad van Beroep). Совет, являющийся последней судебной инстанцией, подтвердил постановление окружного суда.

2.7 Автор обратилась с жалобой в Европейскую комиссию по правам человека. 4 июля 1997 года Комиссия отклонила ее заявление как неприемлемое.

Жалоба

3. Автор утверждает: 1) что имел факт "неравного вознаграждения и неравного обращения в связи с выполнением работы равной ценности", что, по утверждениям, является нарушением статьи 26 Пакта; 2) что политика "режима ротации" является дискриминационной, поскольку она применялась только по отношению к ней; 3) что средства, использованные администрацией госпиталя для "снижения правового статуса автора в качестве сотрудника госпиталя, т.е. мошенничество, подлог, клевета и угрозы, являются нарушением статьи 17"; 4) что имело место нарушение статей 8 и 9, поскольку, когда автор вернулась в госпиталь после болезни, ее заставили выполнять работу в условиях, равносильных принудительному труду и лишению свободы; 5) что политика администрации госпиталя заключалась в том, чтобы "избавиться от нее" и в конечном итоге ее можно считать одной из форм пыток в нарушение статьи 7 Пакта.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете по правам человека

4.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры установить его приемлемость согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Комитет принял к сведению утверждение автора, что она является жертвой нарушения статей 7, 8, 9 и 17 Пакта. Вместе с тем Комитет считает, что доводы, приведенные автором в отношении поведения администрации госпиталя, не подтверждают, для целей приемлемости, того, что действия администрации являются нарушением вышеуказанных статей Пакта. Таким образом, данная часть сообщений является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

4.3 Что касается утверждения автора о том, что она является жертвой дискриминации в нарушение статьи 26 Пакта, поскольку, в частности, имел место факт неравной оплаты за труд равной ценности и режим ротации распространялся только на нее, не затрагивая других сотрудников, находившихся в аналогичном положении, то Комитет отмечает, что в национальных судах дело о дискриминации не возбуждалось. Таким образом, Комитет считает, что эта претензия является неприемлемой в связи с исчерпанием внутренних средств правовой защиты. Таким образом, данная претензия является неприемлемой в соответствии со статьей 5 (2) b) Факультативного протокола.

5. В этой связи Комитет по правам человека постановляет:

a) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 2 и 5 (2) b) Факультативного протокола;

b) препроводить настоящее решение автору и для информации - государству-участнику.

(Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.)

К. Сообщение № 873/1999, Хюлен против Ниделандов
(Решение принято 3 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: г-ном Томасом Питером Хюленом
(представлен г-ном Е.Т. Хюммельсом)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Нидерланды

Дата сообщения: 23 мая 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 3 ноября 1999 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-н Томас Петер Хюлен, гражданин Нидерландов, родившийся 11 октября 1970 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения статей 14 и 26 Пакта. Его представляет г-н Е.Т. Хюммельс.

Факты в изложении автора

2. 8 мая 1993 года автор участвовал в демонстрации, которая закончилась беспорядками, сопровождавшимися насилием. 8 июня 1993 года автор был признан виновным судьей окружного суда Гааги за совершение актов насилия в отношении

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бхагвати, г-жа Кристин Шане, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен и г-н Максвелл Ялден.

сотрудников полиции, выразившихся в бросании камней. Он был приговорен к штрафу в размере 750 гульденов и к двум неделям тюремного заключения с отсрочкой исполнения. Его апелляция была заслушана 13 октября 1994 года, 9 и 10 февраля 1995 года и отклонена апелляционным судом 24 февраля 1995 года. Его дополнительная (кассационная) жалоба была отклонена 20 февраля 1996 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что его право на равенство в соответствии со статьей 26 Пакта было нарушено, поскольку после беспорядков ни один из сотрудников полиции не был привлечен к ответственности, хотя в независимых сообщениях указывалось, что полиция использовала чрезмерную силу.

3.2 Автор далее утверждает, что период между вынесением приговора и заслушанием его апелляции был чрезмерно продолжительным, что является нарушением статьи 14. Он утверждает, что его дело было достаточно простым и что задержка, превышающая один год, была, таким образом, неприемлемой.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

4.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен, согласно правилу 87 своих правил процедуры, принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

4.2 Комитет напоминает, что судебное преследование одного лица и отказ в возбуждении дела в отношении другого лица само по себе не влечет за собой вопроса о равенстве перед законом, поскольку каждое дело должно рассматриваться с учетом его существа¹¹. Утверждения автора и материалы, представленные Комитету, не дают оснований считать, что автор является жертвой нарушения статьи 26.

4.3 Что касается длительного срока между датой вынесения приговора и слушанием апелляции автора, то Комитет считает, что представленные ему материалы не дают оснований считать, что задержка в 14 месяцев представляет собой нарушение автора на

¹¹ См. решение Комитета, объявляющее неприемлемым сообщение № 579/1994 (Веренбек против Австралии), 27 марта 1997 года, ССРР/С/59/Д/579/1994, пункт 9.9.

рассмотрении его дела без неоправданной задержки с учетом характера вынесенного ему приговора и того факта, что автор не содержался под стражей. Поэтому данная жалоба является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

5. Поэтому Комитет по правам человека постановляет

a) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 2 и 3 Факультативного протокола;

b) препроводить настоящее решение автору сообщения и для информации государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

L. Сообщение № 882/1999, Бек против Норвегии
(Решение принято 15 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: г-ном Крисом Беком
(представлен г-ном Кнудом Ройнлиеном из Осло)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Норвегия

Дата сообщения: 8 сентября 1999 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 15 марта 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является норвежский гражданин Крис Бек, родившийся 23 мая 1956 года. Он заявляет, что стал жертвой нарушения Норвегией статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом из Осло г-ном Кнудом Ройнлиеном.

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья.

Представленные факты

2.1 9 ноября 1995 года городской суд Осло признал автора виновным в мошенничестве и приговорил его к пяти годам тюремного заключения. Автор обжаловал решение суда в Высшем суде Боргантинга. Слушание его дела проходило с 15 января по 6 февраля 1997 года. Ранее, 23 декабря 1996 года, автор попал в автомобильную аварию. Вследствие полученных повреждений у него возникли серьезные боли в области шеи, что мешало ему спать, не позволяло должным образом сконцентрироваться и привело к нарушениям зрения. В целях лечения ему были предписаны лекарства, которые имели побочное действие снотворного. Врачи рекомендовали ему отдыхать и как можно меньше волноваться.

2.2 С учетом состояния здоровья автора защита обратилась с просьбой о переносе слушания его апелляции. 15 января 1997 года, в первый день слушания, суд, проконсультировавшись с лечащим врачом и терапевтом автора, отклонил эту просьбу. Суд вместе с тем постановил, что продолжительность его заседаний будет короче, чем обычно, и что с часовым интервалом будут объявляться перерывы, а автору будет предоставлено специальное кресло.

2.3 В своем заявлении лечащий врач автора отметила, что она сообщила суду, что автор страдает от болей, которые могут быть сняты с помощью лекарств, и что автор способен вынести всю процедуру апелляции, если будут объявляться регулярные перерывы.

2.4 На следующий день состояние автора ухудшилось, и 17 января 1997 года суд постановил прервать процедуру слушания автора ввиду плохого состояния его здоровья. Было принято решение о том, что автора должен осмотреть врач и следует сделать анализ крови. В соответствии с заключением Национального института судебной токсикологической экспертизы от 21 января 1997 года результаты анализа крови показали, что на состояние автора, вполне вероятно, оказывают воздействие принимаемые им лекарства. 23 января 1997 года автор отсутствовал в зале заседаний, и слушание его апелляции было отложено на один день. Затем слушание возобновилось в присутствии автора. 27 февраля 1997 года суд отклонил апелляцию автора и приговорил его к пяти годам тюремного заключения.

2.5 19 марта 1997 года автор обжаловал судебное решение, заявив о нарушениях процедурного характера. Апелляционный комитет Верховного суда постановил не рассматривать его апелляцию. Второе ходатайство о пересмотре решения было отклонено 14 мая 1997 года. Получив 5 июня 1997 года экспертное заключение врача, работающего в Национальном институте судебной токсикологической экспертизы, адвокат автора

вновь направил в Верховный суд ходатайство об апелляции. В своем заключении врач отметил, что принимаемые автором лекарства могут иметь успокаивающее, расслабляющее и ступорозное действие и могут негативно влиять на функцию памяти, способность к восприятию окружающего мира и концентрацию внимания. Их воздействие, как отмечалось, аналогично воздействию алкоголя с концентрацией в 0,1%. 30 сентября 1997 года Апелляционный комитет Верховного суда отклонил апелляцию автора.

Жалоба

3. Автор утверждает, что рассмотрение его апелляции было несправедливым, поскольку он был не в состоянии надлежащим и доходчивым образом пояснить суть своего дела и не мог адекватным образом воспринимать показания других свидетелей. Как следствие, его защита была неэффективной и он не мог надлежащим образом инструктировать своего адвоката. В этой связи адвокат отмечает, что слушание дела было осложнено тем, что был зачитан содержащий более 15 страниц обвинительный акт, касавшийся профессиональной деятельности, финансовых планов и доходов автора. Показания автора имели ключевое значение для его защиты. Кроме того, автор утверждает, что он был не в состоянии должным образом подготовить свою защиту, поскольку не имел возможности прочитать сотни документов, переданных на рассмотрение суда.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

4.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, принять решение о том, является или нет данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Утверждение автора о несправедливом судебном разбирательстве основано на его заявлении о том, что состояние здоровья помешало ему представить должным образом его апелляцию. Комитет отмечает, что это утверждение было доведено до сведения судебных органов как во время слушания дела автора, так и во время рассмотрения его апелляции в Верховном суде и что суды отклонили данное утверждение автора, заслушав мнение медицинского эксперта. Комитет напоминает, что в принципе не Комитету, а судам государств-участников надлежит оценивать факты и доказательства по какому-либо конкретному делу, если только Комитет не установит, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равнозначна отказу в отправлении правосудия. Выдвинутые автором аргументы и представленные им материалы не являются достаточным, для целей приемлемости сообщения, обоснованием его утверждения о том,

что проведенная судом оценка состояния его здоровья была произвольной или равнозначной отказу в отправлении правосудия. Поэтому данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

5. Таким образом, Комитет по правам человека постановляет:

а) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола;

б) препроводить настоящее решение автору и, для информации, государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

М. Сообщение № 883/1999, Мансур против Нидерландов,
(Решение принято 5 ноября 1999 года, шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Г-ном Л.Э. Мансуром и г-ном Дж. Мансуром

(представлены д-ром Яном М. Шокроной и г-ном Джоном Х. ван дер Кюйпом)

Предполагаемая жертва: Авторы сообщения

Государство-участник: Нидерланды

Дата сообщения: 12 октября 1999 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 5 ноября 1999 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторами сообщения являются Луис Эмилио Мансур и Джосси Мехрен Мансур, граждане Нидерландов, постоянно проживающие на острове Аруба. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Королевством Нидерландов их прав по статьям 2 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах. Жертв представляют д-р Ян М. Шокрона (Гаага, Нидерланды) и г-н Джон Х. ван дер Кюйп (Ораньестад, Аруба).

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, Лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Максвелл Ялден.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы сообщения являются представителями предпринимательских кругов острова Аруба. В числе прочего Луис Эмилио Мансур является совладельцем судоходной компании, а Джосси Мехрен Мансур - владелец и главный редактор одной газеты и совладелец торговой компании.

2.2 В соответствии с Королевским декретом от 22 октября 1994 года временному руководителю службы безопасности Арубы А. Куртену было поручено провести расследование, связанное с обеспечением безопасности и целостности Арубы. Доклад о результатах этого расследования под названием "Безопасность и целостность Арубы: контекст и перспективы" был подготовлен 20 апреля 1995 года.

2.3 Этот доклад имел гриф "совершенно секретно" и был разослан ограниченному числу государственных должностных лиц и учреждений, поименованных в докладе.

2.4 В докладе описывается, как обстоят дела с безопасностью на острове Аруба, и упоминается, что иностранные службы, ведущие борьбу с преступностью в регионе, "практически единодушны в своем мнении относительно того, что практически сложившийся имидж деловых кругов Арубы – канал для коллективного обслуживания (по отмыванию денег) наркокартелей региона". Авторы сообщения упоминаются в этом докладе поименно и характеризуются как преступники, связанные с криминальными организациями, занимающимися торговлей наркотиками, оружием и отмыванием денег, получаемых преступным путем.

2.5 Несмотря на то что этот доклад имел гриф "совершенно секретно", произошла утечка информации в прессу и его содержание стало достоянием общественности. Кто допустил такую утечку, не ясно. Служба внутренней безопасности Нидерландов провела расследование обстоятельств утечки информации, в ходе которого предположительно было установлено, что попавшая к прессе копия доклада была сделана не с экземпляра, который имеется у министра по делам Нидерландских Антильских островов и острова Арубы или какого-либо иного должностного лица Нидерландов. В докладе о результатах расследования не говорится о том, с какого экземпляра была сделана эта копия.

2.6 Авторы утверждают, что обвинения в их адрес, содержащиеся в этом докладе, являются абсолютно необоснованными и что в результате обнаружения содержания доклада серьезно пострадала их репутация. Это причинило большой ущерб их деловым интересам. Они утверждают, что, допустив обнаружение содержания доклада,

государство-участник нарушило их права не подвергаться незаконным посягательствам на их честь и репутацию, которые гарантированы статьей 17 Пакта.

2.7 Авторы обратились к министру по делам Нидерландских Антильских островов и острова Аруба с просьбой дистанцироваться от этого доклада. Когда тот отказался, они подали ходатайство о возбуждении суммарного производства в суде первой инстанции Арубы. В ходе разбирательства они ходатайствовали о том, чтобы государство-участник, министр по делам Нидерландских Антильских островов и острова Аруба и временный руководитель службы безопасности Арубы публично заявили о том, что они не располагают сведениями о причастности авторов сообщения к отмыванию денег или мошенническим действиям.

2.8 Суд первой инстанции постановил, что он не компетентен рассматривать претензию к государству-участнику и что закон о государственной тайне дает основания для отказа в возбуждении иска против временного руководителя службы безопасности.

2.9 Авторы подали апелляцию на решение об отказе в возбуждении иска в Объединенный суд Нидерландских Антильских островов и острова Аруба. В отличие от суда первой инстанции этот судебный орган вынес заключение о том, что суды компетентны рассматривать претензии против государства-участника. Вместе с тем суд постановил, что авторы сообщения не доказали факт или вероятность того, что ответчики проявили небрежность, допустив обнародование содержания доклада, и что их нельзя считать ответственными за действия в нарушение статьи 17 Пакта.

2.10 Авторы сообщения не стали опротестовывать вышеуказанное решение в Верховный суд Нидерландов, поскольку один голландский адвокат, специализирующийся на кассационных делах, сообщил им, что у них нет оснований для подачи кассационной жалобы, по которой суд мог бы вынести решение в их пользу.

Претензии авторов

3.1 Авторы утверждают, что, не предотвратив обнародования касающейся их информации, которая содержалась в секретном докладе, государство-участник нарушило их права по статье 17 Пакта. Далее они утверждают, что директивы государства-участника относительно классификации секретной информации и выдвинутое судом в ходе суммарного разбирательства требование о том, чтобы авторы сообщения доказали факт небрежности, допущенной государством-участником, представляют собой нарушение обязанности государства-участника в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта обеспечить эффективное средство правовой защиты в связи с нарушением их прав по статье 17.

3.2 Авторы утверждают, что, подав ходатайство о возбуждении суммарного производства, они исчерпали внутренние средства правовой защиты. Вместе с тем они признают, что внутренним правом все же "предусматривается возможность использования обычной гражданской процедуры (в суде той же самой инстанции, где было принято отрицательное решение по ходатайству в порядке суммарного производства), однако использование этой процедуры занимает как минимум четыре-шесть лет (ввиду существующих возможностей апелляции и кассации)".

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

4.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о его приемлемости согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Из материалов, представленных авторами сообщения, становится ясно, что в рамках процедуры суммарного производства внутренние суды не могут рассматривать фактическую сторону утверждений авторов. Эти вопросы могут быть рассмотрены только в рамках обычной гражданской процедуры. Авторы признали, что они не прибегли к обычной гражданской процедуре против государства-участника с целью защитить себя от предполагаемых посягательств на их честь и репутацию в нарушение статьи 17 Пакта. В этих обстоятельствах Комитет не может согласиться с простым утверждением авторов о том, что применение внутренних средств правовой защиты неоправданно затянется. Таким образом, это сообщение является неприемлемым по пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

5. В этой связи Комитет по правам человека постановляет:

а) признать данное сообщение неприемлемым по пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола;

б) препроводить настоящее решение авторам сообщения и, для информации, государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

N. Сообщение № 891/1999, Тэмихир против Новой Зеландии
(Решение принято 15 марта 2000 года, шестьдесят восьмая сессия)*

Представлено: Г-ном Дэвидом Уэйном Тэмихиром

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Новая Зеландия

Дата сообщения: 20 ноября 1997 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 15 марта 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является новозеландский гражданин Дэвид Уэйн Тэмихир, 1953 года рождения. Он утверждает, что стал жертвой нарушения Новой Зеландией его прав, закрепленных в статьях 2, 14 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья.

Факты в изложении автора

2.1 В апреле 1989 года в Новой Зеландии были убиты два шведских туриста, а их вещи украдены. После того как этот случай стал предметом оперативного полицейского расследования и вызвал большой интерес общественности и средств массовой информации, главным подозреваемым стал автор. Хотя автор признался в краже автомобиля жертвы, он постоянно заявлял о своей непричастности к убийству. Разбирательство дела автора в суде присяжных началось в октябре 1990 года, а в декабре 1990 года суд присяжных признал автора виновным в убийстве и краже.

2.2 Автор обжаловал решение суда. Слушание его апелляции было запланировано на 21 августа 1991 года, и в порядке оказания правовой помощи были назначены два адвоката, которые представляли автора в ходе разбирательства, аргументируя его апелляцию. Незадолго до слушания дела главный адвокат предложил автору подписать письмо, в котором выражается согласие с тем, что его апелляция не имеет под собой никаких оснований. Когда автор отказался подписать это письмо, главный адвокат сообщил ему о своем решении не заниматься более делом автора. Апелляционный суд первоначально отклонил просьбу автора о назначении в порядке оказания правовой помощи нового адвоката для аргументирования его апелляции, но затем оставил этот вопрос открытым, позволив автору изложить причины, по которым он нуждается в такой правовой помощи. Перед рассмотрением апелляции были выявлены новые обстоятельства, и Апелляционный суд пересмотрел свое предшествующее решение, назначив для автора в рамках правовой помощи адвоката и медицинского эксперта. В мае 1992 года новый адвокат представлял в суде интересы подателя апелляции.

2.3 В своем принятом в мае 1992 года решении Апелляционный суд отклонил апелляцию, постановив, что автор не является жертвой судебной ошибки в соответствии со статьей 385 с) новозеландского Закона о преступлениях 1961 года. В 1994 году автору было отказано в праве подать апелляцию в Тайный совет.

2.4 В 1996 году стало известно о том, что один из трех тюремных осведомителей, давших показания против автора, отказался от своих показаний. С учетом этого и по просьбе автора один из членов парламента инициировал министерское расследование по данному делу. Материалы дела были переданы в независимый орган по рассмотрению жалоб на действия полиции, который провел свое расследование. После того, как расследование было начато, упомянутый осведомитель отозвал свой отказ от данных ранее показаний. Тем не менее орган по рассмотрению жалоб на действия полиции провел тщательное расследование, сделав вывод о том, что никаких противозаконных действий полиция не совершала. Как следствие, министр юстиции отклонил ходатайство

о продолжении расследования данного дела. Автор направил письма членам нескольких национальных политических партий, однако реакцией на эти письма было равнодушие или минимальный интерес. Автор утверждает, что он исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что были нарушены его права, закрепленные в статьях 2, 14 и 26 Пакта. Конкретно, он утверждает следующее:

а) показания трех "тайных" свидетелей предопределили ход уголовного разбирательства. Эти свидетели, которые содержались в тюрьме вместе с автором и выполняли функции информаторов полиции, заявили соответственно, что автор не признавался им в совершении убийства;

б) его право на справедливое судебное разбирательство было нарушено, когда в августе 1991 года Апелляционный суд отказался предоставить ему правовую помощь, которая позволила бы автору оплатить услуги нового адвоката и подготовиться для рассмотрения его апелляции;

с) как во время сбора полицией улик против автора, так и во время полицейского расследования были допущены нарушения, включая фабрикацию, по мнению автора, ложных и вводящих в заблуждение доказательств;

д) суды позволили обвинению представить доказательства, несмотря даже на то, что некоторые из них были сфабрикованы или не заслуживали доверия. Поэтому автор утверждает, что суды неправильно истолковали факты по его делу, в результате чего его необоснованно осудили за убийство.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете по правам человека

4.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 его правил процедуры, принять решение о том, является или нет данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Что касается утверждения автора о показаниях "тайных" свидетелей, то из представленных автором материалов явствует, что личность этих свидетелей была известна автору и его адвокату, а также присяжным. Единственной тайной в этом деле осталось постановление о запрещении оглашения личности свидетелей. В этих

обстоятельствах Комитет полагает, что автор не обосновал свое утверждение о том, что его права, закрепленные в пункте 1 статьи 14, были в данной связи нарушены.

4.3 Что касается утверждения автора о том, что ему было отказано в правовой помощи при рассмотрении его апелляции, то Комитет отмечает, что первоначальное решение об отказе оказать правовую помощь при рассмотрении апелляции было пересмотрено до даты, на которую было назначено такое рассмотрение, и что в Апелляционном суде автора представлял адвокат, услуги которого оплачивались в рамках оказания правовой помощи. Поэтому автор не обосновал свое утверждение о том, что его права, закрепленные в пункте 3 d) статьи 14, были нарушены.

4.4 Комитет отмечает, что представленные автором документы свидетельствуют о том, что национальные суды отклонили его заявления о допущенных полицией нарушениях и о ненадежности свидетелей, давших свои показания со стороны обвинения. Комитет ссылается на свои принятые ранее решения о том, что он не может рассматривать факты и доказательства, оцененные национальными судами, если не стало очевидным, что такая оценка была произвольной или равнозначной отказу в отправлении правосудия. Выдвинутые автором аргументы и представленные им материалы не обосновывают его утверждения о том, что судебным решениям были свойственны такие недостатки. Поэтому в том, что касается утверждений автора о нарушениях, допущенных полицией в ходе сбора доказательств, и о недостоверности представленных доказательств, данное сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

5. Таким образом, Комитет постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение автору и, для информации, государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

О. Сообщение № 934/2000, Г. против Канады
(Решение принято 17 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: Г-жой Г. (фамилия не указывается)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Канада

Дата сообщения: 29 декабря 1999 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 17 июля 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-жа Г., гражданка Канады, родившаяся 9 мая 1949 года. Она утверждает, что является жертвой нарушения Канадой статей 2, 14 (1), 17 (1) и 26 Пакта, заключающегося в дискриминации, связанной с ее страной происхождения, в которой она получила образование.

Представленные факты

2.1 Автор сообщает, что в 1976 году в университете Торонто она получила ученую степень доктора философии по специальности психология образования. Начиная с 1983 года факультет психологии университета провинции Альберта неоднократно принимал ее на работу в качестве временного преподавателя с неполным рабочим днем, однако ее систематически не допускали к участию в конкурсе на замещение постоянных

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н П. Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджусумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Абдалла Захья.

должностей, несмотря на то, что она является автором трех книг и множества статей в научных журналах и что ее преподавательская деятельность получила самую высокую оценку.

2.2 В июле 1993 года автор подала жалобу в отношении систематической дискриминации в Комиссию по правам человека провинции Альберта. 28 марта 1995 года Комиссия отклонила жалобу и отказалась передать ее на рассмотрение Комиссии по расследованию для проведения формального разбирательства на том основании, что в деле автора отсутствуют доказательства проявления к ней целенаправленной или систематической дискриминации. Суд королевской скамьи отклонил 5 июля 1996 года ходатайство о судебном рассмотрении и постановил, что жалоба автора не подпадает под юрисдикцию Комиссии, поскольку в ней указывается такая причина дискриминации, которая не упоминается непосредственно в законодательстве провинции Альберта по правам человека. Поскольку сторонам не удалось прийти к соглашению по вопросу об оплате судебных издержек, Суд в своем решении от 3 февраля 1997 года обязал автора оплатить судебные издержки.

2.3 После подачи апелляции Апелляционный суд принял решение о том, что в случае установления факта систематической дискриминации такой факт являлся бы только частью комплекса доказательств, которые могут подтвердить отрицательное воздействие дискриминации на подателя жалобы. Вновь ознакомившись с доказательствами, представленными Комиссии, Апелляционный суд решил, что этих доказательств недостаточно для того, чтобы они служили основанием для передачи дела на рассмотрение Комиссии по расследованию. Таким образом, Апелляционный суд не выразил никакого мнения относительно поставленных вопросов юрисдикции и отклонил апелляцию.

2.4 Автор утверждает, что она решила не обращаться в Верховный суд потому, что данное средство правовой защиты для нее практически недоступно вследствие отсутствия финансовых средств. Кроме того, она утверждает, что, даже если дело было бы решено в ее пользу, в результате оно было бы направлено обратно на рассмотрение Трибунала по правам человека провинции Альберта, члены которого являются сотрудниками Комиссии по правам человека провинции Альберта. Кроме того, такая процедура заняла бы очень много времени.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что она стала жертвой дискриминации на основании места получения ученой степени, поскольку канадские университеты, в том числе университет Альберты, предпочитают брать на работу преподавателей, получивших ученую степень в

одном из университетов США. Автор утверждает, что дискриминация на основании места получения образования, как правило, представляет собой отстранение определенных групп населения по признаку их места происхождения, поскольку основная часть людей проходит подготовку именно там. Она утверждает, что страна получения документов об образовании является личной характеристикой, в отношении которой дискриминация запрещена.

3.2 Далее, в своей жалобе автор указывает на ненадлежащее отношение к ее жалобе со стороны Комиссии по правам человека провинции Альберта, Суда и Апелляционного суда. В данном контексте она указывает на то, что были представлены достаточные доказательства prima facie систематической дискриминации, однако Комиссия по правам человека отказалась передать ее дело на рассмотрение Комиссии по расследованию. Кроме того, в своей жалобе она указывает, что Комиссия иначе сформулировала ее дело и заменила жалобу о систематической дискриминации на жалобу о дискриминации с неблагоприятным воздействием в отношении отдельного лица. Кроме того, она жалуется, что, отклонив ее ходатайство о судебном рассмотрении, Суд королевской скамьи лишил ее возможности получить судебное решение по своему делу. Она также оспаривает решение Суда возложить судебные издержки на университет, поскольку данное дело было возбуждено против Комиссии по правам человека Альберты и направлено на пересмотр ее решения, а не против университета (решения которого в соответствии с законодательством Канады не подлежат судебному контролю). В отношении рассмотрения ее жалобы Апелляционным судом Альберты автор указывает, что состоялось два заседания суда с различным составом присяжных и что в ходе первого слушания суд согласился, что ее жалоба все же подпадает под юрисдикцию Комиссии по правам человека. Однако, как утверждает автор, данное жюри присяжных было распущено без объяснения причин и после проведения нового слушания со вторым составом присяжных Суд отклонил апелляцию. Кроме того, она утверждает, что Апелляционный суд не применил соответствующее прецедентное право и что его толкование положений Закона о защите прав человека провинции Альберта не совместимо с Канадской хартией. Далее, она заявляет, что Апелляционный суд вышел за рамки своей юрисдикции, заменив решение Комиссии своим собственным решением, не определив вначале ее юрисдикцию. Автор заявляет, что конечным результатом всех этих действий стало то, что ее лишили всех судебно-правовых средств защиты, и решения по ее жалобе о систематической дискриминации так и не было вынесено.

3.3 Кроме того, автор заявляет, что все вышеупомянутое дискредитирует ее характер и репутацию. В этом контексте в своей жалобе она также указывает, что в ее личном деле в университете Альберты якобы находится клеветническое письмо, которое администрация университета соглашается изъять только в том случае, если она даст письменное согласие прекратить тяжбу.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

4.1 Прежде чем рассматривать какое-либо заявление, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен согласно правилу 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

4.2 Что касается заявления автора в соответствии со статьей 26, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что она подверглась дискриминации на основании страны, в которой она получила ученую степень. Комитет отмечает, что заявление автора о дискриминации было рассмотрено Апелляционным судом и что Суд пришел к заключению, что для установления факта дискриминации представленных доказательств недостаточно. По мнению Комитета, автор не представила достаточных доказательств, для целей приемлемости, того, что решение Суда было явно произвольным или может рассматриваться как отказ в правосудии. Таким образом, в задачи Комитета не входит повторная оценка фактов настоящего дела. Учитывая вышеизложенное, данная часть сообщения является в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола неприемлемой как несовместимая с положениями Пакта.

4.3 Комитет отмечает, что заявления автора в соответствии со статьей 14 Пакта относятся в основном к оценке фактов и доказательств, а также к толкованию внутригосударственного законодательства. Комитет напоминает, что оценкой фактов какого-либо конкретного дела и толкованием внутригосударственного законодательства должны заниматься в общем суды государств-участников, а не Комитет. Представленная Комитету информация и доводы автора не свидетельствуют о том, что оценка судами фактов и их толкование законодательства были явно произвольными или могут рассматриваться как отказ в правосудии. Следовательно, данное заявление является неприемлемым в соответствии со статьями 2 и 3 Факультативного протокола.

4.4 Относительно заявления автора о том, что Апелляционный суд вначале рассматривал ее апелляцию в одном составе и что первое жюри было впоследствии распущено, после чего было проведено новое слушание в другом составе, Комитет отмечает, что данное заявление автора является голословным утверждением и что автор ничего не сделала для того, чтобы исчерпать все внутригосударственные средства правовой защиты, относящиеся к ее иску. Следовательно, данное заявление является неприемлемым в соответствии со статьей 5 (2) b) Факультативного протокола.

4.5 Комитет считает, что автор не представила достаточных доказательств, для целей приемлемости, того, что она является жертвой нарушения статьи 17 Пакта. Кроме того,

было установлено, что автор не исчерпала всех внутригосударственных средств правовой защиты, относящихся к данному заявлению. Следовательно, данное заявление является неприемлемым в соответствии со статьями 2 и 5 (2) b) Факультативного протокола.

5. Комитет по правам человека постановляет:

a) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 2, 3 и 5 (2) b) Факультативного протокола;

b) препроводить настоящее решение автору и, для информации, государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Р. Сообщение № 936/2000, Терри Джиллан против Канады
(Решение принято 17 июля 2000 года, шестьдесят девятая сессия)*

Представлено: Г-ном Терри Джилланом (представлен адвокатом
г-ном Винсентом Т. Кальдерхедом)

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Канада

Дата сообщения: 9 декабря 1999 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 17 июля 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-н Терри Джиллан, гражданин Канады, родившийся 18 ноября 1980 года. Он заявляет, что является жертвой нарушения Канадой статьи 14 в совокупности со статьями 2 и 26 Пакта. Автора представляет г-н Винсент Томас Кальдерхед, адвокат из Галифакса.

Представленные факты

2.1 22 июня 1995 года полиция арестовала автора сообщения на основании, не имеющем отношения к данному делу, и в результате личного досмотра обнаружила у него шесть неоткрытых бутылок пива. По этому факту ему было предъявлено обвинение в незаконном хранении алкогольных напитков в нарушение статьи 78(2) Закона Новой

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н П.Н. Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджусумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Абдалла Захья.

Шотландии о контроле над алкогольными напитками¹². Его дело рассматривалось Судом для несовершеннолетних правонарушителей. Защита не оспорила предъявленные суду доказательства, однако выразила возражение в отношении соответствующей законодательной основы судебного преследования, которая нарушает право обвиняемого на презумпцию невиновности¹³. Судья, разбиравший дело в Суде для несовершеннолетних правонарушителей, отклонил доводы защиты, заявив, что в свете представленных суду доказательств ему нет необходимости ссылаться на относящиеся к средствам доказывания положения оспариваемого законодательства, так как даже без этих статей он может вынести автору сообщения обвинительный приговор.

2.2 22 января 1998 года Апелляционный суд отклонил апелляцию автора и постановил, что судья, слушавший его дело, не основывался на статьях 128 и 130(1) и что у него даже не было необходимости на них ссылаться. 13 августа 1998 года Верховный суд Канады отказал в выдаче разрешения на апелляцию. Учитывая это, было заявлено, что все доступные внутригосударственные средства правовой защиты были исчерпаны.

¹² Статья 78(2) гласит: "За исключением случаев, разрешенных настоящим Законом или подзаконными актами, ни одно лицо не имеет права производить, перевозить, хранить или иметь в своем распоряжении алкогольные напитки". Статья 89(1) Закона запрещает хранение алкогольных напитков любым лицом, не достигшим 19-летнего возраста. Вопрос о том, что автор сообщения в момент совершения правонарушения не достиг этого возраста, сомнений не вызывает.

¹³ Адвокат ссылается на статьи 128 и 130(1) Закона о контроле над алкогольными напитками, которые гласят:

"128. В том случае, если в ходе судебного преследования какого-либо лица, обвиненного в совершении правонарушения по настоящему Закону, заключающегося в продаже или хранении с целью продажи или передаче, хранении, владении, приобретении или получении алкогольных напитков, представлены доказательства *prima facie* того, что данное лицо действительно имело в своем распоряжении или ведении, или под своим контролем какие-либо алкогольные напитки, в отношении или по факту наличия которых это лицо преследуется в судебном порядке, то, если данное лицо не представит доказательств того, что оно не совершало правонарушения, в котором его обвиняют, оно может быть признано виновным в совершении этого правонарушения".

"130(1) Обязанность доказывания права на владение или хранение, продажу, передачу, приобретение или потребление алкогольных напитков лежит на лице, обвиняемом в ненадлежащем или противозаконном владении, хранении, продаже, передаче, приобретении или потреблении алкогольных напитков, вне зависимости от того, что в ходе судебного преследования были выявлены какие-либо доказательства в дополнение к доказательствам *prima facie*, о которых упоминается в статье 128".

Жалоба

3. Адвокат заявляет, что относящиеся к средствам доказывания положения Закона Новой Шотландии о контроле над алкогольными напитками нарушают статью 14(2) Пакта. Он утверждает, что недостатки законодательства дают возможность каждый год предъявлять обвинение в незаконном хранении алкогольных напитков тысячам жителей провинции Новая Шотландия. Адвокат заявляет, что большинство людей, против которых возбуждается судебное преследование в связи с правонарушениями на основании Закона о контроле над алкогольными напитками, принадлежит к социально уязвимым группам населения Канады.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

4.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 В основе представления адвоката лежит утверждение о том, что статьи 128 и 130(1) Закона Новой Шотландии о контроле над алкогольными напитками нарушают принцип презумпции невиновности и, следовательно, статью 14(2) Пакта. Комитет принимает к сведению представленную ему информацию, в которой указывается, что автор был осужден на основании того, что веских причин для сомнений в его виновности не существовало. При рассмотрении данного дела суды не основывались на статьях Закона о контроле над алкогольными напитками, которые пытается оспорить адвокат. С учетом этого Комитет приходит к заключению, что данное сообщение является неприемлемым с точки зрения статьи 1 Факультативного протокола, поскольку автор не может заявлять о том, что он является жертвой предполагаемого нарушения.

5. Комитет по правам человека постановляет:

a) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола;

b) препроводить настоящее решение автору и его адвокату и, для информации, государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

ПРИЛОЖЕНИЕ XI

РЕШЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, ОБЪЯВЛЯЮЩИЕ
СООБЩЕНИЯ ПРИЕМЛЕМЫМИ В СООТВЕТСТВИИ
С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ К МЕЖДУНАРОДНОМУ
ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

- A. Сообщение № 845/1999, Кеннеди против Тринидада и Тобаго
(решение принято 2 ноября 1999 года,
шестьдесят седьмая сессия)*

Представлено: Роле Кеннеди (представлен лондонской адвокатской конторой "Саймонс Мюрхед энд Бертон"

Предполагаемая жертва: Автор сообщения

Государство-участник: Тринидад и Тобаго

Дата сообщения: 7 декабря 1998 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

проведя заседание 2 ноября 1999 года,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Нисукэ Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сисилия Медина Кирога, г-н Фаусто Покар, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Макссуэлл Ялден. Тексты согласного особого мнения, подписанного одним членом Комитета, и несогласного особого мнения, подписанного четырьмя членами, содержатся в приложении к настоящему документу.

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является г-н Роле Кеннеди, гражданин Тринидада и Тобаго, ожидающий приведения в исполнение смертного приговора в государственной тюрьме Порт-оф-Спейна. Он считает себя жертвой нарушения Тринидадом и Тобаго пункта 3 статьи 2; пунктов 1, 2 и 4 статьи 6, статьи 7; пунктов 2 и 3 статьи 9; пункта 1 статьи 10; пунктов 1, 3 с) и 5 статьи 14; и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен лондонской адвокатской фирмой "Саймонс Мюрхед энд Бертон".

Факты в изложении автора:

2.1 3 февраля 1987 года во время ограбления автозаправочной станции владелец станции, Норрис Йорк, был тяжело ранен. На следующий день он скончался от полученных ран. Автор сообщения был арестован 4 февраля 1987 года. Ему и еще одному человеку по имени Уэйн Мэтьюс 9 февраля 1987 года были предъявлены обвинения в убийстве, а 10 февраля 1987 года его впервые доставили к судье. Суд, состоявшийся 14-16 ноября 1988 года, признал его виновным. Автор обжаловал обвинительный приговор, и 21 января 1992 года Апелляционный суд принял эту апелляцию к рассмотрению и распорядился провести новое судебное разбирательство, состоявшееся 15-29 октября 1993 года. На нем автор был вновь признан виновным и приговорен к смертной казни. Автор направил еще одну апелляцию, однако 26 января 1996 года Апелляционный суд отказался выдать разрешение на обжалование, препроводив мотивы такого решения 24 марта 1998 года. Последующее ходатайство автора в судебный комитет Тайного совета было отклонено 26 ноября 1998 года.

2.2 Согласно обвинению, вечером 3 февраля 1987 года потерпевший, Норрис Йорк, вместе с продавцом, г-жой Шанхи, находился в магазине при автозаправочной станции. Уже после закрытия, когда г-н Йорк занимался подсчетом дневной выручки, в магазин вошли двое: автор сообщения и г-н Мэтьюс. Согласно обвинению, автор потребовал у г-жи Шанхи кварту масла, но когда та, сходя за банкой, вернулась, она увидела, как автор сообщения, захватив в зажим голову г-на Йорка, приставил ему пистолет ко лбу. В этот момент г-н Мэтьюс, якобы крикнув автору, что г-н Йорк пытается достать пистолет, несколько раз с размаху ударил г-на Йорка по голове продолговатым деревянным предметом, а затем вышел из помещения. Г-н Йорк предложил нападавшим забрать выручку. После этого г-жа Шанхи по сигналу г-на Йорка метнула стакан в г-на Мэтьюса. Тогда автор перевел пистолет на нее, приказав ей не двигаться. Затем г-н Мэтьюс вновь с разбега ударил г-на Йорка по голове, отчего тот потерял сознание. Двое нападавших забрали выручку и скрылись на машине, принадлежавшей г-ну Йорку.

На следующий день г-н Йорк скончался от повреждений, полученных во время ограбления.

2.3 Адвокат утверждает, что для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола были исчерпаны все доступные внутренние средства правовой защиты. Хотя теоретически автор мог бы воспользоваться конституционным ходатайством, на практике такая возможность отсутствует из-за нежелания или неспособности государства-участника обеспечивать юридическую помощь для таких ходатайств, а также из-за того, что было бы очень сложно найти тринидадского адвоката, который был бы готов добросовестно представлять интересы заявителя конституционного ходатайства.

Жалоба

3.1 Автор считает себя жертвой нарушения пунктов 2 и 3 статьи 9, поскольку он был проинформирован о предъявленных ему обвинениях только через пять суток после ареста и был доставлен к магистрату через шесть суток после ареста. Адвокат ссылается на Пакт, согласно которому такого рода действия должны приниматься "в срочном порядке", и утверждает, что в данном случае упомянутые сроки не отвечают этому критерию. Ссылка также сделана на Замечание общего порядка Комитета по статье 9¹ и на юриспруденцию Комитета².

3.2 Автор считает себя жертвой нарушения пунктов 3 с) и 5 статьи 14 на основании неоправданных задержек судебного разбирательства по его делу. В этой связи адвокат обращает внимание на следующее: 1) с момента предъявления автору обвинения до начала первого судебного разбирательства по его делу прошел 21 месяц; 2) с момента постановления обвинительного приговора до заслушивания апелляции прошло 38 месяцев; 3) с момента принятия Апелляционным судом решения о принятии к производству апелляции до начала повторного судебного разбирательства прошел 21 месяц; 4) с момента постановления второго обвинительного приговора до заслушивания второй апелляции прошло 27 месяцев; и 5) с момента заслушивания второй апелляции до принятия мотивированного постановления Апелляционного суда

¹ HRI/GEN/1/Rev.3, 15 августа 1997 года, стр. 12 и далее.

² Сообщение № R.2/11, Мотта против Уругвая; сообщение № 257/1987, Келли против Ямайки; сообщение № 373/1989, Стивенс против Ямайки; Сообщение № 597/1994, Грант против Ямайки.

прошло 26 месяцев. По мнению адвоката, нет разумных объяснений тому, почему повторное судебное разбирательство было проведено через шесть лет после совершения преступления и почему Апелляционному суду понадобилось еще четыре года и четыре месяца для решения данного вопроса. Он утверждает, что государство-участник должно нести ответственность за эту задержку. В этой связи делается ссылка на юриспруденцию Комитета³.

3.3 Автор считает себя жертвой нарушений статей 6, 7 и пункта 1 статьи 14 по причине обязательности смертного приговора за тяжкое убийство в Тринидаде и Тобаго. Адвокат утверждает, что проводящееся во многих других странах общего права⁴ различие между убийством, караемым и не караемым смертной казнью, никогда не применялось в Тринидаде и Тобаго⁵. Утверждается, что строгость такого обязательного смертного наказания за убийство дополнительно усугубляется существованием в Тринидаде и Тобаго так называемой Нормы, касающейся убийства/фелонии, согласно которой лицо, совершающее фелонию с насильственными действиями, делает это на свой собственный риск и виновен в убийстве, если такое насилие, пусть даже непредумышленно, приводит к смерти потерпевшего. Применение Нормы об убийстве/фелонии, как утверждается, является дополнительной и тяжелой мерой для второстепенных сторон, которые могли участвовать в преступлении, не предполагая того, что данный акт грабежа может привести к причинению тяжких телесных повреждений или смерти.

3.4 Утверждается, что ввиду широкого разнообразия обстоятельств, при которых может быть совершено преступление убийства, огульное применение одного и того же наказания за каждую категорию убийства не удовлетворяет критерию соразмерности между

³ Сообщение № 336/1988, Филластр против Боливии; сообщение № 27/1978, Пинкни против Канады; сообщение № 283/1988, Литгл против Ямайки; сообщения № 210/1986 и 225/1987, Пратт и Морган против Ямайки; сообщение № 253/1987, Келли против Ямайки; сообщение № 523/1992, Нептун против Тринидада и Тобаго.

⁴ В этой связи делается ссылка на Закон Соединенного Королевства о наказании за убийство 1957 года, которая ограничивает применение смертной казни преступлением тяжкого убийства (убийство из огнестрельного оружия или путем взрыва, убийство при ограблении, убийство с целью избежания ареста или совершения побега, а также убийство полицейского или сотрудника тюрьмы при исполнении должностных обязанностей) во исполнение статьи 5 и совершением более чем одного убийства на основании статьи 6.

⁵ Однако в законодательстве Тринидада и Тобаго содержится положение о переквалификации преступления убийства на преступление непредумышленного убийства в случаях убийства, совершенного в ситуациях с ограниченной ответственностью или при спровоцированности.

фактическими обстоятельствами преступления и наказанием, превращаясь тем самым в жестокое и необычное наказание в нарушение статьи 7 Пакта. Аналогичным образом утверждается, что была нарушена статья 6, поскольку назначение смертного приговора вне зависимости от обстоятельств является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство, равно как и произвольным и несоразмерным наказанием, которое не может оправдывать лишение кого бы то ни было права на жизнь. Утверждается также, что был нарушен пункт 1 статьи 14, поскольку Конституция Тринидада и Тобаго не разрешает автору ссылаться на то, что приведение в исполнение назначенной ему смертной казни является неконституционным, будучи бесчеловечным или унижающим достоинство и жестоким обращением, и поскольку она не допускает права на судебное слушание или проведение судебного разбирательства по вопросу о том, должна ли смертная казнь назначаться или приводиться в исполнение за конкретное совершенное убийство.

3.5 Адвокат утверждает, что назначение смертной казни без учета смягчающих вину обстоятельств и предоставление возможности для ссылки на такие обстоятельства имеет особенно тяжкие последствия для дела автора, ибо согласно обстоятельствам его преступления он являлся второстепенным участником убийства и таким образом считался бы менее виновным. В этой связи адвокат ссылается на законопроект о правонарушениях против личности, который рассматривался, но так и не был принят тринидадским парламентом. Согласно адвокату, правонарушение автора явно подпадало бы под категорию преступлений, не караемых смертной казнью, если бы этот законопроект был принят.

3.6 Автор считает себя жертвой нарушения пунктов 2 и 4 статьи 6 на том основании, что государство-участник не предоставило ему возможность для справедливого рассмотрения прошения о помиловании. Адвокат утверждает, что в Тринидаде и Тобаго президент вправе отменить любой смертный приговор на основании статьи 87 Конституции, но он должен действовать на основе представления назначаемого им же самим министра, который, в свою очередь, должен действовать по представлению премьер-министра. В соответствии со статьей 88 Конституции должен быть создан Консультативный комитет по помилованиям под председательством назначенного министра. В соответствии со статьей 89 Конституции Консультативный комитет должен принимать во внимание некоторые материалы, такие, как отчет с судьи по делу, прежде чем выносить свои рекомендации. Адвокат утверждает, что на практике именно Консультативный комитет в Тринидаде и Тобаго является органом, который уполномочен отменять смертный приговор, и что он вправе устанавливать свою собственную процедуру, но при этом он не обязан обеспечивать справедливое слушание для осужденного или учитывать любые

другие процессуальные меры защиты просителя, такие, как право обращаться с письменными или устными ходатайствами или право ознакомиться с материалами, на основании которых Консультативный комитет будет принимать свое решение⁶.

3.7 Адвокат утверждает, что право просить о помиловании, предусмотренное пунктом 4 статьи 6 Пакта, необходимо толковать в качестве эффективного права, т.е. в соответствии с общими принципами оно должно истолковываться как реально действующее право, а не как сугубо теоретическое или умозрительное, а посему оно должно предусматривать следующие процессуальные гарантии для лица, просящего о помиловании:

- право быть уведомленным о дате рассмотрения дела Консультативным комитетом;
- право получить материалы, которые будут рассматриваться Консультативным комитетом на слушании;
- право обращаться накануне слушания с ходатайствами как общего порядка, так и по поводу материала, находящегося на рассмотрении Консультативного комитета;
- право на устное слушание в Консультативном комитете;
- право передавать в Консультативный комитет заключения и рекомендации любого международного органа, такого, как Комитет Организации Объединенных Наций по правам человека, и ждать того, что они будут им рассмотрены.

3.8 Что касается конкретного дела автора, то адвокат утверждает, что Консультативный комитет, возможно, собирался несколько раз для рассмотрения ходатайства автора без его ведома и вполне может решить собраться вновь, не уведомляя его об этом, не давая ему возможность делать представления от его имени и не предоставив ему материалы, которые будут при этом рассматриваться. По мнению адвоката, при этом возникает нарушение пункта 4 статьи 6, а также пункта 2 статьи 6, ибо Консультативный комитет не

⁶ Адвокат утверждает, что эти принципы были изложены Судебным комитетом тайного совета по делам *Reckley v. Minister of Public Safety (No. 2)* (1996) 2WLR 281 и *De Freitas v. Benny* (1976) A.C.

может принять обоснованное решение по поводу того, какие преступления являются "наиболее тяжкими" без предоставления заключенному возможности всесторонне участвовать в процессе принятия такого решения.

3.9 Автор считает себя жертвой нарушения статьи 7 и пункта 1 статьи 10, поскольку после его ареста 4 февраля 1987 года перед предъявлением ему обвинений и его доставкой к магистрату полицейские пытали и избивали его. Утверждается, что его неоднократно били и пытали, чтобы принудить его признаться в совершении преступления. В частности, автор говорит о том, что его ударили по голове дорожным знаком, его били по ребрам прикладом винтовки, какие-то полицейские неоднократно пинали его ногами, еще один поименованный полицейский ударил его кулаком по лицу, пугал его ядовитым скорпионом, грозился утопить и морил голодом. Автор заявляет о том, что он жаловался на побои и показывал кровоподтеки в суде 10 февраля 1987 года, после чего судья распорядился о том, чтобы его отвезли в больницу, но ему тем не менее не оказали медицинской помощи.

3.10 Автор считает себя жертвой нарушений статьи 7 и пункта 1 статьи 10 на том основании, что условия его содержания под стражей как до суда, так и после суда – в камере смертников – были ужасными. Утверждается, что во время пребывания под стражей до суда (21 месяц до первого судебного разбирательства и 21 месяц до второго судебного разбирательства) автор содержался в камере размером 6 x 9 футов вместе с 10 другими заключенными. Что же касается почти восьмилетнего пребывания в камере смертников, то в этой связи утверждается, что автор содержался в камере размером 6 x 9 футов, единственной обстановкой которой были стальная кровать, стол и скамья. В камере нет естественного освещения или канализации, а туалетом служит пластиковое ведро. Автор далее указывает, что его выводят из камеры на прогулку лишь раз в неделю, плохо и недостаточно кормят без учета необходимости для него специальной диеты. Несмотря на просьбы, его редко водят к врачу или дантисту. В этой связи сделаны ссылки на сообщения НПО об условиях содержания под стражей в Тринидаде и Тобаго, на опубликованную в одной из общенациональных газет статью генерального секретаря ассоциации работников тюрем и Стандартные минимальные правила обращения с заключенными Организации Объединенных Наций.

3.11 В дополнение к предполагаемому нарушению статей 7 и 10 пункта 1 вследствие ужасных условий содержания под стражей автор утверждает, что приведение в исполнение в этих обстоятельствах вынесенного ему смертного приговора привело бы к нарушению его прав на основании статей 6 и 7. В этой связи сделана ссылка на решение Судебного комитета Тайного совета по делу Пратт и Морган против генерального прокурора Ямайки (1994) 2 AC1, в которой тот постановил, что продолжительное содержание в камере смертников нарушило бы в указанном случае существующий в

Ямайке конституционный запрет на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Адвокат заявляет, что такая же аргументация может быть приведена в данном деле, в результате чего казнь после содержания под стражей в этих условиях должна быть противозаконной.

3.12 Наконец, автор считает себя жертвой нарушения пункта 3 статьи 2 и статьи 14 на том основании, что из-за отсутствия юридической помощи он де-факто лишен права на основании статьи 14 (1) Конституции Тринидада ходатайствовать в Высокий суд о защите от нарушения и его основополагающих прав. Утверждается, что стоимость возбуждения разбирательства в Высоком суде непомерно высока и автор, как, впрочем, и значительное большинство лиц, обвиненных в совершении преступлений, караемых смертной казнью, не может позволить себе воспользоваться этим средством защиты. В этой связи сделана ссылка на юриспруденцию Европейского суда по правам человека⁷ и юриспруденцию Комитета⁸.

3.13 По поводу оговорки государства-участника, выраженной при его повторном присоединении к Факультативному протоколу 26 мая 1998 года, автор утверждает что Комитет компетентен рассматривать настоящее сообщение, несмотря на тот факт, что оно касается "заключенного, которому вынесен смертный приговор, в отношении [...вопросов], относящихся к его судебному преследованию, его задержанию, суду над ним, его осуждению, приговору ему или приведения в исполнение назначенного ему смертного приговора".

3.14 Несмотря на то, что данная оговорка ставит своей целью исключить все сообщения в отношении смертных приговоров, направленные после 26 августа 1998 года, автор утверждает, что данная оговорка существенным образом ограничивает компетенцию Комитета на основании Факультативного протокола рассматривать сообщения, поскольку она имеет целью исключить возможность рассмотрения широкого круга дел, в том числе многих дел, которые содержали бы утверждения о нарушениях неотъемлемых прав. Утверждается, что по этой причине данная оговорка несовместима с объектом и целью Протокола, а посему является недействительной и не препятствует рассмотрению Комитетом данного сообщения.

⁷ Голдер против Соединенного Королевства (1975) A18 ; Эйри против Ирландии (1979) A32.

⁸ Сообщение № 377/1989, Карри против Ямайки.

3.15 В обоснование этой точки зрения адвокат приводит несколько доводов. Во-первых, адвокат утверждает, что в преамбуле к Факультативному протоколу, а также в его статьях 1 и 2 сказано, что Протокол наделяет Комитет компетенцией получать и рассматривать сообщения отдельных лиц, подлежащих юрисдикции государства-участника, которые считают себя жертвами нарушения государством-участником *любого из прав*, предусмотренных в Пакте. Таким образом, государство-участник Протокола, как утверждается, принимает на себя единое обязательство в отношении всех прав, перечисленных в Пакте, и не может путем оговорки исключить рассмотрение нарушения какого-либо отдельного права. В обоснование этого утверждения приводятся следующие доводы:

- Права, перечисленные в Пакте, включают в себя неотъемлемые права человека, имеющие статус *jus cogens*. Государство-участник не может ограничивать компетенцию Комитета рассматривать дела, затрагивающие права с этим статусом, и поэтому государство-участник не может, к примеру, ограничить возможность рассмотрения сообщений заключенных-смертников, касающихся применения к ним пыток.
- Комитет столкнется с большими трудностями, если он пойдет по пути рассмотрения сообщений только в отношении некоторых прав, поскольку многие сообщения неизбежно содержат утверждения о нарушении сразу нескольких статей Пакта.
- По своему подходу оговорка Тринидада и Тобаго беспрецедентна, и в любом случае отсутствует или крайне незначительна практика внесения оговорок *rationae personae* или *ratione materiae* в отношении Факультативного протокола.

3.16 Во-вторых, адвокат утверждает, что при определении того, соответствует ли оговорка объекту и цели Факультативного протокола, необходимо помнить о том, что государство не может выходить из Протокола с целью оградить себя от международного расследования в отношении материальных обязательств по Пакту. По сути дела, оговорка Тринидада и Тобаго направлена именно на это и соответственно разрешает совершение таких нарушений.

3.17 В-третьих, адвокат утверждает, что данная оговорка сомнительна по своему охвату, поскольку она исключает рассмотрение любых соответствующих сообщений, касающихся не только назначения смертного приговора как такового, но и любых возможных утверждений, прямо или косвенно связанных с данным делом лишь по причине того, что по нему был назначен в качестве наказания смертный приговор.

Представление государства-участника и комментарии по нему адвоката:

4.1 В своем представлении от 8 апреля 1999 года государство-участник ссылается на документ о своем присоединении к Факультативному протоколу от 26 мая 1998 года, который содержит следующую оговорку:

"...Тринидад и Тобаго вновь присоединяется к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах с Оговоркой к его статье 1, в соответствии с которой Комитет по правам человека не будет компетентен получать и рассматривать сообщения, относящиеся к любому заключенному, которому назначен смертный приговор, в отношении любого вопроса, относящегося к его судебному преследованию, его задержанию, суду над ним, его осуждению, приговору ему или приведению в исполнение вынесенного ему смертного приговора, и любого связанного с этим вопроса".

4.2 Государство-участник утверждает, что из-за этой оговорки и того обстоятельства, что автор сообщения является заключенным, которому вынесен смертный приговор, Комитет некомпетентен рассматривать настоящее сообщение. Утверждается, что, зарегистрировав сообщение и потребовав принятия временных мер защиты в соответствии с пунктом 86 Правил процедуры Комитета, Комитет превысил свою компетенцию, на основании чего государство-участник считает действия Комитета в отношении данного сообщения недействительными и не имеющими обязательной силы.

5. В своих комментариях от 23 апреля 1999 года адвокат утверждает, что заявление государства-участника относительно того, что Комитет по правам человека превысил свою компетенцию, зарегистрировав настоящее сообщение, является неправомерным как вопрос установленного международного права. Утверждается, что в соответствии с общим принципом, согласно которому орган, юрисдикцию которого затрагивает внесенная оговорка, сам решает вопрос о силе и действии такой оговорки, именно Комитет, а не государство-участник должен решать вопрос о действительности внесенной оговорки. В этой связи сделана ссылка на пункт 18⁹ Замечания общего порядка № 24 Комитета и на постановление Международного Суда от 4 декабря 1998 года по делу Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada).

⁹ HRI/GEN/1/Rev.3, 15 августа 1997 года, стр. 59.

Вопросы и процедуры, подлежащие рассмотрению Комитетом

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры должен решить вопрос о том, является ли оно допустимым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Правительство Тринидада и Тобаго 26 мая 1998 года денонсировало первый Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах. В тот же день оно вновь присоединилось к нему, включив в документ о своем повторном присоединении оговорку, изложенную в пункте 4.1 выше.

6.3 Объясняя причины таких своих действий, государство-участник ссылается на решение Судебного комитета Тайного совета по делу Пратта и Моргана против Генерального прокурора Ямайки¹⁰, по которому было заявлено, что "в любом случае, когда казнь подлежит исполнению более чем через пять лет после вынесения приговора, будут наличествовать веские основания полагать, что такого рода задержка представляет собой 'бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или другое наказание'" в нарушение статьи 17 ямайкинской Конституции. Следствием этого решения для Тринидада и Тобаго является то, что необычные задержки с приведением в исполнение смертного приговора противоречили бы пункту 2 b) статьи 5 Конституции Тринидада и Тобаго, в котором содержится положение, аналогичное положению статьи 17 ямайкинской Конституции. Государство-участник поясняет, что, поскольку решение Судебного комитета Тайного совета представляет собой конституционный стандарт для Тринидада и Тобаго, перед правительством стоит задача обеспечить ускорение апелляционного производства для исключения задержек в процессе, с тем чтобы смертные приговоры, назначенные в соответствии с законодательством Тринидада и Тобаго, могли приводиться в исполнение. Поэтому государство-участник решило денонсировать Факультативный протокол:

"В этих обстоятельствах, желая поддержать принцип своего внутреннего законодательства, согласно которому никто не должен подвергаться бесчеловечному и унижающему достоинство наказанию или обращению, и тем самым выполнить свои обязательства по статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, правительство Тринидада и Тобаго было вынуждено денонсировать Факультативный протокол. Однако прежде чем сделать это, оно провело 31 марта 1998 года консультации с председателем и президиумом Комитета по правам человека на предмет получения заверений в том, что дела о

¹⁰ 2 А.С. 1, 1994.

преступлениях, наказуемых смертной казнью, будут рассматриваться в оперативном порядке и закрываться в течение восемь месяцев с момента регистрации. По причинам, к которым с уважением относится правительство Тринидада и Тобаго, какие бы то ни было заверения насчет того, что такие дела будут завершаться рассмотрением в запрошенный срок, не могут быть предоставлены".

6.4 Как сказано в Замечании общего порядка № 24 Комитета, именно Комитет как договорный орган Международного пакта о гражданских и политических правах и факультативных протоколов к нему уполномочен интерпретировать и решать вопрос о действительности оговорок, внесенных к этим договорам. Комитет не согласен с утверждением государства-участника о том, что он превысил свою компетенцию, зарегистрировав сообщение и обратившись с просьбой о принятии временных мер на основании правила 86 правил процедуры. В этой связи Комитет заявляет, что не требует доказательства наличие у Комитета компетенции регистрировать сообщения для того, чтобы решить вопрос о том, является ли оно допустимым из-за наличия оговорки. Что же касается силы оговорки, если она является действительной, то, на первый взгляд, представляется – и автор не утверждает обратного, - что данная оговорка лишит Комитет компетенции рассматривать настоящее сообщение по существу. Поэтому Комитет обязан принять решение по вопросу о том, может ли на правомерных основаниях вноситься подобная оговорка.

6.5 Первым делом необходимо отметить, что в самом Факультативном протоколе не регламентируется вопрос о допустимости оговорок к его положениям. В соответствии со статьей 19 Венской конвенции о праве международных договоров и принципами обычного международного права оговорки могут вноситься, если они совместимы с объектом и целью соответствующего договора. Поэтому необходимо решить вопрос о том, можно ли считать данную оговорку государства-участника совместимой с объектом и целью Факультативного протокола.

6.6 В своем замечании общего порядка № 24 Комитет выразил мнение о том, что оговорка, нацеленная на исключение компетенции Комитета на основании Факультативного протокола в отношении некоторых положений Пакта, не может считаться удовлетворяющей этому критерию:

"Функция первого Факультативного протокола заключается в том, что он допускает рассмотрение Комитетом жалоб, касающихся этих прав [на основании Пакта]. Следовательно, оговорка к обязательству государства уважать и обеспечить какое-либо право, содержащееся в Пакте, сделанная на основании первого Факультативного протокола, если она не была сделана ранее в отношении тех же прав на основании Пакта, не влияет на обязанности государства соблюдать свое

основное обязательство. Оговорка к Пакту не может быть сделана через посредство Факультативного протокола, однако такая оговорка будет действенной в том плане, что она не будет позволять проверять в Комитете выполнение государством этого обязательства в соответствии с первым Факультативным протоколом. Поскольку объект и цель первого Факультативного протокола заключаются в том, чтобы дать возможность проверять в Комитете осуществление прав, которые государство обязано обеспечить в соответствии с Пактом, то оговорка, направленная на то, чтобы не допустить этого, *будет противоречить объекту и цели первого Факультативного протокола*, если не самого Пакта"³⁶ (курсив наш).

6.7 6.7 Данная оговорка, которая была внесена после обнаружения Замечания общего порядка № 24, не ставит целью исключить компетенцию Комитета на основании Факультативного протокола в отношении какого-либо конкретного положения Пакта, преследуя цель исключить такую компетенцию в отношении всего Пакта для одной конкретной группы заявителей, а именно заключенных-смертников. Однако это не делает ее совместимой с объектом и целью Факультативного протокола. Наоборот, Комитет не может принять оговорку, которая предусматривает для какой-либо отдельной группы лиц меньший объем процессуальной защиты по сравнению с той, которая обеспечивается для всего населения. По мнению Комитета, это положение носит дискриминационный характер, идя вразрез с некоторыми из основополагающих принципов, провозглашенных в Пакте и протоколах к нему, и по этой причине оговорка не может считаться совместимой с объектом и целью Факультативного протокола. Следовательно, ничто не мешает Комитету рассмотреть настоящее сообщение по Факультативному протоколу.

6.8 Комитет, отмечая, что государство-участник не оспаривает допустимость каких-либо утверждений автора на любых других основаниях, помимо своей оговорки, считает, что утверждения автора представляются достаточно обоснованными, чтобы быть рассмотренными по существу.

7. Поэтому Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать сообщение приемлемым,
- b) просить государство-участник в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола представить в Комитет в течение 6 месяцев с даты препровождения ему этого решения, письменные объяснения или заявления, разъясняющие данный вопрос и любые меры, которые могли быть приняты в этой связи;

³⁶ HRI/GEN/1/Rev.3, 15 августа 1997 года, стр. 57.

c) просить Генерального секретаря в соответствии с пунктом 3 правила 93 правил процедуры препроводить любые пояснения и заявления, полученные от государства-участника, автору сообщения с просьбой представить любые комментарии, которые он может пожелать сделать в Комитете по правам человека через Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, Отделение Организации Объединенных Наций в Женеве, в течение шести недель с даты их препровождения;

d) препроводить настоящее решение государству-участнику, автору сообщения и его представителям.

[Принято на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии также выпущено на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение Нисуке Андо, П. Н. Бхагвати, Экарта Кляйна
и Дэвида Крецмера

1. Мы согласны с тем, что Комитет компетентен зарегистрировать настоящее сообщение и обратиться с просьбой о временных мерах на основании правила Правил процедуры Комитета, с тем чтобы позволить Комитету рассмотреть вопрос о том, является ли сообщение неприемлемым в результате оговорки государства-участника к Факультативному протоколу. Однако мы не можем разделить мнение Комитета о том, что сообщение является приемлемым.
2. Признание государством - участником Пакта компетенции Комитета получать и рассматривать сообщения от отдельных лиц, подлежащих юрисдикции государства-участника, зависит исключительно от ратификации Факультативного протокола или присоединении к нему. В статье 1 Факультативного протокола прямо сказано, что ни одно сообщение не принимается Комитетом, если оно касается государства - участника Пакта, который не является участником Факультативного протокола.
3. Факультативный протокол является самостоятельным международным договором, который намеренно отделен от Пакта, с тем чтобы позволить государствам принять положения Пакта, не будучи обязанными давать согласие на компетенцию Комитета рассматривать сообщения отдельных лиц. В отличие от Пакта, который не содержит положений о денонсации, статья 12 Факультативного протокола прямо разрешает денонсировать Протокол. Само собой разумеется, денонсация Факультативного протокола не имеет никаких юридических последствий для обязательств государства-участника на основании самого Пакта.
4. В данном случае государство-участник осуществило свою прерогативу денонсировать Факультативный протокол. Вновь присоединившись к Факультативному протоколу, оно вновь подтвердило свое признание компетенции Комитета получать и рассматривать сообщения от отдельных лиц. Однако такой акт повторного присоединения был не безграничным. Он сопровождался оговоркой, с которой мы в данном случае и имеем дело.
5. Сам Факультативный протокол не регламентирует допустимости оговорок к своим положениям. В соответствии с правилами обычного международного права, которые отражены в статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров, оговорки могут делаться, если они совместимы с объектом и целью Факультативного протокола.

В силу этого ряд государств-участников выразили оговорки, согласно которым Комитет некомпетентен рассматривать сообщения, которые уже рассматриваются по другой процедуре международного расследования или урегулирования. Эти оговорки уважались настоящим Комитетом.

6. Объект и цель Факультативного протокола заключаются в том, чтобы служить достижению целей Пакта и осуществлению его положений, разрешив международное рассмотрение утверждений о том, что права какого-либо лица на основании Пакта были нарушены государством-участником. Действительно, целям и осуществлению Пакта наилучшим образом содействовало бы наличие у Комитета компетенции рассматривать любые утверждения отдельных лиц о нарушении их прав в соответствии с Пактом государствами - участниками Пакта. Однако принятие государством обязательства обеспечивать и защищать все права, предусмотренные в Пакте, не наделяет Комитет компетенцией рассматривать жалобы отдельных лиц. Такая компетенция приобретает лишь в том случае, если государство - участник Пакта также присоединяется к Факультативному протоколу. Если государство обладает свободой действий в плане признания или непризнания международного контрольного механизма, трудно понять, почему оно не должно обладать свободой действий в плане признания этого механизма только в отношении некоторых прав или ситуаций, если сам договор не исключает этой возможности. Едва ли в области прав человека разумно исходить из посылки "либо все, либо ничего".

7. Комитет придерживается мнения о том, что оговорка государства-участника в данном случае является неприемлемой, поскольку она вычлняет одну группу лиц, т.е. заключенных-смертников, предоставляя им меньший объем процессуальной защиты по сравнению со всем остальным населением. По логике Комитета это означает дискриминацию, которая противоречит некоторым основополагающим принципам, закрепленным в Пакте и протоколах к нему. Мы считаем этот довод неубедительным.

8. Само собой разумеется, государство-участник не может выражать оговорку, которая противоречит императивным нормам международного права. Так, например, какая-либо оговорка к Факультативному протоколу, влекущая дискриминацию между людьми по признаку расы, религии или пола, не может быть действительной. Однако это отнюдь не означает, что проведение любых различий между категориями потенциальных жертв нарушений государством-участником является недопустимым. Все зависит от самого такого различия и объективных причин, которыми оно вызвано.

9. Рассматривая вопросы дискриминации, запрещаемые статьей 26 Пакта, Комитет неоднократно заявлял, что не все различия между людьми влекут за собой дискриминацию. Мы не видим оснований, в силу которых такой же подход нельзя было

бы применить и в данном случае. Поскольку мы ведем речь об оговорке к Факультативному протоколу, а не к самому Пакту, мы должны вести речь не о том, должны ли существовать какие-либо различия в материальных правах лиц, приговоренных к смертной казни, и правах других лиц, о том, существуют ли какие-либо различия между *сообщениями*, представляемыми лицами, приговоренными к смертной казни, и сообщениями, подаваемыми всеми другими людьми. Комитет решил оставить в стороне этот аспект данного вопроса, который между тем и лежит в основе оговорки, выраженной государством-участником.

10. Основания для денонсации Факультативного протокола государством-участником изложены в пункте 6.3 мнений Комитета, и нет необходимости вновь воспроизводить их здесь. Ясно, что разница между сообщениями, подаваемыми лицами, приговоренными к смертной казни, и другими лицами, заключается в том, что они имеют различный результат. Из-за конституционных ограничений, существующих в государстве-участнике, один из фактов подачи сообщения лицом, приговоренным к смертной казни, может не позволить государству-участнику привести в исполнение поставленный приговор, *даже если будет установлено, что государство-участник соблюло свои обязательства в соответствии с Пактом*. Другими словами, результат сообщения не зависит от мнений Комитета, т.е. имеет ли место в данном случае какое-либо нарушение, и если да, какие меры рекомендуется принять для исправления положения: результат в данном случае зависит от самого факта подачи сообщения. Иным образом обстоит дело с любой другой категорией лиц, которые могут подавать сообщения.

11. Необходимо подчеркнуть, что, если бы конституционные ограничения, существующие в государстве-участнике, ставили его в положение, при котором оно нарушало бы какие-либо материальные права на основании Пакта, денонсация Факультативного протокола и последующее повторное присоединение к нему не были бы правомерной мерой, поскольку ее объект заключался бы в том, чтобы позволить государству-участнику и впредь безнаказанно нарушать Пакт. К счастью, мы имеем дело с иной ситуацией. Хотя Комитет придерживается иного мнения, чем Тайный совет (в деле, упомянутом в пункте 6.3 мнений Комитета), по вопросу о том, является ли отсрочка с приведением в исполнение смертного приговора сама по себе жестоким и бесчеловечным наказанием, государство-участник, которое разделяет это мнение Тайного совета, не нарушает своих обязательств по Пакту.

12. В свете вышеизложенного мы не видим оснований считать оговорку государства-участника несовместимой с объектом Факультативного протокола. Поскольку оговорка явно распространяется на данное сообщение (а этот факт не оспаривается автором), мы объявили бы данное сообщение неприемлемым.

13. С учетом нашего вывода о том, что данное сообщение является неприемлемым по изложенным выше причинам, нам нет необходимости решать дополнительный вопрос, возникающий в связи с мнениями Комитета: следствие недействительной оговорки. Однако учитывая важность этого вопроса и тот факт, что сам Комитет высказал мнение по нему, мы не можем обойти его стороной.

14. В пункте 6.7 своих мнений Комитет заявляет, что он считает, что оговорка не может считаться совместимой с объектом и целью Факультативного протокола. Придя к этому выводу, Комитет добавляет, что "следовательно, ничто не мешает Комитету рассмотреть настоящее сообщение по Факультативному протоколу". Он не дает мотивировки этого "следствия", которое отнюдь не самоочевидно. Учитывая отсутствие пояснения в самих мнениях Комитета, мы вынуждены исходить из того, что причины кроются в подходе, принятом Комитетом в его Замечании общего порядка № 24, которое касается оговорок к Пакту.

15. В Замечании общего порядка № 24 Комитет обсуждает факторы, которые делают оговорку несовместимой с объектом и целью Пакта. В пункте 18 Комитет рассматривает последствия несовместимой оговорки и заявляет:

"Последствие неприемлемой оговорки обычно не состоит в том, что Пакт вовсе не будет действовать для страны, сделавшей оговорку. Скорее такая оговорка будет отделимой в том смысле, что Пакт будет действовать для стороны, сделавшей оговорку, без действия самой оговорки".

Не секрет, что этот подход Комитета вызвал серьезные нарекания. Многие юристы-международники считают, что этот подход не соответствует основным принципам любого договорного режима, согласно которым договорные обязательства государства обусловлены согласием взять на себя эти обязательства. Если оговорка несовместима с объектом и целью договора, утверждают критики, выразившее оговорку государство не становится участником договора до тех пор, пока оно не отзовет эту оговорку. По мнению критиков, нет каких-либо оснований отходить от общих принципов договорного права применительно к оговоркам к Пакту.

16. Мы не собираемся в контексте данного дела заново открывать полемику вокруг общего вопроса, рассмотренного в Замечании общего порядка № 24. Достаточно сказать, что даже при рассмотрении оговорок к самому Пакту Комитет не во всех случаях считал, что неприемлемая оговорка должна оставаться в стороне, в результате чего выразившее оговорку государство становится стороной Пакта, как бы не имея этой оговорки. Как явствует из процитированного выше пункта Замечания общего порядка № 24, Комитет лишь указал, что так дело обстояло бы *обычно*. Обычная посылка заключается в том, что

ратификация или присоединение не зависят от приемлемости оговорки и что неприемлемость оговорки не лишает силы согласие выразившего оговорку государства быть стороной Пакта. Однако эта посылка не может применяться, когда и без того абсолютно ясно, что согласие выразившего оговорку государства на участие в Пакте, *зависит от приемлемости данной оговорки*. То же самое касается и оговорок к Факультативному протоколу.

17. Как поясняется в пункта 6.2 мнений Комитета от 26 мая 1998 года, государство-участник денонсировало Факультативный протокол и незамедлительно вновь присоединилось к нему с оговоркой. Оно также объяснило, почему оно не может признать компетенцию Комитета рассматривать сообщения от лиц, приговоренных к смертной казни. В этих конкретных обстоятельствах совершенно ясно, что Тринидад и Тобаго не готовы быть участником Факультативного протокола без этой конкретной оговорки и что повторное присоединение к Протоколу зависело от приемлемости данной оговорки. Из этого следует, что если мы согласимся с мнением Комитета о том, что данная оговорка является недействительной, то нам необходимо считать, что Тринидад и Тобаго не являются участником Факультативного протокола. В результате, сообщение, разумеется, было бы недопустимым.

18. В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что мы разделяем мнение Комитета о том, что поданная государством-участником оговорка представляется нежелательной. Мы также считаем, что эта оговорка имеет более широкий охват, чем это было бы необходимо для учета конституционных ограничений в государстве-участнике, поскольку она исключает сообщения от лиц, приговоренных к смертной казни, даже если срок, установленный Тайным советом, уже был превышен (как дело обстоит бы в данном случае). Как известно, что после денонсации Протокола государством-участником и повторного присоединения к нему Тайный совет принял новые решения, в силу которых какая-либо необходимость в этой оговорке могла отпасть. Все эти факторы не затрагивают вопроса о совместимости оговорки с объектом и целью Факультативного протокола. Однако мы хотели бы выразить надежду на то, что государство-участник вновь рассмотрит вопрос о необходимости данной оговорки и снимет ее. Мы также констатируем очевидное: приемлемость оговорки никоим образом не затрагивает обязанность государства-участника выполнять все свои материальные обязательства по Пакту. Предусмотренные Пактом права лиц, приговоренных к смертной казни, должны гарантироваться и защищаться во всех обстоятельствах.

[Составлено на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое (согласное) мнение члена Комитета Луиса Хенкина

Я согласен с результатом.

(подпись) Луис Хенкин

[Составлено на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии выпущено также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

ПРИЛОЖЕНИЕ XII

Резюме заявления Верховного комиссара

Развитие договорной системы и более глубокое понимание людьми своих прав привели к тому, что перед органами по наблюдению за осуществлением договоров, в особенности перед Комитетом по правам человека (КПЧ), встали более серьезные задачи. Уделение особого внимания универсальной ратификации, о которой Генеральный секретарь говорил на "Саммите тысячелетия", способно лишь повысить насущность этой задачи и потребует тщательного пересмотра государствами-участниками вопросов, касающихся ресурсов.

Первое ежегодное обращение Верховного комиссара в январе 2000 года положило начало проведению всеобъемлющей двухгодичной программы по улучшению обслуживания всей системы наблюдения за осуществлением договоров. Одним из ключевых компонентов является повышение потенциала УВКПЧ по рассмотрению индивидуальных жалоб на нарушения прав человека. Комитет с удовлетворением узнал о готовящемся создании в рамках Сектора вспомогательного обслуживания группы по сообщениям, которая занималась бы процедурами рассмотрения индивидуальных сообщений в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, Конвенцией против пыток и Конвенцией о ликвидации расовой дискриминации. В настоящее время ведется набор персонала для оказания дополнительной поддержки этой группе, одна из главных задач которой будет заключаться в рассмотрении накопившихся в КПЧ сообщений, а также в изучении сообщений, получаемых другими договорными органами.

Общая цель состоит в повышении эффективности, координации работы, совместном использовании конкретных правовых и лингвистических знаний и в создании системы сравнительного анализа правовой практики договорных органов. Процесс набора персонала для оказания дополнительной поддержки уже начат: родным языком кандидата должен быть французский, он должен также владеть русским языком и быть специалистом в области общего права.

Новая структура должна обеспечивать надлежащую координацию между деятельностью Комитета по рассмотрению докладов в форме его заключительных замечаний и его соображениями, принимаемыми по итогам рассмотрения сообщений: между двумя этими функциями должна существовать тесная взаимосвязь и плодотворное взаимодействие, а также должны вырабатываться замечания общего порядка и предусматриваться необходимые дальнейшие меры.